

92
64

3670

ИСТОРИЯ

СВЯТАГО ГРАДА

ИЕРУСАЛИМА,

ОТЪ ВРЕМЕНЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ И ДО НАШИХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(И. И. Суворовъ)

С. П. Б.

Въ типографіи III. отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1844.

ИСТОРИИ

ИЕРУСАЛИМА

Римъ, умолять Папу, о защитѣ противъ сильнаго Малекъ Шаха и возраставшей силы Сельджукидовъ. Но хотя Григорій и писалъ ему въ отвѣтной грамотѣ, что пятьдесятъ тысячъ воиновъ, подъ его личнымъ предводительствомъ, готовы выступить на помощь Христіанамъ восточнымъ; хотя и возбуждалъ, окружными посланіями, властителей Европы къ освобожденію Св. мѣстъ, и посылалъ туда на покаяніе великихъ преступниковъ, однако голосъ мощнаго Папы остался безъ дѣйтельнаго отголоска, посреди долголѣтней борьбы его, съ Императоромъ Римскимъ Генрихомъ IV; онъ только посѣялъ сѣмена, въ свое время произрастившія плодъ. Викторъ III, его преемникъ, дѣйствуя въ его духъ, звалъ также Западъ къ освобожденію Востока, и могъ только подвигнуть поморскіе герцога Италіи, вооружить свои флоты, для бесполезныхъ высадокъ на берега Сиріи.

Дѣло сіе предстояло Папѣ Урбану II, котораго мощное слово двинуло всѣ народы Запада къ Востоку, и тогда началась новая воинственная эпоха для Иерусалима, измѣнившая на два столѣтія лице всей Палестины, и донинѣ оставившая глубокіе слѣды свои на Востокъ. Новая стихія западная, племя Франковъ, примѣшалось къ стихіи Арабской и Турецкой, уже заглушавшей первобытную образованную стихію міра Греческаго, который столь благодатно процвѣлъ въ обновленной Христіанствомъ Св. землѣ. Въ теченіе двухъ вѣковъ, непрерыванныя кровопролитія Франковъ и Турковъ, милліонами труповъ усыпали всѣ пути Сиріи, и хотя,

отъ сего страшнаго столкновенія Запада съ Востокомъ, возникло въ послѣдствіи просвѣщеніе въ Европѣ, не много пользы принесло оно бѣдствующей Палестинѣ, надъ которою еще болѣе отяготилось иго Магометанское, по удаленіи Франковъ; а между тѣмъ истребилось постепенно сокровище обитателей пустынныхъ, подъ превозмогавшимъ вліяніемъ первосвященниковъ Западныхъ, и остатки учености духовной, которою славились еще лавры Св. Саввы и Θεодосія, Евѣимія и Харитонія, подъ игомъ Арабскимъ, исчезли совершенно, когда, послѣ бурнаго прилива и отлива волкъ западныхъ, осталась только одна горькая пѣна, столѣтняго ихъ владычества въ Св. градѣ и двухвѣковаго въ Св. землѣ.

Уже проповѣдь Петра пустытника огласилась по всему Западу, когда явились въ Римъ посланники отъ новаго Императора Греческаго, Алексія Комнина, умолявшаго опять о защитѣ противъ Турокъ; одно ихъ племя, подъ предводительствомъ Султана, водворилось въ древней Никее и угрожало Царьграду. — Урбанъ II, созвалъ соборъ въ Плацентіи, на коемъ предстали и посланные Комнина; но собственныя неустройства Запада такъ озаботили отцевъ собора, что не дали имъ времени заняться дѣлами Востока. Въ Клермонтѣ, посреди родственной ему Франціи, надѣялся Урбанъ на большіе успѣхи, и нашелъ себя отголосокъ, когда самъ, послѣ жалостнаго описанія бѣдствій Св. земли, пустынникомъ Петромъ, краснорѣчиво возгласилъ

сь кафедры, въ слухъ собранныхъ вокругъ него тысячъ, всякаго званія и рода :

«Вы слышали изъ устъ очевидца, вы внимали посланіямъ Христіанъ Восточныхъ ; онъ расказалъ вамъ бѣдственную участь народа Божія и града Царя царей, отколъ истекло и на васъ чистое преданіе истинной вѣры! — Дивный гробъ, побѣдившій самую смерть, гробъ сей, источникъ будущей жизни, надъ коимъ востекло солнце воскресенія, поруганъ тѣми, которые сами воскреснутъ только для вѣчнаго огня! — Торжествующее нечестіе распространило мракъ свой на весь Востокъ; Антиохія, Ефесъ, Никея уже въ рукахъ Магометанъ, съ береговъ Геллеспонта, угрожающихъ Христіанскому міру ; если самъ Богъ ихъ не удержитъ, вооруженіемъ собственныхъ чадъ своихъ, кто затворитъ предъ ними двери Запада? — Посреди столькихъ золь, когда и самый храмъ Господень посрамленъ былъ невѣрными, кто бы могъ удержать, въ ихъ опустошенныхъ жилищахъ, блюстителей Голговы, согражданъ Богочеловѣка, если бы не страннопріимная любовь къ посятителямъ Св. мѣсть? если бы не страхъ оставить безъ богослуженія, безъ алтарей и священниковъ землю, еще всю обогренную кровію Іисуса Христа? Горько намъ, братія и чада, что мы дожили до сихъ бѣдственныхъ временъ! для того ли явились мы на свѣтъ, въ сей отверженный вѣкъ, чтобы видѣть опустошеніе Св. града и пребывать въ мирѣ, когда видимъ его въ рукахъ враговъ Божіихъ? Не лучше ли пасть въ битвѣ, нежели терпѣть долѣе столь

ужасное зрѣлище? Восплачемъ вмѣстѣ о грѣхахъ нашихъ, вооружившихъ на насъ небесный гнѣвъ! восплачемъ, но слезы наши да не будутъ какъ сѣмя, посеянное на песокъ; нѣтъ, да возгорится пламя священной войны, огнемъ нашего покаянія, и любовь къ братіямъ нашимъ да будетъ крѣпче самой смерти, въ борьбѣ нашей противу ихъ враговъ!»

«Воины, внимлющіе словамъ моимъ, вы, непрестанно ищущіе предлога къ суетной брани между собою, радуйтесь, ибо вотъ причина войны законной! — Настало время показать, истинно ли ваше мужество; настало время искупить столько насилій, во дни мира, столько побѣдъ, оскверненныхъ неправдою! Вы, столь часто бывшіе ужасомъ своихъ согражданъ и продававшіе за постыдную мзду руки ваши, для чуждой мести, нѣмнѣ вооруженные мечемъ Маккавеевъ, идите защитить домъ Израилевъ, виноградникъ Господа силъ. Дѣло не объ отмщеніи обидъ челоуѣку, но обидъ, нанесенныхъ Богу, не о приступѣ города или замка, но о завоеваніи Св. мѣсть! — Если побѣдите, благословенія небесныя и царства Азіійскія будутъ вашимъ удѣломъ; если же падете, будете имѣть славу умереть на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и Господь вашъ Іисусъ Христосъ, и не забудетъ васъ Богъ, видѣвшій васъ въ святой своей дружинѣ! Да не удержатъ васъ, въ домахъ вашихъ, житейскія чувства, малодушныя связи! воины живаго Бога, внимлите только воздыханіямъ Сіонскимъ! разорвите всѣ узы земныя и помните слово Господне:

кто любить отца своего и мать паче меня, тотъ не достоинъ меня! — и всякой, кто оставитъ домъ свой, или отца, или мать, или жену, или чадъ, или наслѣдіе, имени моего ради, восприметъ сторицею и наслѣдуетъ животъ вѣчный!»

Рѣчь Урбана, глубоко проникнутая духомъ, и самыми обстоятельствами того воинственнаго вѣка, воспламенила сердца всѣхъ, ибо въ каждомъ нашла себѣ вѣрный отголосокъ! — Внезапно поднялся весь сонмъ на зовъ пастыря, и единодушно воскликнулъ: «такъ хочетъ Богъ! такъ хочетъ Богъ!» — «Кличь сей да будетъ вашимъ ратнымъ кличемъ, и да возвѣститъ повсюду присутствіе Господа силъ!» сказалъ Урбанъ, возшумѣвшей толпѣ, и поднимавъ знаменіе креста, произнесъ: «самъ Иисусъ Христосъ исходитъ изъ гроба и предлагаетъ вамъ крестъ свой! крестъ сей да будетъ знаменіемъ народовъ, соединяющій разсыянные племена Израилевы! носите его на груди и на плечахъ, на щитахъ и хоругвяхъ; онъ будетъ для васъ залогомъ побѣдъ или пальмою мученичества, непрестанно напоминая вамъ, что Христосъ за васъ умеръ, и что вы должны также за него умереть.»

Вслѣдъ за сильною рѣчію Папы, объявлено было всенародное отпущеніе грѣховъ кающимся витязямъ креста; и первый Адемаръ, Епископъ, бывший въ послѣдствіи викаріемъ папскимъ въ крестовыхъ дружинахъ, принялъ на себя крестъ, изъ рукъ самаго Урбана; за нимъ Епископы, Князья и рыцари, въ такомъ множествѣ, что не достало мантии святительской, для дѣланія изъ нее крестовъ

на грудь воителей, готовыхъ устремиться въ Палестину. Самъ Папа, Императоръ Римскій и Король Французскій, не могли стать во главѣ крестоносцевъ, по внутреннимъ смятеніямъ областей своихъ, хотя и объявленъ былъ повсемѣстно миръ Божій, ограждавшій, хотя въ нѣкоторые дни недѣли, безопасность гражданъ и путниковъ, отъ насилія безначальныхъ воиновъ того жестокаго времени. Но другіе именитые Князья поднялись для освобожденія Св. земли, и вся Европа пришла въ волненіе, послѣ собора Клермонтскаго; ибо всякаго плѣняла надежда добычи и побѣдъ, служившая вмѣстѣ и удовлетвореніемъ за тяжкіе грѣхи, и цѣлымъ полчища всякаго возраста, званія и пола, двинулись, не зная сами куда, спрашивая только: «гдѣ Иерусалимъ?»

Изумительно и вмѣстѣ странно было сіе зрѣлище, всей почти Европы, внезапно умиротворившейся для вѣншей брани, и возставшей, какъ одинъ человекъ, при единодушномъ воплѣ: «такъ хочетъ Богъ!» — Сильные земли продавали или поручали церквамъ свое достояніе и брали мечъ; пастыри проповѣдывали миръ внутренній и вѣншую брань; ремесленники, земледѣльцы бросали свои художества и плуги и стремились на Востокъ; слабыя жены, малыя дѣти шли впереди полковъ, и каждый городъ казался имъ Иерусалимомъ, по совершенному незнанію мѣстъ. Это было обратное движеніе, съ Запада на Востокъ, народовъ, наводившихъ нѣкогда Римскій міръ съ Востока на Западъ; но жестокія кровопролитія ознаменовали сіе необъят-

ное движеніе, и Евреи, какъ ближайшіе враги имени Христова, тысячами погибали, когда еще не достигло оружіе крестоносцевъ до враговъ отдаленныхъ.

Доколь Князья и бароны готовились выступить, съ своими избранными дружинами, первый поднялся съ стотысячною нестройною толпою, всякаго званія, самъ пустынный Петръ, возмечтавшій, что двигатель столькихъ милліоновъ можетъ быть и вождемъ ихъ! — Вальтеръ неимушій, такъ прозванный по своему убожеству, начальствовалъ передовымъ отрядомъ, и взошедши въ предѣлы Болгаріи, вздумалъ состязаться съ жителями, которыхъ раздражилъ беспорядками своихъ полчищъ. Въ уменьшенномъ числѣ достигъ онъ до стѣнъ Царьграда, куда, въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, привелъ остатки бѣдствующихъ своихъ послѣдователей и пустынный Петръ, разорявшій также на пути, области Венгровъ и Болгаровъ, въ отмщеніе за уронъ своихъ предшественниковъ. Больше двухъ третей сего многочисленнаго войска погибло, и слабые остатки были приняты дружелюбно Императоромъ Алексіемъ Комнинымъ. И третій отрядъ священника Нѣмецкаго Готшалка, подвергся той же участи, отъ тѣхъ же беспорядковъ, въ долинахъ Венгріи. Когда непрестанно умножавшееся число крестоносцевъ стало дѣлаться опаснымъ и тягостнымъ, для окрестностей столицы Греческой, Императоръ убѣдилъ пустынного Петра, переправить свои дружины на берегъ Азіійскій, и тамъ они все погибли, въ жестокомъ сраженіи противъ Тур-

ковъ, которымъ легко было одолѣть нестройную толпу, изнемогавшую отъ голода и болѣзни. Такъ погибли первые крестоносцы, въ числѣ трехсотъ тысячъ оставившіе родную страну свою. — Проповѣдникъ бѣдственнаго похода, возвратился со стыдомъ въ Царьградъ, ожидать пришествія новыхъ крестовыхъ дружинъ, уже болѣе устроенныхъ, ибо ими начальствовали могущественные князья, графы и бароны западныхъ державъ; но съ тѣхъ поръ, онъ не имѣлъ вліянія на дальнѣйшій успѣхъ крестоносцевъ.

Готфредъ Буліонскій, Герцогъ Лотарингіи, происходившій по женскому колѣну отъ Карла великаго, стоитъ во главѣ крестовыхъ дружинъ, какъ самое свѣтлое лице тѣхъ временъ, прославленное въ лѣтописяхъ и въ пѣсняхъ; ибо онъ по истинѣ былъ образцемъ мужества и всѣхъ доблестей рыцарскихъ своего вѣка. Готфредъ выступилъ въ походъ, съ пятидесятью тысячами войска, два мѣсяца спустя послѣ собора Клермонтскаго, въ сопровожденіи двухъ родныхъ братьевъ Евстаѳія и Балдуина, и двоюроднаго, Балдуина Бургскаго: (два послѣдніе должны были ему наследовать на престолъ Іерусалимскомъ). Вслѣдъ за нимъ двинулось все благородное рыцарство Франціи и Германіи, прославившееся въ битвахъ; путь его не былъ ознаменованъ, беспорядками первыхъ полчищъ, и Король Венгерскій Коломанъ, равно какъ и Болгары, открыли ему свободный проходъ къ Царьграду. Хотя самъ Король Франціи Филиппъ, будучи внѣ общенія церковнаго, не могъ участвовать въ брани

крестовой; но братъ его Гуговъ великій, Герцогъ Вермандійскій, устремился за Готфредомъ, съ лучшимъ цвѣтомъ рыцарей своей родины. Ему послѣдовали и два славные Роберта, одинъ Герцогъ Нормандіи, сынъ завоевателя Англіи Вильгельма, другой владѣтельный Графъ Фландріи, и Стефанъ, Графъ Шартрскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ владѣтелей своего времени. Папа Урбанъ благословилъ самъ дружины сіи, которыя отчасти проходили чрезъ Италію, чтобы морскимъ путемъ достигнуть Востока. Шествіе ихъ возбудило ревность другой отрасли выходцевъ Нормандскихъ, завоевавшихъ югъ Италіи: Князь Тарента, хитрый Боемундъ, непрестанно воевавшій съ Императоромъ Греческимъ, рѣшился на время оставить брань сію, для брани крестовой, и повлекъ за собою до тридцати тысячъ воиновъ, съ витязями Италіи, между коими всѣхъ блистательнѣе былъ двоюродный братъ его Танкредъ, краса рыцарства.

Еще одинъ сильный владѣтель поднялся изъ южной Франціи, съ стотысячнымъ войскомъ, уже испытанный въ битвахъ противъ Мавровъ Испанскихъ, Раймундъ, Графъ Тулузскій, другъ Епископа Адемара, бывшаго душою перваго крестоваго похода, въ качествѣ легата папскаго. Раймунду, подобно какъ Боемунду, Балдуиу и Готфреду, предназначено было навсегда оставить свое отечество, чтобы основать въ Сиріи новыя державныя княжества, которыя болѣе ста лѣтъ отражали нападенія Сарацинскія. Путь Раймунда лежалъ чрезъ Ломбардію и Адриатическое поморіе къ Царьграду;

подъ стѣнами его собралось все воинство крестonosцевъ, враждебное Грекамъ, которые имѣли съ ними частыя стычки, въ продолженіе разновременныхъ походовъ различныхъ дружинъ. Уже Императоръ Алексій Комнинъ самъ не радъ былъ призваннымъ имъ пришельцамъ Запада, ибо они опустошали его предѣлы, и старался скорѣе сбить ихъ въ Анатолію, какъ и первыя полчища. Но умный Государь, поражая ихъ блескомъ царскаго двора своего и великолѣпіемъ древней столицы, всѣми средствами домогался сдѣлать ихъ своими вассалами, чтобы пріобрѣсть плоды будущихъ завоеваній, и вынудилъ постепенно присягу въ вѣрности отъ Готфреда, имъ усыновленнаго, Боемунда, Гугона, Раймунда и другихъ могущественныхъ властителей. Сто тысячъ всадниковъ и болѣе шестисотъ тысячъ пѣшихъ переплыли Босфоръ, подъ предводительствомъ различныхъ вождей, и ополчились предъ стѣнами Никеи.

Завоеваніе сего древняго города, знаменитаго по двумъ вселенскимъ соборамъ, было первымъ подвигомъ соединенныхъ дружинъ крестonosцевъ, которые жаждали отмстить Туркамъ, за истребленіе на тѣхъ же мѣстахъ перваго отряда Петра пустычника. Напрасно надъялся потомокъ Малекъ Шаха, Султанъ Килькъ Арсланъ (львиный мечъ) на крепость своихъ трехсотъ шестидесяти башенъ и на силу племени Турецкаго, одолѣвшаго Грековъ и начатки пришельцевъ Западныхъ. Послѣ многихъ кровопролитныхъ вылазокъ и приступовъ, онъ предпочелъ сдать городъ Императору, и встрѣтивъ еще

однажды крестоносцевъ, въ жестокой битвѣ близъ Дорилей, уже болѣе не беспокоилъ на пути, опустошая только предъ ними селенія и поля Малой Азіи. Голодъ и болѣзни, болѣе чѣмъ оружіе враговъ, истребляли дружины, медленно подвигавшіяся къ Востоку, по совершенно неизвѣстнымъ для нихъ дорогамъ; междуусобіе возникло въ передовомъ отрядѣ, между братомъ Готфреда Балдуиномъ и Танкредомъ, по случаю завоеванія приморскаго Тарса. — Далѣе Балдуинъ измѣнилъ долгу крестоносца и, оставивъ священную цѣль Іерусалима, для болѣе легкаго завоеванія Едессы, утвердился на новомъ княженіи, которое похитилъ у Грековъ и Армянъ.

Въ позднюю осень спустились ослабѣвшія дружины, съ дикихъ ущелій Тавра, гдѣ претерпѣли всякаго рода лишенія, въ благословенныя долины Сиріи; онѣ ополчились станомъ подъ крѣпкими стѣнами Антіохіи, не болѣе какъ четырнадцать лѣтъ завоеванной опять Сарацынами. Медленность сей осады, которую слишкомъ скоро надѣялись окончить, была истиннымъ бѣдствіемъ для крестоносцевъ. Сперва развратъ, а потомъ болѣзни и уныніе, ослабили духъ войска; многіе бѣжали и въ числѣ ихъ самъ проповѣдникъ похода, пустынникъ Петръ, со стыдомъ возвращенный въ станъ. Частыя стычки съ осажденными пробуждали однако мужество ратныхъ, и вожди ихъ Готфредъ, Боемундъ и Танкредъ, особенно отличались своими подвигами. Напрасно посланные Халифа Египетскаго, убѣждали ихъ оставить дальнѣйшее завоеваніе,

предлагая свободный входъ для безоружныхъ въ Іерусалимъ; напрасно и Князья Алепа, Дамаска и другихъ городовъ Сиріи, вооружались для спасенія Антіохіи. Весною, приближеніе могущественнаго Султана Моссульскаго Кербоги, на помощь осажденнымъ, угрожало двойною опасностію крестоносцамъ; главные вожди согласились, хотя и противъ воли, уступить владычество симъ городомъ Князю Боемунду, который на сихъ только условіяхъ обѣщалъ скорое завоеваніе Антіохіи, ибо вступилъ уже въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ осажденныхъ; по слову его, крестоносцы, поднявшись въ бурную ночь, на одну изъ самыхъ крѣпкихъ башенъ Антіохійскихъ, овладѣли внезапно городомъ, при страшныхъ кликахъ: «такъ хочетъ Богъ!» и древняя столица Востока обогрилась кровію ея защитниковъ.

Антіохія пала, но тяжкая сія побѣда была еще труднѣе своими послѣдствіями; не успѣли крестоносцы предаться вполнѣ своей радости, какъ уже показались на окрестныхъ горахъ несмѣтныя полчища Сарацынскія. Глава Сельджукидовъ Баркіарукъ, сынъ Малекъ Шаха и Эмиръ-эль-Омра, по назначенію Халифа Багдадскаго, властвуя самъ въ Персіи и Багдадѣ, велѣлъ Султану Моссульскому, Кербогъ, идти съ Князьями Алепа, Дамаска, Іерусалима и прочихъ городовъ Сиріи, отразить нашествіе пришельцевъ Западныхъ. Ужасъ объялъ обезсиленныхъ долгою осадой, при видѣ сего сонмища враговъ; они заключились въ стѣнахъ недавно покоренной ими Антіохіи, изъ

осаждавшихъ съдѣлавшись внезапно осажденными, и завидуя прежнему своему положенію, ибо тѣ же бѣдствія, какія терпѣли Турки въ стѣнахъ города, ихъ одолевали, — голодь и болѣзни; уже многіе изъ вождей стали раскаяваться въ своемъ необдуманномъ предпріятіи. Тогда главные начальники, легатъ папскій Адемаръ, Герцогъ Готфредъ, Графъ Раймундъ, возбудили упавшій духъ воиновъ, расказомъ небесныхъ видѣній и мнимымъ обрѣченіемъ копія, коимъ прободенъ былъ на крестъ Спаситель. Опять одушевилось войско, опять потребовало битвы, и выступило изъ стѣнъ, съ увѣренностію побѣды, на изумленныхъ столь неожиданною бодростію враговъ.

Легатъ Адемаръ, возбудивъ рѣчію дружины, съ благословеніемъ пропустилъ ихъ мимо себя, и сталъ въ срединѣ полка, съ хоругвями и клиромъ, покрывъ святительскою ризою воинскую броню. Готфредъ, Балдуинъ и Танкредъ, бились на правомъ крылѣ, Гуговъ и два Роберта на лѣвомъ; болѣзненный графъ Тулузскій Раймундъ остался въ Антиохіи, на стражъ вышгорода, который сдался въ часъ битвы, Боемундъ прикрывалъ сзади дружины. — Закипѣла жестокая битва и не устояли враги; изъ первыхъ побѣжалъ Эмиръ Іерусалимскій, Сокманъ, сынъ Ортока, пришедшій на помощь Султану; но Эмиры Алепа и Дамаска ударили въ тылъ и едва не опрокинули дружины Боемунда; Готфредъ и Танкредъ поспѣшили къ нимъ на помощь, и Султанъ Моссульскій, видя съ высоты, гдѣ раскинутъ былъ великолѣпный шатеръ

его, пораженіе полковъ своихъ, самъ обратился въ бѣгство. Весь станъ его, исполненный богатства и припасовъ, достался въ руки побѣдителей, и побѣда сія положила твердое основаніе владычеству крестоносцевъ въ Сиріи; ибо съ тѣхъ поръ они уже не встрѣчали себѣ препоны до Іерусалима. Сарацины увѣрены были, что имъ способствуетъ небесная сила, и не смѣли даже являться на ихъ пути.

Тогда обновилось лице Антиохіи и богослуженіе Христіанское возникло въ новомъ блескѣ; но престарѣлый Патріархъ Іоаннъ, освобожденный крестоносцами изъ долгой темницы и вмѣстѣ съ ними призывавшій новыхъ защитниковъ съ Запада, вскорѣ долженъ былъ оставить свою кафедру, отъ превозмогавшаго владычества Римскаго клира, и окончилъ дни свои въ Царьградѣ. Не долго пережилъ блистательную свою побѣду и добродѣтельный легатъ Адемаръ; съ его смертію возникли безначаліе и раздоры между вождями, которые оставались цѣлую зиму въ Антиохіи, вмѣсто того, чтобы немедленно идти къ Іерусалиму. Дорого заплатили они за такое промедленіе, ибо двѣсти тысячъ людей, всякаго званія и пола, положили кости свои въ Антиохіи, отъ вліянія чуждаго имъ климата, еще болѣе нежели отъ меча иноверныхъ. Наконецъ, весною 1099 года, общій ропотъ оставшихся дружинъ и народа, возбудилъ вождей двинуться къ Св. граду; они пошли вдоль поморія Средиземнаго: но и тутъ еще честолюбіе Графа Тулузскаго, который искалъ приобрѣсти себѣ

область, подобно Боемунду и Балдуину, истошило силы крестоносцевъ, въ приступахъ къ прибрежнымъ городамъ; ибо Императоръ Алексій уступилъ княжество Лаодикійское Графу Раймунду, и онъ домогался отнять Триполи у Турковъ. Оставивъ въ сторонѣ крѣпкія твердыни Акры, войско достигло Рамлы и Эммауса, уже только въ числѣ осмидесяти тысячъ; и сему остатку шестисоттысячнаго ихъ полчища, собравшагося за два года предъ тѣмъ подъ стѣнами Царьграда, суждено было исполнить обѣтъ свой, освобожденіемъ Іерусалима; самое малолюдство благопріятствовало успѣху, ибо вся несмѣтная толпа поклонниковъ, затруднявшая собою походъ и продовольствіе, исчезла въ горахъ Малой Азіи и въ долинахъ Сиріи.

Между, тѣмъ Іерусалимъ уже подпалъ иному владычеству. Халифъ Египетскій, воспользовавшись отсутствіемъ войскъ Турецкихъ, которые сражались съ Франками подъ стѣнами Антиохіи, овладѣлъ опять Св. градомъ; посланники его явились еще разъ въ станъ крестоносцевъ, съ предложеніемъ мира, если хотятъ посѣтить безоружными поклонниками Св. мѣста; — общій вопль негодованія былъ отвѣтомъ Халифу. Намѣстникъ его въ Іерусалимъ, Ифтикаръ Эдаули, заботился о укрѣпленіи стѣнъ и приготовленіи запасовъ для долгой осады; онъ отравилъ всѣ окрестныя колодези и съ шестидесятью тысячами войска, въ коемъ считалось до двадцати тысячъ вооруженныхъ гражданъ, надѣялся отразить невѣдомыхъ ему враговъ. По мѣръ ихъ приближенія, стекались для защиты

города окрестные жители Сарацынскіе, изъ Галилеи и отъ береговъ Іордана, предавая у себя огню и мечу церкви и безоружныхъ Христіанъ. Тѣ, которые спаслись отъ гибели, возвѣстили горькую вѣсть сію крестоносцамъ, ополчившимся въ Эммаусѣ, и тѣмъ возбудили ихъ ревность; конечно въ этомъ опустошеніи погибло множество иноковъ и обитателей окрестныхъ пустынь, о коихъ не упоминаютъ лѣтописи крестовыхъ походовъ, какъ о чуждыхъ. Жители Виолеема просили себя защиты отъ нападенія Турковъ: доблестный Танкредъ былъ посланъ къ нимъ съ сотнею всадниковъ; онъ первый изъ крестоносцевъ, какъ болѣе достойный, поклонился колыбели Виолеемскаго Младенца, и знамя его поднялось на вершинѣ великолѣпнаго храма Рождества.

XXIV.

ЗАВОЕВАНІЕ ІЕРУСАЛИМА КРЕСТОНОСЦАМИ *.

Никто не смыкалъ глазъ въ Эммаусь, наканунѣ того дня, когда долженъ былъ предстать крестоносцамъ предметъ ихъ давнихъ, пламенныхъ желаній, — Іерусалимъ! Внезапное затмѣніе луны навело сперва уныніе на дружины, но оно разсѣялось тою надеждою, что ущербъ луны знаменовалъ поражение невѣрныхъ, избравшихъ ее своимъ символомъ. На разсвѣтъ радостно двинулись крестоносцы, и когда, съ вершины послѣдней горы, внезапно открылся ихъ взорамъ Св. градъ, невыразимый восторгъ овладѣлъ сердцами всѣхъ, и одно только имя Іерусалима, переходя изъ устъ въ уста, громко раздавалось по окрестнымъ долинамъ, при звукѣ оружія, готоваго его покорить. — О сколько слезъ пролито было, при зрѣлищѣ твоего града,

* Michand. Hist. des Crois. liv. 3, 4.

Господи Іисусе! твоскликаетъ благочестивый льтописецъ; одни, бросая копей своихъ, падали на колѣна и съ воздыханіями цѣловали землю, гдѣ ступалъ Господь ихъ; другіе простирали безоружныя руки къ Іерусалиму, повторяя обътъ свой освободить его, и съ кликами, которые огласили нѣкогда соборъ Кларимонтскій, при началѣ сего чуднаго движенія Запада на Востокъ: «такъ хочетъ Богъ! такъ хочетъ Богъ!»

На разсвѣтъ того же дня выступилъ изъ Виоллема Танкредъ и, отразивъ подъ стѣнами города нападеніе Сарацынъ, на передовой отрядъ Балдуина, самъ взошелъ на гору Элеонскую, чтобы насладиться отголѣ зрѣлищемъ Св. града, въ утренней красотѣ его и въ тишинѣ, еще не нарушенной звуками брани. Издали онъ уже видѣлъ приближеніе воинства крестоносцевъ, но витязь принужденъ былъ сразиться самъ съ пятью Сарацынами, которые думали одолѣть одиокаго и бѣжали отъ его страшнаго меча. Танкредъ возвратился невредимо къ своимъ дружинамъ, которые ополчились съ сѣверозападной стороны Св. града, усѣянной масляными садами, и болѣе удобной для стана, по ровному мѣстоположенію; ибо отовсюду, съ прочихъ сторонъ, Іерусалимъ окруженъ глубокими оврагами и горами. Царственный Готфредъ сталъ посрединѣ, съ двумя Робертами, Нормандскимъ и Фландрскимъ, по бокамъ его, противъ воротъ Дамасскихъ, и малыхъ Ирода, нынѣ закладенныхъ; правѣ ихъ Танкредъ, предъ угольною сѣверо-западной башней. Станъ Графа Раймунда Тулузскаго простирался съ

западной стороны, противъ воротъ Виолеемскихъ, или Давидовыхъ, на высотахъ горы Исполинской, по которой лежитъ обычный путь поклонниковъ западныхъ; но такъ какъ глубокий оврагъ, прудовъ Соломоновыхъ, отдѣлялъ его отъ города, то онъ перенесъ въ послѣдствіи часть своихъ шатровъ на самую гору Сионскую, гдѣ, по близости стѣнъ, много беспокоили его стрѣлы непріятелей. Малый отрядъ войскъ поставленъ былъ и на вершинѣ горы Элеонской, но вся восточная и южная стороны, гдѣ пролегали глубокія долины Иосафатова и Еннона, оставались свободными, и непріятель могъ черпать воду изъ купели Силоамской, у подошвы Сиона.

Со слезами умиленія смотрѣли крестоносцы на Св. градъ, уже какъ бы объемлемый ихъ руками, и жаждали добыть его, чтобы въ немъ напитать душу зрѣлищемъ святыни, для которой пришли издалека, чрезъ столько странъ, бѣдствій и трудовъ. Толпа Христіанъ Иерусалимскихъ, изгнанная изъ своихъ жилищъ невѣрными, еще болѣе возбуждала ихъ ревность, рассказомъ претерпѣваемыхъ гоненій; жены, дѣти и старцы, задержаны были заложниками, взрослые обречены на тяжкія работы, превосходившія ихъ силы; церкви разграблены для содержанія войскъ Сарацынскихъ; блюститель страннопріимницы западной вверженъ въ темницу, за вооруженіе его крестоносныхъ собратій. Самъ Патріархъ Симеонъ заблаговременно удалился на островъ Кипръ, чтобы тамъ просить милостыни у вѣрныхъ, для спасенія своей паствы, которой угро-

жали опять разореніемъ Св. мѣсть, если не заплатитъ непомерной дани, поголовно возложенной на всѣхъ Христіанъ Иерусалимскихъ. Пребывая во все время осады на островѣ, ревностный Патріархъ не преставаъ посылать оттолъ денежные пособія и припасы осаждавшимъ, которые заплатили ему благодарностію по взятіи Св. града.

Съ первыхъ дней осады явился въ станъ Христіанскій пустынный, поселившійся на горѣ Элеонской, и умолялъ не отлагать приступа, именемъ Иисуса Христа, обѣщая побѣду. Общаніе сіе польстило духу ратныхъ и, безъ всякихъ приготовленій, вожди рѣшились на приступъ, ожидая явнаго покровительства Божія и памятуя бѣдствія долгой осады Антіохійской. Въ большемъ порядкѣ приблизились полки къ твердынямъ; они стѣснились подъ щитами, чтобы укрыться отъ метаемыхъ камней и стрѣлъ, но тщетно усиливались, желѣзными ломомъ, сокрушить толстыя стѣны, одна только лѣстница достигла до ихъ вершины; тысячи храбрыхъ на нее устремились и, въ рукопашномъ бою, сражались съ Арабами, изумленными такою дерзостію: — конечно крестоносцы овладѣли бы въ сей день Иерусалимомъ, если бы имѣли хотя нѣкоторыя орудія, необходимыя для осады. Но чудо, ими ожидаемое, по глазу отшельника, не совершилось, и они принуждены были отступить, оплакивая свое легковѣріе, ибо много храбрыхъ погибло на стѣнахъ.

Чувствуя необходимость стѣнобитныхъ орудій, но не видя нигдѣ въ окрестности лѣсовъ, крестонос-

цы порубили все маслины, сломали дома и самыя церкви, чтобы только добыть себе дерева, и быть может, пострадали тогда сосѣднія обитатели пустыни Иерусалимской, заблаговременно опустѣвшія. Къ медленному успѣху осады присоединилась еще засуха, ибо лѣтній зной начинался въ ущелияхъ Палестинскихъ, когда крестоносцы подступили къ Иерусалиму; Кедронъ изсякъ, отравлены были колодези; купели Силоамской не доставало для столькихъ ратныхъ: все ужасы жажды стали томить войско, подъ раскаленнымъ небомъ пустыни, и одна только мысль занимала воиновъ и вождей, — добытїе прохладной струи. Днем и ночью толпы богомольцевъ скитались по окрестнымъ горамъ, съ опасностію впасть въ руки враговъ; когда же находили гдѣ либо живую струю или колодезь, часто, съ мечемъ въ рукахъ, оспаривали другъ у друга каплю воды. Сосѣдніе жители приносили въ мѣхахъ болотную воду, изъ застоявшихся колодезей, но и ее съ жадностію глотали войны, не смотря на смраднѣйшій запахъ, хотя и самыя кони отъ нее отвращались. Вода сія послужила источникомъ кровавой болѣзни, и внезапная смертность распространилась въ челоуѣкахъ и скотахъ, воздухъ заразился отъ тлѣннѣйшихъ труповъ. Каждый день умножалъ томленіе крестоносцевъ; за душнымъ днемъ слѣдовала стольже душная ночь; не было ни росы утренней, ни прохлады вечерней, такъ что самыя сильныя изнемогали и лежали неподвижно въ шатрахъ своихъ, умоляя Бога ниспослать имъ ливень и грозу. Все проклинали чуж-

дое знойное небо, столь негостепріимное для пришельцевъ, и самыя ревностныя стали колебаться въ вѣрѣ, страдая муками въ виду того града, отколы истекло общее спасеніе. Нѣкоторые даже искали себе смерти, и устремляясь къ стѣнамъ, цѣловали холодныя камни, восклицая: «стѣны Иерусалимскія падите на насъ и покройте насъ священнымъ своимъ прахомъ!» И если бы осажденные не были сами удержаны, страхомъ первыхъ побѣдъ огласившихъ всю Азію, и сдѣлали нападеніе, они легко бы одолѣли пришельцевъ; но Востокъ трепеталъ предъ симъ призракомъ Запада, и горсть храбрыхъ еще казалась ему стольже страшною, какъ тѣ несмѣтныя тысячи, которыя уже положили кости свои въ его пустыняхъ! Самая безпечность Христіанъ, посреди опасности, убѣждала въ невозможности одолѣть ихъ.

Нечаянная помощь оживила духъ воиновъ: въ станъ пронеслась вѣсть, что причалилъ флотъ Генуезскій съ оружіемъ и припасами, и триста всадниковъ, посланныхъ изъ стана, пробились въ Яффу сквозь толпу враговъ. Между тѣмъ флотъ Египетскій истребилъ суда Христіанъ; но уже запасы и все нужныя орудія сложены были на берегъ и благополучно достигли стана Иерусалимскаго, въ сопровожденіи опытныхъ художниковъ. Въ окрестностяхъ Самаріи открытъ былъ и строевой лѣсъ, по указанію одного Сирійца, и все дружно принялись за стѣнобитныя орудія; рыцари и бароны не уступали въ ревности простымъ воинамъ. Одни строили башни и тараны, другіе носили воду въ

мѣхахъ , изъ дальнихъ источниковъ Виваніи , Вилеема и пустыни Предтечевой; иные же приготовляли кожи для орудій и собирали сухія вѣтви для плътней; вездѣ закипѣла жизнь.

Въ короткое время соорудились три подвижныя, трехъярусныя башни на колесахъ, превышавшія самыя стѣны, на которыя можно было бросать съ ихъ вершины подъемные мосты; видъ ихъ исполнилъ ужасомъ осажденныхъ. Но вожди, приготовляя все нужное къ послѣднему приступу, не оставили возбудить и душевнаго восторга дружинъ своихъ, сильными рѣчами многочисленныхъ священниковъ. Разсѣявшись по стану, они всѣхъ убѣждали къ взаимному миру, покаянію, забвенію обидъ; къ нимъ присоединился пустынный горы Элеонской, «Вы, говорилъ онъ, пришедшіе изъ дальняго Запада, для поклоненія гробу Господню, возлюбите другъ друга, какъ братія, и освятитесь покаяніемъ и добрыми дѣлами. Если покоритесь заповѣдямъ Божиимъ, — онъ даруетъ вамъ овладѣть святымъ своимъ градомъ; если же будете упорствовать, гнѣвъ его падетъ на васъ.» Пустынный совѣтовалъ имъ сдѣлать крестный ходъ вокругъ Іерусалима, по подобію народа Божія, нѣкогда обходившаго стѣны Іерихонскія, которыя пали при звукъ трубъ и кимваловъ жрецовъ Іудейскихъ.

Послушались благочестиваго совѣта крестоносцы, и послѣ строгаго трехдневнаго поста, вооруженные выступили изъ шатровъ, съ босыми ногами и обнаженною головой. Впереди ихъ шли пресвитеры и Епископы, въ бѣлыхъ ризахъ, съ хоруг-

вями, иконами и крестами, воспѣвая псалмы; развиты были и воинскія знамена; издали раздавались звуки кимваловъ и трубъ. Отъ стана Готфредова началось шествіе и чрезъ долину Юсафатову, мимо Геосиманіи, слѣдовало на священныя высоты Элеонскія. Оттолъ величественное зрѣлище открылось взорамъ: къ востоку — море Мертвое, въ глубокой долинь Іерихонской, какъ яркое зеркало, и серебристая лента Іордана, съ лазурными твердынями зубчатыхъ Аравійскихъ горъ; къ западу же, какъ на ладони, весь Іерусалимъ, въ вѣнцѣ своихъ грозныхъ башенъ и окрестные блѣдные холмы Іудейскіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ ступила въ послѣдній разъ на землю стопа Христова, Арнульдъ, будущій Латинскій Патріархъ Св. града, тогда же еще только домашній священникъ Герцога Нормандскаго, произнесъ краснорѣчивое слово, возбуждая крестоносцевъ къ довершенію ихъ обѣта. «Видите ли наслѣдіе Христово, попираемое его врагами? воскликнулъ онъ, обратясь къ Іерусалиму, вотъ достойная награда всѣхъ вашихъ трудовъ, вотъ мѣсто, гдѣ Господь проститъ вамъ всѣ ваши согрѣшенія и благословитъ ваши побѣды!» Внимая рѣчамъ его, Танкредъ и Раймундъ графъ Тулузскій, долго имѣвшіе между собою распрю за вышгородъ Антиохійскій, обнялись предъ лицомъ всей дружины, и богатые дали обѣтъ поддерживать убогихъ; всѣ поклялись слѣдовать заповѣдямъ Евангельскимъ. И пустынный Петръ, виновникъ похода, при видѣ крестовъ, которые съ ругательствами подымали на стѣнахъ Сарацены, умолялъ витязей креста, защитить

гонимато Христа, паки распинаемаго на Голгоѣ его врагами. «Клянусь, воскликнулъ онъ, вашимъ оружіемъ и благочестіемъ, что царство тьмы миновалось! при первомъ движеніи Божіей рати, оно разсвѣтается какъ дымъ, сего дня еще превозносятся враги, а завтра ужасъ ихъ обьетъ на той самой Голгоѣ, которой ругаются нынѣ. Они будутъ предъ лицемъ вашимъ, какъ стражи Римскіе, остолбенѣвшіе, съ оружіемъ въ рукахъ, около Св. гроба, въ часъ воскресенія Христова, и падшіе на землю, какъ мертвые, при страшномъ землетрясеніи, которое обнаружило міру присутствіе воскресшаго Бога. Еще немного и всѣ сіи мѣста обратятся въ храмы истиннаго Бога, и новые храмы возникнутъ изъ развалинъ, и весь Иерусалимъ огласится опять псаломными пѣснями.»

Чрезвычайный восторгъ одушевилъ сердца вѣтязей; съ радостнымъ кликомъ спустились они къ купели Силоамской и поднялись на гору Сіонскую, не обращая вниманія на метаемыя со стѣнъ стрѣлы и камни, отъ коихъ многіе пали на крестномъ ходу, благословляя Бога въ часъ смерти. Къ вечеру только возвратилось войско въ станъ, и вся ночь протекла на молитвѣ въ ополченіи Христіанскомъ; вожди и простые воины исповѣдывали грѣхи свои и укрѣплялись причащеніемъ Св. таинъ на предлежащей подвижъ. Глубокая тишина царствовала и въ Иерусалимѣ, обреченномъ послѣдней осадѣ: тамъ раздавались только пронзительные крики Муеззимовъ, сзывавшихъ къ молитвѣ, и страшное ожиданіе исполняло сердца всѣхъ!

Совѣтъ военачальниковъ положилъ: воспользо-ваться общимъ восторгомъ для приступа на другой день, и въ ту же ночь Готфредъ перенесъ станъ свой и перекатилъ огромную башню, съ позлащеннымъ на ней крестомъ, къ юго-восточной стѣнѣ, болѣе благопріятной для осады. Танкредъ остался противъ Виолеемскихъ вратъ и угольной башни, и между ними оба Роберта; а на Сіонѣ, Графъ Раймундъ, цѣною денегъ, подъ тучею стрѣлъ, завалилъ глубокой ровъ, отдѣлявшій его отъ южныхъ твердынь города, которыя защищалъ самъ Эмиръ Иерусалимскій. Начался убійственный приступъ и не менѣе сильный отпоръ; стрѣлы и камни, кипящее масло и Греческій огонь, сыпались на стѣнобитныя орудія осаждавшихъ, и въ отважной вылазкѣ невѣрные покусились сжечь подвижныя башни, но ихъ отразили, хотя и повреждены были орудія. Ночь прекратила бой, и съ горестію возвратились въ станъ свой Христіане, вздыхая о томъ, что не почелъ ихъ достойными Богъ овладѣть Св. градомъ для поклоненія Христову гробу; невѣрные же ругались имъ со стѣнъ, которыхъ проломы спѣшили завалить камнями. Но въ теченіе цѣлой ночи духовенство возбуждало въ шатрахъ доблесть воиновъ, и на утро уже опять были готовы къ бою и люди и орудія. Съ разсвѣтомъ начался приступъ на тѣхъ же мѣстахъ, тѣми же вождями и съ одинаковою яростію, посреди камней, стрѣлъ и дикаго вопля біющихся и стона умирающихъ.

Во время боя, по словамъ летописцевъ Западныхъ, двѣ чародѣйки явились на стѣнахъ, заклин-

ная силы ада, на помощь невѣрнымъ, и два гонца, посланные отъ Аскалона, куда приближалось уже многочисленное полчище Халифа Египетскаго, искали проникнуть въ городъ, чтобы поддержать духъ осажденныхъ надеждою на скорую помощь; но они были перехвачены крестоносцами и трупы ихъ брошены черезъ стѣны врагамъ. Полдня уже длился бой; подвижныя башни Христіанъ нѣсколько разъ загарались, и недоставало воды для угашенія огня; золотой крестъ на башнѣ Готфреда привлекалъ къ нему главныя усилія непріятелей и онъ бился, съ двумя своими братьями, на верху площадки, усвященной трупами его рыцарей; многіе погибли у подошвы стѣнъ, подъ грудю низвергаемыхъ камней; огонь Греческій пожиралъ самое оружіе воиновъ, искавшихъ спасти тараны и башни: полуденный зной довершалъ изнеможеніе ратныхъ, уже отчаявавшихся въ небесной помощи. Одно мгновеніе все измѣнило; крестоносцамъ внезапно показался блестящій всадникъ на горѣ Элеонской, который щитомъ своимъ подавалъ знакъ, чтобы вступили въ городъ, и оба вождя, Готфредъ и Раймундъ, воскликнули въ одно и тоже время, что самъ великомученикъ Георгій имъ побораеть. Имя небеснаго витязя оживило дружины, всѣ съ новой ревностію устремились въ бой; жены и дѣти, и даже болящіе, стали разносить по рядамъ воду, пищу и оружія, и помогать воинамъ двигать туры.

Общими силами подкатили къ самой стѣнѣ башню Готфреда, и не смотря на стрѣлы и огонь, спустился съ нее подъемный мостъ;

пламя, раздуваемое непріятелями, отъ нечаяннаго вѣтра, обратилось на нихъ самихъ, и вслѣдъ за двумя рыцарями, Готфредъ, третьимъ, вскочилъ на стѣну Іерусалимскую, въ сопровожденіи братьевъ и иныхъ витязей; вслѣдъ за ними устремились въ городъ и прочія воины и бились по улицамъ съ Сарацынами. Въ то же время, разнесся слухъ, что блаженный Епископъ Адемаръ и многіе крестоносцы, падшіе въ битвахъ, явились впереди дружинъ и водрузили знамена свои на башняхъ Іерусалимскихъ. Одушевленные симъ рассказомъ, Танкредъ и два Роберта, проникли также во внутренность города, при кликахъ «такъ хочетъ Богъ!» одни по лѣстницамъ, другіе чрезъ проломы стѣнъ, и разбили съкирами врата Геосиманскія для прочей толпы. Еще медлилъ одинъ Раймундъ Тулузскій, со стороны Сіона; но и его полки, услышавъ о успѣхахъ своихъ братьевъ, бросили туры и тараны и по лѣстницамъ взобрались на стѣны. Эмиръ Іерусалимскій принужденъ былъ заключиться въ крепость Давида, такъ называемый вышгородъ; всѣ проникшіе въ городъ, со слезами обнимались на улицахъ, поздравляя другъ друга съ побѣдою.

Крестоносцы вошли въ Іерусалимъ 11 Іюля, по замѣчанію лѣтописцевъ, въ пятницу, въ три часа по полудни, т. е. въ тотъ самый день и часъ, когда Господь нашъ на крестѣ испустилъ духъ; самая торжественность сей минуты могла бы расположить ихъ къ милосердію; напротивъ того, раздраженные прежними ругательствами невѣрныхъ и бѣдствіями шестинедѣльной осады, и даже со-

противленіемъ непріятеля внутри стѣнъ, они исполнили кровопролитіемъ святой градъ, будущее ихъ отечество. Не было никакой пощады побѣжденнымъ, ни въ домахъ, ни въ мечетяхъ, куда стекались толпы беззащитныхъ. Въ мечети Омара повторились опять тѣже самые ужасы, которыхъ уже однажды былъ свидѣтелемъ храмъ Соломоновъ, разрушенный Титомъ; мѣсто сіе, казалось, исключительно было обречено небесному мщенію. Пѣшіе и всадники, вмѣстѣ ворвались въ мечеть по грудь тѣль, среди стона и воплей смерти, и очевидецъ свидѣтельствуешь, что внутри самага храма натекло крови до коленъ и даже до удила коней. Чтобы вѣрнѣе изобразить сіе ужасное зрѣлище, дважды повторившееся на томъ же мѣстѣ, можно привести слова свидѣтеля перваго разрушенія храма, Іосифа Флавія, который говорилъ нѣкогда, что число избиваемыхъ мечемъ далеко превосходило число умерщлявшихъ, и что соседнія горы Іорданскія откликнули страшный кличъ смерти, исторгавшійся изъ внутренности храма. Съ ужасомъ отвращается воображеніе отъ столь плачевнаго зрѣлища, чтобы остановиться на трогательной картинѣ Христіанъ, которыхъ оковы разбили крестоносцы. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались они къ побѣдителямъ, освѣжая ихъ пищею и водою; всѣ вкупѣ благодарили Бога за избавленіе отъ невѣрныхъ; пустынный Петръ, за пять лѣтъ предъ тѣмъ общавшій вооруженіе Запада, былъ предметомъ общаго восторга, и освобожденные, какъ бы забывъ о подвигахъ столькихъ витязей, его одного провозглашали побѣдите-

лемъ, изумляясь, что однимъ человекомъ могло придти къ нимъ избавленіе. Тогда благочестивый Готфредъ, удержавшійся отъ всякаго убійства, послѣ взятія города, оставилъ прочихъ вождей и, съ тремя только спутниками, безъ оружія и обуви, посѣтилъ церковь Св. гроба. Его примѣру послѣдовали прочіе вожди, и всѣ крестоносцы, сложивъ съ себя ратные доспѣхи, босыми ногами устремились въ святилище, исполняя плачемъ и воздыханіями Св. градъ. Въ тишинѣ наступившей ночи слышались только гимны псаломные, и такъ изумительна была сія внезапная перемена, что казалось дикіе воители, обогранные кровію, провели всю свою жизнь мирными отшельниками. Но на другой день обновились опять ужасы, бывшіе наканунѣ; толпа оставшихся враговъ въ городъ и приближеніе сильнаго войска Египетскаго устрашили побѣдителей, и жестокой приговоръ смерти произнесенъ былъ всѣмъ Сарацынамъ Іерусалимскимъ. Тогда погибли и тѣ, коихъ сперва пощадила жажда корысти, въ надеждѣ на богатый выкупъ: однихъ свергали съ башенъ и стѣнъ, другихъ сожигали въ домахъ или умерщляли на площадяхъ и въ подземельяхъ, гдѣ искали укрыться. Ничто не спасало, ни слезы, ни слабый возрастъ и полтъ, ни самое зрѣлище мѣстѣ, освященныхъ присутвіемъ Христовымъ; весь городъ заваленъ былъ трупами, и въ буйствѣ кровопролитія, зрѣлище сіе никого не поражало. Милосердые изъ числа крестоносцевъ не могли спасти обреченныхъ на смерть: триста Сарацынъ, взшедшихъ на пло-

щадку мечети Омаровой, умерщвлены были, не смотря на знамя, данное имъ Танкредомъ, котораго сердце горьло негодованіемъ, за такое нарушеніе слова и всѣхъ правъ рыцарской чести. Спаслись только тѣ, которые сдались Графу Раймунду въ крѣпости Давидовой, и нашлись даже люди, которые приписали сей поступокъ болѣе корысти, нежели милости.

Цѣлую недѣлю продолжалось кровопролитіе, во время коего погибло до семидесяти тысячъ Магометанъ и Евреевъ; сіи послѣдніе сгорѣли въ своей синагогѣ. Нѣкоторые плѣнники, избѣжавшіе участи своихъ братьевъ, принуждены были предавать землѣ тлѣвшіе трупы, для очищенія города отъ смрада; имъ помогали воины графа Раймунда, которые надѣялись найти еще что-либо между мертвыми, ибо менѣе другихъ получили добычи. Опять совершенно измѣнилось лице Іерусалима: въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ перемѣнилъ своихъ жителей, вѣру, законы; по взаимнымъ условіямъ крестоносцевъ, каждый владѣлъ завоеванною имъ частію города: крестъ или щитъ на дверяхъ знаменовалъ владѣльца и отклонялъ другихъ; такимъ образомъ возстановился порядокъ. Часть собранныхъ сокровищъ опредѣлена была убогимъ и на украшеніе храмовъ; золотыя и серебряныя лампы мечети Омаровой достались Танкреду и были имъ раздѣлены съ Готфредомъ, котораго онъ избралъ своимъ Государемъ; два дня, на шести возахъ, перевозили изъ мечети всю богатую утварь. Но Христіане скоро отвратили взоры свои отъ сего

тлѣннаго сокровища къ нетлѣнному, когда увидѣли честное древо креста, которое нѣкогда взято было Хозроемъ и возвращено Иракліемъ, и вновь утаено вѣрными, во время осады, отъ хищности враговъ. Крестоносцы, говоритъ летопись, обрадовались сему обрѣтенію, какъ будто бы самъ Господь висѣлъ еще на честномъ крестѣ своемъ, и съ торжествомъ носили его по улицамъ Св. града.

Чрезъ десять дней послѣ победы, вожди озаботились возстановленіемъ престола Давида и Соломона, дабы избранный ими могъ сохранить завоеванное Христіанами царство въ Палестинѣ. Посреди совѣта Князей, Графъ Робертъ Фландрскій изобразилъ, въ благоразумной рѣчи, подлежащую опасность, отъ окружавшихъ враговъ, при удаленіи многихъ изъ числа крестоносцевъ на родину; говорилъ также, каковы должны быть доблести избираемаго, менѣе въ Цари, нежели въ блюстители Св. граду, и въ отцы тѣмъ многочисленнымъ семействамъ, которыя, добровольными изгнанниками, посвятили себя, въ странѣ имъ чуждой, на служеніе Богу. Многіе изъ числа вождей крестовыхъ могли имѣть надежду на престолъ Іерусалимскій, особенно Раймундъ, Танкредъ и два Роберта, не говоря уже о доблестномъ Готфредѣ; но вожди единодушно положили, для избѣжанія распри, чтобы будущій Король былъ избранъ, совѣтомъ десяти благочестивыхъ мужей, изъ числа духовныхъ и свѣтскихъ.

Наложили постъ и молитвы; избиратели дали
Часть II.

клятву безпристрастно увѣнчать только мудрость и добродѣтель, и послѣ многихъ испытаній, о каждомъ изъ главныхъ вождей, выборъ палъ на благочестиваго Готфреда, ради его доблестей воинскихъ и домашнихъ добродѣтелей, засвидѣтельствовавшихся его близкими, и ради общаго къ нему расположенія войска и народа. Многимъ представлялся онъ въ сновидѣніяхъ, окруженный величіемъ царскимъ, и его избраніе произвело единодушный восторгъ. Съ торжествомъ ввели его въ церковь Св. гроба, для присяги и вѣнчанія; но смиренный Готфредъ отрекся принять златой вѣнецъ тамъ, гдѣ его Спаситель вѣнчался терніемъ: онъ принялъ только скромное званіе Барона Св. гроба.

Когда Князья занимались избраніемъ достойнаго властителя Иерусалиму, духовенство обновляло церкви и разсылало пастырей по окрестнымъ городамъ, покорившимся оружію крестоносцевъ. Главною заботою его было назначеніе Патріарха; но выборъ сей не былъ столь счастливъ, какъ выборъ Короля, ибо, съ самой первой минуты владычества Христіанъ западныхъ въ Св. градъ, происки и нечистая корысть все исказили. Духовенство Греческое, не смотря на его права, пожертвовано было честолюбію Римскаго клира; забытъ былъ и законный Патріархъ Симеонъ, пакликавшій сію бурную тучу съ дальняго Запада и помогавшій во все время осады крестоносцамъ. Онъ умеръ въ Кипрѣ, вскорѣ послѣ неблагодарнаго ихъ поступка. Православные избрали на его мѣсто, Архипастыремъ Евеимія, который носилъ титулъ сіе девятнадцать

лѣтъ, хотя и отсутствовалъ отъ своей паствы. Онъ былъ посредникомъ мира между Императоромъ Алексіемъ Комнинымъ и Королемъ Сицилійскимъ Рожеромъ. При томъ же Императорѣ упоминаются еще, въ санѣ Патріарховъ Иерусалимскихъ, Агапій и Савва, бывший Епископъ Кесаріи Филипповой; но они имѣли также пребываніе въ Царьградѣ*.

Арнульдъ, недостойный капелланъ Герцога Нормандскаго, легкій правами и жадный на корысть, поставленъ былъ, силою денегъ, Латинскимъ Патріархомъ Св. града. Первымъ его дѣйствіемъ была распря съ Танкредомъ, за сокровища мечети Омаровой, какъ будто бы имущество иновѣрныхъ капищъ было достояніемъ Христіанскаго Первосвященителя. Арнульдъ коварно старался возбудить зависть и негодованіе прочихъ Князей противъ Танкреда, представляя имъ, что не столько Церковь, сколько все они оскорблены присвоеніемъ общественныхъ сокровищъ частнымъ лицомъ; благородно защитилъ себя Танкредъ, правомъ войны и тѣмъ, что онъ жертвовалъ, большею частію добычи, храму Божію; а совѣтъ Князей присудилъ ему дать только десятину своей добычи въ пользу Св. гроба, что составило до семи сотъ марокъ серебра. — Ничего не щадили крестоносцы для возстановленія благолѣпія церковнаго въ Иерусалимѣ; опять загудѣла призывная мѣдь колоколовъ, умолкшихъ со времени Халифа Омара, и вѣрные, всѣхъ окрестныхъ странъ, стали опять стекаться на поклоненіе Св. гробу; Готфредъ немедленно учредилъ при немъ

* Дослѣ. кн. VII, гл. 28.

братство, изъ двадцати канониковъ Латинскихъ, которые, вмѣстѣ съ духовенствомъ Греческимъ, стали совершать богослуженіе. Онъ поспѣшилъ также обратить въ храмы обѣ мечети: Омарову, эль-Сахара, и эль-Акса, отнятую Халифомъ Абдель Мелекомъ у Христіанъ, и учредилъ при нихъ братство, которое въ послѣдствіи замѣнили славные рыцари Храма. И въ Иосафатовой долинь, надъ вертепомъ Геосиманскимъ, устроилъ онъ обитель, изъ тѣхъ иноковъ, которые мужественно подвизались во время осады.

Когда Христіане предавались радости, о искупленіи Св. мѣсть, общее уныніе распространилось между Магометанами. Въ Багдадѣ, кадій города Дамаска, принесшій горькую вѣсть сію Халифу Мостанзеру, рвалъ себѣ съдую бороду, въ его присутствіи, посреди дивана, и внимая ему Халифъ и весь диванъ плакали; установили посты и молитвы; имамы и поэты, въ краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ и стихахъ, описывали бѣдствіе Мусульманъ, сдѣлавшихся невольниками Христіанъ, и ужасы осады Иерусалимской. «Сколько крови, сколько бѣдствій! восклицали они; жены и дѣти погибли мечемъ! братьямъ нашимъ, нѣкогда властителямъ Сиріи, нѣтъ другаго приюта, кромѣ хребта быстрыхъ своихъ верблюдовъ и утробы жадныхъ коршуновъ!» Столь велико было смятеніе Арабовъ, Турковъ и Египтянъ, что временно прекратились между ними раздоры, бывшіе виною первыхъ успѣховъ крестоносцевъ. Жители Дамаска и Багдада одинаково стали ожидать спасенія отъ оружія Ха-

лифа Фатимитовъ, издавно ненавидимаго ими, какъ незаконнаго соперника племени Аббасидовъ. Со всѣхъ предѣловъ Востока, храбрые воины стали стекаться въ станъ его войскъ, приближавшихся къ Аскалону, подъ начальствомъ визиря Афдама, который еще недавно отнялъ у Турковъ Иерусалимъ.

Танкредъ и Графъ Фландрскій, посланные съ дружиною по окрестнымъ предѣламъ, поспѣшили доставить вѣсть сію въ Иерусалимъ и, ради близкой опасности, ее огласили ночью, при свѣтѣ факеловъ и при звукѣ трубъ, по всему городу. На разсвѣтъ громкій благовѣсть созвалъ крестоносцевъ въ церковь Св. гроба, дабы приготовились къ походу молитвою и причащеніемъ Св. Таинъ; столь велика была общая увѣренность въ побѣду, что ни малѣйшаго безпокойства не возникло въ городѣ и войскѣ. Король Готфредъ вывелъ дружины въ западныя врата Виолеемскія, въ сопровожденіи Патріарха Арнульда, съ честнымъ древомъ креста. Жены, дѣти, старцы и слабые богомольцы, остались одни въ Иерусалимѣ, подъ надзоромъ пустытника Петра, чтобы молитвами содѣйствовать успѣху оружія. Графъ Раймундъ Тулузскій, не охотно сданный крѣпость Давидову, новому Королю, и безпечный Герцогъ Нормандскій Робертъ, довольный совершеніемъ своего обѣта, колебались слѣдовать за Готфредомъ, но и они увлечены были общимъ стремленіемъ; въ Рамль ополчилось все воинство креста.

Услышавъ, что сильное войско Халифа распо-

ложилось станомъ, на равнинѣ Аскалонской, Готфредъ вельзь полкамъ своимъ приготовиться къ бою, наканунѣ праздника успенія. Съ разсвѣтомъ, каждая дружина собралась вокругъ своей хоругви, и Патріархъ, возвысивъ честное древо креста, какъ вѣрный залогъ побѣды, далъ благословеніе къ битвѣ. Съ пламенною ревностію двинулись крестоносцы, какъ бы на нѣкій пиръ, ни сколько не смущаясь числомъ враговъ, такъ что самъ Арабскій Эмиръ Рамлы, слѣдовавшій за ними, изумился мужеству воиновъ и обещалъ Готфреду принять вѣру храбрыхъ. Вся равнина Аскалонская покрыта была полчищами враговъ, которыя, опираясь на песчаные холмы поморія, распустили широкія крыла, чтобы окружить Христіанъ; вдали на высотѣ виднѣлись башни Аскалона, въ пристани коего стоялъ флотъ Египетскій, съ припасами воинскими. Малочисленныя дружины Христіанъ показались несметнымъ полчищемъ изумленнымъ врагамъ, потому что цѣлое стадо воловъ, лошадей и верблюдовъ, къ которому запретилъ прикасаться Готфредъ, изъ опасенія какой либо воинской хитрости, слѣдовало за звукомъ трубъ и подымало вдали широкое облако пыли.

Страхъ объялъ Сарацыновъ; они не ожидали, что Христіане отважатся выступить противъ нихъ въ полъ, и вспомнили ужасное кровопролитіе въ стѣнахъ Антиохіи и Іерусалима, но уже закипѣла битва. — Король Готфредъ, съ десяти тысячами всадниковъ и тремя тысячами пѣшихъ, устремился къ Аскалону, чтобы воспротивиться нападенію засад-

наго войска и жителей. Графъ Раймундъ сталъ между непріателемъ и его флотомъ; Танкредъ и два Роберта ударили на враговъ; черныя Африканцы сперва выдержали напоръ пѣшихъ и конныхъ, осыпавъ ихъ тучами стрѣлъ, и вступили въ рукопашный бой, за ними устремились и другія полчища Египтянъ; но ничто не могло удержать пыла крестоносцевъ. Герцогъ Нормандскій пробился до того мѣста, гдѣ самъ визирь Афдалъ распоряжалъ битвою, и выхватилъ главное знамя невѣрныхъ. Тогда общее смятеніе распространилось между ними и все ихъ нестройное полчище обратилось въ бѣгство: тысячами падали непріатели подъ мечемъ побѣдителей, бросая оружіе, и свѣжія войска Готфреда и Раймунда довершили пораженіе, какого давно не видѣли надмѣнные завоеватели Востока. Многіе погибли бѣдственно въ пустынь; до двухъ тысячъ задавлено было во вратахъ Аскалона, въ коемъ искали спасенія. Визирь Афдалъ, утратившій мечъ свой на полъ битвы, видя конечную гибель, съ вершины башенъ Аскалонскихъ, въ тотъ же день бѣжалъ съ флотомъ въ Египетъ. Чрезвычайное обиліе припасовъ и богатѣйшая добыча вознаградили крестоносцевъ за ихъ подвигъ: уже имъ не было враговъ въ Палестинѣ; побѣда сія распространила всеобщій страхъ имени Христіанскаго отъ Каира до Багдада. По сказанію очевидца, монаха Роберта, и лѣтописца, Архіепископа Тирскаго, двадцать тысячъ крестоносцевъ одолѣли на поляхъ Аскалонскихъ триста тысячъ Магометанъ. Сдался бы и самый Аскалонъ, если бы не возникло ги-

бельное несогласіе между старшихъ вождей. Король Готфредъ и графъ Раймундъ оспоривали другъ у друга владѣніе городомъ; внезапное удаление Раймунда принудило Короля довольствоваться легкою данью, которою откупились жители. Та же распря и та же неудача повторились и подъ стѣнами сосѣдняго города Арсуфа, и уже раздраженный Король хотѣлъ сразиться съ непокорнымъ графомъ, но Танкредъ и оба Роберта бросились по срединѣ дружинъ и примирили державныхъ соперниковъ.

Съ торжествомъ и радостными гимнами возвратились крестоносцы въ Иерусалимъ; мечъ и знамя Афдала повѣшены были на столпахъ церкви Св. гроба, которую еще недавно онъ клялся разрушить до основанія. Такъ окончился сей первый крестовый походъ, взволновавшій весь Западъ и Востокъ! Совершивъ объѣзъ свой, Князья стали собираться въ обратный путь, предоставивъ защиту Св. мѣсть мудрости Короля и мечу Танкреда, съ тремя стами избранныхъ рыцарей. Не болѣе сего осталось въ Палестинѣ отъ милліона людей, принявшихъ на себя крестъ въ Европѣ, и хотя еще поднялись, въ теченіе краткаго времени, три новыя полчища, предводимые знаменитѣйшими изъ князей Запада, — они не достигли Иерусалима: по одно за другимъ, въ числѣ четырехъ сотъ тысячъ, погибли бѣдственно въ горахъ Малой Азіи, гдѣ воспользовались ихъ неопытностію орды Турецкія, разсыяныя первыми крестоносцами около Никеи.

Со слезами прощались остававшіеся въ Палестинѣ съ братьями ихъ, идущими опять на родину, и умоляли не забывать добровольныхъ изгнанниковъ, возбуждая новыхъ воителей изъ Европы; рыцари и бароны клялись не оставлять въ забвеніи Св. гроба и, возвратясь моремъ или сухимъ путемъ въ Европу, повсюду встрѣчаемы были съ пальмами въ рукахъ, какъ достойные витязи креста; но плачь о многихъ погибшихъ отравлялъ радость о маломъ числѣ возвратившихся. Графъ Раймундъ Тулузскій временно остался въ Царьградѣ, гдѣ укрѣпилъ за нимъ Императоръ княжество Лаодикійское, на поморіи Сиріи; онъ вызвался быть предводителемъ одной изъ трехъ новыхъ дружинъ крестоносцевъ; и хотя онъ бѣдственно погибъ въ Анатолиі, но самъ Графъ спасся отъ смерти. Герцогъ Робертъ Нормандскій, безпечный и сластолюбивый, дерзнулъ состязаться съ братомъ своимъ, Королемъ Генрихомъ, за вѣнецъ Англіи, и умеръ въ долготѣней темницѣ, забытый своими подданными. Болѣе счастливъ былъ другой Робертъ, Графъ Фландрскій, благополучно возвратившійся въ свою область, равно какъ и Евстаѣій, братъ Короля Готфреда, смиренно управлявшій до конца жизни родовымъ своимъ наслѣдіемъ. Но общее негодованіе Европы возстало противъ Графа Стефана Шартрскаго и Гугона, брата Короля Французскаго, за то что оставили знамена креста еще подъ Антиохіею; они принуждены были, со стыдомъ, опять идти въ походъ, съ тѣми отрядами, которые въ послѣдствіи погибли въ Анатолиі. А пустынный Петръ, первый двига-

тель столькихъ полчищъ, возвратясь въ отечество, заключился въ обитель, гдѣ еще шестнадцать лѣтъ велъ строгую жизнь инока, забывъ о бранныхъ тревогахъ, возбужденныхъ между Западомъ и Востокомъ, его мощнымъ гласомъ.

XXV.

КОРОЛЕВСТВО ІЕРУСАЛИМСКАЕ ФРАНКОВЪ*.

Готфредъ, Балдуинъ, I. и II, и Фулькъ, игумень Русскій
Давидъ.

Весьма непрочно было состояніе новаго королевства Іерусалимскаго, послѣ удаленія крестовыхъ дружинъ, содѣйствовавшихъ къ его основанію: не болѣе двадцати городовъ или мѣстечекъ зависѣло отъ Готфреда, въ окрестностяхъ его священной столицы, и на сосѣднихъ другъ другу замкахъ, коими усѣяна была Палестина, хоругвь креста развѣвалась недалеко отъ знамени лжепророка. Турки, Арабы, Египтяне, перемѣшаны были въ селахъ съ Христіанскими подданными Готфреда,

* Michaud. histoire des Croisades, Liv. V.

туземными Сиріянами и Греками, и часто сіи послѣдніе страдали отъ притѣсненія Магометанъ, не находя безопасности въ слабо защищенныхъ городахъ. Западные же пришельцы оставляли новое свое отечество, которое для многихъ казалось изгнаніемъ; дабы привязать ихъ къ собственности Палестинской, обнародованъ былъ законъ, что всякой домъ, усадьба, или поле, послѣ годоваго постоянного владѣнія, остаются за настоящимъ владѣльцемъ.

Прежде всего озаботился Готфредъ расширеніемъ своихъ предѣловъ и усмиреніемъ Магометанъ. По его повелѣнію, Танкредъ вступилъ въ Галилею и, овладѣвъ Тиверіадою и другими городами по теченію Іордана, получилъ себѣ въ награду княжество Галилейское. Приморскій городъ Арсуръ, стоявшій между Кесарією и Яффою, отказался платить дань, наложенную послѣ побѣды Аскалонской; Готфредъ, съ своими рыцарями, пошелъ осаждать его; тогда жители привязали къ дереву одного изъ рыцарей, Герарда, оставленнаго у нихъ заложникомъ, и выставили его на стѣнахъ города, цѣлю стрѣль, чтобы принудить крестоносцевъ къ отступленію. Горько плакалъ Герардъ, умоляя братій своихъ о пощаду; но хотя зрѣлище сіе раздирало душу кроткаго Готфреда, оно не могло поколебать его твердости. «Если бы и братъ мой Евстаеій былъ на твоёмъ мѣстѣ, сказалъ онъ другу своему Герарду, я бы не могъ спасти его; умри же, благородный рыцарь, за вѣру и во славу Господа Іисуса, какъ истинный его витязь и мученикъ.» Умили-

тель столькихъ полчищъ, возвратясь въ отечество, заключился въ обитель, гдѣ еще шестнадцать лѣтъ велъ строгую жизнь инока, забывъ о бранныхъ тревогахъ, возбужденныхъ между Западомъ и Востокомъ, его мощнымъ гласомъ.

XXV.

КОРОЛЕВСТВО ІЕРУСАЛИМСКОЕ ФРАНКОВЪ*.

Готфредъ, Балдуинъ, I. и II, и Фулькъ, игумень Русскій
Данилъ.

Весьма непрочно было состояніе новаго королевства Іерусалимскаго, послѣ удаленія крестовыхъ дружинъ, содѣйствовавшихъ къ его основанію: не болѣе двадцати городовъ или мѣстечекъ зависѣло отъ Готфреда, въ окрестностяхъ его священной столицы, и на сосѣднихъ другъ другу замкахъ, коими усѣяна была Палестина, хоругвь креста развѣвалась недалеко отъ знамени лжепророка. Турки, Арабы, Египтяне, перемѣшаны были въ селахъ съ Христіанскими подданными Готфреда,

* Michaud. histoire des Croisades, Liv. V.

туземными Сиріанами и Греками, и часто сіи послѣдніе страдали отъ притѣсненія Магометанъ, не находя безопасности въ слабо защищенныхъ городахъ. Западные же пришельцы оставляли новое свое отечество, которое для многихъ казалось изгнаніемъ; дабы привязать ихъ къ собственности Палестинской, обнародованъ былъ законъ, что всякой домъ, усадьба, или поле, послѣ годоваго постоянного владѣнія, остаются за настоящимъ владѣльцемъ.

Прежде всего озаботился Готфредъ расширеніемъ своихъ предѣловъ и усмиреніемъ Магометанъ. По его повелѣнію, Танкредъ вступилъ въ Галилею и, овладѣвъ Тиверіадою и другими городами по теченію Іордана, получилъ себѣ въ награду княжество Галилейское. Приморскій городъ Арсуръ, стоявшій между Кесарією и Яффою, отказался платить дань, палоченную послѣ побѣды Аскалонской; Готфредъ, съ своими рыцарями, пошелъ осаждать его; тогда жители привязали къ дереву одного изъ рыцарей, Герарда, оставленнаго у нихъ заложникомъ, и выставили его на стѣнахъ города, цѣлю стрѣль, чтобы принудить крестоносцевъ къ отступленію. Горько плакалъ Герардъ, умоляя братій своихъ о пощаду; но хотя зрѣлище сіе раздирало душу кроткаго Готфреда, оно не могло поколебать его твердости. «Если бы и братъ мой Евстаеій былъ на твоёмъ мѣстѣ, сказалъ онъ другу своему Герарду, я бы не могъ спасти его; умри же, благородный рыцарь, за вѣру и во славу Господа Іисуса, какъ истинный его витязь и мученикъ.» Умили-

шійся Герардъ просилъ только молиться, о душѣ своей, и посвятить Св. гробу своего ратнаго коня и оружіе. Неудачна была осада; осенніе дожди принудили Готфреда отступить въ Иерусалимъ, съ горестію въ сердцѣ о напрасной гибели своего друга; но велика была общая радость, когда недѣлю спустя явился въ Иерусалимъ самъ оплакиваемый Герардъ, котораго пощадили невѣрные, ради его мужества, и возвратили Христіанамъ, чтобы снискать ихъ благосклонность. Готфредъ далъ ему въ награду горный замокъ Св. Авраама, къ юго-востоку отъ Виолеема.

Во время осады Арсура, многіе Эмиры Галилейскіе пришли привѣтствовать Короля Иерусалимскаго; они изумились, увидя мощнаго воителя, который потрясъ оружіемъ своимъ Востокъ, смиренно сидящимъ на разосланной по землѣ соломѣ, безъ всякаго наружнаго блеска. «Земля, изъ которой мы произошли и въ которую мы опять возвратимся, сказалъ имъ Готфредъ, не можетъ ли служить намъ сѣдалищемъ и во время жизни?» и еще болѣе подивились они столь смиренной рѣчи, исполненной мудростію ихъ Востока. Много рассказывали и о необычайной силѣ Готфреда: одинъ изъ Эмировъ просилъ показать ему силу руки своей, и Готфредъ, ударомъ меча, отрубилъ предъ нимъ голову верблюда; когда же стали подозрѣвать какую либо тайную силу, въ мечѣ Готфреда, онъ взялъ саблю Эмира и отсѣкъ голову другому верблюду. Богатырскій мечъ витязя и его рыцарскіи

шпоры донныя хранятся въ сокровищницѣ Иерусалимской.

По возвращеніи въ Иерусалимъ, Готфредъ радостно встрѣтилъ тамъ брата своего Балдуина, Графа Эдесскаго, и Князя Антиохійскаго Боемунда, съ остальными рыцарями и воинами креста, которые еще не посѣщали Св. мѣсть, будучи отвлечены въ иные предѣлы Сиріи; къ нимъ присоединилось множество поклонниковъ западныхъ, такъ что общее число посѣтителей восходило до двадцати пяти тысячъ. Былъ между ними и честолюбивый Архіепископъ Пизы, Даимбертъ, воспитанникъ Папы Григорія VII, ревностный защитникъ преобладанія церковнаго. Происками и дарами умѣлъ онъ исхитить сперва престолъ патріаршій Иерусалима, изъ рукъ Арнульда, который неправильно заступилъ мѣсто законнаго Святителя Греческаго; потомъ же наполнилъ, корыстолюбивыми распрями, раждающуюся Церковь Латинскую въ Св. градѣ. — Основываясь на томъ, что Халифъ Дагеръ, по ходатайству Греческаго Императора Романа, предоставилъ въ управленіе Патріарховъ Иерусалимскихъ четвертую часть города, которая прилегала къ храму Св. гроба, Даимбертъ потребовалъ себѣ сего участка, и не только уступилъ ему кроткій Готфредъ, но даже объявилъ всенародно, въ день пасхи, что башня или крѣпость Давида и Св. градъ будутъ принадлежать Церкви, въ томъ случаѣ, если самъ онъ умретъ безъ потомства.

Неустроенное состояніе новаго королевства, населеннаго людьми всякаго званія и исповѣданія, и

пришельцами, которые искали загладить тяжкія свои прегрѣшенія въ Иерусалимъ; самовольность духовенства, возбуждаемаго примѣромъ Патріарха, и вассаловъ, едва признававшихъ надъ собою власть своего Государя, побудили мудраго Готфреда, положить преграды умножавшимся беспорядкамъ. Онъ воспользовался присутствіемъ Князей и созвалъ людей опытныхъ, въ палаты Соломоновы, гдѣ имѣлъ пребываніе, чтобы составить уложеніе для новыхъ своихъ подданныхъ. Учреждены были три судилища: одно высшее, подъ предсѣдательствомъ самаго Короля, для первостепенныхъ вассаловъ и рыцарей; другое, гдѣ засѣдали намѣстникъ Иерусалимскій съ выборными окрестныхъ городовъ, рѣшало тяжбы горожанъ; третье судилище, составленное изъ природныхъ жителей Сиріи, занималось ихъ управленіемъ и вершило дѣла, по ихъ законамъ и на ихъ языкѣ. Все сіе законодательство, самое совершенное изъ всѣхъ узаконеній того времени, носило названіе Уложенія Иерусалимскаго, или грамоты Св. гроба. Оно послужило въ послѣдствіи и для управленія всѣхъ государствъ, основанныхъ крестоносцами на Востокъ, и принято было даже на Западъ.

Весною 1100 года, Князья и поклонники, посѣтивъ Иорданъ и Галилею, возвратились въ свои предѣлы. Готфредъ остался опять одинъ въ Иерусалимѣ, раздѣлять убожество своихъ подданныхъ и воиновъ, которыхъ не въ силахъ былъ даже содержать иначе, какъ ратною добычею. Одинъ только страхъ его имени поддерживалъ его владычество и

побуждалъ Эмировъ Аскалона, Кесаріи и Птолемаиды, добровольно платить ему подать, ибо города ихъ были гораздо крѣпче Иерусалима. Часто долженъ былъ подыматься Король на помощь Танкреду, непрестанно воюемому невѣрными; онъ доходилъ съ оружіемъ до Дамаска и горъ Ливанскихъ, и даже во внутренность Аравіи, какъ второй Иуда Маккавей, возстановившій некогда благосостояніе Иудей; но ему не суждено было довершить начатый подвигъ. Возвращаясь лѣтомъ, изъ-за Иорданскаго похода, занемогъ онъ недалеко отъ Яффы, такъ что уже не могъ держаться на конѣ. Флотъ Венеціанскій причалилъ туда, съ Дожемъ своимъ и Епископомъ, предлагая завоевать какой-либо изъ приморскихъ городовъ Сиріи. Умирающій Готфредъ предложилъ имъ Каіафу и, на одрѣ смертномъ, занялся всѣми распоряженіями осады. Самъ же велѣлъ нести себя въ Иерусалимъ, гдѣ еще пять недѣль, удрученный тяжкимъ недугомъ, продолжалъ заниматься дѣлами королевства, допуская къ себѣ всякаго. Общей плачь раздавался въ городѣ и въ церкви были наполнены народомъ, умолявшимъ Господа о спасеніи своего Государя; но не услышана была сія молитва. Причастившись Св. таинъ, Готфредъ испустилъ духъ 17 Іюля, чрезъ годъ послѣ завоеванія Иерусалима, и былъ погребенъ подъ освобожденною имъ Голгофою.

Распри возникли въ Иерусалимѣ, послѣ кончины перваго Короля. Патріархъ Даимбертъ, основываясь на исторгнутомъ имъ обѣщаніи Готфреда, требовалъ себѣ его наслѣдія; но всѣ, носившіе

оружіе, чувствовали необходимость въ воинственномъ Государь, посреди окружавшихъ опасностей. Родственники Готфреда, съ его рыцарями, заняли башню Давидову и послали пригласительное письмо къ брату покойнаго, Графу Эдесскому, Балдуину, чтобы поспѣшилъ вступить на осиротѣвшій престоль. Съ другой стороны, Танкредъ, только что овладѣвшій Каіафою, поспѣшилъ къ Іерусалиму по зову Патріарха; но предъ нимъ заключили врата Св. града. Честолюбивый Даимбертъ обратился къ Князю Антиохійскому, умоляя его спасти Церковь, какъ нѣкогда храбрый отецъ его, Робертъ Гвискардъ, спасъ Папу Григорія VII. изъ рукъ нечестивыхъ; но письмо сіе уже не застало Боемунда въ Антиохіи. Неосторожный Князь достался въ плѣнъ сильному Эмиру Туркомановъ, который увелъ его въ свои горы, и напрасно Графъ Эдесскій искалъ освободить его.

Услышавъ о кончинѣ брата, Балдуинъ уступилъ Эдессу родственнику своему, Графу Бургскому, и самъ поспѣшилъ въ Св. градъ, съ отборною дружиною, сквозь непріятельскую землю. Эмиры, Эмесскій и Дамасскій, хотѣли преградить ему путь въ ущеліяхъ Финикійскихъ, около Бейрута; но отважность Балдуина обратила ихъ въ бѣгство. Молва, о побѣдѣ надъ невѣрными, предшествовала ему въ Іерусалимъ; весь народъ, Греки и Сиріане, встрѣтили его со крестами, какъ законнаго своего Государя, и торжественно привели въ храмъ Св. гроба. Напрасно Патріархъ, съ малымъ числомъ приверженцевъ, удалился на Сіонъ. Балдуинъ хо-

тѣлъ ознаменовать, воинскимъ подвигомъ, вступленіе свое на славный престоль брата, и немедленно пошелъ въ походъ къ Мертвому морю, въ горы Аравійскія; тамъ обрѣлъ Греческій монастырь Аарона, въ цвѣтущей долинѣ, и самый источникъ, чудно изведенный Моисеемъ изъ утеса, когда Господь укорилъ его и брата, за ихъ сомнѣніе. Возвратившись съ добычею въ Іерусалимъ, Король примирился съ Патріархомъ и былъ вънчанъ имъ на царство, въ храмъ Виолеемскомъ, въ самый день рождества Христова. Балдуинъ не отказался, подобно смиренному брату своему, отъ вѣнца царскаго, въ смутныхъ обстоятельствахъ; но и онъ не смѣлъ принять его на томъ мѣстѣ, гдѣ страдалъ Искупитель міра; ясли Виолеемскія казались ему болѣе свойственными, для торжества царскаго, нежели Св. гробъ.

Тотчасъ по воцареніи, Балдуинъ искалъ привлечь правдою сердца новыхъ подданныхъ, и въ теченіе первыхъ двухъ недель, всякой день являлся на престоль, въ палатахъ Соломоновыхъ, рѣшая многочисленныя жалобы своихъ васалловъ. Онъ искалъ примириться съ Танкредомъ, который неправильно удерживалъ за собою Каіафу, и не будучи въ силахъ принудить его явиться, какъ васалла, предъ свое судище, заклиналъ священною памятію Готфреда, не нарушать мира своею непокорностію. Смирился Танкредъ и, на миролюбивомъ свиданіи, не только уступилъ Королю Каіафу, но и свое княжество Тиверіадское; самъ же пошелъ

управлять Антиохією, въ отсутствіе пльннаго Боемунда.

Въ одинъ изъ частыхъ походовъ, на берега Иордана, Балдуинъ имѣлъ случай оказать рыцарскую свою добродѣтель. Возвращаясь съ погони Магометанъ, услышалъ онъ вопли, недалеко отъ рѣки, и увидѣлъ женщину въ мукахъ рожденія. Балдуинъ покрылъ ее своею мантией, велѣлъ разослатъ для нея ковры, и привести самку верблюжью для новорожденного младенца; потомъ возвратилъ ее супругу; то былъ Эмиръ Сарацынскій, и онъ поклялся никогда не забывать великодушнаго поступка Балдуинова: ему случилось въ послѣдствіи исполнить свою клятву. Вскорѣ узналъ Король, что флотъ Генуэзскій причалилъ къ Яффѣ, и поспѣшилъ на встрѣчу воинственнымъ пришельцамъ, обѣщая уступить имъ треть всякаго города, который помогутъ ему завоевать на поморіи. Первый покорился Арсуръ, долго противившійся Готфреду; потомъ взята приступомъ богатая Кесарія, послѣ тщетныхъ переговоровъ и двухнедѣльной осады. Ужасно было разореніе сего цвѣтушаго города, который обогрелся весь кровію Магометанъ; обильная добыча досталась въ руки побѣдителей. Въ числѣ сокровищъ, Генуэзцы овладѣли чашею, которая, по преданію, служила будто бы для вечери тайной, и увезли ее съ собою на родину. Крестоносцы, съ общаго согласія, поставили аббата Герберта Архіепископомъ Кесаріи, опять съ нарушеніемъ правъ законныхъ святителей Греческихъ.

Прежде взятія Кесаріи, пришельцы западные посѣтили Иерусалимъ, для празднованія Пасхи, и тамъ были свидѣтелями чуднаго возженія Св. огня, въ великую субботу, какъ о томъ рассказываетъ въ своей летописи очевидецъ Фулькъ, капелланъ Короля Балдуина. — Онъ говоритъ, что когда поклонники пришли въ Иерусалимъ, весь городъ былъ въ смятеніи, потому что Св. огонь не являлся и верные цѣлый день оставались, въ тщетномъ ожиданіи, въ храмъ Воскресенія. Духовенство Греческое и Латинское уже нѣсколько разъ начинало пѣть: «Господи помилуй!» нѣсколько разъ начиналъ молиться и Патріархъ надъ Св. гробомъ, — небесное пламя не сходило ни на одну изъ его лампадъ. На другой день, въ самую пасху, клиръ и народъ собрались опять въ церковь и опять не являлось Св. огня. Тогда, какъ бы по небесному внушенію, духовенство Латинское и Король, со всемъ дворомъ своимъ, пошли крестнымъ ходомъ, босыми ногами, въ храмъ Соломоновъ, недавно обращенный ими въ церковь изъ мечети Омаровой; а между тѣмъ Греки и Сиріане, оставшіеся у Св. гроба, раздирая свои одежды, съ воплями призывали благодать Божію, и тогда наконецъ сошелъ Св. огонь; при видѣ его полились обильныя слезы, всѣ возгласили: «Господи помилуй!» и поспѣшили возжечь свѣчи, небесное пламя внезапно разлилось повсюду, при звукѣ трубъ и пѣніи псалмовъ и рукоплесканій народа; общаго радостію оживился весь Иерусалимъ*.

* Michaud, histoire des Croisades, T. II, Liv. V.

Любопытно сравнить съ описаніемъ западнаго богомольца, современное сказаніе, о томъ же событіи, Русскаго игумена Данила, который посѣтивъ Св. мѣста, въ царствованіе Балдуина, оставилъ намъ довольно подробное описаніе своего странствія, и былъ въ послѣдствіи избранъ Епископомъ въ Переяславль. Это первый изъ нашихъ соотечественниковъ, ходившій паломникомъ въ Иерусалимъ. Въ великую пятницу, Даниль пошелъ просить Балдуина, о дозволеніи ему поставить свое кандило на Св. гробъ, за всѣхъ Князей и за всю Русскую землю, и Балдуинъ уважилъ его прошеніе. Вечеромъ ввели Данила въ вертепъ Св. гроба, безъ обуви, и онъ поставилъ кандило стеклянное съ масломъ, въ ногахъ Св. гроба, а въ головѣ стояло Греческое (вѣроятно отъ Императора), на персяхъ же еще третіе кандило, всѣхъ монастырей Греческихъ въ Палестинѣ, и только эти три кандила возжглись; а Франкскія, повѣшенныя сверху, не зажигались Св. огнемъ. Въ полдень великой субботы, всѣ собрались предъ большею церковію Воскресенія Христова, ожидая открытія Св. вратъ, въ часъ пришествія царскаго: тогда все наполнилось народомъ, такъ что отъ множества задыхались въ храмъ и слышанъ былъ общій плачь; всякой человекъ боялся, чтобы ради его грѣховъ не удержанъ былъ съ неба Св. огонь; Король Балдуинъ, окруженный своею дружиною, со слезами стоялъ противъ Св. гроба, около вели-

* Путешест. ко Св. мѣстамъ 1850 г. четв. изд. Часть I.

каго алтаря. Прежде нежели идти въ храмъ, онъ позвалъ, съ подворья Св. Саввы, игумна и чернецовъ лавры, вмѣстѣ съ ними и Данила, и велѣлъ имъ стать на плоской крышѣ часовни Св. гроба; а Латинскіе священники стояли всѣ, въ большомъ алтарѣ, и двери гроба запечатаны были тройною печатію царскою. Послѣ полудня, православные иноки стали пѣть вечерню надъ Св. гробомъ, а Латыняне въ алтарѣ, по своему, и во время чтенія паремій, Епископъ, съ діакономъ, выходилъ изъ алтаря два раза къ Св. гробу, посмотрѣть сквозь затворенныя двери, не явился ли Св. огонь; но огня не было. Тогда всѣ люди со слезами начали взывать: «Господи помилуй!» и внезапно нашла отъ востока туча и стала надъ отверстымъ куполомъ храма, и шумный дождь оросилъ всѣхъ стоявшихъ надъ часовнею Св. гроба; вдругъ возсіялъ въ немъ свѣтъ и страшное блистаніе изъ него блеснуло. Епископъ, съ четырьмя діаконами, (вѣроятно Латинскій), отворилъ гробныя двери и, взявъ свѣчу изъ рукъ Короля, возжегъ ее первую, небеснымъ огнемъ, и вручилъ радостному Балдуину; а отъ его свѣчи возжглись и всѣ прочія. Свѣтъ же сей, говоритъ паломникъ, не таковъ, какъ отъ огня земнаго, но блистаетъ совершенно иначе, и тотъ, кто не сподобился самъ этой радости, не вѣритъ ей; всѣ воспріявшіе ее, со слезами вопіяли: «Господи помилуй!» Мнѣ же худому свидѣтелемъ Богъ и Св. гробъ, и вся дружина Русская, бывшая со мною, Новгородцы и Кіевляне. (Это показываетъ, что первый нашъ паломникъ

Даніилъ, съ многочисленными спутниками, посѣтилъ Св. мѣста).

Послѣ возженія Св. огня, всѣ возвратились въ дома свои, стараясь соблюсти отъ вѣтра свѣчи, чтобы симъ огнемъ возжечь у себя кандила и свѣчи, а въ великой церкви священники уже одни окончили вечернее пѣніе. «И мы съ игумномъ, пишетъ Даніилъ, возвратились въ свою обитель; на другой же день, послѣ утренни пасхальной, сотворивъ взаимное цѣлованіе, пришли во Св. гробъ насладиться благодатію Св. Духа, при горящихъ еще, небеснымъ огнемъ, трехъ кандилахъ православныхъ; а прочіе пять кандиль Франковъ, висѣвшихъ надъ гробомъ, горѣли совершенно инымъ свѣтомъ, и на нихъ не сошелъ небесный огонь, по свидѣтельству самихъ эконома и ключаря, которые, судя по сему сознанію, вѣроятно были изъ числа Грековъ, а не Латинякъ. — Послѣ трехъ дней, Даніилъ пришелъ взять свое кандило и, съ любовью облобызавъ святыню, измѣрилъ въ уединеніи длину и ширину Св. гроба. Ключарь, принявшій отъ него благословеніе, будучи тронутъ его ревностію, тайнѣ приподнялъ мраморную плиту и отломилъ ему кусокъ отъ камня гробнаго, съ клятвою запретивъ говорить о томъ кому либо въ Іерусалимѣ. Благочестивый паломникъ свидѣтельствуется Богомъ, что онъ не забылъ помянуть надъ Св. гробомъ и въ лаврѣ Св. Саввы, всѣхъ Князей и Княгинь и бояръ Русскихъ, и дѣтей своихъ духовныхъ, и въ числѣ Князей называетъ Святополка, Владиміра Мономаха, Давида, Олега, Ярослава, Андрея и Бо-

риса, призывая благословеніе Божіе на всѣхъ, которые будутъ читать его странствіе, на равнѣ съ посѣщавшими Св. мѣста.»

Повѣствованіе Даніила, не изобилуя красотами слога, замѣчательно по времени его хожденія, и хотя не даетъ яснаго понятія о зданіяхъ и мѣстности, однако представляетъ любопытныя свѣдѣнія о Греческихъ обителяхъ того времени; вѣроятно многія были тогда разрушены, какъ о томъ кратко говоритъ и Патріархъ Досифей, слагая вину на крестовые походы; ибо со времени завоеванія Св. земли Сарацинами, монастыри сіи держались въ мирныхъ рукахъ Грековъ, къ коимъ привыкли Арабы, и запустѣніе оныхъ было слѣдствіемъ притѣсненія Латинякъ и ихъ походовъ, раздражившихъ Востокъ. Первое мѣсто въ рассказъ Даніила занимаетъ лавра Св. Саввы, гдѣ онъ жилъ полтора года, выходя по времени для посѣщенія Св. мѣстъ, съ однимъ опытнымъ старцемъ. Какъ видно, не было тогда монастырей православныхъ въ самомъ Іерусалимѣ, гдѣ Франки недавно отняли ихъ у Грековъ, оставивъ единовѣрцамъ нашимъ однѣ лишь пустышныя обители. Не было въ то время и Патріарха въ Св. градѣ, ибо хотя однажды и упоминаетъ Даніилъ, о келліяхъ патріаршихъ близъ храма Воскресенія, но онъ принадлежали главѣ духовенства Латинскаго. При возженіи Св. огня великой субботы, игумень лавры былъ призываемъ отъ Короля и, какъ почетнѣйшій въ духовенствѣ Греческомъ, поставленъ на плоскую крышу часовни Св. гроба, внутри храма, между тѣмъ какъ Епи-

скопы, втроятно Римскіе, совершали обрядъ. Самое имя лавры Даниилъ исключительно относитъ къ одной обители Св. Саввы. Святыя мощи основателя, въ послѣдствіи увезенныя Венеціанами, покоились еще тогда въ его пустынь, вмѣстѣ съ тѣлами другихъ тамъ прославившихся угодниковъ.

Окрестности лавры и берега Иорданскіе, находившіеся въ непосредственномъ владѣніи крестоносцевъ, подробно описаны Данииломъ, ибо онъ могъ свободно посѣщать ихъ, безъ опасенія Сарацынъ, которые, по словамъ его, держались только въ Аскалонѣ и на горѣ Хевронской. Такимъ образомъ, недалеко отъ Св. Саввы, засталъ онъ еще крѣпкую обитель друга его Θεодосія, нынѣ разоренную, надъ тою пещерою, гдѣ отдыхали волхвы, и поклонился тамъ нетлѣннымъ останкамъ самаго аввы, его матери и матери Св. Саввы.

Въ долину Иорданской, Даниилъ видѣлъ нѣсколько монастырей, разсыпанныхъ по теченію рѣки, но изъ словъ его нельзя распознать взаимнаго ихъ положенія. При устьѣ Иордана, описываетъ онъ большой укрѣпленный монастырь Божіей матери, Каламони (благая обитель), воздвигнутый на мѣстѣ ея отдыха, когда бѣжала въ Египетъ, и по соудству называетъ другую, богатую и крѣпкую обитель Іоанна Златоуста. Нѣсколько выше обоихъ монастырей, нынѣ уже не существующихъ, паломникъ заходилъ въ лавру Св. Герасима Иорданскаго, которой развалины доселѣ видны, а еще выше, на краю русла, но не на самой рѣкѣ, долженъ былъ находиться знаменитый монастырь

Предтечи, близъ коего совершилось крещеніе Спасителя. Даниилъ называетъ его ветхимъ, дабы отличить отъ другаго укрѣпленнаго монастыря Предтечи, стоявшаго въ ущеліяхъ, на пути къ Иерусалиму отъ Иордана, подлѣ горы Ермонской. Онъ еще говоритъ о монастырѣ близъ Іерихона, Архангела Михаила, на мѣстѣ явленія вождя горнихъ силъ Іисусу Навину; тамъ показывали двѣнадцать камней, взятые сынами Израиля на память прохожденія чрезъ Иорданъ. Къ западу отъ Іерихона видѣлъ онъ гору искушенія, гдѣ въ обширной пещерѣ сорокъ дней постился Спаситель, и по соудству оной, посѣтилъ монастырь святаго Евѣимія, сооруженный въ долину, въ объемъ каменныхъ горъ; тамъ поклонился мощамъ великаго аввы и иныхъ угодниковъ. Но говоря о церкви и стѣнахъ сей обители, и о другой Св. Θεоктиста, лежавшей подъ горою, къ полдню отъ Евѣиміевой, Даниилъ отзывается о нихъ уже въ прошедшемъ времени, и жалуясь на большіе разбои въ сихъ ущеліяхъ, обвиняетъ поганыхъ въ разореніи обителей.

Ему удалось также видѣть дубъ Мамврійскій и, въ горѣ Хевронской, сугубую пещеру Авраама и другихъ Патріарховъ, надъ гробами коихъ были воздвигнуты нѣсколько церквей; но онъ посѣщалъ сіи мѣста подъ защитою воинской дружины, ибо Сарацыны имѣли крѣпость на Хевронѣ. Одинъ изъ ихъ Эмировъ провожалъ его до лавры Фаранской, на Мертвомъ морѣ, гдѣ обрѣтались тогда мощи строителя ея Св. Харитонія, Кириака, дѣтей Ксе-

нофонта и другихъ угодниковъ; а недалеко отъ Фарана великолѣпная церковь стояла надъ обширной пещерою, гдѣ покоились двѣнадцать Пророковъ. Описаніе Виолеема менѣе занимательно, ибо съ тѣхъ поръ ничего почти въ немъ не измѣнилось; остатки монастыря, построеннаго въ долину, гдѣ пѣли Ангелы, съ пастырями, и въ то время были уже развалинами. Вообще церкви, въ окрестности городовъ Иудейскихъ, болѣе потерпѣли, нежели въ пустыняхъ, гдѣ древніе скиты отшельниковъ, молитвами своихъ старцевъ, держались посреди Сарацинъ. Такъ и въ Горней стояли еще при Данилѣ неприкосновенными двѣ обители: одна Предтечи въ дѣбряхъ, пристроенная къ пещерѣ, гдѣ жилъ онъ младенцемъ, другая же Елисаветы, на память посѣщенія Св. Дѣвы, въ той веси, гдѣ родился Іоаннъ.

Касаясь окрестностей Іерусалима, игумень хвалитъ Иверскій монастырь, кратко упоминаетъ о великой церкви въ Виоаніи, надъ гробомъ Лазаря, и о другой, на мѣстѣ побіенія Стефана, у потока Кедрскаго, не говоря однако о ихъ состояніи. Но онъ засталъ уже только развалины древней обители, воздвигнутой надъ гробовою пещерою Богоматери въ Геосиманіи; быть можетъ Арабы разрушили оную во время прежнихъ приступовъ или послѣдней осады Іерусалима, по ея сосѣдству съ стѣнами города, дабы она не могла служить укрѣпленіемъ непріятелю. На Сионѣ, домъ тайной вечери былъ тогда Христіанскою обителію, подъ име-

немъ дома Іоанна Богослова. Далѣе, черезъ оврагъ долины Эннона, находилась, въ бытность игумна Данила, глубокая пещера, лицомъ къ Востоку, гдѣ каялся Апостоль Петръ; тридцатью ступенями туда спускались и надъ нею стояла великая церковь. — Что же касается до внутренности храма Воскресенія, то, чрезъ столько столѣтій ига, святыня сія сохранилась неизмѣнною. Замѣчательно описаніе знаменитой мечети Омара, обращенной крестопосцами въ церковь; подъ нею обрѣтался въ пещерѣ гробъ Пророка Захаріи, а посреди церкви стоялъ камень, на коемъ отдыхалъ Іаковъ, когда видѣлъ во снѣ лѣствицу, и потомъ боролся съ Ангеломъ; на томъ же камнѣ остановился Ангелъ смерти, поражавшій язвою народъ Давида.

Усердный паломникъ воспользовался походомъ Короля Балдуина къ Дамаску, чтобы испросить у него позволеніе идти, вслѣдъ за войсками, къ морю Галилейскому, и говорить подробно о пути своемъ чрезъ Неаполь, Самарію (гдѣ нашелъ богатый монастырь Франковъ надъ темницею Предтечи), къ истоку Іордана изъ Галилейскаго озера. Оставивъ тамъ крестопосцевъ, пошедшихъ далѣе въ Сирію, онъ посѣтилъ Тиверіаду, и ея окрестности. Но описывая всѣ мѣста, на коихъ совершались чудеса Спасителя, обильно изливаго благодать проповѣди и исцѣленій на берега Галилейскіе, онъ упоминаетъ только о двухъ церквахъ, въ его время тамъ существовавшихъ: одна, во имя Апостола Петра, въ

самомъ городѣ Тиверіадѣ, замѣнила домъ, гдѣ исцѣлилъ Господь тещу Петрову, а другая, во имя всѣхъ Апостоловъ, въ городѣ, стояла на поморіи, тамъ, гдѣ въ третій разъ явился имъ Воскресшій.

Гора Фаворская и Назаретъ возбудили также благочестивое любопытство Данила. Не смотря на опасность, онъ рѣшился одинъ совершить сіе путешествіе. Фаворъ чрезвычайно поразилъ его своею красотою; на мѣстѣ преображенія видѣлъ онъ богатый Латинскій монастырь и церкви, во имя Пророковъ Моисея и Іліи, обнесенные крѣпкою оградой, отъ коей видны нынѣ однѣ развалины. Прежде, по словамъ игумна, владѣли симъ мѣстомъ Епископы православные, такъ какъ и всѣми прочими обителями въ городахъ, которыя только со времени крестовыхъ походовъ перешли въ руки Франковъ. Городъ Назаретъ найденъ былъ Даниломъ почти въ томъ же состояніи, въ какомъ обрѣтается нынѣ. Тогда Франки недавно лишь обновили тамъ опустѣвшую обитель надъ пещерою Благовѣщенія. Акра находилась уже въ то время, по словамъ его, въ рукахъ крестоносцевъ, и съ ихъ дружиною возвратился онъ снова въ Св. градъ.

Осмнадцатилѣтнее царствованіе Балдуина есть одно изъ замѣчательныхъ явленій исторіи Иерусалимской; всякой годъ раздавался набатный колоколъ Св. града, возвышавшій приближеніе Сарацинъ, или слышанъ былъ торжественный звонъ, ради какихъ либо побѣдъ мужественнаго Короля, и по случаю пришествія новыхъ богомольцевъ съ

Запада на помощь поселенцамъ Восточнымъ; во все сіе время честное древо креста, предносимое въ битвахъ, почти никогда не оставалось въ храмѣ Воскресенія, странствуя въ станъ Христіанскомъ, какъ некогда кивотъ завѣта въ Израилевомъ. Геній Балдуина, съ малыми силами совершалъ великое, заставляя забыть прежніе его проступки, при началѣ крестоваго похода, а рыцарскій мечъ служившій ему скиптромъ, возвратился въ ножны тогда только, когда упокоился во гробъ его доблестный владѣлецъ.

Послѣ взятія Кесаріи, надмѣнный Халифъ Египта велѣлъ своимъ Эмирамъ, которые заключились въ стѣнахъ Аскалона, встрѣтить, на чистомъ полѣ, пищихъ Франковъ и привести ихъ скованными въ Каиръ. Балдуинъ встрѣтилъ непріятеля, съ тремястами рыцарей и девятьюстами пѣшихъ, и едва не сдѣлался жертвою своего мужества. «Франція далеко!» сказалъ онъ своимъ витязямъ, и давъ шпоры коню, съ бѣлымъ знаменемъ, бросился въ несмытную толпу Эгіоповъ, Турковъ и Арабовъ; но дружина Христіанская ужаснулась сего полчища и обратилась въ бѣгство. Тогда Архіепископъ Кесаріи и аббатъ, который носилъ честное древо вмѣсто Патріарха, бывшаго въ непріязни съ Королемъ, напомнили Балдуину, что вражда сія виною гнѣва Божія, и внушили ему чувства умиленія. Поручивъ десяти рыцарямъ храненіе честнаго креста, онъ ринулся съ остальными въ сѣчу и сломилъ враговъ нечаяннымъ напоромъ. Побѣдитель съ торжествомъ возвратился въ Яффу, гдѣ Королева, слы-

шавшая о первомъ пораженіи, уже оплакивала кончину своего супруга.

Въ томъ же году, Балдуинъ радушно встрѣтилъ державныхъ Графовъ и Князей, которые, погубивъ свои многочисленные полки въ ущеліяхъ Малой Азіи, убогими странниками пришли поклониться Св. гробу: они уже готовы были отплыть на родину, изъ Яффы, когда ихъ удержала вѣсть о новомъ нападеніи Египтянъ. Горькое пораженіе ожидало на сей разъ Христіанъ; Графъ Шартрскій, уже однажды оставившій крестоносцевъ подъ Антиохіею, погибъ въ битвѣ съ графомъ Бургундскимъ; Конрадъ, первый сановникъ имперіи Германской, съ другимъ именитымъ Графомъ Бургскимъ, достались въ плѣнъ врагамъ; самъ Балдуинъ принужденъ былъ бѣжать въ Рамлу; но ее осадили враги; и не было бы спасенія Королю Иерусалимскому, если бы не явился къ нему ночью тотъ Эмиръ Арабскій, котораго жену пощадилъ онъ на берегахъ Иордана: «Теперь время заплатить тебѣ священный долгъ, сказалъ онъ Балдуину, слѣдуй за мною немедленно, ибо завтра ты здѣсь погибнешь.» Спутники Короля убѣдили его сохранить жизнь свою, для блага церкви, и ночью укрылся онъ изъ Рамлы въ соседній Арзуръ. Въ то же время двѣсти судовъ западныхъ причалили къ Яффѣ; Балдуинъ убѣдилъ новыхъ пришельцевъ немедленно отмстить за его пораженіе, которое приписывалъ отсутствію честнаго древа креста, на полѣ битвы. Совершенная побѣда увѣнчала дружины Христіанъ, и радостный Король велѣлъ безмездно отпереть, для новыхъ при-

шельцевъ врата Св. гроба, которыя, какъ изъ сего явствуетъ, отворялись и тогда, только за извѣстную плату, ради доходовъ церкви Иерусалимской.

Услышавъ о пришествіи новаго флота Пизанъ и Генуэзцевъ, которые помогли графу Тулузскому Раймунду, распространить свою область на поморіи Сирійскомъ, Балдуинъ предложилъ имъ, на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, осадить Птолемаиду, и овладѣвъ городомъ, еще однажды разбилъ многочисленное войско Египетское, вышедшее изъ Аскалона. Таковы были первые подвиги брата Готфредова; но внутри Иерусалима все еще не имѣлъ онъ мира съ Патріархомъ Даимбертомъ. Арнульдъ, бывшій Патріархъ, оставшись въ качествѣ архидіакона при Св. гробѣ, возбуждалъ между ними вражду, доколь не принудилъ своего соперника удалиться въ Италію; послѣ двухъ новыхъ избраній патріаршихъ, достигъ онъ наконецъ желанной цѣли, и не смотря на сопротивленіе легатовъ папскихъ, проискавшими своими въ Римъ, достигъ опять кathedры Иерусалимской.

Прочіе Христіанскіе владѣтели Сиріи не имѣли успѣховъ Балдуиновыхъ, въ войнѣ съ невѣрными. Князь Антиохійскій Боемундъ, едва только освободившійся изъ плѣна, вмѣстѣ съ Танкредомъ и Графомъ Эдесскимъ Балдуиномъ, проникли въ Месопотамію и тамъ потерпѣли пораженіе, по своимъ распрямъ; съ трудомъ могли только спастись Боемундъ и Танкредъ, а ихъ союзники впали въ руки враговъ. Турки, одушевленные успѣхомъ, осадили Эдессу и угрожали Антиохіи; Князь Боемундъ, опа-

саясь нападеніи давняго своего непріятели, Императора Алексія, тайно отплылъ во Францію, собралъ противъ него новыя дружины и, отраженный Греками, окончилъ бурные дни свои въ прежнемъ убогомъ княженіи Тарентійскомъ. Танкредъ остался опять управлять Антиохіею до совершеннолѣтія сына Боемундова; а Балдуинъ графъ Эдескій, послѣ пятилѣтняго плѣна въ Багдадѣ, возвратившись въ свою область, едва могъ въ ней держаться противъ непрестанныхъ нападеній Турецкихъ. Въ это время скончался и престарѣлый Графъ Раймундъ, овладѣвъ съ помощію Короля Іерусалимскаго и сына своего Бертранда, приплывшаго изъ Тулузы, главнымъ городомъ новаго отдѣльнаго графства Триполи, которое по имени только было подчинено Королю.

Между тѣмъ, Балдуинъ продолжалъ распространять владычество свое вдоль поморія Сиріи, завоеваніемъ Бейрута и Сидона, и въ этомъ походѣ содѣйствовалъ ему Свенонъ, сынъ Короля Норвежскаго, пришедшій, съ десятью тысячами своихъ воиновъ, на священную брань въ Палестину. Но посреди воинскихъ успѣховъ, печально озаботили Короля мучительная смерть Графа Тиверіадскаго Жерве, взятаго въ плѣнъ Турками, и кончина доблестнаго Танкреда, мудро управлявшаго княжествомъ Антиохійскимъ. Танкредъ назначилъ по себѣ преемникомъ племянника своего Рогера, съ тѣмъ однако условіемъ, что уступить престолъ законному его наслѣднику, сыну Боемундову, когда возвратится изъ Италіи, и съ миромъ почилъ отъ всѣхъ

своихъ ратныхъ подвиговъ за Св. землю. Новое нашествіе ордъ Туркменскихъ, съ береговъ Каспійскаго моря, подвергло чрезвычайной опасности слабую владѣнія Христіанъ въ Сиріи; Балдуинъ, слишкомъ отважно вышедшій къ нимъ на встрѣчу до Галилейскаго озера, едва самъ избѣжалъ плѣна; страшное опустошеніе было слѣдствіемъ сего неудачнаго похода, который могъ бы сдѣлаться весьма гибельнымъ для всей Палестины, если бы Турки Дамасскіе не убоились сами дикихъ своихъ союзниковъ и не соединились съ Христіанами, для ихъ отраженія. Это былъ первый союзъ съ невѣрными воителями западныхъ, которые пришли въ Св. землю съ тѣмъ, чтобы истребить ихъ, и сильный ропотъ возникъ за то между благочестивыми.

Къ нашествію варваровъ присоединились еще другія бѣдствія — засуха, саранча и землетрясенія, опрокинувшія много городовъ въ Сиріи. Все это почитали знаменіемъ небснаго гнѣва за развратъ, водворившійся между поселенцами западными. Самъ Балдуинъ подалъ опасный примѣръ своимъ подданнымъ, когда развелся съ первою своею супругою, дочерью Греческаго Князя Эдессы, чтобы вступить въ бракъ съ богатою вдовою Рогера, Графа Сицилійскаго, которая приплыла на поклоненіе Св. мѣсть. Ни клиръ, ни народъ не роптали сперва на такое беззаконіе, обольщенные богатствами новой Королевы; но когда онѣ истощились и оскудѣли запасы хлѣба, привезенные изъ Сициліи, возникло позднее раскаяніе. Превжняя Королева, заключенная своимъ супругомъ

въ обитель Іоакима и Анны, которую основалъ онъ у воротъ Геосиманскихъ, отпросилась въ Царьградъ, для свиданія съ своими родственниками, и уже болѣе не возвращалась въ горькій для нея Іерусалимъ. Однако царственныя заботы Балдуина, о населеніи своей столицы, привлекали къ нему любовь народную. Онъ предложилъ у себя мирное пристанище Христіанамъ всякаго званія и исповѣданія, разсыяннымъ въ Аравіи, Сиріи и Египтѣ, и милостиво принималъ въ стѣны Іерусалимскія угнѣтаемыхъ невѣрными, раздавалъ имъ дома, сады и поля, такъ что въ его царствованіе процвѣлъ опять Св. градъ. Не забывалъ онъ милостынями своими и храмовъ Божіихъ, и учредивъ митрополию Латинскую въ украшенномъ имъ Виолеемъ, испросилъ у Папы Пасхалія, чтобы церкви всѣхъ городовъ, какіе въ послѣдствіе покорятся оружіемъ Христіанъ, зависли отъ престола Іерусалимскаго.

Одна только война могла поддерживать убогое состояніе Короля и его дружины, при отсутствіи всякихъ другихъ средствъ; Балдуинъ, совершая непрестанныя походы, основалъ крѣпость Каракъ въ каменистой Аравіи, достигъ береговъ Чермнаго моря, и даже до завѣтныхъ водъ Нила, близъ Пелусіи. Тамъ положенъ былъ предѣлъ его воинскимъ подвигамъ и жизни; внезапная болѣзнь раскрыла прежнія его раны. Чувствуя приближеніе кончины, Балдуинъ поспѣшилъ обратно въ Іерусалимъ: но въ пустыняхъ эль-Ариша застигъ его послѣдній часъ. Онъ умолялъ своихъ присныхъ, отнести хотя его умщенное тѣло въ Св. градъ, чтобы погреб-

сти подѣ Голговою, рядомъ съ Готфредомъ, и свято исполнили его послѣднюю волю: подѣ пещаными буграми эль-Ариша зарыли только его внутренности, и мѣсто сіе доселѣ слыветъ гробомъ Балдуиновымъ, между Арабами, которые рассказываютъ о немъ свои восточныя преданія; а съ умщеннымъ трупомъ рыцари продолжали путь свой къ Іерусалиму. Погребальное шествіе сіе приблизилось долиною Іосафатовою, къ Краснымъ вратамъ, въ небыло ваій, въ ту самую минуту, когда Патріархъ совершалъ иной торжественный ходъ, съ пальмами въ рукахъ, отъ горы Элеонской, а двоюродный братъ умершаго Короля, Балдуинъ Графъ Эдесскій, вступалъ въ городъ вратами Дамасскими, желая отпраздновать вмѣстѣ съ нимъ пасху. Нечаянная встрѣча мертваго Балдуина съ живымъ, въ часъ крестнаго хода, принята была Христіанами Іерусалимскими за указаніе Промысла; Графъ былъ единодушно провозглашенъ Королемъ и вѣнчанъ въ храмъ Воскресенія; графство же свое уступилъ онъ родственнику Іосселину Куртенайскому.

Первымъ дѣломъ благочестиваго Балдуина было созвать соборъ въ Наблузъ, городъ Самарійскомъ, подѣ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ и Патріарха Іерусалимскаго Гварамунда, для устроенія Церкви, которая страдала отъ частыхъ переменъ патріаршихъ, и для укрощенія соблазновъ, ибо развратъ доходилъ до высшей степени, отъ стеченія всякаго рода людей въ Іерусалимъ. Но соборъ сей, не смотря на благочестивую цѣль свою, послужилъ только для обличенія, а не для очищенія нравовъ.

Не усмирилось и честолюбіе духовныхъ властей Палестинскихъ, ибо преемникъ кроткаго Патріарха Гварамунда, Стефанъ, бывшій сперва воиномъ, сталъ нагло требовать, отъ втораго Балдуина, тоже, что и надмѣнный Даимбертъ отъ перваго, т. е. обладанія Іерусалимомъ; застигнутый внезапною смертію, которую иные приписывали яду, жестоко отвѣчалъ онъ пришедшему посѣтить его Королю, на вопросъ: «какъ онъ себя чувствуетъ?» — «такъ какъ ты сего желалъ!»

При самомъ началѣ своего царствованія, Балдуинъ долженъ былъ спѣшить на помощь княжеству Антиохійскому, правитель коего, неосторожный Рогеръ, палъ въ кровопролитной битвѣ противъ страшнаго Ильгази, властителя Алепскаго. Сопутствуемый честнымъ древомъ креста, Король одержалъ славную побѣду надъ полчищами Сарацинскими; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ самъ сдѣлался жертвою своего мужества, устремившись въ Эдессу, для освобожденія ея Графа Юсселина, котораго взялъ въ плѣнъ Балакъ, преемникъ побѣжденнаго имъ Султана Алепскаго. Неосторожный Балдуинъ, уже однажды испытавшій горестъ плѣна, когда еще былъ Графомъ Эдесскимъ, опять впалъ въ руки враговъ Христіанскихъ, и заключенъ былъ въ укрѣпленный замокъ. Напрасно покусились освободить его пятьдесятъ мужественныхъ юношей Армянскихъ, обречьіе себя на гибель для спасенія своего Государя. Тайно проникли они во внутренность стѣнъ и истребили стражу, но не было возможности бѣжать; спасся одинъ

только Юсселинъ; въ страннической одеждѣ достигъ онъ Св. града, и тамъ, сложивъ цѣпи свои на Св. гробъ, разсказалъ плачевную участь Короля гражданамъ Іерусалимскимъ. Между тѣмъ, раздраженный Султанъ, осадилъ въ замокъ Балдуина и прочихъ плѣнниковъ, взявъ ихъ опять, на груди развалинъ, и сохранивъ жизнь одному Королю, увелъ его съ собою въ Месопотамію. При первой вѣсти о плѣненіи Короля, Сарацены Египетскіе собрались на равнинахъ Аскалонскихъ, надѣясь, однимъ мощнымъ напоромъ, вытѣснить Христіанъ изъ всей Палестины; но, по звуку набатнаго колокола, выступили дружины изъ Св. града, подъ предводительствомъ Евстаѳія, Графа Сидонскаго, избраннаго въ намѣстники осиротѣвшему царству. Самъ Патріархъ несъ предъ полками честное древо креста, невыразимый ужасъ внезапно объявъ враговъ — они бѣжали съ поля битвы, и побѣдители съ торжествомъ возвратились во Св. градъ.

И послѣ сей побѣды не оставались праздными Христіане, во время плѣна своего Короля, такъ, что самые враги убѣдились въ малой для нихъ пользѣ, отъ его узъ. Венеціане, возбужденные успѣхами Пизанъ и Генуэзцевъ, приплыли съ большимъ флотомъ къ берегамъ Сиріи. Правитель королевства съ Патріархомъ вышли къ нимъ на встрѣчу до Акры, и на общемъ совѣтѣ положили осадить Тиръ или Аскалонъ. Брошенный жребій рѣшилъ осаду Тира, и соединенными силами подступили къ городу, Дождь Венеціи съ моря, правитель, Патріархъ и Графъ Триполійскій, съ суши, сдѣлавъ

прежде взаимное условіе, о раздѣлѣ добычи и города. Нѣсколько мѣсяцевъ длилась кровопролитная осада; но вѣсть о смерти Султана Алепскаго Балака, пораженнаго въ битвѣ Юсселиномъ, рѣшила сдачу Тира. Воспользовался сею смертію и Король Балдуинъ, чтобы освободиться отъ двухлѣтняго плѣна, посреди смятенія враговъ; онъ возвратился въ свою обрадованную столицу, и славную побѣдою, подъ стѣнами Дамаска, отмстилъ Мусульманамъ за прежній позоръ.

Халифу Египетскому. уже оставался только отъ всѣхъ его прежнихъ владѣній Сирійскихъ, одинъ Аскалонъ на поморіи, всегдашнее скопище Сарацинъ; но флоты его еще свободно ходили по Средиземному морю, угрожая прибрежнымъ городамъ. Халифъ же Багдадскій, ничтожный самъ по себѣ, страшень былъ Христіанамъ Палестинскимъ, только оружіемъ подвластныхъ ему Султановъ Дамаска, Алепа и Моссула, и иныхъ малыхъ Эмировъ отъ племени Ортока, которые укрѣпились въ Месопотаміи. Но самые опасные враги, для пришельцевъ западныхъ, были Туркоманы и Курды, дикими ордами непрестанно наводнявшіе Сирію, отъ пустынь Каспійскаго моря, и не менѣ страшные Князьямъ Магометанскимъ, сколько и Христіанскимъ. Съ ними особенно боролось графство Эдесское, на берегахъ Евфрата, прикрываемое съ сѣвера только мужественнымъ племенемъ Грузинъ, которые, подъ предводительствомъ воинственныхъ своихъ Царей, полагали твердую преграду варварамъ. Малое княжество, въ горахъ Армянскихъ, служило также оно-

рою Антиохіи съ сѣвера, но вмѣсто того, чтобы искать союза съ имперіею Греческою, она питала къ ней непримиримую вражду, со времени первыхъ распрей Алексія и Боемунда. Графство Триполійское, болѣе другихъ огражденное отъ нападенія враговъ, по своему счастливому положенію среди поселеній Христіанскихъ, могло только опасаться флотовъ Египетскихъ; но по его сосѣдству поселился, въ горахъ Ливанскихъ, страшный Шейхъ горъ, начальникъ секты Измаильтянъ или Ассасиновъ; онъ вооружалъ, изувѣрныхъ своихъ послѣдователей, кинжалами на ненавистныхъ ему Князей Христіанскихъ, и такъ страшно было его мщеніе, что самое имя Ассасиновъ сдѣбалось глаголомъ на языкѣ Франковъ, выражающимъ убійство.

Египтяне и Бедуины были природными врагами королевства Іерусалимскаго, которое расло къ югу въ каменистую Аравію и къ западу за Іорданъ, укрѣпляясь замками на пустынныхъ скалахъ. Непрестанные воители стекались къ нему изъ всѣхъ странъ Запада, и въ самомъ Іерусалимѣ образовались постепенно защитники Св. мѣсть, изъ рыцарей трехъ духовныхъ орденовъ, вступившихъ въ воинское братство; ибо въ сей юношескій возрастъ рыцарской Европы, и самая религія проявлялась не иначе, какъ подъ ратными доспѣхами. Страннопріимный домъ для пришельцевъ западныхъ, основавшійся въ Іерусалимѣ, еще со временъ Карла великаго, при церкви Св. Іоанна Предтечи, и одаренный щедротами Готфреда, за услуги оказанныя во время осады, преобразовался въ воин-

ственный орденъ рыцарей Св. Іоанна Іерусалимскаго, во дни перваго Короля Балдуина. Первымъ Великимъ Магистромъ ордена былъ благочестивый Герардъ, раздѣлявшій свои заботы между странниками и болящими, и вмѣстѣ бодрый воитель на полѣ битвы, съ дружиною своихъ витязей. Черная мантія, съ бѣлымъ осмиконечнымъ крестомъ, отличала ихъ отъ ордена Храмовыхъ рыцарей, совершенно воинственнаго, который былъ основанъ во дни Балдуина, девятью сподвижниками Готфреда, на мѣстѣ Соломонова храма, отъ чего и получилъ свое названіе. Рыцари храма посвятили себя единственно защитѣ богомольцевъ, на пути ихъ въ Іерусалимъ. Бѣлая мантія ихъ, съ багровымъ на ней крестомъ, служила всегда, въ горахъ Палестинскихъ, залогомъ спасенія убогимъ путникамъ, и при видѣ ея бѣжали хищные Бедуины. Самые капики Св. гроба, учрежденные Королемъ Готфредомъ, единственно для молитвы, измѣнили свое первоначальное назначеніе, для болѣе воинственнаго, ограждая мечемъ ввѣренный ихъ попеченію гробъ Спасителя. Таковы были вначалѣ сіи три ордена, обогатившіеся въ послѣдствіи обильными даяніями Европы, гдѣ два первые стали владѣть безчисленными замками и даже цѣлыми областями; ибо весь цвѣтъ благороднаго юношества искалъ вписаться въ ихъ славное братство.

Балдуинъ, не имѣя наслѣдниковъ, предложилъ руку дочери своей, Мелизнды, именитому пришельцу запада, Фулку, Графу Ангевинскому, воителю храброму и благочестивому. — Послѣднимъ дѣломъ

двѣнадцатилѣтняго царствованія Балдуинова была неудачная осада Дамаска, разстроенная страшнымъ наводненіемъ; по словамъ лѣтописи, казалось, хляби небесныя опять разверзлись, какъ во дни потопа, и весь стихіи возстали на Христіанъ. Опечаленный симъ урономъ, Король заболѣлъ вскорѣ по возвращеніи въ Іерусалимъ, и чувствуя приближеніе смерти, велѣлъ перенести себя въ келліи патриаршія, чтобы быть ближе къ Св. гробу. Тамъ онъ скончался, на рукахъ дочери и зятя, среди сътованія народа, который въ немъ оплакивалъ послѣдняго изъ сподвижниковъ Готфреда, испытаннаго многими бѣдствіями, но заботившагося о благѣ своихъ подданныхъ и чрезвычайно ревностнаго къ Церкви. — И онъ погребенъ былъ въ храмъ Воскресенія, если не подъ самую Голговою, то при входѣ, недалеко отъ двухъ его предшественниковъ, Готфреда и перваго Балдуина.

Когда воцарился Фулкъ, Христіанскія области Востока достигли уже высшей степени благоденствія; съ его времени начался ихъ упадокъ, сперва отъ внутреннихъ раздоровъ, потомъ же отъ возрастающаго могущества Атабековъ, которыхъ родъ, подъ смиреннымъ именемъ пѣстуновъ Князей Моссульскихъ, внезапно возвысился въ лицѣ сильнаго Зенги, надъ всеми Эмирами Сиріи. Едва лишь успѣлъ Фулкъ принять вѣнецъ надъ Св. гробомъ, какъ уже долженъ былъ идти умиротворить Антиохію, которую возмущало честолюбіе вдовствующей Княгини, дочери Балдуина. Мужественный сынъ Боемунда, палъ въ битвѣ противъ Туркоманъ, и

вдова его хотѣла управлять княжествомъ, во время малолѣтства своей дочери; она даже возбудила Графа Триполійскаго заградить путь идущему Королю. Фулкъ побѣдилъ и непокорнаго вассала и полчища Турковъ, нахлынувшихъ на беззащитную Антиохію, и, вызвавъ тайно изъ Франціи графа Раймунда Пиктавинскаго, сочеталъ его бракомъ съ наслѣдницею Боемунда; онъ помнилъ, что и самъ еще недавно, изъ чуждыхъ пришельцевъ, поступилъ на престолъ Іерусалимскій, посредствомъ брака съ Мелизендою. Надмѣнная сестра ея принуждена была удалиться въ Лаодикію; но тотъ же непріязненный духъ отозвался Королю и въ собственной его супругѣ, которая нарушила семейный миръ, мстительнымъ своимъ правомъ и благосклонностію къ одному изъ сильныхъ вассаловъ, Графу Яфскому.

Нашествіе Императора Греческаго Іоанна Комнина, сына Алексіева, который одержалъ многія побѣды надъ Турками и Армянами, въ Малой Азіи, и подступилъ съ сильнымъ войскомъ къ Антиохіи, встревожило опять Короля Іерусалимскаго. Беззащитный Князь Антиохійскій требовалъ помощи, а Графъ Триполійскій находился въ плѣну у Султана Дамасскаго, въ то время, какъ сынъ его принужденъ былъ бороться, со всеми силами Султана Моссульскаго. Самъ Король, выступивъ на помощь Раймунду, встрѣтилъ на пути могущественнаго Зенги, и былъ вынужденъ искать себѣ спасенія, въ стѣнахъ горнаго замка. Одно только великодушіе Императора спасло въ сію минуту Франковъ: удо-

вольствовавшись присягою Князя Антиохійскаго, онъ обратилъ свое оружіе противъ Магометанъ и рѣшился осадить Кесарію, вмѣстѣ съ войсками Франковъ; но и здѣсь безопасность Князя Антиохійскаго и Графа Эдесскаго, которые проводили время въ увеселеніяхъ, были виною неудачи Грековъ. Императоръ возвратился въ Антиохію, однако принудилъ своимъ походомъ, Атабека Зенги, выпустить изъ осады Короля Іерусалимскаго; но когда, въ послѣдствіи, Іоаннъ объявилъ свое намѣреніе идти поклониться Св. гробу, уstraшенный Фулкъ поспѣшилъ отправить къ нему посольство, приглашая его, не иначе какъ простымъ поклонникомъ, вступить въ Св. градъ, безъ всякаго величія царскаго. Императоръ, оскорбленный такими условіями, перешелъ обратно черезъ хребетъ Тавра, и когда въ скоромъ времени погибъ отъ ядовитой стрѣлы Турковъ, Франки безумно радовались его смерти, позабывъ, что лютейшимъ врагомъ Христіанства былъ Зенги. Сія ненависть и недовѣрчивость властителей Сиріи, къ природнымъ своимъ союзникамъ Грекамъ, возбуждаемая духовенствомъ Латинскимъ и честолюбіемъ Папъ, были виною скорого ихъ паденія въ Сиріи.

Зенги, котораго Архіепископъ Тира, Вильгельмъ, сравниваетъ, въ своей лѣтописи, съ землянымъ червемъ, безпрестанно движущимся, обнаружилъ свой замысль, овладѣть Дамаскомъ, и Султанъ сего города, забывъ вражду съ Христіанами, искалъ смиренно ихъ помощи. Онъ предложилъ Королю Іерусалимскому содѣйствовать ему, въ осадѣ города

Пансады, стоявшаго на истокахъ Иорданскихъ, чтобы потомъ отклонить, общими силами, оружіе завоевателя отъ Дамаска; союзныя войска Христіанъ и Магометанъ явились опять, какъ во дни перваго Балдуина, въ одномъ осадномъ станѣ. Не выдержалъ городъ двойнаго нападенія, ибо витязи обоихъ народовъ старались другъ передъ другомъ выказать свое мужество, и сдался Королю. Это было послѣднимъ подвигомъ четырнадцатилѣтняго правленія Фулка; онъ вскорѣ умеръ, отъ паденія съ лошади, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Балдуина и Алмерика, подъ управленіемъ матери ихъ Королевы Мелизенды.

Отрокъ Балдуинъ III. немедленно былъ въцѣпанъ на царство, въ церкви Св. гроба, и, отличными качествами души и тѣла, обѣщалъ славное царствованіе. Но честолюбивая мать держала сильною рукою кормило правленія, во время его малолѣтства, и не охотно уступала власть мужаящему Королю, возбуждая тѣмъ внутреннія несогласія. Неудачно было и первое воинское покушеніе юнаго Балдуина, который горѣлъ желаніемъ скорѣе заслужить себѣ рыцарскія шпоры, въ битвѣ противъ невѣрныхъ. Не смотря на мирныя представленія союзнаго Султана Дамаскаго, Балдуинъ выступилъ въ походъ, въ каменистую Аравію, противъ города Бостры; зависѣвшаго отъ Султана, ибо надѣялся на измѣну градоначальника, но она была во время открыта; войску Латинскому, изнуренному зноемъ и жаждою въ пустынь, надлежало идти въ обратный путь, подъ тучею стрѣлъ непріятели, посреди

зажженныхъ имъ терніевъ. Едва не погибли всѣ войны съ Королемъ, и только пламенная молитва Епископа Назаретскаго, который несъ честное древо креста, спасла задыхавшихся отъ дыма: пламя, гонимое вѣтромъ на Христіанъ, обратилось внезапно противъ невѣрныхъ. Жители Иерусалимскіе обрадовались спасенію юнаго Короля; но дорого стоилъ походъ сей Палестинѣ.

Тогда умеръ въ Эдессѣ престарѣлый Графъ ея Иосселинъ, славный въ битвахъ крестовыхъ перваго похода, и почти полвѣка послѣ того воевавшій съ Сарацынами въ Палестинѣ. При осадѣ одного изъ горныхъ замковъ, обрушилась подлѣ него башня и засыпала его своими развалинами; едва дышащаго извлекли изъ подъ обломковъ; но когда онъ услышалъ, что Султанъ Иконійскій наступилъ на его предѣлы и, что малодушествуетъ сынъ его Иосселинъ, старецъ велѣлъ нести себя противъ непріятели, и обративъ ихъ въ бѣгство, со славою смѣжилъ взоры на полѣ битвы. Недостойный сынъ славнаго родителя, Иосселинъ, забылъ опасность, угрожавшую его графству, отовсюду окруженному Турками, и оставивъ Эдессу, удалился на берега Евфрата, чтобы тамъ вполне предаться наслажденіямъ. Атабекъ Зенги, который уже властвовалъ надъ всею Месопотаміею, не упустилъ удобнаго случая овладѣть Эдессою въ отсутствіе ея Графа; онъ осадилъ слабый городъ, хотя и мужественно защищаемый народонаселеніемъ Армянъ и Халдеевъ. Никто не поспѣшилъ на помощь Эдессы, ни Король Балдуинъ, утратившій силы въ напрасномъ походѣ,

роль Иерусалимскій, съ Магистрами Страннопримныхъ и Храмовниковъ, за нимъ Король Франціи съ своего дружиною, Императоръ Конрадъ замыкалъ ихъ остатками собранныхъ имъ воиновъ. Станъ Христіанскій расположился въ цвѣтущихъ садахъ Дамаска, и необычайная отвага витязей, ревновавшихъ другъ передъ другомъ выказать удалство свое, поразила ужасомъ жителей; болѣе всѣхъ отличался, въ непрестанныхъ поединкахъ съ неприятелями, Императоръ Конрадъ. Любъ, отецъ страшнаго въ послѣдствіи Саладина, начальствовалъ въ Дамаскъ; при немъ находился и самъ будущій завоеватель Иерусалима. Уже начинали думать о сдачѣ города, когда возникли въ станъ Христіанъ обычныя распри о томъ, кто будетъ владѣть имъ, и ревность многихъ остыла, когда узнали, что Дамаскъ обреченъ былъ въ удѣлъ Графу Фландрскому. По мѣрѣ того, какъ упалъ духъ осаждавшихъ, возникало мужество осажденныхъ; несчастное рѣшеніе перенести станъ, изъ садовъ предмѣстія на южную сторону города, для удобнѣйшаго приступа къ стѣнамъ, спасло Дамаскъ; ибо толпа Курдовъ въ него проникла, чрезъ оставленные крестоносцами сады, а между тѣмъ зной и жажда стали истреблять войска ихъ, на голой равнинѣ. Въсть, о приближеніи Султановъ Алепа и Моссула, рѣшила крестоносцевъ оставить гибельную для нихъ осаду. Общее уныніе овладѣло вождами; напрасно Балдуинъ предлагалъ осадить Аскалонъ, Императоръ думалъ только о своемъ возвращеніи, и самъ Людовикъ, остававшійся болѣе года въ Па-

лестинъ, не совершилъ ничего достойнаго великихъ замысловъ. Раздоры и развращеніе нравовъ были источникомъ всѣхъ бѣдствій; ибо новые воители не имѣли уже простоты и набожности сподвижниковъ Готфреда.

Между тѣмъ, никогда Христіане Сирійскіе не имѣли нужды въ большей помощи. Раймундъ Князь Антиохійскій, виновникъ семейныхъ раздоровъ Франціи, палъ въ битвѣ подъ стѣнами Алепа, и голова его послана была къ Халифу въ Багдадъ. Графа Триполійскаго поразилъ невѣдомый кинжалъ Ассасиновъ, внутри собственной его столицы. Юсселинъ, бывшій Графъ Эдесскій, забытый крестоносцами, впалъ въ руки невѣрныхъ и окончилъ бѣдственную жизнь въ тюрьмахъ Алепа. Въ самомъ Иерусалимѣ царствовалъ раздоръ между Королемъ и его матерію; Балдуинъ осадилъ даже Мелизенду, въ башнѣ Давидовой, куда укрылась съ своими приверженцами. Пользуясь сими безпорядками, два Эмира изъ племени Ортока, властвовавшего нѣкогда въ Св. градъ, собрали войско въ Месопотаміи и расположились станомъ на горѣ Элеонской. Иерусалимъ спасенъ былъ только отчаяннымъ мужествомъ нѣсколькихъ рыцарей, которые одушевили своимъ примѣромъ объятыхъ ужасомъ жителей. Въ столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ, напрасно Король и Патріархъ, и оба Маистра зывали о помощи къ Европѣ: второй несчастный походъ охладилъ на Западъ страсть къ битвамъ. Папа и Епископы, дотоль ревностные, не смѣли проповѣдывать болѣе, о вѣнцахъ мученическихъ на Во-

стокъ; замеръ и краснорѣчивый голосъ на устахъ Бернарда; онъ только изумлялся таинственности судьбы Божіихъ, не благословившихъ столь священнаго начала, — «Какой позоръ для насъ, писалъ онъ Папѣ, ходившихъ повсюду съ вѣстію мира и радости? или мы напрасно трудились? или мы дѣйствовали не по волю Бога и его намѣстника? — Почто не призрѣлъ Господь посты и стенанія наши? какъ терпитъ онъ святотатный голосъ, хулящихъ его народовъ Аравіи, посмѣяющихся гибели его ратниковъ въ пустынь! Вся судьбы Божіи истинны! но сія послѣдняя есть столь ужасная бездна, что блаженъ, кто не соблазнится о ней!» — Таковъ былъ отголосокъ послѣдняго отца Западной церкви, какъ его прозвали современники, на собственную его проповѣдь о крестовыхъ битвахъ!

Когда упалъ духомъ Западъ, на Востокъ страшно возставало могущество Султана Нуреддина, сына Зенги, покорившаго себя всѣхъ мелкихъ Эмировъ Сиріи, и наконецъ утвердившаго столицу свою въ Дамаскъ, долго ему непокорномъ. Уже не было слышно о племени Сельджукидовъ, нѣкогда столь сильныхъ въ Сиріи; они только господствовали въ Персіи. Халифъ Багдадскій, какъ глава и блюститель исламизма, долженъ былъ признать своимъ единственнымъ защитникомъ Нуреддина, для сохраненія призрака своей власти и всего исповѣданія, потрясеннаго оружіемъ Христіанъ. Халифъ Фатимитовъ въ Египтѣ, ему враждебный, былъ также слабою тѣнію и игралищемъ визирей

своихъ, которые содержали его плѣнникомъ въ роскошныхъ палатахъ Каира. Прежде, нежели вступилъ въ состязаніе съ мощнымъ Нуреддиномъ, Король Балдуинъ рѣшился воспользоваться слабостію Египта и возбудить отъ унынія Христіанъ Палестинскихъ, смѣлымъ подвигомъ. Онъ подступилъ къ Аскалону, всегдашнему скопищу Сарацынъ, отколѣ громили они непрестанными набѣгами его предѣлы и куда безбоязненно приставали ихъ флоты. Не только всѣ рыцари и бароны, но даже Епископы Палестинскіе приняли участіе въ ратномъ дѣлѣ; Патріархъ сопутствовалъ съ честнымъ древомъ креста. Графъ Сидонскій подошелъ съ судами къ пристани Аскалонской. Уже два мѣсяца длилась осада, когда около пасхи, множество богомольцевъ западныхъ вышло на берегъ Сиріи: обрадованный Балдуинъ пригласилъ ихъ содѣйствовать успѣху брани, и умножилъ ихъ судами осадный флотъ. Мало помощи принесло Аскалону пришествіе Египетскаго флота; стѣнобитная башня, устроенная изъ корабельнаго лѣса, громила стѣны; напрасно старались истребить ее осажденные; возженное ими пламя обратилось, противнымъ вѣтромъ, на ихъ собственные стѣны и часть ихъ упала отъ треснувшихъ камней. Храмовники устремились на проломъ и городъ былъ бы въ рукахъ Христіанъ, если бы не увлекла рыцарей жажда корысти, которую не хотѣли раздѣлить съ другими; сами они были изгнаны ободренными жителями. Уже Король и его бароны начали отчаяваться во взятіи города и хотѣли отступить: Патріархъ съ

Епископами поддержали ихъ духъ, обѣщая именовъ Божіимъ побѣду; начались опять кровопролитныя приступы, но осажденные, не ожидая болѣе никакой помощи изъ Египта, рѣшились оставить него-степриимное для нихъ поморіе. Они предложили сдать Аскалонъ витязямъ креста, которые сами изумились столь нечаянному обороту дѣлъ. Черезъ три дня уже развѣвалось знамя Іерусалимское на стѣнахъ Аскалона*; жители его удалились въ Египетъ, куда открылся свободный путь Франкамъ, покореніемъ сей послѣдней твердыни.

Взятіе Аскалона было славнѣйшимъ изъ подвиговъ Балдуина. Тогда обратилъ онъ оружіе противъ Султана Дамассаго; но первое его состязаніе съ Нурединомъ было неудачно. Король, разбитый на берегахъ Іордана, едва спасся бѣгствомъ въ соседнюю крѣпость Сафатъ; городъ Панада достался въ руки непріятеля. Народъ Іерусалимскій уже отчаявался о жизни своего Государя, какъ вдругъ онъ явился въ Св. градъ; годъ спустя, воспользовавшись прибытіемъ Графа Фландрскаго, выступилъ опять противъ Сарацынъ, отнялъ у нихъ Кесарію, въ предѣлахъ Антиохійскихъ, и разбилъ самага Нуреддина, на берегахъ Іорданскихъ, отомстивъ ему жестоко за первое пораженіе. Бракъ Балдуина съ племянницею Императора Греческаго Мануила, кромѣ сокровищъ богатаго вѣна, столь необходимыхъ убогому престолу Іерусалимскому, подавалъ еще утѣшительныя надежды на будущее согласіе между Греками и Латинами, для

* 1154 годъ.

одолѣнія общаго врага ихъ; но вскорѣ рушились сіи надежды преждевременною кончиною доблестнаго Короля.

Не было мира и въ Іерусалимѣ, отъ соблазнительныхъ раздоровъ Патріарха съ рыцарями Странноприимными, которые не хотѣли платить ему узаконенной десятины своихъ доходовъ, и дошли даже до явной вражды; они соорудили стѣну прямо противъ входа въ храмъ Воскресенія, соседній ихъ замку, заглушали стукомъ оружія служебныя гимны внутри святилища, и даже преслѣдовали стрѣлами канониковъ Св. гроба, которые повѣсили стрѣлы сіи на Голгоѣ, въ обличеніе святотатства рыцарей. Напрасно престарѣлый Патріархъ искалъ на нихъ суда у Первосвященника Римскаго; и тамъ богатство заглушало голосъ истины; одна только смерть Патріарха прекратила распрю. Безмолвный ея свидѣтель, Король Балдуинъ, не въ силахъ былъ ее прекратить, властію своею въ собственной столицѣ, но призванъ былъ въ Антиохію, для примиренія тамошняго Латинскаго Патріарха съ Княземъ Ринальдомъ Шатильономъ, супругомъ вдовы Раймунда. Отложивъ всякой страхъ Божій и человѣческой, Ринальдъ не убоился выставить дряхлаго Святителя на верху башни Антиохійской, обмазавъ медомъ обнаженную голову его, при палящемъ солнцѣ. Король успѣшилъ укротить столь ужасное своеволие и водворить миръ церковный въ разстроенномъ княжествѣ; но путешествіе сіе стоило ему жизни. Онъ заболѣлъ въ Антиохіи, и причину его недуга приписывали отравѣ; чувствуя

ни Князь Антиохійскій Раймундъ, по личной враждѣ къ Графу Юсселину; а полчища Туркомановъ, Курдовъ и Арабовъ, ежедневно умножались подъ стѣнами осажденнаго города; послѣ двадцати дневной осады, страшнымъ приступомъ взята была Эдесса, и предана огню и мечу.

Ничего не пощадили въ ней лютые враги, ни возраста, ни пола, ни святыни храмовъ; одинаково погибли Епископы Православные, Латинскіе и Армянскіе, у ограбленныхъ алтарей своихъ; тысячами распроданы были въ неволю ея жители, а головы умерщвленныхъ съ торжествомъ отосланы къ Халифу Багдадскому, какъ дань его вѣрнаго васалла Зенги. Радостію исполнились все Магометане, отъ Багдада до Африки и Испаніи, услышавъ о паденіи Эдессы, ибо въ нихъ возникла надежда совершенно одолѣть Христіанъ на Востокъ; но не долго наслаждался побѣдою суровый Зенги; онъ былъ зарѣзанъ своими рабами, посреди воинскаго стана. Молодой Юсселинъ хотѣлъ воспользоваться смятеніемъ Магометанъ, и съ малымъ числомъ рыцарей овладѣлъ опять своимъ наслѣдіемъ; но никто изъ Князей не поддержалъ его. Сынъ Зенги, еще болѣе его славный Нуррединъ, Султанъ Алепа, подступилъ съ новыми силами, къ разореннымъ укрѣпленіямъ Эдессы, въ вышгородъ коей держалась стража Турецкая, — Юсселину оставалось искать спасенія въ бѣгствѣ. Ночью пробился онъ, съ остатками своихъ воиновъ и жителей, сквозь станъ осаждавшихъ: но большая часть ихъ погибла, во время сего отчаяннаго подвига, и раздраженный

Султанъ не пощадилъ Эдессы, дорого отмстивъ ей за кровь своихъ. Вѣсть, о вторичномъ ея паденіи, исполнила ужасомъ Св. градъ и весь Востокъ ожиданіемъ новыхъ бѣдствій.

XXVI.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ*.

Императоръ Конрадъ, Король Франціи Людовикъ VII. — Балдуинъ III.

Снова подвиглась Европа, по гласу Бернарда, игумна Кларивалійскаго, какъ некогда по зову пустытника Петра; второй крестовый походъ провозглашенъ былъ по всему Западу. Уже не одни Князья и владѣтельные Графы устремились къ священной битвѣ, но самъ Король Франціи Людовикъ VII, терзаемый упреками совѣсти, за пролитую имъ кровь у подножія алтарей, и его юная супруга Элеонора, съ цвѣтомъ блистательныхъ

* Histoire des Croisades, Liv. 6, 7, 8.

жець Франціи, и Конрадъ Императоръ Римскій. Все поколебалось, внимая Бернарду, который былъ возбудителемъ двухъ сильныхъ стремлений своего вѣка, — къ иночеству и крестовымъ битвамъ. Онъ послалъ отъ себя орденскій уставъ рыцарямъ Храма въ Иерусалимъ, и краснорѣчивыя его посланія обтекали Западъ и Востокъ, ибо и Папы и Цари становились въ ряды его учениковъ. «Стану до смерти сражаться за Церковь, восклицалъ онъ, и вмѣсто щита и меча употреблю собственное оружіе, слезы мои и молитвы къ Богу!» Пламенная ревность Бернарда, превозмогла колебаніе Короля Франціи, который, неохотно оставлялъ свое царство. На соборъ, созванномъ въ Бургундіи, явился проповѣдникъ крестовой брани и всѣхъ увлекъ огненною рѣчью: «Богъ небесный утратитъ ли землю, освященную столькими чудесами и его кровію, землю спасенія, гдѣ возникли первые цвѣты его воскресенія? Нынѣ Св. мѣста, обогранныя кровію непорочнаго Агнца, преданы мечу враговъ нашей вѣры, и грѣхи наши накликали бурю сію на святая святыхъ! Если бы кто возвѣстилъ вамъ, что непріятель взошелъ въ города ваши, расхитилъ жець и дѣтей, поругалъ храмы, кто бы изъ васъ не устремился къ оружію? — но не достигла ли до васъ вѣсть о болѣе ужасныхъ бѣдствіяхъ? Семейство Христово, которое есть вмѣстѣ и ваше, разсыяно мечемъ невѣрныхъ, и варвары раздѣлили наслѣдіе Божіе! Что еще медлите отмстить за обиду, нанесенную небесамъ? или дадите восторжествовать врагамъ, къ вѣчному своему позору? —

Богомъ живымъ, меня пославшимъ, заклинаю васъ, не навлеките на себя его гнѣва, равнодушіемъ къ его достоянію! горе тому, кто не обнажитъ меча!» Одушевленные рѣчью Бернарда, Король и всѣ владѣтельные васаллы и Епископы Франціи, бросились къ ногамъ проповѣдника и приняли отъ руки его крестъ. Папа Евгеній III, благословилъ Людовика въ крестовый путь. Бернардъ устремился въ Германію, и тамъ, на имперскомъ сеймѣ, возбудилъ медленнаго Конрада идти въ Палестину. «Какъ ты будешь защищать наслѣдіе Божіе, такъ и Богъ призритъ твое,» говорилъ онъ Государю, и Конрадъ, съ своими Князьями, произнесъ обѣтъ крестовый. — Опять двинулись несмѣтныя толпы крестоносцевъ, но уже въ большемъ порядкѣ; самъ Бернардъ не хотѣлъ быть вождемъ ихъ, памятуя судьбу пустытника Петра. Не смотря на предложенія Рогера, Короля Сицилійскаго, земной путь предпочтенъ былъ морскому. Первый выступилъ Императоръ, съ сотнею тысячъ войска, и благополучно достигъ Царьграда, гдѣ, съ внѣшними изъявленіями дружбы, принялъ его уstraшенный Императоръ Греческій Мануиль; внукъ хитраго Алексія, не охотно видѣлъ, подъ стѣнами столицы, соперника своего по имперіи, наслѣдника Кесарей Римскихъ, и поспѣшилъ переправить его черезъ проливъ въ Анатолю. Но бѣдственная участь первыхъ крестоносцевъ ожидала ихъ неопытныхъ послѣдователей, въ дикихъ ущеліяхъ Тавра. Войско, раздѣленное на двѣ части, обманутое проводниками Греческими, изнуренное труднымъ походомъ и недостаткомъ

припасовъ, нечаянно встрѣтилось съ многочисленными толпами Турковъ, и принужденное отступать въ безпорядкѣ, почти все погибло. Императоръ, съ немногими рыцарями, остаткомъ сильныхъ дружинъ, встрѣтилъ Короля Франціи, въ Никеи, и поклялся довершить съ нимъ походъ крестовый; но прежде возвратился въ Царьградъ, гдѣ былъ принятъ ласково, ибо уже не внушалъ страха.

Горькій опытъ Конрада не послужилъ на пользу Людовику. Съ болѣе устроеннымъ войскомъ, благосклонно принятый въ Царьградъ Императоромъ, съ трудомъ удержалъ онъ однако своихъ рыцарей, отъ осады столицы Греческой; ибо гласно о томъ проповѣдывалъ въ станъ Епископъ Лагренскій; Людовикъ ускорилъ переплыть Босфоръ. — Изъ Никеи отправился онъ вдоль поморія и благополучно достигъ Ефесса; на берегахъ Меандра опрокинулъ первыя полчища враговъ; но побѣда внушила ему самонадѣянность, и въ ущелияхъ Лаодикійскихъ едва самъ не погибъ, съ болѣею частью своего войска, при неожиданномъ нападеніи Турковъ. Отчаянное мужество спасло Людовика, оставленнаго всеми рыцарями; бѣдственный урокъ принудилъ его, хотя и поздно, къ болѣе осторожному походу. Великій Магистръ Храмовниковъ встрѣтилъ около Саталии упавшія духомъ войска. Впереди все опустошено было непріателемъ, и Король рѣшился, съ частью войска, съѣсть на суда, предлагаемыя Греками, чтобы моремъ достигнуть Антиохіи. Оставленные имъ на поморіи погибли, отъ измѣны Грековъ и меча Турковъ.

Другаго рода искушенія ожидали крестоносцевъ въ стѣнахъ Антиохіи. Хитрый Князь Раймундъ старался отклонить ихъ оружіе отъ Іерусалима, въ пользу собственныхъ владѣній; видя непреклонность Короля, обольстилъ онъ именитыхъ витязей и женъ, наслажденіями роскошнаго Востока, и овладѣвъ сердцемъ Королевы, былъ виною разрыва супружеской любви. Силою увлекъ ее Людовикъ въ Іерусалимъ, и уже боялся вступить въ предѣлы Графа Триполійскаго. Въ стѣнахъ Св. града Императоръ Германскій ожидалъ Короля Франціи; оба, лишенные войскъ своихъ, убогими богомольцами поклонились Св. гробу, который шли защищать съ такими полчищами. Дружелюбно встрѣтилъ ихъ, въ Іерусалимѣ, юный Король Балдуинъ съ матерію Мелизендою. Никогда столько царственныхъ особъ не было собрано въ стѣнахъ Св. града. Два Короля, двѣ Королевы и одинъ Императоръ, кромѣ владѣтельныхъ Князей, и никогда столько смиренія, вольнаго и невольнаго, не сопутствовало сему земному величію, посреди воспоминаній небеснаго убожества. Въ Птолемаидѣ назначено было совѣщаніе, о дальнѣйшемъ походѣ; но туда не явились ни Князь Антиохійскій, ни Графъ Триполійскій, ни самъ Юсселинъ Эдесскій, избѣжавшій смерти въ день гибели своей столицы; не было и рѣчи о ея освобожденіи, хотя имя Эдессы подвигло весь Западъ. Дамаскъ, еще не завоеванный страшнымъ Султаномъ Алепа, Нурединомъ, былъ избранъ цѣлю похода, и къ нему двинулось войско крестоносцевъ. Впереди всехъ шелъ Ко-

роль Иерусалимскій, съ Магистрами Страннопримныхъ и Храмовниковъ, за нимъ Король Франціи съ своего дружиною, Императоръ Конрадъ замыкалъ ихъ остатками собранныхъ имъ воиновъ. Станъ Христіанскій расположился въ цвѣтущихъ садахъ Дамаска, и необычайная отвага витязей, ревновавшихъ другъ передъ другомъ выказать удалство свое, поразила ужасомъ жителей; болѣе всѣхъ отличался, въ непрестанныхъ поединкахъ съ неприятелями, Императоръ Конрадъ. Аюбъ, отецъ страшнаго въ послѣдствіи Саладина, начальствовалъ въ Дамаскѣ; при немъ находился и самъ будущій завоеватель Иерусалима. Уже начинали думать о сдачѣ города, когда возникли въ станѣ Христіанъ обычныя распри о томъ, кто будетъ владѣть имъ, и ревность многихъ остыла, когда узнали, что Дамаскъ обреченъ былъ въ удѣлъ Графу Фландрскому. По мѣрѣ того, какъ упадалъ духъ осаждавшихъ, возникало мужество осажденныхъ; несчастное рѣшеніе перенести станъ, изъ садовъ предмѣстія на южную сторону города, для удобнѣйшаго приступа къ стѣнамъ, спасло Дамаскъ; ибо толпа Курдовъ въ него проникла, чрезъ оставленные крестоносцами сады, а между тѣмъ зной и жажда стали истреблять войска ихъ, на голой равнинѣ. Вѣсть, о приближеніи Султановъ Алепа и Моссула, рѣшила крестоносцевъ оставить гибельную для нихъ осаду. Общее уныніе овладѣло вождями; напрасно Балдуинъ предлагалъ осадить Аскалонъ, Императоръ думалъ только о своемъ возвращеніи, и самъ Людовикъ, остававшійся болѣе года въ Па-

лестинѣ, не совершилъ ничего достойнаго великихъ замысловъ. Раздоры и развращеніе нравовъ были источникомъ всѣхъ бѣдствій; ибо новые воители не имѣли уже простоты и набожности сподвижниковъ Готфреда.

Между тѣмъ, никогда Христіане Сирійскіе не имѣли нужды въ большей помощи. Раймундъ Князь Антиохійскій, виновникъ семейныхъ раздоровъ Франціи, палъ въ битвѣ подъ стѣнами Алепа, и голова его послана была къ Халифу въ Багдадъ. Графа Триполійскаго поразилъ невѣдомый кинжалъ Ассасиновъ, внутри собственной его столицы. Иоселинъ, бывшій Графъ Эдесскій, забытый крестоносцами, впалъ въ руки невѣрныхъ и окончилъ бѣдственную жизнь въ тюрьмахъ Алепа. Въ самомъ Иерусалимѣ царствовалъ раздоръ между Королемъ и его матерію; Балдуинъ осадилъ даже Мелизенду, въ башнѣ Давидовой, куда укрылась съ своими приверженцами. Пользуясь сими безпорядками, два Эмира изъ племени Ортока, властвовавшего нѣкогда въ Св. градѣ, собрали войско въ Месопотаміи и расположились станомъ на горѣ Элеонской. Иерусалимъ спасенъ былъ только отчаяннымъ мужествомъ нѣсколькихъ рыцарей, которые одушевили своимъ примѣромъ объятыхъ ужасомъ жителей. Въ столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ, напрасно Король и Патріархъ, и оба Магистра зывали о помощи къ Европѣ: второй несчастный походъ охладилъ на Западѣ страсть къ битвамъ. Папа и Епископы, дотолъ ревностные, не смѣли проповѣдывать болѣе, о вѣнцахъ мученическихъ на Во-

стокъ; замеръ и краснорѣчивый голосъ на устахъ Бернарда; онъ только изумлялся таинственности судьбы Божіихъ, не благословившихъ столь священнаго начала, — «Какой позоръ для насъ, писалъ онъ Папѣ, ходившихъ повсюду съ вѣстію мира и радости? или мы напрасно трудились? или мы дѣйствовали не по волѣ Бога и его намѣстника? — Почто не призрѣлъ Господь посты и стенанія наши? какъ терпитъ онъ святотатный голосъ, хулящихъ его народовъ Аравіи, посмѣяющихся гибели его ратниковъ въ пустынь! Всѣ судьбы Божіи истинны! но сія послѣдняя есть столь ужасная бездна, что блаженъ, кто не соблазнится о ней!» — Таковъ былъ отголосокъ послѣдняго отца Западной церкви, какъ его прозвали современники, на собственную его проповѣдь о крестовыхъ битвахъ!

Когда упалъ духомъ Западъ, на Востокъ страшно возставало могущество Султана Нуреддина, сына Зенги, покорившаго себѣ всѣхъ мелкихъ Эмировъ Сиріи, и наконецъ утвердившаго столицу свою въ Дамаскъ, долго ему непокорномъ. Уже не было слышно о племени Сельджукидовъ, некогда столь сильныхъ въ Сиріи; они только господствовали въ Персіи. Халифъ Багдадскій, какъ глава и блюститель исламизма, долженъ былъ признать своимъ единственнымъ защитникомъ Нуреддина, для сохраненія призрака своей власти и всего исповѣданія, потрясеннаго оружіемъ Христіанъ. Халифъ Фатимитовъ въ Египтѣ, ему враждебный, былъ также слабою тѣнію и игралищемъ визирей

своихъ, которые содержали его плѣнникомъ въ роскошныхъ палатахъ Каира. Прежде, нежели вступилъ въ состязаніе съ мощнымъ Нуреддиномъ, Король Балдуинъ рѣшился воспользоваться слабостію Египта и возбудить отъ унынія Христіанъ Палестинскихъ, смѣлымъ подвигомъ. Онъ подступилъ къ Аскалону, всегдашнему скопищу Сарацынъ, отколѣ громили они непрестанными набѣгами его предѣлы и куда безбоязненно приставали ихъ флоты. Не только всѣ рыцари и бароны, но даже Епископы Палестинскіе приняли участіе въ ратномъ дѣлѣ; Патріархъ сопутствовалъ съ честнымъ древомъ креста. Графъ Сидонскій подошелъ съ судами къ пристани Аскалонской. Уже два мѣсяца длилась осада, когда около пасхи, множество богомольцевъ западныхъ вышло на берегъ Сиріи: обрадованный Балдуинъ пригласилъ ихъ содѣйствовать успѣху брани, и умножилъ ихъ судами осадный флотъ. Мало помощи принесло Аскалону пришествіе Египетскаго флота; стѣнобитная башня, устроенная изъ корабельнаго дѣса, громила стѣны; напрасно старались истребить ее осажденные; возженное ими пламя обратилось, противнымъ вѣтромъ, на ихъ собственные стѣны и часть ихъ упала отъ треснувшихъ камней. Храмовники устремились на проломъ и городъ былъ бы въ рукахъ Христіанъ, если бы не увлекла рыцарей жажда корысти, которую не хотѣли раздѣлить съ другими; сами они были изгнаны ободренными жителями. Уже Король и его бароны начали стѣяться во взятіи города и хотѣли отступить: Патріархъ съ

Епископами поддержали ихъ духъ, обѣщая именемъ Божіимъ побѣду; начались опять кровопролитныя приступы, но осажденные, не ожидая болѣе никакой помощи изъ Египта, рѣшились оставить него-степриимное для нихъ поморіе. Они предложили сдать Аскалонъ витязямъ креста, которые сами изумились столь нечаянному обороту дѣлъ. Черезъ три дня уже развѣвалось знамя Іерусалимское на стѣнахъ Аскалона*; жители его удалились въ Египетъ, куда открылся свободный путь Франкамъ, покореніемъ сей послѣдней твердыни.

Взятіе Аскалона было славнѣйшимъ изъ подвиговъ Балдуина. Тогда обратилъ онъ оружіе противъ Султана Дамассаго; но первое его состязаніе съ Нурединомъ было неудачно. Король, разбитый на берегахъ Іордана, едва спасся бѣгствомъ въ соседнюю крѣпость Сафатъ; городъ Панада достался въ руки непріятеля. Народъ Іерусалимскій уже отчаявался о жизни своего Государя, какъ вдругъ онъ явился въ Св. градъ; годъ спустя, воспользовавшись прибытіемъ Графа Фландрскаго, выступилъ опять противъ Сарацынъ, отнялъ у нихъ Кесарію, въ предѣлахъ Антиохійскихъ, и разбилъ самага Нуредина, на берегахъ Іорданскихъ, отомстивъ ему жестоко за первое пораженіе. Бракъ Балдуина съ племянницею Императора Греческаго Мануила, кромѣ сокровищъ богатаго вѣна, столь необходимыхъ убогому престолу Іерусалимскому, подавалъ еще утѣшительныя надежды на будущее согласіе между Греками и Латинами, для

* 1154 годъ.

одолѣнія общаго врага ихъ; но вскорѣ рушились сіи надежды преждевременною кончиною доблестнаго Короля.

Не было мира и въ Іерусалимѣ, отъ соблазнительныхъ раздоровъ Патріарха съ рыцарями Странноприимными, которые не хотѣли платить ему узаконенной десятины своихъ доходовъ, и дошли даже до явной вражды; они соорудили стѣну прямо противъ входа въ храмъ Воскресенія, сосѣдній ихъ замку, заглушали стукомъ оружія служебныя гимны внутри святилища, и даже преслѣдовали стрѣлами канониковъ Св. гроба, которые повѣсили стрѣлы сіи на Голгоѣ, въ обличеніе святотатства рыцарей. Напрасно престарѣлый Патріархъ искалъ на нихъ суда у Первосвященника Римскаго; и тамъ богатство заглушало голосъ истины; одна только смерть Патріарха прекратила распрю. Безмолвный ея свидѣтель, Король Балдуинъ, не въ силахъ былъ ее прекратить, властію своею въ собственной столицѣ, но призванъ былъ въ Антиохію, для примиренія тамошняго Латинскаго Патріарха съ Княземъ Ринальдомъ Шатильономъ, супругомъ вдовы Раймунда. Отложивъ всякой страхъ Божій и человѣческой, Ринальдъ не убоился выставить дряхлаго Святителя на верху башни Антиохійской, обмазавъ медомъ обнаженную голову его, при палящемъ солнцѣ. Король успѣшилъ укротить столь ужасное своеволие и водворить миръ церковный въ разстроенномъ княжествѣ; но путешествіе сіе стоило ему жизни. Онъ заболѣлъ въ Антиохіи, и причину его недуга приписывали отравѣ; чувствуя

приближеніе кончины, Балдуинъ спѣшилъ въ Иерусалимъ къ Св. гробу; — тамъ упокоились только его кости. Доблестный юноша скончался въ Бейрутѣ, послѣ пятнадцатилѣтняго царствованія, оплакиваемый своими подданными и всеми Христіанами Сиріи, которыхъ былъ послѣднею опорою. Самъ Нуреддинъ, исполненный благородства, почтилъ справедливую горестъ враговъ своихъ и оставилъ всякое воинское дѣйствіе, чтобы Христіане могли свободно отнестъ тѣло усопшаго Короля своего въ Иерусалимъ. Братъ его Алмерикъ, ненавидимый всѣми за свою гордость и корыстолюбіе, заступилъ его мѣсто, не безъ малыхъ усилій, ибо главные бароны и Епископы не хотѣли видѣть его на престолѣ Иерусалимскомъ. Одинъ только страхъ возбудить междоусобіе, нарушеніемъ законнаго престолонаслѣдія, посреди угрожавшей опасности отъ Сарацинъ, могъ примирить подданныхъ съ Алмерикомъ, и онъ былъ вѣнчанъ, рукою Патріарха, въ храмъ Воскресенія.

* 1166 годъ.

XXVII.

УПАДОКЪ КОРОЛЕВСТВА.

Америкъ I. Балдуинъ IV и V. Лузиньянъ. — Св. Евфросинія Полоцкая.

Едва воцарился Алмерикъ, какъ обратилъ уже взоры на Египетъ, и съ малымъ войскомъ быстро перейдя пустыню, принудилъ Халифа, купить миръ цѣною золота. Легко было одолѣть Египетъ при внутреннихъ его раздорахъ: два визиря оспаривали другъ у друга верховную власть, у подножія престола, на коемъ держали они своимъ плѣнникомъ послѣдняго изъ рода Фатимитовъ, Халифа Адида. Визирь Шаверъ, изгнанный соперникомъ, обратился къ могущественному Султану Дамаска, и Нуреддинъ послалъ съ нимъ опытнѣйшаго изъ своихъ Эмировъ, Ширку, дядю Саладина, для завоеванія Египта. Испуганный Халифъ, съ своей стороны, просилъ помощи Франковъ, и опять вооружился Алмерикъ. Эмиръ предупредилъ

Короля и успѣлъ овладѣть Каиромъ; но у него самага возникла распря съ визиремъ, и Шаверъ въ свою чреду искалъ помощи у Алмерика, объщая ему все то, что предлагалъ вождю Сирийскому; послѣ многихъ битвъ Ширку принужденъ былъ оставить Египетъ. Жестоко отплатилъ Султанъ поражение войскъ своихъ Христіанамъ Сирийскимъ; въ числѣ его плѣнниковъ были Князь Антиохійскій, третій Боемундъ, и Триполійскій Графъ Раймундъ; давно уже томился въ его узахъ и Ринальдъ Шатильонъ, бывший правитель Антиохіи. Одушевленный симъ успѣхомъ, онъ рѣшился покорить Египетъ, и самъ Халифъ Багдада провозгласилъ священную войну противъ закоснѣлаго врага своего, Халифа Фатимитовъ, ибо онъ хотѣлъ, чтобы одно только имя Абассидовъ оглашалось во всѣхъ мечетяхъ исламизма, какъ законныхъ наслѣдниковъ Пророка Мекки.

Смятенный властитель Египта искалъ опять спасенія, въ союзъ съ Франками, и послы его явились въ Іерусалимъ. Обрадовалось корыстолюбивое сердце Алмерика такому зову; онъ собралъ королевскій сеймъ въ Наблузъ и требовалъ чрезвычайной помощи, представляя всѣ выгоды Египетскаго похода. Уже грозный его соперникъ Ширку проходилъ пустынею, вокругъ областей Христіанскихъ, и утратилъ отъ пещаной бури половину войска, но и остатками силъ своихъ навелъ ужасъ на Египетъ. Король медлилъ сражаться, заботясь только о богатой дани, и упустилъ благоприятное время для истребленія враговъ; они успѣли удалиться

съ честью и безъ урона. Сто тысячъ ефимковъ золота, роскошные дары и стража Христіанская въ Каиръ были слѣдствіемъ сего похода; но Алмерикъ, увлеченный жаждою большей корысти, уже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на свое убогое царство, послѣ сокровищъ Египетскихъ; имъ овладѣло гибельное желаніе завоевать страну своихъ союзниковъ. Бракъ съ племянницею Императора Мануила еще болѣе возбудилъ его надежды; онъ старался склонить властителя Греческаго къ завоеванію Египта, и Мануиль обѣщалъ ему сильное содѣйствіе, деньгами и флотомъ. Напрасно благоразумные совѣтники, и особенно Великій Магистръ Храмовниковъ старались отклонить Короля отъ несчастнаго похода, представляя незаконнымъ такое нарушеніе союза, хотя и съ невѣрными, тѣмъ болѣе, что настоящая опасность грозила отъ Султана Сириі, который держалъ въ плѣну трехъ Князей Христіанскихъ. Король не терпѣлъ противурѣчій, и Великій Магистръ Страннопріимныхъ поддерживалъ его сторону, въ надеждѣ на несмѣтные богатства Египта, коихъ жаждалъ не менѣе Алмерика. Такимъ образомъ Король Іерусалимскій и Султанъ Дамасскій, въ одно время, устремились на Египетъ, стараясь оправдать другъ передъ другомъ несправедливыя свои притязанія; въ церквахъ Христіанскихъ, равно какъ и въ мечетяхъ Сирийскихъ, одинаково возсылались объты о сокрушеніи престола Фатимитовъ.

Изумились Египтяне нашествію Франковъ и ихъ жестокости, при взятіи Билбеиса; раздраженный

народъ изгналъ стражу Христіанскую изъ Каира и укрѣпилъ его, предавъ огню богатое предмѣстіе. Халифъ обратился къ закоснѣлому врагу своему Нуредину, съ мольбами о защитѣ, и обрадованный Султанъ послалъ, въ третій и послѣдній разъ, Эмира Ширку, покорить Египетъ. Между тѣмъ хитрый визирь Шаверъ, обѣщаніями богатой дани, задержалъ шествіе Короля, напрасно ожидавшаго помощи отъ Грековъ. Въмѣсто нихъ явился страшный Ширку, съ войсками Сирійскими, и со стыдомъ долженъ былъ удалиться черезъ пустыню. Король Алмерикъ, ибо не въ силахъ былъ бороться съ удвоенными силами Султана и Халифа. Но и визирю стоила жизни побѣда Сирійцевъ: эмиръ Ширку отмстилъ ему за прежнюю измѣну, и когда самъ скоростижно скончался, среди своихъ побѣдъ, славный его племянникъ Саладинъ, избранъ былъ Халифомъ на его мѣсто, для собственной гибели Фатимитовъ и для гибели Христіанъ.

Еще однажды устремился Алмерикъ на Египетъ, съ флотомъ Греческимъ, который, подошелъ къ пристани Птолемаидской, но походъ его окончился тщетною осадой Даміеты. Несчастныя покушенія Франковъ на Египетъ должны были имъ напомнить древнюю заповѣдь, данную некогда Евреямъ: не обращать взоровъ своихъ на Египетъ. Не ожидая болѣе помощи отъ Запада, Король Іерусалимскій положилъ всю свою надежду на Императора и отплылъ въ Царьградъ, предоставивъ Господу Іисусу управлять его царствомъ, какъ онъ самъ отзывался, ибо не было иной защиты обуръ-

ваемому со всѣхъ сторонъ врагами. Блистательный пріемъ, при дворѣ императорскомъ, не принесъ однако никакой пользы Алмеріку; одно только страшное землетрясеніе, обрушившее многіе города въ Сиріи, остановило на время Султана Дамасскаго отъ дѣйствій воинскихъ. Каждый Князь и народъ занятъ былъ собственными бѣдствіями; страхъ суда Божія удержалъ обоюдное оружіе, говоритъ Вильгельмъ Архіепископъ Тирскій, пользовавшійся милостями Короля Алмеріка, и бывшій наставникомъ его болѣзненнаго сына.

— Въ послѣдніе годы рыцарскаго королевства, посѣтила Св. мѣста другая знаменитая паломница Русская, духовнаго сана, игуменія, но вмѣстѣ и княжна, дочь Князя Полоцкаго Брючислава. Св. Евфросинія избрала самое благопріятное время для своего странствованія, ибо въ 1173 году, хотя оставалось только пятнадцать лѣтъ до завоеванія Іерусалима Саладиномъ, однако еще со славою царствовалъ Король Алмерикъ, и по браку своему съ Марією, дочерью Греческаго Императора Мануила, вѣроятно ласково принялъ княжну Русскую. Краткое описаніе ея хожденія и блаженной кончины осталось намъ въ ея житіи*.

«Св. Евфросинія, поручивъ обитель сестръ своей Евдокіи, и возложивъ упованіе на Бога, пустилась въ преднамѣренный путь, будучи далеко провожаема всѣми родными, съ горькими слезами. Она взяла съ собою брата своего Давида и родственницу Евпраксію, и сперва пришла въ Царьградъ, гдѣ съ

* Четія Миняя 23 Мая.

честью принята была Императоромъ и Патриархомъ. Достигнувъ Иерусалима, поклонилась животному гробу и поставила на немъ золотое кандило, церкви же Иерусалимской и Патриарху поднесла богатые дары. Когда же, съ умилениемъ сердца, обошла весь Св. мѣста, поселилась въ монастырь, называвшемся Русскимъ, при церкви пресвятыя Богородицы. Пришедши однажды ко гробу Господню, Св. Евфросинія такъ помолилась надъ нимъ со слезами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, родившійся отъ пресвятыя дѣвы Маріи, ради нашего спасенія, и сказавшій: просите и дастся вамъ, — благодарю твое благоутробіе, что я грѣшная, чего просила у тебя, то получила: ибо сподобилась видѣть Св. мѣста, которыя, ты освятилъ пречистыми своими стопами, и цѣловать Св. гробъ твой, въ коемъ ты почилъ твоею плотію, смерть за насъ подъявшею: но и еще у тебя, о преблагій Владыко, прошу единаго дара: дай мнѣ и окончить дни мои на сихъ Св. мѣстахъ. Не презри смиреннаго моленія моего, Создатель мой, прими мою душу въ семъ святомъ твоемъ градѣ, и водвори ее со угодившими тебѣ, на лонѣ Авраамовомъ.» Св. Евфросинія, возвратившись въ обитель, гдѣ имѣла пристанище, вскоре заболѣла и, уже на одрѣ смертномъ, благодарила Господа, что послушала недостойную свою рабу. Ей хотѣлось побывать на Иорданѣ, но уже не доставало силъ, и потому просила брата своего Давида, принести ей оттоль священной воды. Блаженная, принявъ воду сію съ великою радостію и благодареніемъ, пила ее и

облила ею все свое тѣло, благословляя Господа, просвѣщающаго и освящающаго всякаго чловѣка, грядущаго въ міръ. Было ей въ болѣзни Ангельское явленіе, съ извѣщеніемъ о блаженной кончинѣ, и преподобная исполнилась духовной радости, о Богѣ Спасѣ своемъ. Потомъ послала она въ лавру святаго Саввы, просить Архимандрита и братію, чтобы дали ей мѣсто на погребеніе въ ихъ обители; но они отказали, говоря: «заповѣдь имѣемъ отъ святаго отца нашего Саввы, чтобы никогда не погребать жены въ его обители; но есть Θεодосіевъ общежительный монастырь Пречистыя Богородицы, въ коемъ многія жены покоятся: тамъ и мать Св. Саввы, и мать Св. Θεодосія, и мать святыхъ безсребренниковъ, Θεодотія, и еще иныя; посему и богоугодной Евфросиніи прилично быть тамъ положенной.» Услышавъ сіе преподобная возблагодарила Бога, изволяющаго, чтобы тѣло ея положено было съ мощами святыхъ женъ, и послала въ обитель преподобнаго Θεодосія, съ тою же просьбою, и тамъ иноки показали мѣсто для ея могилы, въ церковномъ притворѣ. Двадцать четыре дня продолжалась болѣзнь ея; когда же почувствовала приближеніе кончины, она призвала пресвитера, причастилась божественныхъ таинъ, и на молитвѣ предала святую свою душу въ руки Божіи, 23 Мая; съ честью погребена была Княжна Русская, въ обители преподобнаго Θεодосія, въ паперти церкви Пресвятыя Богородицы. Братъ же ея Давидъ и родственница Евпраксія возвратились въ свое отечество, въ городъ Полоцкъ, куда при-

несли вѣсть о блаженной кончинѣ и честномъ погребеніи преподобной Евфросиніи.

Говоря о молитвенныхъ подвигахъ святой соотечественницы нашей, любопытно изчислить и рядъ Патріарховъ Іерусалимскихъ, заочно бодрствовавшихъ надъ своею паствою, какъ называетъ ихъ въ своей исторіи преемникъ ихъ Досіеѣй*. Когда Король Іерусалимскій Балдуинъ III, завоевалъ Аскалонъ, православнымъ Патріархомъ Св. града былъ уже Евхерій, а за нимъ Іаковъ. Еще иной Патріархъ Арсеній упоминается, въ нѣкоей древней хартіи, по случаю утвержденія иноческаго устава для монастыря Св. Евѣимія, который въ 1145 году обновилъ внутри стѣнъ Іерусалимскихъ, нѣкто авва Герасимъ, при содѣйствіи Анны Императрицы Трапезундской, и съ нимъ названы Митрополиты Германъ Васанскій, Матѣей Газскій и Илія Виолеемскій: это показываетъ однако, что и православные сохранили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, своихъ Архіереевъ. Еще два Патріарха Іерусалимскіе подписали имена свои на соборахъ, бывшихъ въ Константинополь при Императорѣ Мануилѣ Комнинѣ, въ 1156 и 1166 годахъ, противъ тѣхъ, которые отвергали таинство евхаристіи и равенство Сына со Отцемъ. Первый изъ сихъ Святителей былъ Іоаннъ, писавшій также противъ опрѣсноковъ Латинскихъ, а второй Никифоръ.

Между тѣмъ Саладинъ укрѣплялся въ Египтѣ, довершая покореніе земли сей, будто бы во имя Нуреддина, но уже замышляя собственное влады-

* Кн. VII. гл. 28.

чество. Онъ уничтожилъ тамъ Халифатъ Фатимитовъ, болѣе двухъ вѣковъ враждебный Абассидамъ; ихъ черное знамя замѣнило опять бѣлое потомковъ Алія, и во всѣхъ мечетяхъ Ислама стали поминать одно только имя Халифа Багдадскаго. Адидъ, послѣдній изъ Фатимитовъ, не вѣдая самъ, во глубинѣ своихъ чертоговъ, о совершившейся вокругъ него перемѣнѣ, внезапно скончался, и смерть его приписываютъ Саладину. Уже новый правитель Египта возбудилъ подозрѣнія и зависть всѣхъ Эмировъ Сиріи и самаго Нуреддина, который нѣсколько разъ напрасно требовалъ его ко двору своему. Одна только ранняя смерть Султана остановила междоусобія; малолѣтний сынъ его, Малекъ Измаиль, не въ состояніи былъ управлять обширную державою. Смятенные Эмиры Дамаска искали союза съ Франками и предложили золото Алмерику, чтобы только оставилъ онъ предпринятую имъ осаду Панады. Согласился Король, испросивъ прежде свободу всѣмъ плѣннымъ Князьямъ Христіанскимъ, и вскорѣ скончался, ибо не долговѣчны были власти Іерусалимскіе на тронѣ Давида и Соломона; а страшный Саладинъ принудилъ Эмировъ Дамаска и самаго Халифа Багдадскаго, за оказанную ему услугу противъ Фатимитовъ, признать его единственнымъ обладателемъ Сиріи; сыну Нуреддина осталася не надолго одинъ Алеппъ. Такъ, вся Сирія и Египетъ, дотоль разрозненные и потому менѣе опасныя для Христіанскихъ державъ Востока, соединились подъ одну мощную руку, и неминуемая

* 1174 годъ.

гибель угрожала Иерусалиму, который въ столь бѣдственную годину оставленъ былъ Западомъ и не имѣлъ въ себѣ твердаго защитника, ибо малолѣтний сынъ Алмерика, Балдуинъ IV, отъ рожденія страдалъ проказою и не могъ управлять.

Все клонилось къ паденію въ королевствѣ Франковъ, хотя, казалось, никогда не были они въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, по своему богатству, народонаселенію и множеству городовъ и замковъ, разсыянныхъ по пустынь и вдоль поморія. Родственные связи двухъ Королей упрочили давно желанный союзъ съ Императорами Греческими. Владѣтельный Графъ Триполійскій и феодалыне владѣтели Сидона, Бейрута, Каіафы, Кесаріи, Аскалона, Галилеи, Яффы, Арсура, Карака и областей Заіорданскихъ, должны были, по уставу Готфреда, посылать вспомогательныя войска свои, по первому зову Короля, который самъ обладалъ, кромѣ Св. града, Наблузомъ, Акрою и Тиромъ. До пятнадцати тысячъ войска, коннаго и пѣшаго, могло выставить королевство Франковъ, не считая двухъ могущественныхъ орденовъ, Страннопріимныхъ и Храмовыхъ, которыхъ дружины наполнялись непрерывно западными пришельцами, а богатства превосходили царскія. Силенъ былъ и Латинскій Патріархъ Св. града, отъ котораго непосредственно зависѣли Митрополиты Виѳлеема, Тира, Кесаріи, Назарета и Карака, съ подчиненными имъ Епископами, какъ и самъ Патріархъ имѣлъ, въ своей области, Епископовъ Виѳлеема, Хеврона и Лидды.

Всѣ они также обязаны были поставлять извѣстное число войскъ во время походовъ.

Іаковъ Витрійскій, Епископъ Птолемаиды, описывая Папѣ состояніе Палестины, того времени, говоритъ, что подъ властію Франковъ, Церковь на Востокъ начинала процвѣтать и виноградникъ Господній пускать новыя отрасли. Повсюду самыя живописныя мѣста избирались для обителѣй, устроаемыхъ щедростію царскою, и дома Божіи умножались милостынею вѣрныхъ. Гора четырехдесятиницы близъ Іерихона и гора Кармильская имѣли духовныхъ пчелъ своихъ, которыя, приготовляли сладкій медъ Господу; многіе умершіе міру, чтобы жить Богу, избрали себѣ мирныя гробы въ пустынь Іорданской, гдѣ спасался блаженный Предтеча. Въ самомъ Іерусалимѣ возвышалась, какъ замокъ, воинственная обитель Страннопріимныхъ, близъ храма Воскресенія; крѣпкіе монастыри Храмовниковъ стояли на Сіонѣ и Элеонѣ; кромѣ канониковъ Св. гроба, установленныхъ Готфредомъ, учредились еще въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ женскія обители, во имя Богоматери и Св. Анны, на мѣстѣ рожденія пречистой Дѣвы, и Лазарева въ Виѳаніи, устроенная Королевою Мелизендою для сестры своей, царственной инокини. Іаковъ, отзываясь съ похвалою о рыцарскихъ орденахъ, говоритъ особенно о Храмовникахъ: «что молва о ихъ святости распространила благоуханіе по всему Западу, а Церковь всегда будетъ прославлять ихъ славныя побѣды за имя Христова.» — Орденъ сей, принявшій уставъ свой отъ Бернарда, былъ точно болѣе строгъ въ

его исполненіи, нежели рыцари Іоанна Іерусалимскаго: однако, отъ его честолюбія и жадности къ корысти, истекла гибель Іерусалиму. Но самое жестокое зло происходило въ Палестинѣ, отъ смѣшенія всѣхъ племенъ западныхъ, потомки коихъ, подъ именемъ Пуланъ, отличались своею безнравственностію, и утратили силу предковъ, посреди всеобщаго возраста. Они были какъ ржавчина на желѣзѣ, какъ дурная трава въ богатой жатвѣ, говоритъ Епископъ Акры, и Турки не страшились сихъ извѣженныхъ воителей, болѣе привыкшихъ къ банямъ, нежели битвамъ. Горько жалуется онъ и на порчу нравовъ духовенства Латинскаго, которое, уподоблялось волкамъ, пожирающимъ, а не пасущимъ ввѣренное имъ отъ Христа стадо. Девятый Патріархъ Латинскій Св. града, Ираклій, подавалъ собою примѣръ всякаго разврата. Самъ діаволь позавидовалъ благосостоянію сего новаго Эдема, и подавилъ его подъ бременемъ грѣховъ, говоритъ Епископъ Іаковъ, такъ что отъ ногъ до главы, отъ народа до клира, неосталось ничего здраваго въ Іерусалимѣ; повсюду соблазнъ, все вопіяло къ Богу о небесномъ мщеніи, и оно пало на Іерусалимъ.

Тотчасъ по кончинѣ Алмерика возникли распри: — кому управлять государствомъ до возраста юнаго Короля. Но тотъ, кто домогался власти, Милоць, владѣтель Аравіи, найденъ былъ мертвымъ на улицахъ Птолемаиды, и Графъ Триполійскій, Раймундъ, самый доблестный витязь во всей Палестинѣ, испы-

* *Bibliothèque des Croisades, Liv. I, p. 174.*

танный многими бѣдствіями и долгимъ плѣномъ у невѣрныхъ, принялъ бразды правленія; надмѣнный нравъ возбуждалъ противъ него ненависть прочихъ сильныхъ бароновъ, и самъ Балдуинъ не доверялъ ему, хотя покорился необходимости. Явились и еще два лица, имѣвшія горькое вліяніе на судьбу королевства: Ринальдъ Шатильонъ, нѣкогда правитель Антиохіи, недавно освободившійся отъ долгой неволи, которому изъ состраданія дали замокъ Каракъ, а онъ, грабежами каравановъ, навлекъ мщеніе Саладина. Другимъ, не менѣе гибельнымъ лицомъ для Іерусалима, былъ Лузиньянъ, Графъ Яффы и Аскалона, пленившій своею красотою дочь Короля Алмерика, Сивиллу, и получившій ея руку, послѣ кратковременнаго ея супружества съ Маркизомъ Монфератскимъ. Младенецъ Балдуинъ, пятый и послѣдній Король сего имени, какъ призракъ мелькнувшій на престолѣ, былъ плодомъ перваго ея брака; паденіе Іерусалима плодомъ втораго.

Однако еще одинъ, послѣдній успѣхъ, поразилъ Христіанъ, при началѣ царствованія Балдуина. Войско Саладиново внезапно вторглось въ предѣлы Палестинскія, все предавая огню и мечу, и осадило Аскалонъ; болѣзненный Король поспѣшилъ туда съ малою своею дружиною, при первомъ слухѣ о нашествіи непріятеля. На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда дружины первыхъ крестоносцевъ, предводимые Готфредомъ, побѣдили полчища Египтянъ, не усомнился и слабый его потомокъ выступить, съ тремястами рыцарей, противъ невѣрныхъ, уповая, при собственной помощи, на силу Божію, и на содѣйствіе

честнаго древа креста: — оно поразило внезапнымъ ужасомъ враговъ: вѣтви его, по сказанію очевидцевъ, казалось, возрасли до неба и простерлись до краевъ горизонта. Бѣжали невѣрные, бросая оружіе по дорогѣ, и едва спасся самъ Саладинъ, утративъ все свое войско, станъ и воинскіе снаряды; давно не было одержано болѣе совершенной побѣды. Бедуины пустынные довершили расхищеніе и гибель бѣжавшихъ. Но годъ спустя, уже Саладинъ явился съ новыми силами, на берегахъ, Иордана и поразилъ тамъ новыхъ пришельцевъ западныхъ, брата Короля Франціи и другихъ владѣтельныхъ графовъ; въ то же время Балдуину должно было заботиться, о обновленіи стѣпъ Иерусалимскихъ, приходившихъ въ упадокъ отъ ветхости. Богатѣйшіе гражданае наложили на себя добровольную дань для сего необходимаго дѣла, и опять укрѣпился Св. градъ.

Засухи и голодъ принудили враждующихъ, Христіанъ и Магометанъ, заключить невольное перемиріе на два года*; ибо не было средствъ содержать войско, въ опустошенныхъ предѣлахъ Сиріи. Саладинъ удалился въ Египетъ, съ толпами голоднаго народа. Въ то же время, цѣлое племя Маронитовъ, обитавшихъ въ горахъ Ливанскихъ, совершенно независимое по своему гражданству и церкви, присоединилось къ Римской, признавъ надъ собою власть Латинскаго Патріарха Св. града. Духовный и вмѣстѣ гражданскій союзъ сей принесъ нѣкоторую отраду областямъ Христіанскимъ въ Си-

* 1180 годъ.

ри, но болѣе княжеству Антиохійскому и графству Триполійскому, нежели королевству; ибо воинственныя Марониты ограждали ихъ со стороны Ливана отъ нападенія Турковъ. Еще не кончилось условленное перемиріе съ Султаномъ, какъ уже начались враждебныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Саладинъ захватилъ корабль съ богомольцами западными, занесенный бурей въ Даміету; а владѣтель Карака, Ринальдъ продолжалъ грабить караваны богомольцевъ Магометанскихъ, и даже отважился овладѣть Меккою; но смѣлое предпріятіе рушилось, и войны его, взятые въ плѣнъ Турками, принесены были въ жертву, на праздникъ Байрама, вмѣстѣ съ овцами заколѣнія, предъ дверями Каабы, дома Авраамова; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ самомъ Каирѣ, предъ лицомъ раздраженнаго Султана, отъ руки Софіевъ и проповѣдниковъ Корана. Саладинъ поклялся, бородою своего пророка, отмстить Христіанамъ за ихъ святотатное покушеніе, подступалъ съ войскомъ къ Караку и Байруту, опустошилъ Галилею и опять на время удалился въ Месопотамію; ибо онъ долженъ былъ еще сокрушить родъ Атабековъ, который держался въ сихъ предѣлахъ. Смерть сына Нуреддинова и взятіе Алепа сдѣлали его наконецъ полнымъ владѣтелемъ Сиріи, какъ и Египта, и тогда уже могъ онъ обратить всѣ силы на единственныхъ враговъ своихъ Христіанъ.

Ежедневно и повсемѣстно ожидали его нападенія, а между тѣмъ болѣзнь прокаженнаго Короля усилилась до такой степени, что онъ ослѣпъ и ли-

шенъ былъ употребленія рукъ и ногъ. Въ столь горестномъ положеніи, Балдуинъ принужденъ былъ отказаться отъ верховной власти, съ сохраненіемъ только достоинства королевскаго; но избранный имъ правитель, Лузиньянъ, супругъ Сивиллы, не внушалъ никому довѣренности; гласъ народа былъ гласомъ Божиимъ, ибо въ скоромъ времени обнаружили неспособность и малодушіе правителя, когда онъ, съ двадцатитысячнымъ войскомъ и тысячею тремя стами рыцарей, позволилъ неприятелю, предъ своими глазами, опустошать предѣлы Галилейскіе. Общій ропотъ и негодованіе побудили Короля взять, изъ слабыхъ рукъ, кормило правленія; онъ даже хотѣлъ лишить Лузиньяна графства Аскалонскаго и расторгнуть бракъ его съ Сивиллою; но непокорный вассалъ заключился, въ стѣнахъ Аскалона, и напрасно царственный слѣпецъ, болѣзненными руками, самъ стучалъ во врата затвореннаго ему города. Тогда, призывая Бога во свидѣтели измѣны Лузиньяновой, онъ назначилъ правителемъ королевства Раймунда, Графа Триполійскаго, и вънчалъ въ храмъ Воскресенія младенца Балдуина, сына сестры своей, Королемъ Иерусалимскимъ. Въ палатахъ Соломоновыхъ, гдѣ обитали властители Латинскіе, въ послѣдній разъ данъ былъ великолѣпный пиръ, на коемъ граждане Иерусалима служили, по обычаю, Королю и его баронамъ.

Патріархъ Ираклій, съ В. Магистрами Странноприимныхъ и Храмовниковъ, посланы были въ Европу, просить помощи гибнущей Палестины. Они предстали въ Веронѣ Папѣ Луцію, изгнанно-

му изъ Рима своимъ соперникомъ, и Фридриху Императору Германскому, умоляли и Короля Франціи Филиппа Августа, только что воцарившагося, и могущественнаго Генриха II. Короля Англійскаго: все было напрасно, ибо еще не изгладилась слѣды втораго несчастнаго похода. Генрихъ обѣщалъ помощь и далъ только денегъ; раздраженный Патріархъ напомнилъ ему, данную имъ клятву, идти въ Палестину за убіеніе Архіепископа Оомы, но гнѣвная рѣчь не произвела желаемого дѣйствія. Ираклій возвратился ни съ чѣмъ; Первосвятитель Римскій, не въ силахъ будучи подвигнуть Запада, принужденъ былъ дѣйствовать иными средствами, и написалъ умиловительное посланіе въ защиту Христіанъ, закоснѣлому врагу ихъ Султану Саладину и брату его Малекъ-Аделю. «Мы ненавидимъ наше настоящее, писалъ Архіепископъ Вильгельмъ Тирскій, и съ ужасомъ ожидаемъ будущаго; враги наши во всемъ имѣютъ надъ нами верхъ, и мы достигли до той степени, что уже не можемъ переносить ни золь, ни врачеваній!» — Сими словами заключаетъ свою льтопись краснорѣчивый писатель, ибо уже не въ силахъ былъ продолжать картины бѣдствій и описывать паденія Св. града. Многія знаменія, на небѣ и на землѣ, предвѣщали близкую его гибель, какъ некогда во дни Иудеевъ, страшные вихри и землетрясенія, затмѣнія солнца и луны; но вѣрнѣйшимъ знакомъ было всеобщее развращеніе нравовъ, начиная съ Патріарха Ираклія, котораго нечистая жизнь служила соблазномъ цѣлому городу. «Древній врагъ челоѣковъ исключи-

тельно царствовалъ въ Иерусалимъ, разсѣявъ повсюду бурю мятежа; другіе народы, воспріавшіе нѣкогда свѣтъ вѣры изъ Св. града, видѣли въ немъ тогда примѣръ всякаго беззаконія; потому презрѣлъ Господь свое наслѣдіе и наказалъ оное желѣзнымъ жезломъ Саладина.» Такъ говоритъ Латинскій современный писатель Вальтеръ, о безнравственномъ состояніи, до какого допустили себя соплеменники его во Св. градъ*.

Въ столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ, несчастный Король Балдуинъ угасть, среди окружающихъ его раздоровъ о верховной власти, и вслѣдъ за нимъ скончался младенецъ Балдуинъ V; это было послѣднее царственное погребеніе у подножія Голгофы; родъ Готфреда и Балдуина отходилъ къ покою, Иерусалимъ подвигался къ паденію. Тотчасъ по кончинѣ обоихъ Королей, Графъ Триполійскій созвалъ бароновъ королевства, въ Наблузъ, для совѣщанія; Патріархъ и В. Магистръ Храмовниковъ остались въ Иерусалимъ и предложили вѣнецъ Сивиллѣ, сестрѣ умершаго Балдуина. Въ заключенномъ храмѣ Воскресенія совершился тайно послѣдній обрядъ царскаго вѣнчанія, и тогда же, по взаимному согласію съ Патріархомъ, Сивилла возложила другой вѣнецъ на бѣдственную главу своего супруга, въ залогъ паденія царства. Напрасно Графъ Триполійскій умолялъ бароновъ, избрать Королемъ молодаго Торона, мужа другой дочери Алмерика, Изабеллы. Самъ Торонъ и вслѣдъ за нимъ прочіе бароны, опасаясь междоусобій, по-

* Michaud. Hist. des Croisades T. II, p. 263.

корились Сивиллѣ; Графъ Раймундъ принужденъ былъ заключиться, въ свой удѣльный городъ Тивериаду, и даже просилъ помощи отъ Султана на тотъ случай, если нападетъ на него Король.

Еще одно расхищеніе каравана, шедшаго въ Мекку, Ринальдомъ, возбудило опять мщеніе Саладиново. Онъ провозгласилъ, въ мечетяхъ Каира и Дамаска священную войну противъ враговъ Исламизма*, выступилъ съ войсками для защиты каравановъ и осадилъ Каракъ. Сынъ его Афдалъ перешелъ Иорданъ и приблизился къ Назарету; не болѣе ста тридцати рыцарей Храма и Страннопримныхъ сразились съ многочисленнымъ непріателемъ, и, послѣ невѣроятныхъ подвиговъ, пали въ битвѣ, исключая одного В. Магистра Храмовниковъ, который спасся на гибель Иерусалима. Тогда Король Лузиньянъ и Графъ Раймундъ примирились, при видѣ угрожавшей опасности, и дружески обнялись предъ всѣмъ народомъ, на площади Иерусалимской.

* 1167 годъ.

XXVIII.

ВЗЯТІЕ ІЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМЪ.

(Битва при Тиверіадѣ).

Со стороны Христіанъ и Магометанъ готовились, съ крайнимъ ожесточеніемъ, къ рѣшительной битвѣ*. Султанъ обѣщалъ уже своимъ Эмирамъ богатѣйшія области и города королевства. Халифъ возсылалъ молитвы, о взятіи Іерусалима, и ему вторили, отъ Хорасана до береговъ Нила, послѣдователи Корана, приведенные Саладиномъ подъ его единовластіе. Восемьдесятъ тысячъ войска перешли Іорданъ, съ могущественнымъ Султаномъ Сиріи и Египта, и ополчились при Тиверіадѣ. Король, Графъ Триполійскій и всѣ бароны собрались въ Іерусалимъ, чтобы совѣщаться о мѣрахъ защиты; всѣ силы должны были выступить туда, отколѣ угро-

* Histoire des Croisades liv. 8.

жала опасность. Деньги, присланные Королемъ Англіи употребили на вооруженіе. Честное древо креста обнесли, по стѣнамъ и улицамъ Св. града, и Патріархъ вручилъ его Епископамъ, дабы сопровождало стану ратныхъ; но грустныя предчувствія исполняли сердца жителей Іерусалима, и между ними разгласилось предсказаніе, что уже честное древо не возвратится въ Сіонъ.

До пятидесяти тысячъ воиновъ Христіанскихъ выступили въ Галилею, на обширную равнину Сефориса, древней Діюкесаріи; крѣпости и замки остались почти безъ всякой защиты; всѣ богомольцы, пришедшіе съ запада, и даже гребцы судовъ, явились съ оружіемъ въ рукахъ; Графъ Триполійскій привелъ всѣхъ своихъ воиновъ, Князь Антіохійскій послалъ только пятьдесятъ рыцарей, подъ начальствомъ юнаго сына. Вскорѣ услышали, что Саладинъ овладѣлъ Тиверіадою и осаждаетъ, въ вышгородѣ, жену Графа Триполійскаго; собрался совѣтъ воинскій въ станъ Христіанъ. «Тиверіада мой городъ, моя жена осаждена въ вышгородѣ, сказалъ Графъ Раймундъ, мнѣ всѣхъ ближе спасеніе Тиверіады; но горе намъ, если увлечемъ, въ безводныя мѣста, воиновъ и коней, а Саладинъ заслонитъ намъ озеро Галилейское. Дождемся здѣсь непріятеля, который двинется на насъ, превознесенный своими побѣдами, и та участь, которая бы насъ ожидала въ пустынь, встрѣтитъ его здѣсь; жажда и мечъ истребятъ невѣрныхъ, и даже, въ случаѣ пораженія, намъ будетъ куда отступить. Лучше пусть погибнетъ одна Тиверіада, нежели все королевство.»

Великій Магистръ Храмовниковъ и Ринальдъ Шатильонъ упрекнули Графа въ малодушіи; прочіе вожди одобрили мудрый совѣтъ его, и Король согласился, съ общимъ мнѣніемъ, ожидать непріятеля. Но въ ту же ночь Магистръ внушилъ подозрѣніе слабому Лузиньяну, противъ Графа, который будто бы хотѣлъ выдать царство Саладину; онъ убѣждалъ его спасти Христіанъ рѣшительною битвой. Король велѣлъ двинуться къ Тиверіадъ; въ первый разъ принудилъ онъ повиноваться своей волѣ, и это было для гибели Іерусалима.

Утромъ 3 Іюля выступило войско изъ стана при Сефорисъ; Графъ Триполійскій шелъ впереди съ своею дружиною, по правую и лѣвую руку бароны Св. земли, посрединѣ честный крестъ, ввѣренный избраннымъ мужамъ, и Король Іерусалимскій съ храбрыми своими рыцарями; братія Храмовники и Страннопріимные замыкали войско. Христіане шли прямо къ Тиверіадъ, и за три поприща отъ нее, встрѣтили Сарацынъ, когда уже сами начинали томиться зноемъ и жаждою. Надлежало проникнуть сквозь тѣсныя ущелія, чтобы достигнуть моря Галилейскаго, и потому Графъ Триполійскій послалъ сказать Королю, чтобы онъ поспѣшилъ пройти лѣжавшее на пути селеніе; но Сарацыны, съ такою яростію, устремились на задніе полки Христіанъ, что поколебались Храмовники и Страннопріимные. Тогда Король, не смѣя идти впередъ и не зная, что ему дѣлать, велѣлъ ставить шатры; многіе слышали даже какъ онъ восклицалъ: «здѣсь все для насъ кончено! мы всѣ погибли и погибло ко-

ролевство!» Съ отчаяніемъ въ сердцѣ повиновались ему дружины; страшную ночь должно было провести имъ на этомъ мѣстѣ. Сыны Измаила окружили станъ народа Божія и зажгли окрестъ него сухой ковыль; всю ночь томились Христіане, отъ пламени и дыма, голода и жажды, подъ тучею стрѣлъ. На разсвѣтъ Султанъ выступилъ изъ Тиверіады, на битву съ изнуренными; крестоносцы хотѣли проникнуть сквозь ущелія къ озеру Тиверіадскому, ибо надѣялись, освѣжась водою, успѣшнѣе дѣйствовать. Уже передовой отрядъ Графа Раймунда направился къ высотѣ Хиттимъ, иначе называемой горою Блаженства, ибо оттолъ проповѣдалъ Спаситель о блаженствахъ Евангельскихъ: — ее занимали Турки. Доколь еще войско строилось къ битвѣ, пѣшіе полки, въ безпорядкѣ и безъ прикрытія рыцарей, устремились на высоту Хиттимъ, оставивъ въ смятеніи прочія дружины. Король, бароны и Епископы, послали возвратить ихъ, для защиты честнаго креста и хоругвей. «Мы умираемъ отъ жажды, и не въ силахъ сражаться!» было ихъ отвѣтомъ; никакія убѣжденія не подѣйствовали на непокорныхъ; между тѣмъ Храмовники и Страннопріимные бились мужественно въ тылу, безъ всякаго успѣха, ибо число враговъ безпрестанно умножалось. Одолѣваемые Сарацынами, они звали къ себѣ на помощь Короля; но Король видя, что пѣшіе полки его оставили и что самъ онъ въ опасности, отъ стрѣлковъ Сарацынскихъ, предался на волю Божію, и велѣлъ опять разбивать станъ, чтобы удержать, если можно, напоръ непріятеля.

Воины въ безпорядкѣ столпились около честнаго креста; когда Графъ Триполійскій увидѣлъ, что рыцари и все войско представляютъ одну смѣшанную толпу, отъ которой самъ былъ, отдѣленъ тьмою варваровъ, онъ открылъ себѣ путь, сквозь ихъ полчища, къ озеру. Ежеминутно новыя тысячи Сарацынъ устремлялись на Христіанъ, осыпая ихъ стрѣлами. Епископъ Акры, который несъ честное древо, получивъ смертельную рану, вручилъ священный залогъ Епископу Лидды. Тогда пѣшіе полки, искавшіе себѣ спасенія на высотѣ Хиттима, были въ свою чреду окружены непріателемъ и все взяты въ плѣнъ или убиты. Балеанъ, баронъ Набуза и тѣ, которые только могли спастись, прошли по трупамъ, а не по землѣ. Всѣ Сарацыны сбѣжали къ тому мѣсту, гдѣ находились честный крестъ и Король Іерусалимскій. Легче выразиться рыданіями и горькими слезами, нежели высказать въ подробности конецъ сего страшнаго дня, говорить современная лѣтопись. Честное древо взято было, съ Епископомъ Лидды и всѣми его защитниками; Король и его братъ, Маркизь Монфератскій, достались въ плѣнъ непріателю и съ ними все Храмовники и Страннопріимные, которые еще не погибли въ битвѣ. Господь уничижилъ народъ свой, изливъ на него всю чашу своей ярости.

Такъ рассказываетъ о сей несчастной битвѣ свидѣтель ея и боецъ, Карлъ Корнуальскій, родомъ изъ Англіи, и то же повторяютъ лѣтописцы Арабскіе: Ибнъ Алатиръ и Эмадединъ. «Великій крестъ взятъ былъ прежде Короля, и много невѣр-

ныхъ около него погибло; они украсили его золотомъ и драгоценными камнями, и почитали первымъ долгомъ защищать въ битвахъ, преклоняя колѣна, когда воздвигалось древо; взятіе онаго было для нихъ горше, нежели плѣнъ ихъ Государя. Когда Король Франковъ взошелъ на высоту Хиттима, рыцари, около него бывшіе, опрокинули Мусульманъ къ подошвѣ холма; омрачилось лице Саладина и онъ схватилъ себя за бороду, страшными клятвами возбуждая своихъ воиновъ; опять взобрались они на вершину и опять устремились на нихъ Франки. «Бѣгутъ, бѣгутъ!» воскликнулъ стоявшій подлѣ Саладина сынъ его; — «умолкни, сурово отвѣчалъ ему отецъ, тогда только будутъ они совершенно побѣждены, когда упадетъ королевское знамя,» и въ ту минуту оно упало. Увидя это Султанъ, сошелъ съ коня и, простершись на землю, со слезами благодарилъ Бога за побѣду.»

Графъ Раймундъ бѣжалъ въ Триполи и тамъ умеръ съ отчаянія, подозрѣваемый Христіанами въ изменѣ. Сынъ Князя Аптіохійскаго, Ринальдъ, Графъ Сидонскій, и юный Графъ Тиверіадскій, послѣдовавшіе за Раймундомъ на поле брани, спаслись отъ общаго пораженія. Писатели Восточные прославляютъ мужество Франковъ въ сей жестокой битвѣ: «рыцари ихъ стояли, желѣзной стѣною, въ своихъ латахъ, доколь не пали подъ ними истомленные кони; вся долина усыяна была трупами, и сіе обширное поле смерти благоухало райскими цвѣтами для послѣдователей корана;» такъ выразилъ свою жестокою радость лѣтописецъ Арабскій.

Судя по множеству мертвыхъ, казалось, ни одинъ изъ воиновъ креста не достался въ руки враговъ живымъ; но когда стали собирать пленныхъ, отъ множества ихъ можно было опять подумать, что вовсе никто не убитъ; по сороку всадниковъ связывали одною веревкой; одинъ человекъ стерегъ двести, и недоставало покупателей для столькихъ пленныхъ, — за обувь продавали рыцаря. Милостиво принялъ Саладинъ Короля Лузиньяна, въ шатръ своемъ, и предложилъ ему прохладный напитокъ; когда же Король хотѣлъ передать кубокъ Шатильону, Султанъ остановилъ его, воскликнувъ: «не долженъ пить въ моемъ присутствіи этотъ измѣнникъ, ибо я не могу пощадить его.» Съ твердостью отвѣчалъ Ринальдъ, на всѣ угрозы, и Султанъ поразилъ его саблею; голова Ринальда скатилась къ ногамъ Короля: это было начаткомъ кровопролитія. На другой день Саладинъ велѣлъ привести всѣхъ рыцарей Храма и Страннопріимныхъ, и позволилъ своимъ Эмирамъ, собственною рукою, умерщвлять ихъ, чтобы избавить землю отъ столь проклятаго рода. Пощажень былъ одинъ Великій Магистръ Храмовниковъ, за гибельный совъѣтъ; сами рыцари не просили себѣ пощады, но съ жадностью устремлялись подъ мечъ Сарацынскій. Тѣ даже, которые не принадлежали къ обоимъ орденамъ, называли себя ихъ именемъ, чтобы только добыть вѣнецъ мученическій.

Саладинъ быстро воспользовался своею побѣдою; немедленно занялъ онъ вышгородъ Тиверіады и отпустилъ Графиню Триполійскую. Не болѣе

двухъ дней держалась Акра, утраченная его оружіемъ; Наблузъ, Рамла, Кесарія, Яффа, Бейрутъ, открыли врата побѣдоносному Султану. Тиръ отразилъ его, хотѣлъ держаться и Аскалонъ; но самъ Король Иерусалимскій, водимый пленникомъ въ станъ Саладина, убѣдилъ жителей пощадить женъ своихъ и дѣтей. Согласились доблестные защитники Аскалона, по первымъ условіемъ сдачи положили освобожденіе недостойнаго ихъ Короля, и тронутый Саладинъ обѣщалъ возвратить черезъ годъ свободу Лузиньяну.

Тогда обратился, со всѣми силами, къ Св. граду. Королева, Патріархъ съ клиромъ, дѣти убитыхъ воиновъ при Тиверіадѣ и многочисленныя семейства Христіанъ, искавшія убѣжища въ стѣнахъ его отъ грабежей Сарацынскихъ, — таковы были защитники Св. гроба, для котораго столько милліоновъ людей устремились изъ Европы; плачь и смятеніе исполнили Иерусалимъ. Султанъ призвалъ къ себѣ старѣйшинъ города, и сказалъ имъ: «знаю, какъ и вы, что Иерусалимъ есть домъ Божій, не хочу осквернить его кровопролитіемъ; оставьте стѣны ваши, а я удѣлю вамъ часть своихъ сокровищъ, и дамъ столько земли, сколько можно обработать.» — «Не можемъ, отвѣчали они, уступить тебѣ города, въ которомъ умеръ за насъ Господь нашъ, еще менѣе можемъ продать его.» — Раздраженный Саладинъ поклялся, кораномъ, обрушить стѣны и башни Иерусалима, и отмстить смерть Мусульманъ, погибшихъ при осадѣ его крестоносцами. Во время переговоровъ, внезапно затмилось солнце, и Христіане

приняли сіе затмѣніе за горькое предзнаменованіе ; однако, ободренные духовенствомъ , приготовились къ защитѣ города. Они избрали вождемъ своимъ Балеана Ибелина, владѣтеля Наблускаго, который спасся отъ битвы Тиверіадской, мужа опытной доблести и весьма уважаемаго за свою добродѣтель. Балеанъ озаботился укрѣпленіемъ стѣнъ и устройствомъ новой дружины и, по недостатку рыцарей, произвелъ ихъ пятьдесятъ изъ числа простыхъ гражданъ ; всѣ тѣ, которые только могли носить оружіе, поклялись пролить кровь свою за Господа Иисуса ; по недостатку денегъ , всѣ мѣры показались законными, среди угрожавшей опасности, и народъ не соблазнился , когда перелили въ деньги драгоценную крышу съ часовни Св. гроба.

Вскорѣ съ высотъ Эммауса показались знамена Саладиновы, который расположился станомъ на тѣхъ же мѣстахъ , гдѣ некогда разбили шатры свои царственный Готфредъ и витязь Танкредъ и оба Роберта. Жестоки были первыя стычки ; осажденные, частыми вылазками, беспокоили Сарацынъ, держа въ одной рукѣ копье или мечъ, а въ другой лопату, чтобы ослѣплять прахомъ непріятеля. Спустя нѣсколько дней, Саладинъ направилъ свое нападеніе къ сѣверной стѣнѣ города и повелъ подкопы около воротъ, съ Юсафатовой долины. Храбрыишіе, изъ защитниковъ Св. града, вышли уничтожить работы и орудія осаждавшихъ , возбуждая другъ друга словами писанія : «одинъ изъ насъ поразитъ десять невѣрныхъ и десять поразятъ тьму ;» но они не могли остановить успѣшныхъ

дѣйствій непріятеля ; при первомъ приступѣ должны были обрушиться бойницы ; уныніе овладѣло гражданами Іерусалима ; они плакали въ храмахъ, вмѣсто того чтобы сражаться , и никто , ни за какую цѣну, не хотѣлъ охранять поврежденную часть стѣнъ , которой угрожала опасность. Духовенство, крестнымъ ходомъ , обходило улицы, взывая къ небу о пощадѣ ; иные били себя камнями въ грудь, другіе томили тѣло свое вретисчемъ, повсюду слышны были вопли ; но не внялъ имъ Господь, ради развращенія и нечистоты, исполнившихъ Сіонъ и заградившихъ путь молитвъ , по выраженію современнаго лѣтописца.

Посреди общаго смятенія, большая часть жителей, Грековъ и Сирианъ, которые много терпѣли притѣсненій во время господствованія Франковъ, по тайному предложенію Султана, хотѣли открыть ему врата , чтобы избѣжать кровопролитія. Еще болѣе смутились старѣйшины города, когда проникли ихъ тайный умыселъ, и сами рѣшились сдать городъ. Балеанъ, вождь ихъ, явился въ станъ Саладина, предлагая ему ключи города, на тѣхъ же условіяхъ, какія были отринуты предъ началомъ осады ; но Султанъ не хотѣлъ измѣнить данной имъ клятвы, — истребить всѣхъ жителей, и напрасно переходилъ Балеанъ, изъ города въ станъ и изъ стана въ городъ, умоляя суроваго побѣдителя о пощадѣ. Однажды, во время сихъ переговоровъ, Султанъ указалъ просителямъ свои знамена, уже развѣвавшіяся на одной части стѣнъ, и спросилъ ихъ съ надмѣнною улыбкою: «какихъ еще хотятъ

условія?» но въ ту же минуту опрокинуты были знамена, и Балеанъ, возбужденный симъ послѣднимъ успѣхомъ, сказалъ Султану: «ты видишь, что есть еще защитники Иерусалиму; если же не можемъ ожидать отъ тебя никакого помилованія; мы рѣшимся на нѣчто ужасное и ты самъ ужаснешься нашему отчаянію. Храмы и палаты, коихъ алчешь, будутъ разрушены, сокровища наши не утолятъ жажды Сарацынъ, ибо погибнуть въ пламени. Обрушимъ и мечеть Омара, и сотремъ въ прахъ таинственный камень Иакова, предметъ поклоненія вашего; пять тысячъ вашихъ пльнниковъ падутъ отъ меча, ибо мы не пощадимъ собственныхъ женъ и дѣтей, чтобы только избѣжать позорнаго рабства. Когда же Св. градъ будетъ одною обширною могилою и грудю развалинъ, мы выйдемъ изъ сего гроба и не одни, но съ тѣнями нашихъ близкихъ, убіенныхъ тобою и нами, съ мечемъ и огнемъ; никто изъ насъ не преселится въ рай, не умертвивъ прежде собственною рукою до десяти невѣрныхъ, и такъ всѣ погибнемъ славною смертію, призвавъ на васъ проклятіе небесное.»

Устрашился угрозы Саладина и отложилъ отвѣтъ свой до другаго дня; онъ совѣщался съ своими законниками: можетъ ли согласиться на условія осажденныхъ, вопреки данной клятвы? и получивъ отъ нихъ разрѣшеніе, подписалъ на слѣдующее утро условія сдачи. — Такъ, послѣ осмидесяти осмилѣтняго владычества Христіанъ, Иерусалимъ впалъ опять въ руки невѣрныхъ. Историкъ Латинскій замѣчаетъ, что крестоносцы вошли въ Иеру-

салимъ въ пятницу, въ самый часъ искупительной смерти Христовой; Магометане же взяли обратно городъ въ день, празднуемый ими, какъ память мнимаго восхожденія ихъ лжепророка изъ Иерусалима на небо, и это обстоятельство возвысило еще славу Саладина въ глазахъ Мусульманъ. Побѣдитель даровалъ жизнь жителямъ и позволилъ имъ купить свою свободу, по десяти золотыхъ за cadaго мужчину, по пяти за женщину, по два за ребенка; кто не могъ заплатить выкупа, оставался въ неволь; всѣ носившіе оружіе получили дозволеніе удалиться въ Триполи или Тиръ, ибо не оставалось болѣе другихъ городовъ, на всемъ поморіи, въ рукахъ Христіанъ; черезъ сорокъ дней надлежало сдать Иерусалимъ. Съ радостію приняты были сперва условія, ибо всѣ помышляли только о спасеніи жизни; но по мѣрѣ приближенія роковаго срока, глубокая горестъ овладѣла сердцами. — Всѣ проливали слезы на Св. гробъ и Голгоѳъ, и сокрушались, что не пожертвовали за нихъ жизнию, особенно отчаявались тѣ, которые не въ силахъ были искупить себя отъ неволи; но и въ сіи жестокия минуты, поруганіе святыни было для нихъ чувствительнѣе собственной участи. Золотой крестъ, сорванный съ купола церкви Храмовниковъ и влекомый по улицамъ Магометанами, едва не возмутилъ безоружнаго Иерусалима противъ святотатныхъ побѣдителей.

Наступилъ наконецъ роковой день, когда Христіане должны были оставить Иерусалимъ. Заключили всѣ врата его, кромѣ Давидовыхъ, коими

исходилъ плачущій народъ, предъ лицомъ Саладина. Онъ сидѣлъ, у вратъ Давида, на высококомъ престолѣ, и вокругъ него, подъ роскошнымъ шатромъ, стояли Эмиры, Софи и законники, вмѣстѣ съ поэтами, которые воспѣвали стихи въ честь побѣдителя. Впереди всѣхъ вышелъ изъ Св. града Латинскій Патріархъ Ираклій, со всемъ своимъ клиромъ, унося съ собою церковную утварь Св. гроба и сокровища, которыхъ цѣну зналъ одинъ Богъ, говоритъ лѣтописецъ Арабскій. Одинъ изъ приближенныхъ Султана предложилъ ему отнять сіи сокровища; но Саладинъ не хотѣлъ нарушить договора и взялъ съ Патріарха, какъ и со всѣхъ другихъ, не болѣе десяти золотыхъ. Королева Сивилла, погубившая царство несчастнымъ бракомъ, шла позади недостойнаго Ираклія, участника ея честолюбивыхъ замысловъ и настоящаго позора, окруженная царскимъ дворомъ своимъ и всѣми рыцарями, которые не могли спасти мечемъ Св. града. Тронулся Султанъ, непостоянствомъ величія земнаго, и, почтивъ горестъ Королевы милостивымъ словомъ, позволилъ ей идти соединиться съ супругомъ въ Наблузъ. Съ нею была одна Греческая Царевна, по словамъ Арабскихъ лѣтописей, которая посвятила себя жизни иноческой въ Іерусалимѣ, и была отпущена со всемъ ея имуществомъ; но кто она? — неизвѣстно. Вдова Ринальда Шатильона, навлекшаго грабежами послѣднюю войну сію на Іерусалимъ, дерзнула приблизиться къ Султану и умолять его, о возвращеніи сына ея, бывшаго въ плѣну; но Саладинъ потребовалъ сдачи замка Карака, и от-

чаянная мать прошла мимо. Другія именитыя жены, съ плачущими младенцами на рукахъ, умоляли также Султана, о пощадѣ ихъ дѣтей и супруговъ: «у ногъ твоихъ матери, жены и дочери воиновъ, со славою защищавшихъ столицу и нынѣ томящихся въ оковахъ; съ ними мы всего лишились; вотъ мы оставляемъ на вѣки родную землю, возврати ихъ намъ, чтобы облегчилась наша горькая участь.» Сжалился гордый побѣдитель и обѣщалъ имъ свободу; нѣкоторые изъ гражданъ Іерусалимскихъ, оставивъ все свое имущество, несли на плечахъ, престарѣлыхъ родителей или больныхъ друзей, и зрѣлище сіе возбудило участіе враговъ. Саладинъ, сострадая къ убожеству, роздалъ имъ обильную милостыню и дозволилъ нѣсколькимъ братьямъ, изъ ордена Страннопріимныхъ, остаться въ городѣ, чтобы ходить за болящими.

До ста тысячъ Христіанъ заключено было въ Іерусалимъ, при началѣ осады, изъ коихъ большая часть заплатила свой выкупъ. Правитель Балеанъ употребилъ до тридцати тысячъ золотыхъ, изъ казны общественной, для выкупа восемнадцати тысячъ убогихъ; братъ Султана, Малекъ Адель, заплатилъ за двѣ тысячи плѣнныхъ; многіе избѣжали неволи, тайно спустившись со стѣны города, или облекшись въ одежды Сарацынскія, по злоупотребленію Эмировъ, приставленныхъ къ собранію подати; но не смотря на то, еще осталось въ неволѣ до шестнадцати тысячъ, и между ними пять тысячъ дѣтей; участь ихъ была тѣмъ плачевнѣе, что они вмѣстѣ съ свободою утратили и вѣру.

Незавидна была участь и тѣхъ, кои спаслись отъ плѣна; отверженные братьями своими на Востоку, которые обвиняли ихъ въ предательствѣ Св. гроба невѣрнымъ, они скитались безъ приюта по Сиріи, и большею частію погибли отъ голода и болѣзней; городъ Триполи заключилъ предъ ними врата, и одна мать съ отчаянія бросила въ море своего младенца. Искавшіе спасенія въ Египтѣ, обрѣли болѣе милости между Магометанами, ибо Султанъ велѣлъ призрѣть ихъ; нѣкоторые бѣжали въ Европу. Христіане, исповѣданія православнаго, изъ числа Грековъ и Сиріанъ, остались добровольно въ Іерусалимѣ и пользовались тамъ большими льготами, нежели при Латинскихъ Короляхъ, съ платою установленной подати. Султанъ, раздраженный противъ Франковъ, отдалъ Св. мѣста во владѣніе православнымъ, позволивъ только четыремъ Латинскимъ священникамъ остаться при Св. гробѣ. Нѣкоторые изъ ревностныхъ Мусульманъ, говоритъ Эмадь-Эддинъ, совѣтовали Саладину разрушить до основанія храмъ, полагая, что когда однажды уничтожится гробъ Мессіи и плугъ пройдетъ по основаніямъ храма, уже не станутъ болѣе приходить Христіане на поклоненіе Св. мѣсть; но другіе судили благоразумнѣе, что не церковь, а мѣсто, возбуждаетъ благочестіе Христіанъ, и что если бы небо слилось съ землею и тогда бы народы Христіанскіе устремлялись къ Іерусалиму. Примѣръ Халифа Омара, пощадившаго храмы, рѣшилъ и Саладина; онъ только заклалъ верхнія окна купола надъ Св. гробомъ; стеръ стѣнную живопись и

обратилъ сосѣдній домъ патриаршій, въ училище софіевъ, а монастырь Св. Анны, у вратъ Геосиманскихъ, въ обитель факировъ, и всѣ прочія церкви въ мечети. Все его вниманіе устремилось на главную мечеть Омара, бывшую соборною церковію ордена Храмовниковъ.

Писатели Арабскіе Ибнъ-Алатиръ и Эмадь-Эддинъ, восхваляя благочестіе Саладина, говорятъ, что первымъ его дѣйствіемъ было, послѣ торжественнаго вступленія въ Іерусалимъ, обновить славную мечеть Омара и изгладить въ ней всякій слѣдъ Христіанства, въ особенности изображенія, оставленныя на стѣнахъ. Братъ Султана, Малекъ-Адель, оба сына, Адель и Афдаль, и всѣ члены его семейства, не уступали ему въ усердіи; они сами, сложивъ оружіе, омыли потоками розовой воды стѣны и помостъ, особенно въ мечети эль-Сахара; внутри ея была устроена малая часовня, на подобіе Св. гроба, съ золотымъ куполомъ, вѣроятно надъ самымъ камнемъ Іакова, который обложили мраморомъ Короли Латинскіе. Султанъ разрушилъ алтарь, на коемъ лежало Евангеліе, и положилъ спусокъ корана на обнаженный камень. Онъ вспомнилъ, что Нуреддинъ, его предѣстникъ, устроилъ великолѣпную кафедру, въ той надеждѣ, что когда либо поставитъ ее въ Іерусалимъ, и исполняя его желаніе, велѣлъ поспѣшно перенести ее, изъ Алепа, въ мечеть Омара. Въ первую пятницу, послѣ торжественнаго входа въ Іерусалимъ, Султанъ, въ сопровожденіи своихъ Эмировъ, Софіевъ и толкователей корана, посреди войска и народа, наполнявшихъ об-

ширную площадь Соломонова храма, взошелъ во внутренность мечети. Начальникъ Имамовъ поднялся на высокую кафедру и возблагодарилъ громкимъ голосомъ Бога за победы Саладиновы. Потомъ вознесъ онъ молитву о Халифѣ Багдада и о побѣдоносномъ Султанѣ Сиріи и Египта. Такія молитвы, враждебныя имени Христову, раздавались на мѣстѣ Соломонова храма, и такъ въ одинъ день внезапно изменились вѣра, законы и жители бѣдствующаго Иерусалима!

Ходатайство Императора Греческаго Исаака Ангела, который находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Султаномъ, не могло спасти святыни отъ поруганія, хотя и оградило ее отъ конечнаго раззоренія. Императоръ воспользовался однако симъ случаемъ, чтобы утвердить опять въ Иерусалимѣ кафедру ея Святителей, изгнанныхъ оттолъ во время владычества крестоносцевъ. Тотъ, кого избралъ на кафедру Св. града, былъ строгій и благочестивый инокъ обители Студійской, Досиѳей, или Θεодосій, по нѣкоторымъ спискамъ; но горько отозвалось ему вниманіе царское, когда въ послѣдствіи, низложивъ Цареградскаго Патріарха Василія, Самодержецъ Греческій, принудилъ Святителя Иерусалимскаго заступитъ его мѣсто. Аванасій наследовалъ ему въ Св. градѣ и былъ свидѣтелемъ новыхъ бѣдствій.

XXIX.

ТРЕТІЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ*.

Императоръ Фридрихъ I. Король Франціи Филиппъ Августъ и Рихардъ Львиное сердце, Король Англій.

Ужасъ распространился по всей Европѣ, при горькой вѣсти о паденіи Иерусалима. Всѣ сравнивали судьбу его съ участію Нинивіи и Вавилона, не пощаженныхъ ради избытка ихъ нечестія, и памятуя страшный судъ сей, каялись въ собственныхъ грѣхахъ и временно исправлялись. Одинъ изъ первыхъ услышалъ о томъ Папа Урбанъ III. и не пережилъ столь тяжкой утраты; преемникъ его, Григорій VIII. провелъ все свое краткое святительство, въ возбужденіи Князей и народовъ къ новому крестовому походу, но не дождался желаннаго вооруженія. Свидѣтелемъ его былъ уже Климентъ III, а проповѣдникомъ краснорѣчивый Виль-

* Histoire des Croisades, Liv. 8, 9, 10.

гельмъ Архіепископъ Тира, который, будучи очевидцемъ бѣдствій, подвигнулъ опять, ихъ описаніемъ, всю Европу, какъ нѣкогда Бернадъ. Во Франціи, мощное слово его заставило двухъ соперниковъ положить оружіе: юнаго Короля Филиппа Августа и престарѣлаго Генриха II, Короля Англіи. «Вы здѣсь воюете, за берегъ рѣки, за ничтожный рубежъ, сказалъ имъ вѣстникъ Сіона, а тамъ невѣрные попираютъ берега Иордана, опустошаютъ Божіе царство, и самый крестъ Господень, съ безчестіемъ, влечется по стогнамъ Багдада. Вы проливаете кровь, за суетные договоры, а выдаете Евангеліе, сей священный завѣтъ Бога съ людьми; или нѣтъ болѣе между вами Готфредовъ и Балдуиновъ? Какая радость для Сарацынъ, торжествующихъ посреди плача и безчестія гробовъ пророческихъ и Господня, когда они услышатъ въ Иерусалимѣ, что уже нѣтъ болѣе вѣрныхъ Христу воителей на Западѣ, и что Князя его равнодушны къ судьбамъ Св. града!»

Внимая рѣчамъ Архіепископа, обнялись бывшіе врагами и приняли отъ руки его крестъ, со всеми первостепенными Герцогами и Графами, и многими Епископами обоихъ королевствъ. По недостатку денегъ наложена была чрезвычайная подать на всѣхъ безъ изъятія, которая прослыла Саладиновою, ибо всякой, кто не могъ идти сражаться на Востокъ, противъ страшнаго Султана, обязывался платить десятую часть своихъ доходовъ, и самое духовенство не избѣжало сей десятины. Вскорѣ однако возникла опять вражда, между Генрихомъ и Фи-

липпомъ, который поддерживалъ сына его Рихарда противъ отца; одна только смерть престарѣлаго Короля Англіи могла потушить вражду сію; но Рихардъ, прозванный Львинымъ сердцемъ, за свои геройскіе подвиги, вмѣстѣ съ престоломъ наследовалъ и вражду противъ Филиппа, и она была причиною малаго ихъ успѣха въ Палестинѣ. Оба стали дѣятельно готовиться къ крестовому походу, истощая силы своихъ областей, и предпочли морское странствіе сухопутному. Филиппъ изъ Генуи, Рихардъ изъ Марсиліи, отплыли въ одно время, и встрѣтились въ Сициліи, едва не обратили тамъ другъ на друга оружія, которое должно было защищать Св. землю.

Послѣ Франціи, Вильгельмъ и легаты Папскіе возбуждали къ войнѣ крестовой всю Германію. «Кто изъ васъ, говорили они, не вступится за Царя своего, видя его изгнаннымъ изъ своихъ предѣловъ? — а вы, рабы Господа Иисуса, равнодушно видите его, утратившимъ свое наследіе, священный градъ Иерусалимъ! Нѣкогда, при стукѣ гвоздей, вонзаемыхъ въ крестъ, земля тряслась, затмилось солнце, камни разсыпались и отверзлись гробы; нынѣ же какое сердце не разобьется, при горькой вѣсти, о поруганіи честнаго древа невѣрными!» — Подвиглась вся имперія на зовъ проповѣдниковъ; Императоръ Фридрихъ, сопутствовавшій дядѣ своему Конраду, въ первомъ крестовомъ походѣ, и видѣвшій гибельныя слѣдствія безпорядковъ, хотѣлъ предупредить ихъ, лучшимъ устройствомъ своей стотысячной дружины, и мирнымъ договоромъ съ Им-

ператоромъ Греческимъ; но та же бѣдственная участь ожидала и сихъ новыхъ крестоносцевъ. Фридрихъ послалъ торжественно объявить войну Султану, и принужденъ былъ на пути овладѣть Адрианополемъ, когда услышалъ, что послы его заключены въ темницѣ Цареградской. Испуганный Исаакъ Ангель, успѣшилъ возстановить миръ, съ Германскимъ своимъ соперникомъ, и перевести войска его въ Анатолю, общую могилу всѣхъ крестоносцевъ. Они направили сперва путь свой вдоль роскошнаго поморія, когда же проникли въ дикія ущелія за Лаодикією, начались жаркія битвы съ Султаномъ Иконійскимъ. Мужество Германцевъ одолело несмѣтныя полчища Турковъ; Иконія пала, но голодъ и болѣзни истомили неодолимыхъ въ битвѣ. Уже достигли предѣловъ Арменіи и миновалась главная опасность, какъ въ малой рѣчкѣ, близъ Селевкіи, бѣдственно потонулъ Императоръ Фридрихъ: — съ нимъ угасла сила и надежда его дружинъ. Онъ разсѣялись сами собою, какъ будто ихъ не бывало, и только малый остатокъ привелъ къ стѣнамъ Птолемаиды племянникъ Фридриха, Герцогъ Швабскій, гдѣ самъ вскорѣ скончался отъ болѣзни. Императоръ погребенъ былъ въ Антиохіи, а по лѣтописямъ Арабскимъ въ Тирѣ. Христіане Палестинскіе, грозившіе именемъ его Сарацинамъ, съ неудовольствіемъ приняли слабый отрядъ Германцевъ, ибо малое число ихъ возвысило только духъ непріятелей.

Послѣ взятія Иерусалима, изъ всѣхъ городовъ королевства, одинъ только Тиръ отразилъ отъ стѣнъ

своихъ всю силу Саладинову, по отчаянному мужеству Конрада, Маркиза Монфератскаго, который рѣшился лучше погребсти себя подъ развалинами, нежели сдать послѣднюю твердыню Христіанъ. Напрасно Султанъ угрожалъ умертвить, предъ его глазами, престарѣлаго отца, взятаго въ плѣнъ на полѣ Тиверіадскомъ. Конрадъ отвѣчалъ, что ему лестно быть сыномъ мученика, и продолжалъ биться, на сушѣ и на морѣ, ибо Саладинъ отовсюду обложилъ крѣпость; все, что только оставалось лучшаго изъ рыцарей въ Палестинѣ, Храмовниковъ и Страннопріимныхъ, стеклось въ Тиръ. Конрадъ не принялъ только малодушнаго Лузиньяна, когда въ послѣдствіи онъ освободился изъ плѣна, ибо Тиръ не хотѣлъ поддаться Королю, утратившему свое царство. И Триполи, послѣ смерти своего Графа Раймунда, поступившій во владѣніе Князя Антиохійскаго, отразилъ нападеніе Султана, но ему сдался въ пустынь замокъ Каракъ; тогда лишь отпустилъ онъ плѣннаго Короля, взявъ съ него клятвенное отреченіе отъ престола.

Епископы немедленно разрѣшили Лузиньяна отъ невольнаго отреченія, и онъ первый подступилъ къ стѣнамъ Птолемаиды, собравъ около себя нѣсколько воиновъ, изъ числа пришельцевъ западныхъ. По странному теченію дѣлъ того вѣка, сія безотчетная осада Акры рѣшила судьбу третьяго крестоваго похода; достаточно было имени Короля Иерусалимскаго, хотя и утратившаго свое царство, чтобы столь же необдуманно собрать подъ стѣнами одного города Сиріи всѣ силы Европы, направлен-

ныя для освобожденія Іерусалима, и угасить, въ тщетной осадѣ, первый пылъ крестоносцевъ. Не болѣе десяти тысячъ было съ Королемъ, при началѣ осады; Пизане, Датчане и Фламандцы, примать Англіи, Архіепископъ Кантербурійскій, съ большимъ флотомъ, пришли постепенно подкрѣпить Лузиньяна. Султанъ оставилъ также поприще своихъ побѣдъ, чтобы поспѣшить на помощь осажденной Акрѣ. Явился и мужественный его соперникъ Маркизь Монфератскій изъ Тира: до двѣнадцати Епископовъ западныхъ выходили въ бой впереди дружинъ, облеченные броней поверхъ святительской одежды; опять собрались около Лузиньяна рыцари Храма и Страннопримные, и первая кровопролитная битва, подъ стѣнами Акры, обратила въ бѣгство полки Сарацынъ; Саладинъ уже искалъ самъ спасенія въ быстротѣ коня своего, когда корыстолюбіе побѣдителей исторгло изъ рукъ ихъ побѣду; они бросились грабить станъ непріятельскій и дали время Султану остановить бѣгущихъ. Въ свою череду едва не погибло все войско Христіанъ; Великій Магистръ Храмовниковъ, давшій гибельный совѣтъ при Тиверіадѣ, искупилъ славною смертію свой проступокъ; мужественно бился самъ Король и едва опять избѣжалъ плѣна. Обширная равнина Штолемаиды, накануне оживленная двумястами тысячами ратныхъ, покрылась трупами; но Султанъ отступилъ послѣ своей побѣды, опасаясь зимнихъ непогодъ, а крестоносцы, съ большею осторожностію, продолжали осаду.

Настала весна; опять приблизились полчища

Саладиновы и пробудился духъ осажденныхъ. Они сожгли стѣнобитныя орудія; уже нѣкоторые изъ воителей западныхъ начинали отчаяваться въ успѣхъ; ибо, кромѣ безпрестанныхъ битвъ на равнинѣ Штолемаидской, и на морѣ флотъ Христіанскій принужденъ былъ выдерживать частыя нападенія флота Египетскаго. Единовластіе Саладина давало ему преимущество надъ многоначальнымъ станомъ крестоносцевъ, гдѣ возникали частыя распри. Пришествіе Герцога Швабскаго, съ остатками Нѣмецкихъ дружинъ, распространило общее уныніе, при частыхъ неудачахъ, и съ наступленіемъ зимы исчезла почти всякая надежда, ибо голодъ и болѣзни стали угрожать войску. Къ довершенію бѣдствія, возникли распри, о наслѣдствѣ престола Іерусалимскаго, по смерти Королевы Сивиллы. Честолюбивый Конрадъ, властитель Тира, желая добыть себѣ вѣнецъ, убѣдилъ сестру ея Изабеллу расторгнуть первый бракъ свой съ Торономъ, чтобы доставить ему вѣнецъ и, не смотря на внушенія Епископовъ о мирѣ, весь станъ, отъ князя до послѣдняго воина, раздѣлился на двѣ стороны, между бывшимъ Королемъ Лузиньяномъ и новымъ искателемъ престола.

Рѣшеніе спора отложено было до прибытія Королей Франціи и Англіи, которые явились наконецъ подъ стѣнами Акры, послѣ долгихъ междоусобій въ Сициліи. Первый приплылъ Филиппъ и встрѣченъ былъ, какъ ангелъ хранитель, унылымъ станомъ Христіанъ; но Король, въ порывѣ великодушія рыцарскаго, захотѣлъ ждать союзника свое-

го Рихарда, который между тѣмъ отнималъ островъ Кипръ у слабаго преемника Комниновъ, и праздновалъ тамъ бракъ свой съ дочерью Короля Наварскаго; медленность сія сдѣлалась пагубною для успѣха осады, ибо Султанъ успѣлъ опять укрѣпить Акру. Прибытіе союзныхъ Монарховъ устало Сарацынъ; станъ Птолемаидскій, содержавшій въ себѣ весь цвѣтъ Европы, походилъ болѣе на укрѣпленный городъ, нежели на временное пребываніе дружинъ ратныхъ. Саладинъ изъявилъ уваженіе свое къ обоимъ первостепеннымъ властителямъ Запада, присылкою плодовъ во время ихъ болѣзни, и получалъ отъ нихъ взаимные дары; но сіи внѣшніе признаки пріязни не препятствовали подвигамъ ратнымъ, между войсками Христіанъ и невѣрныхъ. Опаснѣе ихъ было взаимное несогласіе, возникшее опять между Королями; ибо Филиппъ, болѣе распорядитель нежели воинъ, завидовалъ воинской доблести Львинаго сердца, бывшаго ужасомъ враговъ. Они рѣшили однако, съ общаго согласія, споръ о престолѣ Иерусалимскомъ, предоставивъ его пожизненно Лузиньяну, а послѣ него Конраду; но ни тотъ, ни другой, не могли возсѣсть на немъ, ибо не суждено было болѣе Св. граду достаться въ руки Христіанъ.

Возобновились жестокіе приступы къ стѣнамъ Птолемаиды, которую уже не могъ защитить Султанъ; послѣ четырехлѣтней осады сдался городъ; жители испросили себѣ жизнь, на томъ условіи, чтобы возвращено было честное древо креста, со всеми плѣнниками и съ уплатою 200,000 золо-

тыхъ; но Саладинъ, раздраженный сдачею города, не хотѣлъ утвердить сего условія, и крестоносцы безчеловѣчно умертвили выданныхъ имъ заложниковъ. Оба Короля раздѣлили между собою лучшую добычу завоеваннаго города, вопреки правъ прочихъ Князей и рыцарей, истомившихся долгою осадой. Дорого отстѣлъ за то въ послѣдствіи Леопольдъ, Герцогъ Австрійскій, Королю Рихарду, который бросилъ знамя его, съ одной изъ завоеванныхъ имъ башенъ. Властитель Тира, Конрадъ, съ неудовольствіемъ оставилъ станъ, и самъ Король Франціи, по недостатку денегъ и частымъ несогласіямъ съ Королемъ Англій, рѣшился предоставить ему дальнѣйшіе успѣхи битвъ, какъ будто взятіе Птолемаиды было единственною цѣлю его вооруженія. Онъ оставилъ десять тысячъ воиновъ въ Палестинѣ, подъ начальствомъ Герцога Бургундскаго, и отплылъ во Францію, посреди общаго ропота крестоносцевъ. Еще сто тысячъ войска могло идти къ Иерусалиму, подъ начальствомъ Львинаго сердца; но сладость давно желаннаго отдыха, посреди изобилія и роскоши, удерживала ихъ въ стѣнахъ Птолемаиды; наконецъ, по зову духовенства, напоминавшаго непрестанно о плѣнѣ Св. града, дружины Христіанъ двинулись къ Яффѣ, вдоль по морію, безпрестанно тревожимыя легкими отрядами Сарацынъ.

Подъ стѣнами Кесаріи встрѣтили ихъ несмѣтныя полчища Саладина, и въ лѣсахъ Арсура возгорѣлась жестокая битва, какой дотолъ не было въ Сиріи и не повторилось опять; ибо здѣсь сто тысячъ

Христіанъ сражались противъ двухсотъ тысячъ Сарацынъ. Король Рихардъ раздѣлилъ войско на пять отрядовъ, и самъ, съ Герцогомъ Бургундскимъ, носился повсюду, чтобы поддержать духъ воиновъ. Король Лузицянъ стоялъ посреди дружинъ, Храмовники бились впереди. Съ страшнымъ воплемъ устремились Турки, Арабы и Египцы на Христіанъ и окружили ихъ, какъ рѣсницы око, по выраженію летописи Арабской, но сокрушились о желѣзное племя Франковъ; ибо какъ молотъ по наковальнѣ, такъ раздавались по латамъ и щитамъ удары мечей; вся земля усыпана была стрѣлами и копьями; съ часу на часъ разгарался пылъ битвы; все войско приняло въ ней участіе, продолжая путь свой сквозь чашу лѣса, и уже совсѣмъ опрокинуты были враги, когда опять, съ новою силою, они устремились на Христіанъ; тоже отчаянное мужество Короля Рихарда удержало побѣду; съ пятнадцатю рыцарями бросился онъ въ самый пылъ сѣчи при вопляхъ: «Господи, спаси святой гробъ!» и невѣрные бѣжали. Султанъ спасся съ поля битвы, только съ семнадцатю Мамелуками, потерявъ тридцать два Эмира и восемь тысячъ воиновъ; побѣда стояла не болѣе тысячи пѣшихъ Христіанамъ; но они не умѣли ею воспользоваться.

Битва Арсурская могла бы рѣшить участь крестоваго похода и Св. града, какъ некогда битва при Тиверіадъ, если бы Рихардъ воспользовался ею по примѣру Саладина, когда онъ побѣдилъ крестоносцевъ; но по ихъ безконечнымъ распрямъ и по какому то странному недоумѣнію, которое внезапно

овладѣло львинымъ сердцемъ Короля Англіи, одна только слава была плодомъ побѣды. Франки оставались пришельцами на чуждомъ для нихъ поморіи Сиріи; всѣ крѣпости были въ рукахъ Сарацынъ; сами Турки, испуганные кровопролитною осадю Птолемаиды, разрушили стѣны Яффы и Аскалона, чтобы избѣжать новыхъ состязаній съ желѣзными людьми Запада, и оба воинства только издали наблюдали другъ друга, иногда встрѣчаясь въ малыхъ стычкахъ. Неустрашимый Рихардъ, всегда бывшій тамъ, гдѣ предстояла большая опасность, едва не былъ однажды схваченъ въ плѣнъ непріателемъ: его спасла только приверженность рыцаря, выдавшаго себя за Короля; но случай сей не сдѣлалъ его осторожнѣе; современная летопись сравниваетъ доблестнаго воителя, когда онъ возвращался съ боя, весь усыпанный стрѣлами по доспѣхамъ, съ ежемъ, ошетиившимъ свои колючія иглы. Никакія убѣжденія не могли удержать его отъ безпрестанныхъ опасностей, которымъ подвергался какъ простой воинъ, такъ что его имя было ужасомъ для Сарацынъ; одно его присутствіе обращало въ бѣгство тысячи; но доблестно сражаясь какъ витязь, онъ не умѣлъ распоряжать ходомъ войны по царски.

Не ожидая дальнѣйшихъ успѣховъ своему оружію и услышавъ, что Конрадъ, владѣтель Тира, вступилъ въ переговоры съ Султаномъ, Король хотѣлъ предупредить его и предложилъ миръ Саладину, на тѣхъ условіяхъ, чтобы возвратилъ Христіанамъ Іерусалимъ и честное древо креста. Над-

мѣнно отвѣтствовалъ Султанъ, что Иерусалимъ никогда не принадлежалъ Христіанамъ, и не можетъ быть выданъ имъ, безъ тяжкаго грѣха для Мусульманъ, равно какъ и древо креста; потому отказалъ выдать его и Царю Грузинскому и Императору Греческому, которые предлагали за него большія деньги. Король хотѣлъ еще, другимъ путемъ, пріобрѣсти дружбу Султана, польстивъ честолюбію брата его Малекъ Аделя, которому втайнѣ предложилъ руку своей невѣстки, вдовствующей Королевы Сицилійской, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ они царствовали въ Иерусалимѣ. Но Епископы Христіанскіе, равно какъ имамы Магометанъ, гласно изъявили свое негодованіе противъ столь беззаконнаго союза, и онъ былъ оставленъ. Король, угрожаемый отлученіемъ церковнымъ, чтобы пріобрѣсти опять довѣренность крестоносцевъ, рѣшился зимою идти къ Иерусалиму; опять возгорѣлось общее усердіе, даже всѣ больные на носилкахъ двинулись вслѣдъ за войскомъ, не смотря на непроходимость дорогъ, въ ущеліяхъ Иудейскихъ, и на зимнія непогоды, съ коими боролась ревность воиновъ.

Смутился Саладинъ и сталъ тщательно укрѣплять городъ; искусные каменщики призваны были изъ дальняго Моссула, и трудились днемъ и ночью, расширяя рвы около стѣнъ и обновляя башни и бойницы, пришедшія въ ветхость. Еще недовольный сими приготовленіями Султанъ, опустошилъ окрестности Св. града, конница его повсюду дорогамъ отбивала съѣстные запасы, подвозимые съ поморія въ станъ Христіанскій; однако

неблаговременный походъ рушился самъ собою. Ревность крестоносцевъ была столь велика, въ первые дни, что никто не смѣлъ подымать голоса противъ опасности долгой осады, въ зимнее время, въ виду многочисленнаго непріятели; должно было скрывать тайный совѣтъ опытныхъ вождей объ отступленіи; когда же наконецъ голодъ и болѣзни заставили его обнаружить, общее уныніе овладѣло станомъ, и тѣ, которые имѣли довольно нравственныхъ силъ, чтобы идти впередъ къ Иерусалиму, внезапно обезсилѣли при горькой вѣсти о возвращеніи; многіе, въ порывѣ отчаянія, оставляли свои знамена, громко обвиняя Рихарда; съ трудомъ могли возвратить Герцога Бургундскаго съ отрядомъ рыцарей Французскихъ. Обратный путь болѣе походилъ на пораженіе, по множеству труповъ и запасовъ, коими былъ усыпанъ.

Грустно остановилось войско, у развалинъ Аскалона, и стало воздвигать опять его обрушенныя твердыни. По зову и примѣру Короля, всѣ рыцари, бароны и самое духовенство, принялись за дѣло строенія; но Герцогъ Австрійскій Леопольдъ, памятуя прежнія обиды въ Птолемаидѣ, надмѣнно сказалъ Рихарду, что онъ не каменщикъ и не плотникъ; Герцогъ Бургундскій, обольщенный Конрадомъ, оставилъ также станъ съ своими рыцарями, которые жаловались, что вмѣсто завоеванія Св. града, ихъ заставляютъ строить Аскалонъ. Въ то же время возникла вражда, въ стѣнахъ Птолемаиды, между Генуэзцами и Пизанами; первые хотѣли сдать городъ Маркизу Тира, вторые сохра-

нить его Королю Англии; Конрадъ подступилъ съ флотомъ, Рихардъ устремился съ войскомъ, и присутвіемъ своимъ возстановилъ порядокъ. Но всѣ воинскія дѣйствія Христіанъ, ограничивались бесполезными поисками въ горахъ Іудейскихъ, когда между тѣмъ Султанъ собиралъ свои полчища къ весеннему походу. Напрасно старшіе Князья старались возстановить согласіе между Королемъ и Маркизомъ, при личномъ ихъ свиданіи подъ стѣнами Кесаріи.

Вскорѣ Рихардъ принужденъ былъ, по общему выбору войска, признать его своимъ преемникомъ въ Палестинѣ, когда самъ, получивъ вѣсть изъ Англии, о заговорѣ брата Іоанна, объявилъ свое намѣреніе возвратиться въ отечество. Генрихъ, Графъ Шампанскій, посланъ былъ возвѣстить Конраду избраніе его въ Короли Іерусалима, и прибылъ въ Тиръ для того, чтобы наследовать его престолъ; ибо два Ассасина, изъ секты Измаильтянъ, посланные Шейхомъ горъ, поразили кинжалами Конрада, когда онъ возвращался съ пиршества, даннаго ему по случаю его воцаренія. Граждане Тира, устрашенные безначаліемъ, умолили Генриха, взять за себя вдову Конрада, ту самую Изабеллу, дочь Алмерика, которая уже дважды давала собою право на престолъ Іерусалимскій; въ третій разъ обратила она брачный вѣнецъ свой въ мнимый вѣнецъ царскій, ибо и Генрихъ, какъ два первые ея супруга, Конрадъ и Торонъ, не достигъ желаннаго царства. Ихъ всѣхъ пережилъ утратившій его Король Лузиньянъ.

Съ радостію услышалъ Рихардъ, о нечаянномъ избраніи племянника своего Генриха, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и племянникомъ Короля Франціи; счастливый оборотъ сей погасилъ на время всѣ раздоры, ибо и Герцогъ Бургундскій возвратился въ станъ, вслѣдъ за новымъ Королемъ. Рихардъ воевалъ тогда въ окрестностяхъ Рамлы и овладѣлъ горнымъ замкомъ Дарумъ; но его безпрестанно тревожили вѣсти, о замыслахъ давняго врага, Филиппа Августа, который поддерживалъ брата его Іоанна; вожди крестоносцевъ, опасаясь унынія войска при удаленіи Короля, дали торжественный обѣтъ не оставлять Палестины и послѣ его отъѣзда. Онъ самъ одинаково тревожился, заботами о собственномъ королевствѣ, и о участи Христіанъ Сирійскихъ; возбужденный совѣтами духовника, объявилъ наконецъ войску рѣшеніе свое, — не оставлять раньше года священной войны, до слѣдующей пасхи, и немедленно идти къ Св. граду.

При столь утѣшительной вѣсти, всѣ крестоносцы подняли къ небу руки, громко возсылая хвалы Богу: «се нынѣ время благоприятное, се нынѣ часъ спасенія!» и забывъ минувшіе труды, весело готовились къ новымъ подвигамъ; укрѣпились колѣна разслабленныя, ничто не казалось тяжкимъ, войны предлагали нести на себѣ всѣ запасы; имущество сдѣлалось какъ бы общимъ, богатые пеклись о убогихъ, поддерживая ихъ милостынею, сильные оставляли для немощныхъ коней и лошаковъ; войско, испытанное долгими бѣдствіями и какъ бы уже пораженное, внезапно приняло тор-

жественный видъ; завъяли опять пернатые шлемы и разноцвѣтныя хоругви, заблестали обнаженные мечи и длинныя копья; имя Рихарда раздавалось повсюду; станъ Христовъ внезапно исполнился духомъ Господнимъ, говоритъ летописецъ, но не на долго! Въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, двинулось все воинство, отъ Хеврона къ горамъ Иудейскимъ, ущелія коихъ заняты были отрядами Султана и жителями Хеврона и Наблуза. Онъ самъ укрѣпился въ Иерусалимѣ, съ избранными своими дружинами, и продолжалъ исправлять стѣны; двѣ тысячи плѣнниковъ Христіанскихъ употреблены были на крѣпостныя работы. Слухъ ли о новыхъ силахъ Султана, или свойственное непостоянство Рихарда, опять удержали его на пути къ побѣдѣ. Онъ внезапно оставилъ войско, на разстояніи семи часовъ отъ Св. града, въ маломъ городѣ Виѣнополѣ (нынѣ селеніи Виѣамасѣ), и простоялъ тамъ нѣсколько недѣль, подъ тщетнымъ предлогомъ, будто бы ожидаетъ Короля Генриха, посланнаго имъ за свѣжими войсками въ Птолемаиду. Съ замедленіемъ похода возникли распри; Герцоги Бургундскій и Австрійскій, ненавидѣвшіе Короля, воспаменяли войско къ битвамъ всякой разъ, когда онъ отлагалъ походъ, и на оборотъ, ревность ихъ внезапно остывала, какъ только возгаралось усердіе Рихарда; такимъ образомъ, самое приближеніе къ Иерусалиму не прекратило раздоровъ. Прошло болѣе мѣсяца, поднялись отовсюду жалобы противъ Рихарда: «пойдемъ ли наконецъ къ Иерусалиму?» зывали всѣ крестonosцы. Самъ Король, въ борьбѣ съ соб-

ственными чувствами, раздѣлялъ общую тоску и негодовалъ на судьбу свою. Однажды, увлеченный погоней за непріателемъ до высотъ Эммауса, онъ увидѣлъ съ горы башни Иерусалимскія, и залившись слезами, закрылъ шитомъ лице свое, признавая себя недостойнымъ смотрѣть на Св. градъ, который не могъ освободить своимъ оружіемъ. Но столь странно было упорство его характера, что когда, по возвращеніи въ станъ, главные вожди начали настаивать объ осадѣ, онъ одинъ укрѣпился противъ всѣхъ и даже противъ собственной воли, увѣряя, что не можетъ выдать явной опасности славу оружія Христіанскаго и собственную честь.

Бароны Палестинскіе, которые, изъ личныхъ своихъ выгодъ, думали болѣе о завоеваніи поморскихъ городовъ, нежели о Св. градѣ, поддерживали нерѣшительность Рихарда, и только умножали тѣмъ общее неудовольствіе и волненіе умовъ. Наконецъ Король положилъ составить совѣтъ, изъ пяти рыцарей Страннопріимныхъ, пяти Храмовниковъ, пяти бароновъ Французскихъ и пяти Палестинскихъ, чтобы рѣшить — идти ли къ Иерусалиму? Нѣсколько дней совѣщались между собою избранные рыцари и бароны, испытывая обстоятельства. Молва о возникшей, будто бы, враждѣ между Халифомъ и Султаномъ, и возмущеніи противъ него Мамелуковъ, благопріятствовала походу; но отклонившіе оный говорили, что слухи сіи нарочно распущены Султаномъ, дабы завлечь только крестonosцевъ въ безводныя окрестности Иерусалима и опять погубить ихъ жаждою, какъ при Тиверіадѣ,

ибо все ущелия горныя въ рукахъ непріятеля. Если даже одолбютъ Христіане, какъ сохранять сообщенія свои съ поморіемъ? если же будутъ разбиты, ничто не спасетъ ихъ отъ меча Саладинова! Такъ разсуждали недостойные послѣдователи Готфреда и первыхъ крестовыхъ дружинъ, которыя при одномъ кликъ: «такъ хочетъ Богъ!» сокрушали все препоны. Во время совѣщанія, Рихардъ, услышавъ что богатый караванъ идетъ горами, изъ Египта въ Иерусалимъ, ночью оставилъ станъ, съ отборною дружиною, и, не смотря на отчаянную защиту непріятеля, ограбилъ караванъ въ окрестностяхъ Хеврона: до осьми тысячъ верблюдовъ, съ множествомъ коней и вьючнаго скота, и съ богатѣйшими товарами Азіи и Африки, сдѣлались добычею Короля, который возвратился въ станъ торжествовать послѣдній успѣхъ свой, въ окрестностяхъ Иерусалима.

Страхомъ исполнился Иерусалимъ; Султанъ, чтобы возбудить упавшій духъ своихъ Эмировъ, на которыхъ наводило ужасъ одно имя Рихарда, принужденъ былъ созвать ихъ, въ мечеть Омара, и тамъ, надъ завѣтнымъ камнемъ Патріарха Іакова, заставилъ присягнуть, что умрутъ прежде нежели выдадутъ городъ; но не смотря на обѣтъ сей, ропотъ неудовольствія и даже горькія упреки заглушали въ совѣтахъ голосъ Саладина, котораго обвиняли въ напрасномъ упорствѣ. А между тѣмъ совѣтъ рыцарей и бароновъ, малодушно рѣшилъ отступление войскъ къ поморію. Уныніе распространилось опять по всему стану, поклонники и войны проклинали

время, напрасно ими утраченное въ Палестинѣ. Умножились раздоры, и крестоносцы, уже не соединяемые одною цѣлію, не могли болѣе ни сражаться, ни переносить своихъ бѣдствій. Французы и Англичане шли разно; Герцогъ Бургундскій и Король, сочиняли другъ противъ друга колкія пѣсни, которыя переходили изъ устъ въ уста; одни шли къ Тиру, другіе въ Яффу или Акру, думая только о возвращеніи на Западъ.

Миръ сдѣлался необходимою для Короля Англіи; оставленный своими, но еще сохраняя врожденную надмѣнность, онъ требовалъ его отъ Саладина, то посылая отряды свои къ Аскалону, то угрожая осадить дальній Бейрутъ; Султанъ медлилъ, собирая Эмировъ Сиріи, Месопотаміи и Египта, и внезапно подступилъ, со всеми силами, къ Яффѣ, гдѣ было не болѣе трехъ тысячъ воиновъ Христіанскихъ. Здѣсь, въ послѣдній разъ, должны были состязаться два могучіе соперника и, въ лицѣ ихъ, Западъ съ Востокомъ. Послѣ многихъ приступовъ городъ былъ взятъ и преданъ огню и мечу; самый вышгородъ предлагалъ уже сдаться: внезапно является моремъ Рихардъ, съ не многими судами, и первый бросается впасть на берегъ, занятый непріятелемъ. Все бѣжить при его появленіи; съ малою дружиною, Львиное сердце преслѣдуетъ Турковъ, чрезъ оставленный городъ въ поле, къ стану Саладинову, и тамъ разбиваетъ шатры свои. На третій день, Турки хотѣли нечаянно напасть на Яффу и, въ числѣ семи тысячъ всадниковъ, устремились на Христіанъ, смѣло вышедшихъ къ

нимъ на встрѣчу; только десять коней оставалось въ городѣ, и на одномъ изъ нихъ Рихардъ одолевъ всю конницу непріятеля, которая обратилась въ бѣгство, увидя страшнаго воителя. Съ поля битвы онъ опять устремился въ Яффу, чтобы отразить другое нападеніе вторгшихся въ нее Мамелуковъ; мечъ его разсѣкъ на двое Эмира, дерзнувшаго вызвать его на поединокъ. Братъ Султана, Малекъ Адель, исполненный изумленія, послалъ съ поля битвы двухъ Арабскихъ коней, въ даръ мужественному Королю, и Эмиры отвѣчали на упреки Саладина: «какъ могли бѣжать отъ одного челоука?» — «что сила его свѣше челоуческой!» Сами Христіане приписывали небесной помощи побѣду, подъ стѣнами Яффы, и эта была послѣдняя битва сего похода. Напрасными остались столько подвиговъ и славы! Герцогъ Бургундскій удалился въ Тиръ, и не хотѣлъ болѣе принимать никакого участія въ войнѣ. Всѣ Германцы, подъ начальствомъ Герцога Австрійскаго, оставили Палестину. Когда же Рихардъ, заболѣвъ въ станѣ послѣ битвы, хотѣлъ отплыть въ Птолемаиду, тогда и прочіе вожди его оставили, такъ что не многихъ только могъ онъ удержать при себѣ, раздѣливъ имъ богатую корысть каравана Хевронскаго. Страхъ потерять собственное королевство, стыдъ напраснаго похода къ Иерусалиму, волновали его львиное сердце; онъ, то хотѣлъ отплыть въ Европу, не заключивъ мира, то грозилъ Саладину, что самъ Первосвященникъ Римскій двинется въ Палестину, съ двумястами тысячами ратныхъ.

«Заклучи миръ до наступленія зимы, послалъ онъ наконецъ сказать Султану; если ненастье воспретитъ мнѣ плаваніе моремъ, я останусь на всю зиму въ Сиріи и буду продолжать войну.» — Саладинъ созвалъ своихъ Эмировъ, чтобы совѣщаться о мирѣ или войнѣ. — «Досель мы воевали со славою, сказалъ онъ, и торжествовалъ исламизмъ; боюсь, чтобы смерть не застигла меня среди мира и не воспрепятствовала совершить предпріятій.» — Мужество Султана не нашло себѣ отголоска въ сердцахъ Эмировъ; они представили ему опустошеніе областей, истомленіе войска, и умоляли не доводить до отчаянія Франковъ, но, слѣдуя заповѣди корана, даровать миръ просящимъ его, чтобы и самому обновить силы во дни мира. Съ яростію въ сердцахъ вынужденъ былъ Саладинъ уступить мнѣнію Эмировъ, ибо онъ помнилъ послѣднее пораженіе, подъ стѣнами Яффы, и видѣлъ какъ упалъ духъ его войска. — Оба стана стояли другъ противъ друга, столь близко, что пыль обоихъ сливалась въ одно облако, но никто не думалъ сражаться. Заклучили перемиріе на четыре года: Иерусалимъ долженъ былъ оставаться открытымъ благочестію Христіанъ; они могли спокойно владѣть всемъ поморіемъ, отъ Яффы до Тира, а чтобы Аскалонъ не былъ предметомъ спора, между Турками и крестоносцами, положили еще однажды срыть его укрѣпленія. Странно, что въ условіяхъ мира не было упомянуто, о честномъ древѣ креста, котораго требовалъ при самомъ началѣ Рихардъ. Вожди обоихъ воинствъ подтвердили условія мира,

братъ бывшаго повелителя Востока, раздѣлявшій съ нимъ все его битвы, Малекъ Адель, сдѣлался независимымъ въ Месопотаміи: оттолкъ рѣшалъ судьбу дѣтей Саладиновыхъ, то принимая участіе въ ихъ междоусобной брани, то примиряя ихъ, когда видѣлъ, что усиленіе одного можетъ повредить собственному его могуществу. Главные Князья, изъ племени Аюбитовъ, и даже потомки Атабековъ, сокрушенныхъ Саладиномъ, возстали на обломкахъ его царства, и такимъ образомъ, вся Сирія представляла такой же хаосъ безчисленныхъ властителей, какимъ воспользовался некогда Готфредъ, съ первыми крестоносцами, и котораго не дождался Рихардъ. Эмиры возбудили Султана Египетскаго, вооружиться противъ старшаго брата и осадить Дамаскъ; но Афдалъ, съ помощію дяди Малекъ Аделя, заставилъ его бѣжать въ пустыню, и Египетъ сдѣлался бы достояніемъ Султана Дамасскаго, если бы дядя не примирилъ племянниковъ; но вскорѣ онъ самъ возбудилъ опять Султана Египетскаго, противъ старшаго брата, принялъ начальство надъ войсками и, овладѣвъ Дамаскомъ, сталъ управлять самовластно Сирією, во имя Азиза; изгнанный Афдалъ напрасно искалъ помощи у безсильнаго Халифа Багдадскаго; онъ совѣтовалъ ему только вооружиться терпѣніемъ. Въ это смутное время, Иерусалимъ переходилъ изъ рукъ въ руки враждующихъ; Султанъ Дамасскій уступилъ его своему Эмиру Азъедину, Султанъ Египта, послалъ туда другаго правителя. Эмиръ Абуль-Хаджи, получилъ Св. градъ изъ рукъ Ма-

лекъ Аделя, и подъ его властію онъ оставался во время четвертаго крестоваго похода. Не менѣе внутреннихъ раздоровъ возникло и между Христіанами Палестины, которые, послѣ отшествія крестоносцевъ, преданы были на произволъ враговъ. Король Иерусалимскій Генрихъ, пренебрегая своимъ тщетнымъ титуломъ, думалъ только о возвращеніи въ цвѣтущую родину, въ свое богатое графство Шампанію. Король Кипра Лузиньянъ, озабоченный новымъ царствомъ, долженъ былъ безпрестанно умирять въ немъ мятежи Грековъ, возбуждаемыхъ изъ Царьграда. Боемундъ III, вмѣстѣ съ Княземъ Антиохіи и Графъ Триполя, велъ непрестанную войну съ соседнимъ владѣтелемъ Арменіи, то содержалъ его плѣнникомъ въ своей столицѣ, то самъ впадалъ въ его темницу; брачный союзъ сына Боемундова, съ дочерью Князя Армянскаго, не могъ потушить закоснѣлой вражды обонихъ. Въ то же время, зависть и честолюбіе возбуждали другъ противъ друга рыцарскіе ордена Палестины. Еще одинъ орденъ Тевтоническій учрежденъ, изъ рыцарей Германскаго происхожденія, въ продолженіе третьяго крестоваго похода, и въ послѣдствіи перешелъ въ Европу, на берега Балтійскаго моря, ибо цѣлюю его было обращеніе язычниковъ. Но два старшіе ордена, Страннопримныхъ и Храмовниковъ, постоянные жильцы Палестины, обладая несмѣтными богатствами, въ Азійи и Европѣ, не стыдились подымать за нихъ оружіе другъ противъ друга, вмѣсто того чтобы обращать его

• 1197 годъ.

противъ Турковъ. До трехъ тысячъ замковъ принадлежали Храмовникамъ, до тринадцати тысячъ Страннопримнымъ, но малый замокъ, на берегахъ Сиріи, сдѣлался предметомъ ихъ кровопролитной распри, которую не могли угасить Король и бароны Палестинскіе! — только одинъ страхъ отлученія церковнаго смирилъ наконецъ непокорныхъ, и то послѣ многихъ бесполезныхъ угрозъ Первосвященителя Римскаго. Никто не заботился о Сіонѣ и даже не думалъ просить помощи у Европы. Посреди сего всеобщаго охлажденія, раздался краснорѣчивый голосъ девяностилѣтняго старца, самаго Папы Келестина III, который хотѣлъ ознаменовать исходъ своего святительства освобожденіемъ Св. града.

Но Филиппъ Августъ и самъ Рихардъ, хотя и продолжавшіе носить на себѣ знаменіе крестовыхъ битвъ, были слишкомъ заняты собственнымъ междоусобіемъ, чтобы подняться по зову Папы; они позволили только проповѣдывать походъ въ своихъ областяхъ и собирать пособія денежныя. Одна Германія отозвалась на голосъ легатовъ папскихъ, и вся возстала по зову своего Императора Генриха VI, который возбудилъ владѣтельныхъ Князей имперіи на сеймъ, идти въ Палестину; самъ онъ, хотя и принялъ крестъ, однако былъ убѣжденъ ими остаться для дѣлъ правительственныхъ; но завоеваніе Неаполя и Сициліи занимали Генриха, болѣе нежели освобожденіе Св. града, и онъ употребилъ на сіе несправедное дѣло часть крестовыхъ дружинъ. На два отряда раздѣлилось войско Германское:

одно, подѣ начальствомъ двухъ Генриховъ, Герцоговъ Саксоніи и Брабанта, отплыло изъ пристаней Балтійскихъ, и не скоро достигло береговъ Сиріи, потому, что на пути сражалось съ Маврами въ Португаліи; другое, подѣ начальствомъ Архіепископа Маинскаго Конрада и мужественнаго Барона Валерана, пошло къ Царьграду чрезъ Венгрію, гдѣ къ нимъ присоединилась вдовствующая Королева Маргарита, сестра Филиппа Августа. Флотъ Императора Греческаго, Исаака Ангела, быстро перенесъ крестоносцевъ въ Птолемаиду; прибытіе ихъ возбудило болѣе смятенія, нежели радости между Христіанами Палестинскими, которые уже дознали на опытъ, какъ мало пользы приносили кратковременные успѣхи пришельцевъ западныхъ, и боялись нарушить миръ, заключенный съ Саладиномъ. Они убѣждали Германцевъ дожидаться хотя пришествія остальныхъ дружинъ; но жаждущіе битвъ не хотѣли медлить и тотчасъ открыли военныя дѣйствія.

Опять собрались несмѣтныя полчища Турковъ, изъ Сиріи и Египта, подѣ предводительствомъ Султана Малекъ-Аделя, который сдѣлался надеждою всего Магометанскаго Востока. Онъ выступилъ изъ Дамаска, соединилъ всѣ войска въ окрестностяхъ Іерусалима и первымъ его подвигомъ было взятіе Яффы, укрѣпленной Рихардомъ. Защитники ея впади неосторожно въ засаду; двадцать тысячъ Христіанъ погибли въ городъ, подѣ мечемъ непріятеля. При первой вѣсти объ осадѣ Яффы, Король Генрихъ хотѣлъ устремиться къ ней на помощь, съ рыцарями трехъ орденовъ, но подѣ нимъ обрушилась верх-

няя галерея его палатъ, и дружины, долженствовавшія слѣдовать за нимъ въ битву, проводили его въ могилу. Прибытіе втораго отряда крестоносцевъ оживило упавшій духъ Христіанъ Палестинскихъ. Все войско, оставивъ Малекъ-Аделя на развалинахъ разоренной имъ Яффы, двинулось вдоль поморія, къ богатому Бейруту, который былъ столицею Сиріи, но своему счастливому положенію у подошвы Ливана. Въ его мечети провозглашались Султаны и Эмиры, и въ его темницахъ томились пять тысячъ плѣнниковъ Христіанскихъ, товарищей Ливинаго сердца.

Малекъ-Адель устремился вслѣдъ за дружинами Запада, и настигъ ихъ между Тиромъ и Сидономъ; тамъ возгорѣлась упорная битва, и долго колебалась побѣда, наконецъ отчаянное мужество Франковъ одолѣло. Султанъ бѣжалъ съ поля сраженія, войско его разсѣялось на пути къ Дамаску и Иерусалиму, и слѣдствіемъ славной побѣды было немедленное покореніе Сидона, Лаодикіи и Бейрута, удовлетворившихъ своими богатствами жадность крестоносцевъ. Еще однажды все поморіе Сиріи перешло въ руки Христіанъ, и вострепеталъ радостію Сіонъ, ожидая скорого избавленія; но не къ нему обратились взоры побѣдителей. Между тѣмъ, третій отрядъ посланъ былъ Императоромъ Генрихомъ, уже не силою убѣжденій, но цѣною золота, въ Палестину, подъ предводительствомъ канцлера имперіи, Конрада Епископа Гидельсгеймскаго, который засталъ еще торжествующихъ у подошвы Ливана. Въмѣсто пламеннаго желанія освободить

Св. градъ, начались опять холодныя сужденія о его укрѣпленіяхъ, о тройной стѣнѣ и широкихъ рвахъ, сдѣланныхъ невѣрными даже послѣ Саладина, и о зимнихъ непогодахъ, опасныхъ для войска въ горахъ Іудейскихъ. Роскошные города поморія занимали всѣхъ болѣе, нежели убогій Иерусалимъ, богатый только сокровищами вѣры; старшіе вожди отложили до весны его завоеваніе и рѣшились овладѣть прежде малою, но почти неприступною крѣпостію Торонъ, которая одна только оставалась Туркамъ на берегахъ Сиріи, недалеко отъ Тира.

Начался приступъ, безъ стѣнобитныхъ орудій: подкопы, изсѣкаемые въ скалахъ, и паденіе одной изъ стѣнъ города, при отчаянномъ мужествѣ рыцарей, ужаснули осажденныхъ. Они уже хотѣли сдаться; но таково было безначаліе въ станѣ Христіанскомъ, что не кому было принять ключей крѣпости; Герцоги Саксонскій и Брабантскій имѣли только вліяніе на свои отряды; канцлеръ Конрадъ, представлявшій лице Императора, могъ бы дѣйствовать съ верховною властію, но истомленный болѣзнію и безъ всякой опытности воинской, онъ не выходилъ изъ шатра и даже не принималъ никакого участія въ совѣтахъ. Собрались однако главные вожди, чтобы выслушать условія посланныхъ изъ замка, которые просили себя только жизни и свободы; но буйные Князья хотѣли отказать имъ и въ столь смиренной просьбѣ, думая страшнымъ примѣромъ навести ужасъ на всѣхъ Сарацынъ; отсего возникла жестокая распря въ станѣ, и хотя

канцлеръ принялъ условія сдачи, но сами посланные, возвратясь въ крѣпость, убѣдили своихъ защищаться, до послѣдней капли крови, ибо не предвидѣли себѣ пошады, посреди безначалія враговъ. Опять возобновились жестокіе приступы и битвы, во время коихъ все болѣе и болѣе воспламенялся духъ защитниковъ Торопа и упало мужество осаждавшихъ. Вѣсть о приближеніи Малекъ-Аделя, съ сильнымъ войскомъ, совершенно ихъ смутила. Вожди рѣшились къ тайному отступленію, приказавъ наканунѣ приготовляться къ приступу, и первый удалился канцлеръ, за нимъ прочіе Князья и Епископы, такъ что, въ общемъ смятеніи, забыли раненыхъ и всѣ тяжести войска. Отступленіе было столь постыдно, что нѣкоторые подозрѣвали измену и говорили, будто Султанъ подкупилъ Храмовниковъ.

Въ Тирь, гдѣ соединились всѣ войска, начались опять жалобы и распри; воины обвиняли вождей, за то, что выдавали, изъ личныхъ выгодъ, гробъ Искупителя его врагамъ; Германцы и воины Палестины не могли болѣе оставаться вмѣстѣ; первые удалились въ Яффу и подняли изъ развалинъ ея стѣны, вторые возвратились въ Птолемаиду. Тогда опять подступилъ Малекъ-Адель къ Яффѣ; но онъ былъ побѣжденъ въ жестокой битвѣ, которая однако стоила крестоносцамъ двухъ изъ ихъ старшихъ Князей: Герцога Саксонскій Генрихъ и Герцогъ Австрійскій Фридрихъ, положили животъ свой на полѣ сраженія. Побѣда сія возбудила еще болѣе надмѣнность Германцевъ и ненависть къ нимъ

Сирійцевъ, а между тѣмъ скиптръ Іерусалимскій находился въ рукахъ слабой жены, Изабеллы, и колебался престолъ Готфреда; нечестіе и развратъ царствовали въ Птолемаидѣ и по всей Сиріи. Тогда мудрѣйшіе изъ Епископовъ и бароновъ Палестины предложили сей царственной вдовѣ трехъ супруговъ, даровать еще четвертому право на престолъ Іерусалимскій, и она вступила въ новый бракъ съ Королемъ Кипра, Алмерикомъ, братомъ и преемникомъ Лузиньяна. Такимъ образомъ, опять достался вѣнецъ Іерусалимскій въ родъ того, кто его утратилъ. Съ чрезвычайнымъ торжествомъ праздновалась свадьба сія въ Птолемаидѣ, когда печальная вѣсть, о кончинѣ Императора Генриха VI, нарушила общую радость. Князья и Епископы имперіи, заботясь о избраніи ему преемника, посѣщали отплыть въ свое отечество, не смотря на убѣжденія Папы, который просилъ ихъ довершить прежде свой подвигъ, и на мольбы оставляемыхъ безъ защиты Христіанъ Востока. Никто даже не подумалъ совершить, прежде своего отплытія, благочестивое странствіе въ Іерусалимъ, по примѣру сподвижниковъ Короля Рихарда. Германцы оставили только воинскую стражу въ Яффѣ, но и та была истреблена Турками въ день буйнаго пиршества. Одна только вдовствующая Королева Венгріи, Маргарита, сохранила вѣрно обѣтъ свой, основавшись навсегда въ Палестинѣ; прибывшій изъ Франціи, съ малою дружиною, Графъ Симонъ Монфортскій, принялъ на себя начальство надъ войсками. Христіане и Магометане, утомлен-

ные непрестанными битвами, одинаково желали мира, и миръ былъ заключенъ опять на три года, до новыхъ кровопролитій.

Тягостны были для жителей Востока послѣдніе годы XII вѣка. Отъ недостатка воды въ Ниль, распространился голодъ и вслѣдъ за нимъ болѣзни по всему Египту и по всей Сири; до такой степени достигло бѣдствіе, что нашлись изверги, которые стали питаться человѣческимъ мясомъ. Въ Каирѣ тридцать женщинъ сожжено было въ одинъ день, за то что съѣли собственныхъ дѣтей, и въ нѣсколько мѣсяцевъ столица Египта потеряла болѣе половины жителей; оттолъ прошла губительная зараза по всему поморію Сири, и къ довершенію бѣдствія, страшное землетрясеніе опустошило всѣ лучшіе города и селенія. Когда зіяла земля и осѣдали вершины Ливана, море, бурнымъ волненіемъ, выбрасывало на берегъ корабли и даже подводныхъ жильцевъ своихъ; много селеній стерлось съ лица земли; опрокинулись великолѣпныя зданія Баалбека и Дамаска; въ Тирь и Наблузъ осталось только нѣсколько улицъ; стѣны Птолемаиды и Триполя обратились въ груды развалинъ. Народы Востока ожидали уже страшной трубы послѣдняго суда, и возблагодарили Бога, за сохраненіе града чудесъ и Пророковъ, который былъ пощаженъ гнѣвомъ Божиимъ, со всеми его окрестностями. Не было битвъ между Христіанами и Мусульманами, они сражались только съ разъяренными стихіями, и смерть, лучше всякой стражи, охраняла взаимныя ихъ предѣлы; новыя дружины креста, кото-

рыя скликалъ со всего Запада Первосвященникъ Римскій, ничего не могли бы сдѣлать посреди общаго смятенія земли обѣтованной.

Иннокентій III. сидѣлъ тогда на кафедрѣ, древней всемірной столицы, и напомнилъ собою Европѣ лице Григорія VII. Цари, Епископы и народы трепетали его мощнаго слова, ибо никогда власть папская не достигала ни прежде, ни послѣ, до такой высокой степени. Освобожденіе Св. града было пламеннымъ желаніемъ Иннокентія, и на сію священную для него цѣль были обращены всѣ усилія его пятнадцатилѣтняго святительства. Тотчасъ по вступленіи своемъ на кафедру, сталъ онъ разсылать грамоты и проповѣдниковъ крестоваго похода по всей Европѣ. «Если Богъ умеръ за человѣка, человѣкъ ли убоится умереть за своего Бога?» взывалъ ко всѣмъ Иннокентій, и нашелъ отголосокъ въ рыцарствѣ Франціи; но сами властители Христіанскихъ королевствъ заняты были междоусобіемъ. Вонифатій Маркизь Монфератскій, братъ знаменитаго Конрада, бывшаго Королемъ Іерусалимскимъ, и Балдуинъ Графъ Фландрскій, которому предназначено было вступить на престолъ Императоровъ Греческихъ, сдѣлались предводителями владѣтельныхъ графовъ и бароновъ. Путь ихъ лежалъ чрезъ Венецію, ибо моремъ хотѣли они совершить свое странствіе, и, по недостатку денегъ, обязались служить оружіемъ надмѣнной республикѣ. Престарѣлый Дождъ ея, Генрихъ Дандоло, вызвался быть предводителемъ дружинъ и обратилъ къ завоюванію города Зары, на берегахъ Адріатики, пер-

вый пылъ крестоносцевъ. Новое искушеніе отвлекло ихъ отъ предназначенной цѣли: въ станъ витязей западныхъ явился юный Алексій, сынъ Императора Греческаго Исаака-Ангела, низвергнутаго съ престола своимъ братомъ; онъ возбудилъ общее участіе и, лестными обѣщаніями, всѣхъ увлекъ къ стѣнамъ Царьграда. Напрасно Иннокентій грозилъ громами Ватикана; на сей разъ жажда корысти и славы одолѣла его угрозы; флотъ Венеціанскій, вмѣсто береговъ Сиріи, принесъ мнимыхъ защитниковъ Св. гроба къ стѣнамъ Константинополя.

Легкая побѣда увѣнчала ихъ первый подвигъ; похититель престола бѣжалъ; ослѣпленный имъ Исаакъ взошелъ опять на престолъ и раздѣлилъ его съ сыномъ Алексіемъ. Казалось, прочный союзъ дружбы навсегда соединилъ Грековъ и Латинъ; но когда дошла рѣчь до исполненія договора, тщетными оказались громкія обѣщанія Алексія; онъ просилъ дать ему время для расплаты. Крестоносцы, возбуждаемые Папою къ дальнѣйшему походу, не хотѣли долѣе медлить; возникли распри, за ними кровопролитія; явился новый мятежникъ Мурсуфъ, который умертвилъ обоихъ Императоровъ и, воцарившись на мѣсто ихъ, рѣшился отразить пришельцевъ Запада; они же взяли приступомъ роскошную столицу Восточной имперіи и предали ее огню и мечу*. Въ пожарѣ ея погибли древнія сокровища искусствъ; святыня храмовъ расхищена была буйными воинами, которые ничего не щадили въ порывѣ слѣпой ярости. Соборъ Софійскій временно

* 1204 годъ.

обратился въ стойла безсловесныхъ; великолѣпный престолъ его былъ сокрушенъ. Патріархъ Іосифъ съ Императоромъ Θεодоромъ Ласкарисомъ, провозглашеннымъ въ часъ общаго смятенія, спаслись въ Никею и тамъ основали новую державу, до времени освобожденія Царьграда. Балдуинъ, Графъ Фландрскій, избранъ былъ на престолъ Константинополя и вънчанъ въ храмъ Софійскомъ Оомою, новымъ Патріархомъ Латинскимъ. Маркизь Монфератскій сдѣлался Королемъ въ Θεссалоникъ; Дождь Венеціи пріобрѣлъ себѣ многія области и острова бывшей имперіи, которую по частямъ раздѣлили между собою графы и бароны Франціи, позабывъ о крестовомъ походѣ. Даже и бароны Палестинскіе, услышавъ о неожиданномъ успѣхѣ шедшихъ къ нимъ на помощь, устремились, съ береговъ Сиріи, дѣлить съ ними добычу. Ужаснулся Папа Иннокентій, и хотя укорялъ грамотами своими неправедныхъ завоевателей, однако утвердилъ за ними похищенное ихъ оружіемъ у Христіанъ, ибо радовался насильственному покоренію Церкви Константинопольской престолу Римскому. Бывшій врагомъ Императоровъ Греческихъ, Іоанникій, Король Болгарскій, отмстилъ за разореніе ихъ столицы, новымъ ея властителямъ. Въ жестокой битвѣ съ Болгарами пали, одинъ за другимъ, Императоръ Балдуинъ и Король Воифатій; но еще сколо полувка держалась имперія Латинская въ Царьградѣ.

XXXI.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВОЙ ПОХОДЪ*.

Король Иоаннъ Бриенскій.

Едва могли оправиться Христіане Палестинскіе отъ бѣдствій ихъ постигшихъ. Добродѣтельный Король Алмерикъ, который подавалъ благой примѣръ своимъ баронамъ, и рыцари трехъ орденовъ истощили весь свои сокровища, на пропитаніе убогихъ и обновленіе стѣнъ. Недоставало рукъ для произведенія работъ, и какъ нѣкогда Саладинъ употреблялъ Христіанъ для укрѣпленія Іерусалима, такъ плѣнники Магометанскіе обречены были для возстановленія упавшихъ бойницъ Птолемаиды. Въ числѣ ихъ трудился, какъ простой невольникъ, знаменитѣйшій поэтъ Персіи Саади, пѣвецъ розы и соловья. Уже начинали опять возникать несогласія съ Турками и большое смятеніе царствовало

* Michaud Hist. Liv. 12.

въ областяхъ Христіанскихъ, ибо не было единой державія. Эмиръ Алепа находился въ мирѣ съ Королемъ Іерусалимскимъ, въ то время, какъ Князь Антиохійскій, Храмовники и Страннопріимные воевали сами собою съ другими Эмирами Сиріи; жители бѣдственной страны сей не въдали съ кѣмъ миръ и съ кѣмъ война: не было большихъ сраженій, но безпрестанныя стычки. Посреди сихъ безпорядковъ, Христіане оплакали еще смерть добраго Короля. Алмерикъ, слѣдуя благочестивому обычаю, пошелъ собирать пальмы, на страстной недѣль, въ городъ Каифу, къ подножію горы Кармила, и заболѣлъ во время своего путешествія. Онъ скончался въ Птолемаидѣ, почти въ одно время съ Княземъ Антиохійскимъ Боемундомъ III, и скиптръ Іерусалимскій достался опять въ руки Изабеллы; скоро и она послѣдовала во гробъ за Алмерикомъ, будучи послѣднею изъ царственныхъ лицъ, рожденныхъ еще въ Св. градъ.

Дочь Изабеллы и Конрада оставалась единственною наследницею престола Іерусалимскаго; на ея будущаго супруга возлагали весь свои надежды бароны Палестинскіе; они озаботились найти его для юной Королевы, и опасаясь избрать кого либо изъ среды своей, для избѣжанія распрей, рѣшились искать себѣ Государя, въ отечествѣ Готфреда и Балдуиновъ. Епископъ Птолемаиды и владѣтель Кесаріи, посланы были ко двору Короля Франціи, Филиппа Августа, просить его, отъ имени всѣхъ Христіанъ святой земли, о избраніи достойнаго рыцаря въ Короли бѣдствующему Сіону, дабы онъ

могъ спасти остатокъ царства. Рука юной Королевы, вѣнецъ и благословенія неба, должны были наградить доблесть того, кто придетъ защитить наследіе Сына Божія. Съ великою почестью приняты были посланники Палестинскіе, и хотя мало отраденъ былъ вѣнецъ сей, слава польстила сердцу рыцарей. Выборъ Филиппа Августа палъ на Иоанна Бріенскаго, одного изъ самыхъ доблестныхъ витязей своего вѣка, который съ радостію принялъ лестное предложеніе, и обѣщаль поспѣшить съ войскомъ въ новое свое королевство.

Утѣшительная вѣсть сія оживила опять духъ Христіанъ Востока; ихъ прежнее уныніе обратилось въ безразсудную радость. Они отвергли мирныя предложенія Малекъ-Аделя, который царствовалъ во всей Сиріи и Египтѣ, послѣ смерти племянника Азиза; Султанъ давалъ имъ десять замковъ и крѣпостей въ залогъ мира. Напрасно самые благоразумные изъ вождей, особенно Великій Магистръ Страннопріимныхъ, напоминали баронамъ Палестины, какъ мало можно полагать надежды на помощь Западныхъ, еще недавно совращенныхъ Царьградомъ съ пути къ Сіону; никто не хотѣлъ слушать мудрыхъ совѣтовъ. Король Иоаннъ приплылъ въ Птолемаиду, съ блескомъ царскимъ и только съ тремястами рыцарей, которыхъ содержалъ на деньги Короля Франціи и Папы. Торжественно совершился бракъ его съ Маріею, но еще посреди свадебныхъ пиршествъ, Турки уже вторглись въ предѣлы Христіанъ, подъ личнымъ предводитель-

ствомъ Султана, и стали угрожать Триполию и Птолемаидѣ.

Новый Король, съ малою своею дружиною, хотя и отличался доблестью на ратномъ полѣ, не могъ однако отразить многочисленныхъ враговъ, и опять овладѣло уныніе его подданными. Ему оставалась одна почти Птолемаида, и то безъ защиты, потому что многіе изъ его спутниковъ возвратились въ Европу. Иоаннъ поспѣшилъ отправить къ Папѣ посольство, умоляя его о скорой помощи; но самъ Иннокентій былъ отвлеченъ отъ Востока, кровопролитною войною противъ еретиковъ южной Франціи, Албигенцевъ, которая слыла также крестовымъ походомъ. Малыя дѣти, въ числѣ пятидесяти тысячъ, вооружились тогда за Іерусалимъ; изъ Франціи и Германіи поднялись они, взывая непрестанно: «Господи возврати намъ честный крестъ твой!» и на вопросъ, куда идти? отвѣчали только: «спасти Св. градъ!» Никто не удерживалъ ихъ безразсуднаго стремленія, полагая въ немъ нѣчто вдохновенное. Такъ перешли они Альпы, чтобы отплыть изъ пристаней Италіи; большая часть ихъ погибла на пути. Тѣ же, которые достигли береговъ Сиріи, горько изумили ея жителей: имъ показалось, что уже на Западъ не было болѣе мудрости ни въ совѣтахъ княжескихъ, ни въ святительскихъ. Но не такими глазами смотрѣлъ на это Папа Иннокентій: «дѣти сіи, говорилъ онъ, служатъ намъ горькимъ упрекомъ, ибо мы дремлемъ, когда они стремятся на защиту святой земли!» Желая воспламенить Христіанъ къ священной

войнѣ, онъ сталъ созывать въ Римъ на соборъ всѣхъ Епископовъ западныхъ; грамоты его ходили по всему Востоку, ибо не только писалъ онъ къ Латинскимъ Патріархамъ Царьграда, Антиохіи и Иерусалима и Греческому Патріарху Александрии, но даже и къ Султану Малекъ-Аделю, именемъ Всемогущаго, убѣждая его возвратить Иерусалимъ Христіанамъ, какъ ихъ законное наслѣдіе, на время только выданное Богомъ брату его Саладину, по грѣхамъ своего народа. Въ то же время Кардиналь Курсонъ, родомъ изъ Англіи, и просвѣщенный Епископъ Птолемаиды, Іаковъ Витрійскій, продолжатель лѣтописи Архіепископа Тирскаго Вильгельма, назначены были отъ Папы проповѣдниками крестоваго похода по всей Европѣ; но внутреннія ея смятенія долго заглушали ихъ голосъ, и первостепенные властители обѣщали только денегъ, а не войска. Соединился наконецъ въ Римѣ многочисленный соборъ Латеранскій, болѣе чѣмъ изъ пяти сотъ Епископовъ, съ посланниками всѣхъ Государей западныхъ. Иннокентій умолялъ всѣхъ, именемъ Св. града, вооружиться къ его защитѣ, и краснорѣчивымъ плачемъ Пророка Іереміи, который влагалъ въ уста бѣдствующаго Сіона, тронулъ сердца слушателей. Самъ онъ хотѣлъ идти во главѣ крестоносцевъ, но ему не суждено было довершить начатаго подвига; преждевременная смерть остановила Иннокентія на славномъ поприщѣ; его преемникъ Гонорій, съ тою же ревностію, сталъ проповѣдывать крестовый походъ, стараясь прежде водворить миръ въ Европѣ. Юный Императоръ

Германскій Фридрихъ II. далъ торжественный обѣтъ идти сражаться съ невѣрными, и не сдержалъ его: но имперскіе Князья и Епископы съ охотою приняли крестъ и стали вооружаться; изъ вѣнчаныхъ Государей, одинъ только Андрей, Король Венгерскій, присутствовалъ лично въ крестовомъ походѣ, и его избрали предводителемъ Нѣмецкихъ дружинъ. Островъ Кипръ былъ мѣстомъ собранія всѣхъ крестоносцевъ; оттолкъ, въ сопровожденіи Короля Кипрскаго Гугона Лузиньяна, направились они въ Птолемаиду, и съ торжествомъ были встрѣчены Королемъ Іоанномъ и всѣми Христіанами Сиріи, ибо давно не видали столь многочисленнаго войска, оно восходило числомъ до пяти сотъ тысячи, но и ему не суждено было достигнуть однажды утраченной цѣли: духъ первыхъ крестоносцевъ давно угасъ. Вскорѣ открылся недостатокъ продовольствія въ станѣ, по неурожаю послѣднихъ годовъ въ Сиріи, пришельцы стали опустошать окрестныя селенія. Король Іоаннъ долженъ былъ ускорить начало войны, чтобы только сохранить собственныя области. Все войско, подъ предводительствомъ трехъ Королей Иерусалима, Кипра и Венгріи, двинулось къ потоку Киссову, ознаменованному памятью Пророка Ілии. Патріархъ Латинскій Св. града, чтобы болѣе воспламенить воиновъ, принесъ въ станъ часть честнаго дерева, будто бы спасеннаго послѣ битвы Тиверіадской, и всѣ съ умиленіемъ встрѣтили залогъ искупленія. Походъ сей болѣе былъ подобенъ благочестивому странствію; при пѣніи священныхъ гимновъ,

крестоносцы прошли цвѣтушія долины Іезраеля, мимо Фавора и Эрмона, коснулись береговъ моря Галилейскаго, и купались въ святыхъ водахъ Іордана; нигдѣ не встрѣтили они непріятелей и съ добычею возвратились въ Птолемаиду. Оттолъ выступили опять, чтобы овладѣть крѣпостью на вершинѣ Фавора, которая замѣнила тамъ древнюю обитель во имя Пророковъ Моисея и Іліи. Не смотря на камни, низвергаемые съ вершины горы, витязи мужественно достигли до самыхъ воротъ крѣпости. Патріархъ Іерусалимскій шелъ впереди съ крестомъ, Король Іоаннъ, отличаясь доблестію предъ всеми, собственною рукою умертвилъ двухъ Эмировъ; но въ самый часъ побѣды, неизъяснимый страхъ овладѣлъ войскомъ, и оно столь же быстро спустилось съ вершины священной горы, какъ будто восходило только для поклоненія мѣсту преображенія Господня. Малодушное отступленіе имѣло гибельныя послѣдствія, ибо уронило духъ воиновъ; стали подозрѣвать въ измѣнѣ нѣкоторыхъ вождей; Патріархъ не хотѣлъ болѣе идти впереди дружинъ съ древомъ креста. Другой неудачный походъ въ верхніе предѣлы Сиріи, при зимнихъ непогодахъ, еще болѣе разстроилъ войско; оно раздѣлилось, ибо не могло продовольствоваться на одномъ мѣстѣ; Король Іерусалимскій, Герцогъ Австрійскій, съ Великимъ Магистромъ Страннопріимныхъ, ополчились въ долинахъ Кесаріи. Короли Венгріи и Кипра, съ Раймундомъ, сыномъ Князя Антіохійскаго, удалились въ Триполи. Великіе Магистры Храмовниковъ и ордена Тевтоническаго ста-

ли укрѣплять замокъ у подошвы Кармила; нѣкоторые возвратились въ Птолемаиду, чтобы оттолъ отплыть въ Европу. Король Кипра заболѣлъ и умеръ, готовясь въ обратный путь; Король Венгріи подалъ прежде всѣхъ малодушный примѣръ, и съ безславіемъ оставилъ Палестину. Прибытіе иныхъ крестоносцевъ, изъ разныхъ пристаней Франціи и Італіи, подняло опять духъ оставшихся.

Ужасъ объялъ Магометанъ, при появленіи новыхъ крестовыхъ дружинъ, которыхъ потокъ неизъяснимо наводнялъ ихъ землю. — Султанъ Малекъ Адель уже не царствовалъ тогда въ Сиріи и Египтѣ. Наскучивъ величіемъ земнымъ, онъ раздѣлилъ свои обширныя области между пятнадцатью сыновьями, подчинивъ ихъ двумъ старшимъ, Малекъ Хамилю, которому далъ Египетъ, и Коррадину, поставленному имъ въ Дамаскъ; а самъ, наслаждаясь отдыхомъ послѣ столькихъ бурь, переходилъ отъ одного къ другому, держа ихъ въ мирѣ и любви; ибо они все уважали отца своего, какъ бы еще сидѣвшаго на престолѣ, и на него обращены были взоры всѣхъ единовѣрцевъ. Войско и народъ умоляли его принять опять бразды правленія, но Малекъ Адель успокоилъ ихъ, предсказывая, что и сіи новыя полчища Запада разсыются сами собою, по примѣру прежнихъ, какъ громовыя тучи, бродящія по темю Ливана, и пророчество его сбылось. Не встрѣтивъ неверныхъ въ Сиріи и не обращая вниманія на Іерусалимъ, крестоносцы рѣшились направить свое оружіе на Египетъ, потому что жаждали его богатствъ, и забыли неудачные

походы Короля Алмерика. Весною 1213 года Король Иерусалимскій съ Патріархомъ и своими Епископами, Герцогъ Австрійскій, и три ордена рыцарей, со множествомъ пришельцевъ западныхъ, Князей и Епископовъ, отплыли въ Египетъ, чтобы осадить богатый городъ Даміету, на правомъ рукавѣ Нила; ее защищала многочисленная стража, крѣпкія бойницы и башня посреди рѣки, прегражденной цѣпью во всю ширину. Башня сія была первымъ предметомъ нападеній, ибо нельзя было подыматься мимо ея вверхъ по Нилу; послѣ невѣроятныхъ усилій, она взята была Леопольдомъ, Герцогомъ Австрійскимъ, съ помощію другой стѣнотной башни, которая плавала на водахъ.

Султанъ Малекъ-Адель, умеръ съ горести въ Сиріи, услышавъ о первомъ успѣхѣ Христіанъ въ Египтѣ, и увлекъ съ собою въ гробъ славу племени Аюбитовъ, ибо потряслась ихъ держава и духъ безначалія возникъ опять между многочисленными Эмирами. Но крестоносцы не воспользовались его смертію, столь для нихъ благоприятною; нѣкоторые изъ нихъ, наскучивъ медленностію осады Даміеты, начали возвращаться на родину; безпрестанно притекали и новые воители изъ Франціи, Англіи и Германіи, всякаго званія и рода, и въ числѣ ихъ тотъ, кому суждено было погубить войско Христіанское въ Египтѣ. Это былъ надмѣнный и честолюбивый Кардиналъ Пелагій, уполномоченный легатъ папскій, который пользуясь своимъ саномъ, немедленно подчинилъ себя Короля и Патріарха, всѣхъ Князей и Еписко-

повъ, и самовластно сталъ распоряжаться ходомъ войны. Между тѣмъ, умноженіе опасности возбудило духъ Магометанъ; подобно какъ Первосвященникъ Римскій на Западъ, такъ и Халифъ Багдада на Востокъ, сзывалъ всѣхъ Эмировъ и Султановъ къ защитѣ своей вѣры; они стали собираться въ станъ Султана Египетскаго, подъ стѣнами Даміеты. Нилъ былъ безпрестаннымъ поприщемъ сраженій, на водахъ своихъ и по обѣимъ берегамъ. Заговоръ одного изъ Эмировъ, противъ Султана, и бѣгство Малекъ Хамиля, вслѣдъ за коимъ устремилось все войско, оставили на время Христіанъ, безъ всякаго непріятеля предъ собою; но пришествіе Султана Дамаскаго Коррадина, съ свѣжими войсками на помощь брату, возстановило порядокъ между Сарацынами; явился новый станъ ихъ въ виду крестоносцевъ и начались опять кровопролитныя битвы.

Султанъ Коррадинъ, идучи на помощь брату мимо Иерусалима, велѣлъ разорить его стѣны и башни, съ такимъ трудомъ укрѣпленные Саладиномъ, потому что опасался, чтобы Христіане, въ его отсутствіе, не укрѣпились въ городѣ. Уцѣлѣла только одна крѣпость Давидова, служившая вышгородомъ. Греческій Патріархъ Аванасій, оградилъ своими мольбами храмъ Св. гроба, отъ ярости Коррадина, и намъ сохранилось еще посланіе сего Святителя къ Георгію, Митрополиту Керкирскому, въ коемъ оплакиваетъ бѣдственное состояніе Св. града: «Иерусалимъ, Иерусалимъ, нѣкогда огражденный и освященный, нынѣ пусть и беззащитенъ; ради не-

изчислимыхъ грѣховъ моихъ страждеть престоль сей, порабощенъ Сіонъ и помраченъ Св. гробъ, отколь истекаетъ намъ просвѣщеніе!» Султанъ истребилъ также и укрѣпленія горы Оаворской и всѣхъ городовъ, которые были въ рукахъ его на поморіи Сирійскомъ, къ общему изумленію Турковъ и Христіанъ. Между тѣмъ въ станъ крестоносцевъ, огорченныхъ неудачною битвою на берегахъ Нила, явился новый проповѣдникъ, знаменитый святостію своей жизни, Францискъ, основатель убогаго орденна Миноритовъ, которые возложили на себя обѣтъ вольной пищеты. Онъ самъ отдался въ руки невѣрнымъ и не убоился проповѣдать Христа предъ лицомъ Султана; Хамиль отпустилъ его съ честію, изумленный его Христіанскою смѣlostію.

Уже болѣе года продолжалась осада, никакія убѣжденія не могли удержать утомленныхъ витязей подъ раскаленнымъ небомъ Египта. Возвратился и доблестный Герцогъ Австрійскій; но слухъ о скоромъ прибытіи самаго Императора распространилъ ужасъ между Сарацынами. Оба Султана, отъ имени всѣхъ Эмировъ своего рода, отправили посланниковъ въ станъ Христіанскій съ предложеніемъ мира, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. — Они обязывались возвратить Христіанамъ городъ и все королевство Іерусалимское, со всеми пленниками, взятыми въ битвахъ со временъ Саладина, и съ уплатою 200,000 динарiевъ, для обновленія разоренныхъ стѣнъ Св. града. Король Іоаннъ и всѣ бароны западныя съ радостію хотѣли принять такой выгодный миръ; но честолюбивый Легатъ

папскій упорствовалъ, говоря, что постыдно отступить отъ Даміеты, послѣ столькихъ нападеній, и мнѣніе его, поддержанное другими Епископами, одолѣло мнѣніе Короля. Такимъ образомъ, по странному обороту дѣлъ, міряне хотѣли мира, а духовенство войны.

Напрасно жители Даміеты, истомленные голодомъ и болѣзнями, просили помощи отъ своего Султана; онъ не въ силахъ былъ подать ее, и ночью, въ глубокую осень, войско крестоносцевъ овладѣло городомъ; но сколь велико было общее изумленіе, когда въ немъ нашли одни трупы, и блѣдныя призраки скитавшихся старцевъ, женъ и дѣтей; ибо отъ семи тысячъ жителей, не болѣе трехъ осталось въ живыхъ. Крестоносцы, раздѣливъ между собою богатую корысть, принуждены были оставить зараженный городъ. Взятіе Даміеты еще болѣе устало Магометанъ. Другая крѣпость на берегахъ Нила, Танисъ, безъ боя сдалась нѣсколькимъ рыцарямъ. Султаны Сиріи и Египта послали просить помощи у Халифа Багдадскаго, который самъ былъ угрожаемъ страшнымъ нашествіемъ Чингисъ-Хана, изъ глубины неизвѣстной дотоль Монголіи, и въ свою чреду умолялъ обонихъ Султановъ и всѣхъ Эмировъ, придти спасти его столицу отъ страшнаго потока варваровъ, опустошавшихъ Востокъ. Но духъ раздора сдѣлалъ опять тщетными успѣхи Христіанъ; Король Іерусалимскій, негодуя на честолюбіе Легата, оставилъ на время войско, котораго уже не почитался болѣе предводителемъ. Надмѣнный Ле-

гать, хотя и усиленный пришествіемъ Герцога Баварскаго съ новыми крестоносцами, не могъ однако убѣдить ихъ двинуться далѣе во внутренность Египта, безъ личнаго присутствія Короля Іоанна, и принужденъ былъ просить его возвратиться.

Между тѣмъ, Султанъ Каира расположился станомъ, на соединеніи двухъ рукавовъ Нила, гдѣ мало по малу основался около него городъ, воспріявшій имя Мансуры, отъ побѣды, какую въ послѣдствіи одержалъ надъ Христіанами; къ нему собрались Эмиры Ливана, Сиріи и Аравіи, чтобы послѣдними силами отразить страшныхъ пришельцевъ Запада. Въ станъ Христіанъ начались совѣщанія: идти ли далѣе въ Египетъ или заключить миръ? но благоразумныя представленія Короля Іоанна, съ которыми были согласны Великіе Магистры и всѣ опытные бароны, не могли опять одолѣть упорства Легата; онъ возмечталъ овладѣть Египтомъ и тѣмъ искоренить совершенно могущество Магометанъ. Напрасно напоминалъ Король о походахъ Алмерика, увѣряя, что Даміеты и Таниса достаточно для обузданія невѣрныхъ, и что главною цѣлю похода столькихъ тысячъ — Іерусалимъ, а не Каиръ; Легатъ, въ качествѣ представителя папскаго, грозилъ отлученіемъ церковнымъ, и войско двинулось по правому берегу Нила, сопровождаемое флотомъ, плившимъ вверхъ по рѣкѣ. Египтяне бѣжали предъ ними до Мансуры; Еще однажды, и опять напрасно, Султанъ просилъ мира, предлагая возвратить Іерусалимъ. Получивъ отказъ, онъ рѣшился отчаянно защищать свое царство, и Нилъ,

благодѣтель его предѣловъ, сдѣлался ему первымъ защитникомъ.

Три недѣли безопасно стояло войско Христіанское, въ виду Магометанъ, когда стали подыматься воды Нила; пользуясь наводненіемъ, флотъ Египетскій проникъ, боковыми каналами, между Даміеты и стана крестоносцевъ, и отрѣзалъ ихъ запасы. Смятенные вожди рѣшились отступить ночью; но пьяные воины неосторожно зажгли шатры и пламя обнаружило тайну отступленія. Всадники Турецкіе толпами бросились на отступавшихъ въ безпорядкѣ враговъ. Король Іоаннъ, съ Храмовниками и Страннопримными, отразилъ первое нападеніе; но на слѣдующую ночь, во время отдыха дружинъ, Султанъ велѣлъ открыть всѣ плотины, и воды Нила съ шумомъ нахлынули на спящихъ; Турки стояли на высокихъ мѣстахъ, готовые устремиться къ бою; крестоносцы скитались по наводненной долины: всадники и пѣшіе увязали въ тинь, бросая оружіе, коней и всѣ обозы; бѣдственное зрѣлище сіе напоминало полчища Фараоновы, потопляемыя въ Черномъ морѣ, и надмѣнный Легатъ не уступалъ въ ожесточеніи Фараону. Посреди жалобнаго вопля и проклятій гибнущаго войска, онъ принужденъ былъ послать умолять о мирѣ гордыхъ враговъ, еще недавно обращавшихся къ нему съ тою же просьбою, и въ свою очередь враги не хотѣли слышать о мирѣ. Всѣхъ болѣе упорствовалъ Султанъ Дамасскій, закоснѣвшій во враждѣ противъ Христіанъ; но братъ его, Султанъ Египта, болѣе кроткій, опасаясь нашествія

Императора, рѣшился пощадить ихъ, для будущаго спокойствія своей державы. — Онъ послалъ собственнаго сына, въ залогъ мира, къ крестоносцамъ, а съ ихъ стороны Король Иерусалимскій, Герцогъ Баварскій и самъ Легатъ, остались заложниками въ станъ Магометанъ, до сдачи Даміеты и Таниса. Но въ Даміетъ, куда прибыли свѣжія дружины крестоносцевъ, не хотѣли вѣрить пораженію подъ Мансурю и сдать городъ. Посланные отъ Короля объявили пришельцамъ Запада, что онъ принужденъ будетъ, въ случаѣ ихъ упорства, сдать Птолемаиду вмѣсто Даміеты; желая хотя нѣсколько ихъ утѣшить, послѣ столь бѣдственнаго пораженія, имъ сказали радостную вѣсть, что Турки обязались возвратить наконецъ Христіанамъ честное древо креста, взятое Саладиномъ въ битвѣ Тиверіадской, которое было въ плѣну болѣе тридцати лѣтъ, какъ нѣкогда кивотъ завѣта Божія у Филистимлянъ. Возвращеніе сего сокровища стоило побѣды для благочестивыхъ. Даміета оставлена была Туркамъ; но въ наводненномъ станѣ Христіанъ открылись голодъ и болѣзни. Король Іоаннъ пришелъ умолять Султана о спасеніи своего войска; трогательно описываетъ сіе свиданіе современная лѣтопись. Король сѣлъ противъ Султана и сталъ плакать: «о чемъ плачешь ты, Государь?» спросилъ его Султанъ. — «Я плачу, отвѣчалъ ему Король, видя гибель народа, который ввѣрилъ мнѣ Богъ.» — Умилился Султанъ, слезами Короля, и самъ сталъ плакать; онъ послалъ хлѣба истомленнымъ отъ голода. Съ горестію и стыдомъ возвратилось вой-

ско крестоносцевъ, поприщемъ недавнихъ своихъ побѣдъ, въ сопровожденіи одного изъ братьевъ Султана, мимо Даміеты, гдѣ уже развѣвались знамена Турецкія. Съ плачемъ встрѣтила Птолемаида тѣхъ коихъ отпускала съ радостными кликами; вся слава, все торжество было на сторонѣ Магометанъ. Такъ бѣдственно кончился шестой крестовый походъ, вооружившій весь Западъ, по зову Первосвященника и цѣлаго собора; но все еще не остыла страсть къ битвамъ съ невѣрными!

XXXII.

СЕДЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.*

Императоръ Фридрихъ II.

Неудачное покушеніе на Даміету, еще болѣе возбудило Папу Гонорія III. дѣйствовать въ защиту Христіанъ Палестинскихъ; чтобы внушить ту же ревность Императору Фридриху II, онъ старался устроить бракъ его съ Іоландою, дочерью и наследницею Короля Иерусалимскаго. Самъ Іоаннъ, съ Патріархомъ и Великими Магистрами трехъ ор-

* Histoire des Croisades, Liv. 43, 44.

деновъ, призваны были на совѣщаніе въ Италію. Императоръ поклялся защищать новое свое наслѣдіе и подвергался отлученію церковному, въ случаѣ нарушенія обѣта. Король Іоаннъ посѣтилъ и прочихъ властителей Европы, требуя отъ всѣхъ помощи; но уже не засталъ въ живыхъ своего благодѣтеля Филиппа Августа, Короля Франціи. Императоръ и Папа, съ своей стороны, возбуждали всѣхъ грамотами къ миру и общему вооруженію противъ невѣрныхъ, представляя имъ жалобы Христіанъ Востока. Православный Патріархъ Александрійскій, удержавшійся на своей кафедрѣ, писалъ, отъ лица всего клира, жалостное посланіе къ Святителю Римскому, умоляя его вступить за страждущихъ своихъ собратій въ Египтъ и Палестинѣ. «Насъ обременяютъ налогами, и ежели мы не въ силахъ ихъ заплатить, ввергаютъ въ темницу; всякой непременно долженъ внести за себя, по Византійскому червонцу, безъ разбора возраста и состоянія! Если церковь падаетъ, ее не позволяютъ обновлять; мы не можемъ носить мертвыхъ нашихъ по улицамъ въ сопровожденіи креста; насъ употребляютъ на самыя постыдныя работы, для очищенія городовъ, къ позору всего Христіанства. Не забудьте и бѣдственнаго опустошенія Іерусалима, который теперь носитъ только названіе города.»

Слухъ о воинскихъ приготовленіяхъ могущественнаго властителя Запада, въ защиту Св. мѣстъ, достигъ и до отдаленной Грузіи. Ея воинственные жители, безпрестанно воевавшіе съ Турками и Пер-

сами, охраняли, славою оружія и богатыми даяніями, родственныя свои обители въ Св. градѣ, гдѣ они пользовались особенными преимуществами, ибо Турки боялись раздражить страшныхъ своихъ сосѣдей. По свидѣтельству современнаго Епископа Птолемаиды, Іакова Витрійскаго, Грузины одни только имѣли право посѣщать Св. мѣста, безъ платежа какой либо дани, и ѣздить верхомъ съ оружіемъ по улицамъ Св. града. Когда услышали они о разореніи стѣнъ Іерусалимскихъ, Султаномъ Дамасскимъ Коррадиномъ, весь народъ, оскорбленный такимъ поруганіемъ града Божія, поклялся отомстить его врагамъ; но страшное нашествіе, Монгольскихъ ордъ Чингисъ-Хана, остановило воинственный порывъ. Славнѣйшая изъ всѣхъ властителей Грузіи, Царица Тамаръ, которую называли Царемъ на Востокъ, по ея побѣдамъ, старалась поддержать Св. мѣста, если не оружіемъ, то богатыми милостынями. Не щадя своихъ сокровищъ, она украсила храмъ Св. гроба и Голговы, и собственный монастырь Св. креста, принадлежавшій Грузинамъ близъ Іерусалима; царственныя ея заботы распространились и на опустѣвшія церкви въ Галилею и Антиохію; и на островъ Кипръ основала она новую обитель, и въ горѣ Аѳонской обновила пришедшій въ ветхость монастырь Иверскій. Казнохранитель ея Шота Руставель, самый знаменитый изъ поэтовъ Грузіи, по своей героической поэмѣ Барсова кожа, движимъ былъ тѣмъ же благочестіемъ, какое одушевляло и воспѣтую имъ Царицу; въ преклонныхъ уже лѣтахъ, принялъ онъ на

себя образъ иноческій и, посѣтивъ странникомъ Иерусалимъ, основался навсегда въ Иверской обители Св. креста; тамъ окончилъ дни свои, оставивъ по себѣ благую память, щедрою милостынею всемъ обителямъ Палестинскимъ.* Имя великой Тамари близко и Русскому сердцу, по ея брачному союзу съ однимъ изъ Князей Русскихъ, Георгіемъ, сыномъ В. Князя Андрея Боголюбскаго, и хотя несчастливъ былъ бракъ сей, но плодомъ его была именитая дочь, Царица Русуданъ, не уступавшая матери, славою своихъ побѣдъ и благодѣянiami Св. земль, въ теченіе долгаго царствованія. Такъ, два женскія имени стоятъ на высшей точкѣ славы државы Грузинской, ибо это былъ золотой вѣкъ ея, не смотря на жестокія войны съ Татарами. Тамаръ, услышавъ о вооруженіи Императора, писала Первосвященнику Римскому, что главный военачальникъ ея дружинъ, съ большимъ воинствомъ, готовъ выступить на помощь западнымъ пришельцамъ, и что она ожидаетъ только вѣсти, о приходѣ Императора въ Палестину, чтобы двинуть свои полки. Такимъ образомъ крестоносцы восточные простирали руку западнымъ, для тойже священной цѣли — Иерусалима.

Однако Императоръ медлилъ, озабоченный войною съ республиками Италіанскими. Онъ испросилъ себѣ у Папы двухлѣтнюю отсрочку похода и подтвердилъ прежнія клятвы, при совершеніи брака съ Юландою, которую вѣнчалъ самъ Папа, Императрицею и вмѣстѣ Королевою Иерусалима. Пер-

* Лѣтопись Грузинская Вахуштія.

вымъ дѣйствіемъ Фридриха, послѣ брачнаго торжества, было отстраненіе тестя своего отъ всякаго участія въ дѣлахъ Палестины, ибо уже онъ смотрѣлъ на него какъ на соперника. Доблестный витязь долженъ былъ оставить царство, огражденное его побѣдами, и напрасно искалъ себѣ суда у престола Римскаго и другихъ властителей; столь же странная судьба, какая поставила его простымъ рыцаремъ на престолъ Иерусалимскій, возвела въ послѣдствіи развѣнчаннаго Короля, на шаткій престолъ имперіи Латинской въ Царьградѣ, и онъ поддержалъ ее нѣкоторое время, побѣдами надъ Греками и Болгарами. Наскучивъ заботами царственными и подвигами воинскими, девяностолѣтній Іоаннъ рѣшился посвятить безмолвію послѣдніе дни свои, и подъ рясою иноческою, кторой обрекалъ себя еще съ первыхъ дней юности, окончилъ многотрудный подвигъ жизни.

Уже многія тысячи крестоносцевъ собраны были, по зову Императора, въ Калабріи, ожидая только желаннаго повелѣнія для отплытія. Папа Григорій IX, не уступавшій силою своего характера Иннокентію III, возбуждалъ непрестанно Фридриха къ исполненію даннаго обѣта, и покорился ему Кесарь; но едва вышелъ онъ изъ пристани, какъ внезапно буря разсѣяла флотъ его и Фридрихъ, страдая самъ морскою болѣзнію, возвратился въ свои предѣлы. Тогда пылкій Первосвятитель Рима, праздновавшій отплытіе Императора, какъ церковное торжество, въ порывѣ негодованія, предалъ его анаѣемъ, за несоблюденіе священнаго обѣта, и

не хотѣлъ слышать о помилованіи; онъ видѣлъ въ немъ опаснѣйшаго врага собственной державѣ, потому что Фридрихъ болѣе думалъ о утверженіи владычества въ Италіи, нежели о спасеніи Палестины. Между тѣмъ, Патріархъ Іерусалима, съ Великими Магистрами, не преставалъ взывать о защитѣ, и Папа обращалъ жалобы ихъ въ жестокіе укоры противъ отлученнаго имъ Императора. Съ другой стороны Султанъ Египта Малекъ Хамиль, устрешенный молвою о его воинскихъ приготовленіяхъ, и находясь во враждѣ съ братомъ своимъ Султаномъ Дамаска, отправилъ посольство къ Фридриху, съ богатыми дарами, предлагая въ знакъ пріязни уступить ему Іерусалимъ. Обрадовался и вмѣстѣ изумился такому неожиданному предложенію Фридрихъ, и опасаясь возвращенія въ Св. землю законнаго Короля Іоанна, рѣшился предупредить его. Съ великимъ торжествомъ объявилъ онъ подданнымъ, о намѣреніи своемъ плыть въ Палестину, и даже велѣлъ всенародно прочесть духовное завѣщаніе. Императоръ отплылъ наконецъ, на двадцати галерахъ, съ шестью стами рыцарей, оставивъ большую часть своихъ войскъ въ Сициліи, для охраненія отъ притязаній Римскихъ; ибо жестокій его противникъ Папа Григорій, не только не умилостивился при вѣсти объ отплытіи но даже подтвердилъ противъ него анаѣму за то, что не искалъ разрѣшенія церковнаго прежде похода. Вмѣсто благословеній, онъ молилъ Бога сокрушить замыслы горделиваго и клятва сія отозвалась Императору въ Палестинѣ. Принятый

сперва съ почестію въ Птолемаидѣ, Патріархомъ и Великими Магистрами, какъ освободитель и Король Іерусалима, онъ немедленно былъ всеми оставленъ, лишь только пришло извѣстіе отъ Папы, чрезъ двухъ нарочно посланныхъ имъ монаховъ, объ отлученіи церковномъ Фридриха. — Такъ честолюбивый Григорій уничтожилъ самъ успѣхъ проповѣданнаго имъ похода.

Измѣнились для Фридриха и отношенія его съ Султаномъ Египетскимъ, который лишился около сего времени брата своего и соперника, Султана Дамаскаго, и уже неохотно уступалъ Императору Палестину, потому что самъ хотѣлъ себѣ присвоить достояніе сына Коррадинова. Малекъ Хамиль стоялъ съ войскомъ близъ Іерусалима; Фридрихъ выступилъ противъ него изъ Птолемаиды, однако отправилъ отъ себя посланниковъ въ станъ Сарацинскій, предварить Султана, что онъ не завоевателемъ приплылъ въ Азію, а только для того, чтобы получить мирно свое законное наслѣдіе, Іерусалимъ. Затруднительно было положеніе Малекъ Хамиля, ибо обѣщалъ Эмирамъ Сиріи отстоять Св. градъ, чтобы быть избраннымъ отъ нихъ на престолъ Дамасскій, а между тѣмъ, по прежнимъ условіямъ, уже уступилъ его Императору. Съ почестію принялъ онъ посланниковъ, и въ дружескихъ переговорахъ, какіе возникли между Кесаремъ и Султаномъ, обнаружилось взаимное ихъ уваженіе. Громко было имя Фридриха на Востокъ и велика молва, о его учености и обширныхъ царствахъ, хотя самъ онъ, по выраженію летописей Арабскихъ,

ради своего вѣшняго безобразія, ничего не стоилъ, если бы продавать его какъ раба на торжищѣ; но блескъ величія царскаго, коимъ любилъ окружать себя Фридрихъ, затмѣвалъ сей недостатокъ въ глазахъ Востока. — Достоянаго себѣ союзника нашелъ онъ и въ Султанѣ Малекѣ Хамилѣ, кроткомъ и образованномъ, страстно любившемъ поэзію, и уже однажды оказавшемъ свое великодушіе Христіанамъ, спасеніемъ ихъ войска на водахъ Нила. Въ совѣщаніяхъ, между поверенными съ обѣихъ сторонъ, болѣе говорили о философіи Аристотеля и ученыхъ трудахъ Аверроеса, нежели о вѣрѣ; оба властителя, казалось, мало цѣнили обладаніе Св. градомъ, хотя онъ былъ предметомъ ихъ переговоровъ. Малекъ Хамилъ видѣлъ въ немъ не святилище Мусульманъ, а только развалины церквей и домовъ; и Фридрихъ отзывался довольно равнодушно о Сіонѣ, въ письмѣ своемъ къ Султану: «я другъ твой; ты знаешь, сколько я выше всѣхъ Князей запада; ты пригласилъ меня сюда; Короли и Папа извѣщены о моемъ походѣ: если возвращусь безъ желаемого успѣха, потерю всякое уваженіе между ними. — Иерусалимъ не есть ли колыбель вѣры Христіанской? и не вы ли его, обрушили? городъ сей теперь въ крайнемъ убоженствѣ. Прошу тебя, уступи его мнѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь, дабы по моемъ возвращеніи я могъ поднять чело мое предъ всеми Царями; — отрекаюсь впередъ отъ всякихъ другихъ выгодъ сего пріобрѣтенія!»

Странное было зрѣлище, въ семъ крестовомъ

походѣ, двухъ великихъ Государей, совершенно противоположныхъ вѣроу, сближенныхъ взаимною терпимостію, отчасти и равнодушіемъ, которые одни только желали мира, когда все вокругъ нихъ дышало ненавистію. Въ обоихъ станахъ, Христіанъ и Магометанъ, все одинаково роптали на своихъ властителей, за ихъ взаимное сближеніе и богатые дары, какими чествовали другъ друга. Муезимы или глашатаи скликали къ молитвѣ, въ неурочные часы, предъ самымъ шатромъ Султана, какъ бы для того, чтобы напомнить о забытой вѣрѣ тому, кто измѣнилъ ихъ пророку и славу Саладиновой. И въ станѣ Христіанскомъ ничего не дѣлалось именемъ Императора, отлученнаго отъ Церкви, а во имя Иисуса Христа и республики Христіанской. Императоръ долженъ былъ опустить свое знамя; рыцари Храма и Страннопріимные отдѣлились отъ войска, и даже первые предложили Султану выдать Фридриха, когда онъ хотѣлъ посѣтить берега Иордана; но Малекъ Хамилъ отвергъ съ презрѣніемъ такое предложеніе.

Посреди внутреннихъ, обоюдныхъ неуройствъ, Императоръ и Султанъ заключили наконецъ перемиріе на десять лѣтъ, съ такимъ условіемъ: Малекъ Хамилъ уступалъ Фридриху Иерусалимъ, Виолеемъ и всѣ селенія, на пути отъ Св. града къ Яффѣ и Птолемаидѣ, Назаретъ и Сидонъ съ ихъ округами. Христіанамъ дозволялось возстановить стѣны Яффы, Кесаріи и Сидона, а Магометане сохраняли въ Иерусалимѣ мечеть Омарову и свобод-

ное богослуженіе; княжество Антиохійское и графство Триполійское не включены были въ договоръ; но Императоръ обязывался, съ своей стороны, отклонять Франковъ отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ подданныхъ Султана. — Общее негодование вспыхнуло при оглашеніи договора, столь святотатнаго въ глазахъ обоихъ народовъ; горько плакали Магометанскіе жители Иерусалима, оставляя дома свои, и проклинали имя Малекъ Хамиля; поэты Востока оплакивали, въ жалобныхъ пѣсняхъ, судьбу Св. града, выданнаго врагамъ. Въ столицѣ Сиріи, первый имамъ всенародно возгласилъ въ мечети хвалу Иерусалиму и возбудилъ общій плачь, воспоминаніемъ сей горькой утраты; Малекъ Хамиль принужденъ былъ даже писать къ Халифу, чтобы оправдать свой поступокъ. — Съ другой стороны, Епископы Латинскіе громко вопіяли противъ нечестиваго договора, который дозволялъ въ Св. градъ служеніе лжепророка подлѣ истиннаго богослуженія, какъ бы смѣшивая обѣ вѣры; Архіепископъ Кесаріи наложилъ запрещеніе на Св. мѣста, святотатно искупленныя Императоромъ. Патріархъ Иерусалимскій Гарольдъ запретилъ посѣщать ихъ благочестивымъ поклонникамъ, какъ будто Иерусалимъ уже пересталъ быть наследіемъ Христовымъ, и онъ написалъ сильное опроверженіе на каждую статью мирнаго договора.

Мертвое молчаніе царствовало на стогнахъ Иерусалима, когда Императоръ, въ царственной одеждѣ, окруженный своими баронами и рыцарями Тевтоническаго ордена, торжественно вступалъ въ

Св. градъ. Онъ взшелъ въ храмъ Воскресенія для царскаго вѣнчанія; но храмъ заблаговременно былъ весь обтянутъ чернымъ, какъ бы приготовленный къ погребальному зрѣлищу. Не нашлось и Епископовъ для вѣнчанія; послѣ краткой молитвы, Фридрихъ велѣлъ возложить золотой вѣнецъ на главный престолъ; ибо все духовные блюстители Св. гроба бѣжали изъ святилища, какъ бы видя въ немъ мерзость запустѣнія, предсказанную Данииломъ Пророкомъ. Государь принужденъ былъ самъ взять, съ престола, царскій вѣнецъ и возложить своеручно на главу свою, безъ всякаго церковнаго обряда; рыцари провозгласили его Королемъ Иерусалима, ибо, у подножія завѣшанныхъ трауромъ алтарей, видны были только мечи и копья, и одни лишь клики воинскіе огласили священные своды.

Тотчасъ послѣ своего коронванія, Императоръ написалъ грамоты Папѣ и Королямъ, извѣщая о мирномъ приобрѣтеніи Св. града, и просилъ воздать хвалу Богу за столь чудное его избавленіе, не силою коней и колесницъ, но слабыми средствами, какія обыкновенно употребляетъ промыслъ Божій для совершенія таинственныхъ своихъ судебъ. Въ то же время Патріархъ Гарольдъ писалъ Папѣ Григорію, и всѣмъ вѣрнымъ западныхъ предѣловъ, жалобное посланіе, противъ позорнаго перемирія Кесаря съ Султаномъ, и что же? — Первосвятитель Римскій оплакалъ завоеваніе Иерусалима, какъ бы вторичную его утрату, и сравнивалъ Фридриха съ нечестивѣйшими изъ ветхозавѣтныхъ Царей Іуды,

гнѣвомъ Божиимъ поставленныхъ на престолъ Іерусалимскій. Бывало самыя ужасныя преступленія изглаживались, странствованіемъ къ Св. мѣстамъ или крестовымъ походомъ, а Фридрихъ не могъ испросить себѣ прощенія, даже за освобожденіе Св. мѣсть, и громъ проклятія продолжалъ раздаваться надъ избавителемъ Іерусалима. «Дворъ Римскій, восклицалъ огорченный Кесарь, не хочетъ, чтобы струи Іордана свободно текли опять для всего міра!»

Не болѣе двухъ дней могъ оставаться Императоръ въ Іерусалимѣ, и то въ домѣ кадія Наблускаго, Эмира Шемаддина, которому приказано было отъ Султана строго наблюдать, чтобы не случилось чего либо непріятнаго съ Императоромъ; но въ первый день кадій позабылъ запретить муэзимамъ обычный призывъ ихъ, съ вершины минаретовъ, и одинъ изъ нихъ, чтобы отмстить Государю Христіанскому за временное обладаніе Іерусалимомъ, нарочно возгласилъ, съ сосѣдняго минарета, стихи корана, оскорбительные для Христіанскаго слуха. Кадій, испуганный такою дерзостію, строго запретилъ муэзиму возглашать въ слѣдующую ночь; когда же на другой день Фридрихъ, разумѣвшій языкъ Арабскій, спросилъ почему болѣе не слышать молитвенныхъ кликовъ? и кадій робко извинялся предъ нимъ, — Императоръ сказалъ: «напрасно Магометане оставляютъ, для меня, что либо относящееся до ихъ вѣры и закона, ибо въ Христіанскихъ областяхъ никто бы не измѣнилъ для иновѣрца богослужебныхъ обрядовъ;» такъ говоритъ о томъ лѣтопись Арабская.

Патріархъ Досиѳей, въ исторіи своей пишетъ, что Императоръ Фридрихъ поставилъ въ Св. градъ незаконнаго Іерарха Латинскаго, вмѣсто православнаго Греческаго, которымъ былъ тогда Леонтій; но изъ словъ его не видно, чтобы сей послѣдній вынужденъ былъ удалиться, ибо Фридрихъ оказывалъ терпимость всемъ исповѣданіямъ*. Императоръ, возвратясь въ Птолемаиду, нашелъ въ ней всѣхъ своихъ подданныхъ раздраженныхъ противъ него за нечестивый союзъ съ невѣрными. Патріархъ наложилъ запрещеніе на городъ, во все время пребыванія въ немъ Фридриха; богослуженіе остановилось, сняты были убранства съ алтарей, иконы завѣшаны, сокрыты мощи, не слышалось ни звука колоколовъ, ни духовныхъ гимновъ; священники тайно совершали литургію въ заключенныхъ храмахъ, мертвыхъ хоронили безъ всякаго отпѣванія! — Такъ приняли въ Птолемаидѣ освободителя и законнаго Государя Іерусалима. Это происходило во дни страстной недѣли, и тѣмъ ужаснѣе были запрещеніе и клятвы церковныя. Императоръ долженъ былъ договариваться съ своими Христіанскими подданными, какъ съ невѣрными, и не видя успѣха, раздражилъ ихъ жестокими мѣрами. Онъ велѣлъ затворить врата городскія и не допускать жизненныхъ припасовъ, разставилъ повсюду своихъ воиновъ, чтобы наносить оскорбленія Храмовникамъ и богомольцамъ, и даже иноки ордена Францисканскаго, проповѣдавшіе противъ него, подверглись торговой казни. Взаимная ненависть Государя и

* Досио. кн. VIII, гл. 15.

его подданныхъ возрасли до такой степени, что онъ долженъ былъ наконецъ оставить Птолемаиду, особенно когда получилъ извѣстіе, о вторженіи войскъ Папскихъ въ его предѣлы, подъ начальствомъ бывшаго Короля Іерусалимскаго. Фридрихъ поспѣшилъ оставить Птолемаиду, и день его отплытія торжествовали какъ день избавленія отъ лютаго врага. Онъ обвинялъ въ измѣнѣ Храмовниковъ; они же обвиняли его въ намѣреніи выдать Султану весь города Христіанскіе; но правильнѣе можно бы было обвинить его за то, что ничѣмъ не упрочилъ пріобрѣтенія Іерусалима; ибо далъ возможность Султану Египта овладѣть и Дамаскомъ, и не обновилъ даже разрушенныхъ стѣнъ Св. града. Возвратясь въ Италію, Императоръ разсыялъ войска Папы Григорія и Короля Іоанна; но подвергся еще жесточайшей анаемѣ, которая сдѣлала ему чуждыми всѣхъ его близкихъ, ибо распространялась на каждаго, кто только будетъ съ нимъ въ сношеніи; такимъ образомъ, побѣдитель долженъ былъ испрашивать себѣ мира у побѣжденнаго, и въ свою чреду уступилъ надмѣнный Григорій.

XXXIII.

ОСЬМОЙ ПОХОДЪ. — НАШЕСТВІЕ ОРДЫ ХОВАРЕЗМІЕВЪ.

Между тѣмъ, въ теченіе десятилѣтняго перемирія между Императоромъ и Султаномъ, беззащитные Христіане Палестины подвергались всякаго рода бѣдствіямъ. Жители Св. града, не огражденнаго стѣнами, безпрестанно опасались нападеній Сарацынскихъ, и не разъ вопли дикихъ Арабовъ заставляли ихъ искать спасенія въ башнѣ Давидовой, которая одна уцѣлѣла посреди развалинъ. Латинскій Патріархъ Іерусалима, съ баронами и Магистрами трехъ орденовъ, продолжали обитать въ Птолемаидѣ; лишеныя Короля, за отсутствіемъ Іоанна Бриенскаго и самаго Фридриха, напрасно зывали къ Западу, остывшему къ ихъ скорбямъ, послѣ столькихъ неудачныхъ покушеній. Папа

Григорій, желая опять возбудить духъ крестовыхъ битвъ, угашаемый его личною враждою съ Императоромъ, пригласилъ его на соборъ, съ тремя Латинскими Патріархами, Царьграда, Антиохіи и Іерусалима, и поручилъ проповѣдывать новый походъ, монахамъ Доминиканскимъ и Францисканскимъ; онъ написалъ самъ окружныя посланія, не только къ владѣтелямъ Христіанскимъ, но даже къ Султану Дамасскому и Халифу Багдада, убѣждая ихъ принять Христіанство и угрожая небесною казнію въ случаѣ необращенія. Нѣсколько Князей Франціи подвиглись на зовъ Первосвященника Римскаго, въ числѣ ихъ Теобальдъ Король Наварскій и два Герцога, Бургундскій и Британскій, ибо изъ Франціи истекали всегда лучшіе воители крестовыхъ битвъ, по ея рыцарскому духу. Уже они готовились отплыть въ Палестину, когда зовъ малолѣтняго Императора Балдуина едва не отвлекъ ихъ силы къ бѣдствующему, подъ властію Латинскою, Царьграду; его не могли довольно охранить, отъ нападенія Грековъ и Булгаровъ, побѣды престарѣлаго Короля Іерусалимскаго Іоанна, тестя Балдуинова. Другой голосъ, самаго Папы Григорія, возбудившаго походъ сей, внезапно раздался противъ него, къ общему соблазну Христіанъ; ибо новая вражда вспыхнула между нимъ и Императоромъ, и онъ хотѣлъ обратитъ въ свою защиту крестовыя дружины. Съ негодованіемъ отвергли всѣ такое нечестивое предложеніе и поспѣшили въ Сирію, гдѣ ихъ ожидало горькое пораженіе.

Крестоносцы нашли Востокъ въ такомъ же смя-

теніи, какъ и оставленный ими Западъ. По окончаніи перемирія, владѣтель Карака занялъ опять Іерусалимъ и обрушилъ башню Давидову, съ остатками твердынь Христіанскихъ, посреди общаго унынія жителей, которые подверглись еще большимъ оскорбленіямъ. Въ то же время скончался сильный союзникъ Фридриха, Султанъ Египта Малекъ-Хамиль, и междоусобіе вспыхнуло между Князьями Дамаска, Алепа и иныхъ городовъ; они оспаривали другъ у друга державу умершаго Султана; но крестоносцы не умѣли воспользоваться ихъ взаимною враждою, и подражали ей своими раздорами, ибо не было между ними настоящей главы. Герцогъ Британскій, одинъ съ своими рыцарями, сдѣлавъ удачный набѣгъ на область Дамасскую, и возбудилъ соревнованіе Герцога Бургундскаго и другихъ бароновъ, которые покусились на добычу въ окрестностяхъ богатой стадами Газы. Король Наварскій, по имени только пачальникъ похода, не могъ удержать ихъ безразсуднаго пыла и самъ принужденъ былъ послѣдовать за ними до Аскалона, чтобы подать руку помощи въ случаѣ пораженія. Но на рубежъ пустыни, мапали Сарацины на безпечныя толпы крестоносцевъ, изъ коихъ часть хотѣла сражаться, другая же отступать. Герцогъ Бургундскій, съ Графомъ Яффы, удалились къ Аскалону и просили помощи Короля Наварскаго; но уже было поздно, ибо онъ нашелъ поле битвы, усыянное трупами своихъ неосторожныхъ сподвижниковъ; Графъ Барскій погибъ въ

1240 годъ.

гнѣвомъ Божиимъ поставленныхъ на престолъ Іерусалимскій. Бывало самыя ужасныя преступленія изглаживались, странствованіемъ къ Св. мѣстамъ или крестовымъ походомъ, а Фридрихъ не могъ испросить себѣ прощенія, даже за освобожденіе Св. мѣсть, и громъ проклятія продолжалъ раздаваться надъ избавителемъ Іерусалима. «Дворъ Римскій, восклицалъ огорченный Кесарь, не хочетъ, чтобы струи Іордана свободно текли опять для всего міра!»

Не болѣе двухъ дней могъ оставаться Императоръ въ Іерусалимъ, и то въ домъ кадія Наблузскаго, Эмира Шемаддина, которому приказано было отъ Султана строго наблюдать, чтобы не случилось чего либо непріятнаго съ Императоромъ; но въ первый день кадій позабылъ запретить муэзимамъ обычный призывъ ихъ, съ вершины минаретовъ, и одинъ изъ нихъ, чтобы отмстить Государю Христіанскому за временное обладаніе Іерусалимомъ, нарочно возгласилъ, съ сосѣдняго минарета, стихи корана, оскорбительные для Христіанскаго слуха. Кадій, испуганный такою дерзостію, строго запретилъ муэзиму возгласять въ слѣдующую ночь; когда же на другой день Фридрихъ, разумѣвшій языкъ Арабскій, спросилъ почему болѣе не слышать молитвенныхъ кликовъ? и кадій робко извинялся предъ нимъ, — Императоръ сказалъ: «напрасно Магометане оставляютъ, для меня, что либо относящееся до ихъ вѣры и закона, ибо въ Христіанскихъ областяхъ никто бы не измѣнилъ для иноверца богослужебныхъ обрядовъ;» такъ говоритъ о томъ лѣтопись Арабская.

Патріархъ Досиѳей, въ исторіи своей пишетъ, что Императоръ Фридрихъ поставилъ въ Св. градъ незаконнаго Іерарха Латинскаго, вмѣсто православнаго Греческаго, которымъ былъ тогда Леонтій; но изъ словъ его не видно, чтобы сей послѣдній вынужденъ былъ удалиться, ибо Фридрихъ оказывалъ терпимость всѣмъ исповѣданіямъ*. Императоръ, возвратясь въ Птолемаиду, нашелъ въ ней всѣхъ своихъ подданныхъ раздраженныхъ противъ него за нечестивый союзъ съ невѣрными. Патріархъ наложилъ запрещеніе на городъ, во все время пребыванія въ немъ Фридриха; богослуженіе остановилось, сняты были убранства съ алтарей, иконы завѣшаны, сокрыты мощи, не слышалось ни звука колоколовъ, ни духовныхъ гимновъ; священники тайно совершали литургію въ заключенныхъ храмахъ, мертвыхъ хоронили безъ всякаго отпѣванія! — Такъ приняли въ Птолемаидѣ освободителя и законнаго Государя Іерусалима. Это происходило во дни страстной недели, и тѣмъ ужаснѣе были запрещеніе и клятвы церковныя. Императоръ долженъ былъ договариваться съ своими Христіанскими подданными, какъ съ невѣрными, и не видя успѣха, раздражилъ ихъ жестокими мѣрами. Онъ велѣлъ затворить врата городскія и не допускать жизненныхъ припасовъ, разставилъ повсюду своихъ воиновъ, чтобы наносить оскорбленія Храмовникамъ и богомольцамъ, и даже иноки ордена Францисканскаго, проповѣдавшіе противъ него, подверглись торговой казни. Взаимная ненависть Государя и

* Досно. кн. VIII, гл. 15.

его подданныхъ возрасли до такой степени, что онъ долженъ былъ наконецъ оставить Птолемаиду, особенно когда получилъ извѣстіе, о вторженіи войскъ Папскихъ въ его предѣлы, подъ начальствомъ бывшаго Короля Іерусалимскаго. Фридрихъ поспѣшилъ оставить Птолемаиду, и день его отплытія торжествовали какъ день избавленія отъ лютаго врага. Онъ обвинялъ въ измѣнѣ Храмовниковъ; они же обвиняли его въ намѣреніи выдать Султану все города Христіанскіе; но правильнѣе можно бы было обвинить его за то, что ничѣмъ не упрочилъ пріобрѣтенія Іерусалима; ибо далъ возможность Султану Египта овладѣть и Дамаскомъ, и не обновилъ даже разрушенныхъ стѣнъ Св. града. Возвратясь въ Италію, Императоръ разсыялъ войска Папы Григорія и Короля Іоанна; но подвергся еще жесточайшей атаке, которая сдѣлала ему чуждыми всехъ его близкихъ, ибо распространялась на каждаго, кто только будетъ съ нимъ въ сношеніи; такимъ образомъ, побѣдитель долженъ былъ испрашивать себѣ мира у побѣжденнаго, и въ свою чреду уступилъ надмѣнный Григорій.

XXXIII.

ОСЬМОЙ ПОХОДЪ. — НАШЕСТВІЕ ОРДЫ ХОВАРЕЗМІЕВЪ.

Между тѣмъ, въ теченіе десятилѣтняго перемирія между Императоромъ и Султаномъ, беззащитные Христіане Палестины подвергались всякаго рода бѣдствіямъ. Жители Св. града, не огражденнаго стѣнами, безпрестанно опасались нападеній Сарацынскихъ, и не разъ вопли дикихъ Арабовъ заставляли ихъ искать спасенія въ башнѣ Давидовой, которая одна уцѣлѣла посреди развалинъ. Латинскій Патріархъ Іерусалима, съ баронами и Магистрами трехъ орденовъ, продолжали обитать въ Птолемаидѣ; лишеныя Короля, за отсутствіемъ Іоанна Бріенскаго и самаго Фридриха, напрасно зывали къ Западу, остывшему къ ихъ скорбямъ, послѣ столькихъ неудачныхъ покушеній. Папа

Григорій, желая опять возбудить духъ крестовыхъ битвъ, угашаемый его личною враждою съ Императоромъ, пригласилъ его на соборъ, съ тремя Латинскими Патріархами, Царьграда, Антиохіи и Іерусалима, и поручилъ проповѣдывать новый походъ, монахамъ Доминиканскимъ и Францисканскимъ; онъ написалъ самъ окружныя посланія, не только къ владѣтелямъ Христіанскимъ, но даже къ Султану Дамасскому и Халифу Багдада, убѣждая ихъ принять Христіанство и угрожая небесною казнію въ случаѣ необращенія. Нѣсколько Князей Франціи подвиглись на зовъ Первосвященника Римскаго, въ числѣ ихъ Теобальдъ Король Наварскій и два Герцога, Бургундскій и Британскій, ибо изъ Франціи истекали всегда лучшіе воители крестовыхъ битвъ, по ея рыцарскому духу. Уже они готовились отплыть въ Палестину, когда зовъ малолѣтняго Императора Балдуина едва не отвлекъ ихъ силы къ бѣдствующему, подъ властію Латинскою, Царьграду; его не могли довольно охранить, отъ нападенія Грековъ и Булгаровъ, победы престарѣлаго Короля Іерусалимскаго Іоанна, тестя Балдуинова. Другой голосъ, самаго Папы Григорія, возбудившаго походъ сей, внезапно раздался противъ него, къ общему соблазну Христіанъ; ибо новая вражда вспыхнула между нимъ и Императоромъ, и онъ хотѣлъ обратитъ въ свою защиту крестовыя дружины. Съ негодованіемъ отвергли всѣ такое нечестивое предложеніе и поспѣшили въ Сирію, гдѣ ихъ ожидало горькое пораженіе.

Крестоносцы нашли Востокъ въ такомъ же смя-

теніи, какъ и оставленный ими Западъ *. По окончаніи перемирія, владѣтель Карака занялъ опять Іерусалимъ и обрушилъ башню Давидову, съ остатками твердынь Христіанскихъ, посреди общаго унынія жителей, которые подверглись еще большимъ оскорбленіямъ. Въ то же время скончался сильный союзникъ Фридриха, Султанъ Египта Малекъ-Хамиль, и междоусобіе вспыхнуло между Князьями Дамаска, Алепа и иныхъ городовъ; они оспаривали другъ у друга державу умершаго Султана; но крестоносцы не умѣли воспользоваться ихъ взаимною враждою, и подражали ей своими раздорами, ибо не было между ними настоящей главы. Герцогъ Британскій, одинъ съ своими рыцарями, сдѣлалъ удачный набѣгъ на область Дамасскую, и возбудилъ соревнованіе Герцога Бургундскаго и другихъ бароновъ, которые покусились на добычу въ окрестностяхъ богатой стадами Газы. Король Наварскій, по имени только начальникъ похода, не могъ удержать ихъ безразсуднаго пыла и самъ принужденъ былъ послѣдовать за ними до Аскалона, чтобы подать руку помощи въ случаѣ пораженія. Но на рубежѣ пустыни, напали Сарацины на безпечныя толпы крестоносцевъ, изъ коихъ часть хотѣла сражаться, другая же отступать. Герцогъ Бургундскій, съ Графомъ Яффы, удалились къ Аскалону и просили помощи Короля Наварскаго; но уже было поздно, ибо онъ нашелъ поле битвы, усыянное трупами своихъ неосторожныхъ сподвижниковъ; Графъ Барскій погибъ въ

* 1240 годъ.

съчь, Алмерикъ графъ Монфератскій, съ другими баронами, достался въ руки Сарацынъ. Грустно возвратились остальные вожди въ стѣны Птолемаиды, гдѣ возникли между ними жестокия распри. Храмовники и нѣкоторые изъ владѣтельныхъ бароновъ Палестины заключили договоръ съ Эмиромъ Дамаска, чтобы уступленъ былъ имъ Иерусалимъ; напротивъ того рыцари Страннопріимные, Король Наварскій и оба Герцога, вступили въ союзъ съ Султаномъ Египта, обѣщая защищать его противъ Магометанскихъ властителей Сиріи; — посреди столь позорной распри, крестоносцы Французскіе внезапно оставили Св. землю.

Другіе пришельцы Запада замѣнили ихъ въ Сиріи; доблестный братъ Короля Англіи, Рихардъ, Герцогъ Корнувалійскій, съ цвѣтомъ рыцарства своей земли. Одно имя его, напоминавшее Львиное сердце его дяди, уже оживило упавшій духъ Христіанъ Палестинскихъ. Духовенство и народъ Птолемаиды встрѣтили его съ крестами, при пѣніи ликовъ: «благословенъ грядый во имя Господне!» Но послѣ нѣсколькихъ успѣховъ надъ непріателемъ, Рихардъ былъ оставленъ въ одно время, и Храмовниками и Страннопріимными, которые не хотѣли нарушить взаимныхъ договоровъ своихъ съ Султанами Дамаска и Египта; Герцогъ, не видя себѣ никакой помощи отъ природныхъ жителей Сиріи, принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ битвъ и возобновилъ мирный договоръ съ Египтомъ. Онъ только могъ вытребовать освобожденіе плѣнниковъ Христіанскихъ и дозволеніе погребсти

падшихъ въ битвъ подъ стѣнами Газы. Посѣтивъ поклонникомъ Св. градъ, вторично освобожденный имъ по мирному договору, благочестивый Герцогъ возвратился въ свои предѣлы, чрезъ Италію, гдѣ съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ принялъ его зять, Императоръ Фридрихъ, настоящій Король Иерусалима. Рихардъ не могъ однако примирить его съ неумолимымъ Папою Григоріемъ; вражда сія, между Церковію и имперіею, продолжалась и при Иннокентіи IV, его преемникъ, оставляя Иерусалимъ бѣдственной его участи.

Пользуясь возстановленіемъ мира съ Сарацынами и внутренними ихъ раздорами, Христіане Иерусалимскіе начинали уже возвращаться въ свои жилища и обновлять опустѣвшіе храмы, когда внезапно ихъ настигло новое, жесточайшее бѣдствіе. Съ Востока нахлынула буря, разразившаяся надъ Св. градомъ. Еще въ исходъ XII вѣка, образовалась на отдаленномъ краю Азіи, въ пустыняхъ Монголіи, исполинская держава Чингисъ-Хана, изъ множества соединенныхъ ордъ, и несмѣтныя полчища, сего новаго повелителя вселенной, быстро покорили обширную имперію Китайскую, всю независимую дотолъ Татарію и сильное государство Магометъ-Шаха Хорасанскаго, у предѣловъ Индіи. По смерти Чингисъ-Хана, сынъ его Октай-Ханъ наследовалъ его исполинское царство, и раздѣливъ войска на четыре части, послалъ ихъ, подъ предводительствомъ братьевъ своихъ, покорить себѣ вселенную; страшнымъ потокомъ разлились они по ужаснувшейся землѣ. Тогда пострадало и наше

отечество отъ кровопролитныхъ полчищъ Батыя, и дрогнула вся Европа, въ ожиданіи варваровъ, уже перешедшихъ за предѣлы горъ Карпатскихъ; но все сіе тяжкое иго обрушилось на одну Россію, которая послужила оплотомъ всему Западу.

Послѣднее, изъ четырехъ ополченій Монгольскихъ, обратилось къ Югу, на потомка Селджукидовъ, Гелаль-эдина, который возстановилъ на время сокрушенную державу отца своего Магометъ-Шаха, и тѣмъ навлекъ на себя орды Монгольскія. Онъ палъ въ битвѣ и съ нимъ погибло его царство, опустошенное огнемъ и мечемъ завоевателей; цѣлое племя Ховарезміевъ, преслѣдуемое варварами, подъ предводительствомъ вождя своего Барбакана, устремилось въ предѣлы Малой Азіи и Сиріи, опустошая все, что встрѣчалось на пути, съ жестокостію, не уступавшею Монгольской. Ужасъ соединилъ разрозненныхъ Князей Сиріи, племени Саладинова, не только между собою, но даже съ Христіанами Палестины, противъ общаго врага. Эмиры Сарацынскіе, Дамаска, Алепа и иныхъ городовъ. уступали Христіанамъ не только Іерусалимъ и всю Галилею, но даже обѣщали сдѣлать ихъ участниками въ завоеваніи Египта; ибо Султанъ Каира, чтобы одолѣть враговъ своихъ въ Сиріи, призвалъ къ себѣ на помощь страшное племя Ховарезміевъ, и двадцать тысячъ сихъ дикихъ всадниковъ исторглись, по первому зову его, изъ глубины Месопотаміи, за Евфратъ и Іорданъ.

Опустошеніе Галилеи предварило Христіанъ Св.

* 1243 годъ.

града, о приближеніи страшнаго врага; все народонаселеніе бѣжало, подъ прикрытіемъ рыцарей Храма и Страннопріимныхъ, оставивъ въ Іерусалимѣ однихъ болящихъ и тѣхъ, которые не рѣшились бросить близкихъ своихъ и дома. Варвары проникли безъ всякаго сопротивленія въ городъ и умертвили всѣхъ до послѣдняго человѣка. Но убійство сіе не удовлетворило ихъ кровавой жаждою; они умыслили жестокою хитростью, чтобы привлечь еще болѣе жертвъ. Большая часть варваровъ удалилась на малое разстояніе отъ разореннаго города; нѣкоторые изъ нихъ, оставшись въ немъ, подняли опять на башняхъ хоругви креста и стали звонить въ колокола, чтобы обмануть окрестныхъ жителей. Толпа Христіанъ, спасшихся отъ кровопролитія, медленно подвигалась по дорогѣ къ Яффѣ, въ надеждѣ, что смилуется надъ ними Господь и возвратитъ ихъ въ дома отеческіе. Внезапно услышали они привѣтный звукъ благовѣста, и нѣкоторые съ вершины горъ увидѣли даже крестныя хоругви; радостная надежда, которой всѣ желали вѣрить, о удаленіи варваровъ, пробудилась въ сердцахъ многихъ, и семь тысячъ изъ числа бѣжавшихъ возвратились опять въ Іерусалимъ. Но едва взошли они въ опустѣвшій городъ, какъ опять варвары съ воплемъ на нихъ устремились, и беззащитные Христіане еще однажды искали спасенія въ бѣгствѣ подъ мракомъ ночи; почти всѣ погибли или были взяты въ плѣнъ, въ сосѣднихъ ущеліяхъ, гдѣ ихъ ожидала засада. Дикіе завоеватели не пощадили ни возраста, ни пола, ни святыни храмовъ; безче-

ловьчно избили они, у подножія самыхъ алтарей, толпу робкихъ инокинъ, укрывшуюся въ храмъ Воскресенія. Мало было живыхъ для удовлетворенія ихъ алчности; они раскрыли гробы Святителей и Царей, чтобы воспользоваться корыстію мертвыхъ, коснулись даже и священныхъ украшеній гроба Господня и петлѣнныхъ мощей, хранившихся въ святилищѣ; бѣдствующій Іерусалимъ увидѣлъ еще однажды, въ разоренныхъ стѣнахъ своихъ, все ужасы и святотатства, какихъ былъ свидѣтелемъ при прежнихъ своихъ приступахъ.

Между тѣмъ Патріархъ, съ обоими Магистрами и баронами, совѣщались въ Птолемаидѣ, о средствахъ защиты противъ Ховарезміевъ; по зову пастыря вооружились жители Тира, Сидона и прочихъ городовъ поморія. Войска Сарацынскія, подъ начальствомъ Эмира Эмесскаго, Малекъ-Манзора, соединились съ Христіанами у стѣнъ Птолемаиды, къ взаимному изумленію обоихъ народовъ. Съ почестию принять былъ Малекъ, въ стѣнахъ города, какъ будущій освободитель Палестины и лучший изъ бароновъ язычества, по выраженію современной лѣтописи. Взаимное согласіе Христіанъ и Магометанъ обѣщало побѣду надъ врагами; союзное войско выступило къ Аскалону, ибо и орды Ховарезміевъ подвинулись къ Газѣ, ожидая вспоможенія отъ Султана Египетскаго. Франки горьки нетерпѣніемъ отмстить за умерщвленіе братьевъ своихъ въ Іерусалимѣ; но вождь Сарацынскій полагалъ болѣе благоразумнымъ ожидать, чтобы голодъ и неуройство разсѣяли дикую орду. По

странному стеченію обстоятельствъ, Патріархъ Іерусалимскій рѣшилъ идти противъ враговъ, и ему повиновались Сарацыны.

— На три части раздѣлились союзныя войска; лѣвымъ крыломъ, гдѣ находились рыцари Страннопріимные, начальствовалъ племянникъ Короля Іоанна, Валтеръ, Графъ Яффы; правымъ Эмиръ Сарацынскій; Патріархъ, съ честнымъ древомъ креста въ рукахъ, окруженный Великимъ Магистромъ Храмовниковъ и баронами Палестины, занималъ средину и былъ виною пораженія, по личной враждѣ своей съ Графомъ Яффы: — пламенный юноша, видя съ какою медленностію строились толпы варваровъ, хотѣлъ устремиться въ ихъ нестройную толпу, и просилъ Патріарха, разрѣшить его отъ клятвы, на него возложенной, за присвоеніе святительскаго замка; дважды отказалъ ему въ томъ неумолимый Патріархъ, а между тѣмъ полчища враговъ успѣли построиться и съ дикимъ воплемъ двинулись впередъ. Тогда Епископъ Виолеема, самъ вооруженный на битву, сказалъ Графу: «я разрѣшаю тебя отъ неправильной клятвы Патріарха и беру на себя грѣхи твои; устремимся на враговъ.» Закипѣла общая кровопролитная сѣча, отъ утра и до вечера, и еще весь слѣдующій день длилась съ тою же яростію; но Эмиръ Сарацынскій первый оставилъ поле битвы и выдалъ Христіанъ, которые уже не въ силахъ были противустоять множеству враговъ. Тридцать тысячъ воиновъ Христіанскихъ и Магометанскихъ пали въ битвѣ или уведены были въ плѣнъ. Па-

тріархъ, съ нѣкоторыми изъ Епископовъ и Княземъ Тира, успѣли бѣжать въ Штолемаиду; но изъ рыцарей спаслись только не болѣе тридцати трехъ Храмовниковъ и двадцати шести Страннопріимныхъ: — столь ужасна была сія кровопролитная битва. Радостію возшумѣлъ весь Египетъ при вѣсти о побѣдѣ Ховарезміевъ; пѣвники вступили въ Каиръ при кликахъ народныхъ, имъ въ позоръ выставлены были головы ихъ братьевъ, падшихъ за нѣсколько лѣтъ въ битвѣ около Газы. Пораженіе союзныхъ войскъ Христіанскихъ и Сарацынскихъ разторгло навсегда краткій союзъ ихъ; оба народа приписывали одному весь свои бѣдствія. Хоругви креста и лжепророка не могли развѣваться вмѣстѣ, на полѣ сраженія, и самъ Эмиръ Сарацынскій, готовясь къ битвѣ, уже чувствовалъ нѣкій ужасъ, какъ наказаніе за пріязнь съ Франками.

Побѣда Ховарезміевъ предала въ ихъ руки всю беззащитную Палестину; съ помощію ихъ, Египтяне овладѣли опять Іерусалимомъ, Тиверіадою и всѣми городами, которые уступалъ Христіанамъ Эмиръ Дамаскскій. Варвары, опустошивъ берега Іордана и окрестности Штолемаиды, осадили Яффу и повѣсили на крестъ предъ ея вратами пѣвника своего, мужественнаго Графа Валтера, въ той надеждѣ, что онъ убѣдитъ своихъ васалловъ сдать городъ. Но доблестный витязъ воскликнулъ съ креста, гражданами Яффы: «долгъ вашъ защитить городъ Христіанскій, а мой умереть за Христа,» и погибъ въ жестокихъ мученіяхъ. Провидѣніе избавило Палестину отъ дикихъ пришельцевъ, тѣми же средствами, каки-

ми они въ нее проникли. Султанъ Египетскій послалъ ихъ завоевать Дамаскъ, и городъ сдался, безъ сопротивленія; но вожди сего племени, превознесенные своими побѣдами, начали надмѣнно требовать отъ Султана земель въ Палестинѣ, для своего поселенія, и утраченный такимъ сосѣдствомъ онъ сталъ медлить въ исполненіи своихъ обѣщаній. Тогда раздраженные предложили свои услуги тому Эмиру, у коего недавно похитили область, и осадили Египтянъ въ Дамаскъ; отчаяніе поддержало духъ осажденныхъ. Султанъ успѣлъ прислать новое войско изъ Египта и, съ помощію Эмировъ Сирійскихъ, совершенно сокрушилъ, въ двухъ жестокихъ битвахъ, все племя Ховарезміевъ. Оно исчезло столь же быстро, какъ и явилось въ предѣлахъ Сиріи, и даже самое имя его не упоминалось болѣе въ лѣтописяхъ Востока.

Бѣдственно было состояніе Христіанъ Палестинскихъ и послѣ истребленія варваровъ; имъ угрожали соединенныя силы Эмировъ Сиріи, и Султанъ Египетскій, владѣвшій Іерусалимомъ; поморскіе города ихъ оставались совершенно безъ защиты; ибо уже ослабѣвшіе ордены Храмовниковъ и Страннопріимныхъ не въ силахъ были охранять ихъ, послѣ двухъ несчастныхъ пораженій близъ Яффы, и даже не могли выкупить своихъ пѣвниковъ изъ темницъ Каира; а между тѣмъ новая дикая орда Комановъ, пришедшая изъ глубины Татарскихъ степей, опустошала предѣлы Антиохійскіе по берегамъ Оронта; Короли Арменіи и Кипра, оба страдали отъ внутреннихъ неурядицъ своихъ областей.

По свидѣтельству Патріарха Досиея, Король Килікійскихъ Армянъ, испросилъ, у дружественнаго ему Эмира Дамасскаго, обновить Св. мѣста Іерусалимскія, послѣ ихъ разоренія; но благодѣтельная помощь сія едва не навлекла мщенія Султана Египетскаго на всѣхъ Христіанъ Св. града*. Одна только надежда оставалась бѣдствующимъ жителямъ Сиріи: искать помощи на Западъ; но и тамъ кипѣла нечестивая вражда между Императоромъ Фридрихомъ и Папою Иннокентіемъ IV. Папа, будучи принужденъ бѣжать изъ Италіи, созвалъ противъ него многочисленный соборъ въ Ліонѣ и предалъ его торжественно проклятію, не смотря на ходатайства другихъ Государей. Однако Патріархъ Іерусалимскій и бароны Палестины рѣшились отправить на сей соборъ Епископа Бейрутскаго, чтобы еще однажды, и въ послѣдній разъ, подвигнуть сердца западныхъ братьевъ разсказомъ бѣдствій Св. земли.

* Ки. 8, гл. 20.

XXXIV.

ДЕВЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ*.

Людовикъ IX, Король Франціи.

Одна только Франція откликнулась на жалобный зовъ Палестинскихъ братьевъ; ей принадлежала житейская слава перваго крестоваго похода, ей и послѣдняго; Италія и Германія слишкомъ заняты были враждою Императора и Папы; Англія внутренними безпокойствами. Благочестивѣйшій изъ Королей Франціи, Людовикъ IX, признанный святымъ Западною Церковію, почти на смертномъ одрѣ принялъ крестъ и, возставъ отъ болѣзни, подтвердилъ обѣтъ свой, не смотря на моленія матери своей и духовенства. Вокругъ него собрались всѣ первостепенные бароны королевства; супруга его Маргарита и два брата пожелали ему сопутствовать, а мудрая мать оставалась правительницею Франціи.

* Histoire des Croisades liv. 14, 15, 16, 17, 18.

Еще въ первый разъ, со дня крестовыхъ битвъ, тихо и безъ насилій совершались приготовленія къ походу, ибо благочестіе Короля подавало всѣмъ назидательный примѣръ; но напрасно, при свиданіи съ Папою въ Лионѣ, Людовикъ старался примирить его съ Императоромъ. Иннокентій не вѣрилъ Фридриху, велѣлъ Князьямъ Германскимъ избрать себѣ другаго Императора, и нарекъ Генриха Короля Кипрскаго, внука Лузиньянова, Королемъ Иерусалимскимъ, вмѣсто Фридриха; соблазнительная вражда сія продолжалась, къ стыду и бѣдствію Христіанскаго міра, не только до конца ихъ жизни, но даже перешла и къ ихъ преемникамъ.

Благополучно совершилось плаваніе Короля, отъ береговъ Франціи до Кипра. Тамъ, съ чрезвычайною почестію принялъ его новый Король Иерусалимскій; но несчастный совѣтъ, данный имъ Людовику, провести зиму на его островъ и обратить оружіе на Египетъ, чтобы въ немъ сокрушить всю силу Магометанъ, оказался гибельнымъ для крестоносцевъ, которые утратили свои нравственныя силы посреди наслажденій Кипра. Пользуясь краткимъ отдыхомъ, благочестивый Людовикъ старался примирить враждующихъ между собою въ Палестинѣ; Храмовниковъ съ Страннопріимными, Генуезцевъ съ Пизанами, и Короля Армянскаго съ Княземъ Антиохійскимъ; всѣ избирали его своимъ посредникомъ, по славу о его царственныхъ и христіанскихъ добродѣтеляхъ. Имя его сдѣлалось громко по всему Востоку; отовсюду стекались къ нему Христіане Сиріи, какъ къ единственному свое-

му защитнику; самыя орды Татарскія, кочевавшія въ Малой Азіи, отправили къ нему посланниковъ съ лестными надеждами, будто желаютъ принять Христіанство. Ужаснулся Султанъ Египетскій Негмеддинъ, сынъ Малекъ-Хамиля, покорившій всю Сирію своему владычеству. Онъ собралъ полки свои на поморіи близъ Даміеты, чтобы отразить страшнаго врага, и самъ бользенный, почти накануне смерти предводительствовалъ войсками. Рыцари Страннопріимные предложили Королю, мирнымъ договоромъ съ Негмеддиномъ, оградить благосостояніе Палестины; но все войско крестоносцевъ съ негодованіемъ отвергло такое предложеніе.

Съ наступленіемъ весны, крестоносцы приплыли въ устье Нила, къ стѣнамъ укрѣпленной Даміеты, которая уже была однажды въ рукахъ Христіанскихъ. Въ виду непріятельскаго флота и войска, доблестный Король Франціи, одинъ изъ первыхъ бросился рѣку и вышелъ на берегъ; воины, одушевленные его примѣромъ, пѣшіе и на коняхъ, устремились по волнамъ Нила, на смятенныхъ столь отчаянною храбростію непріятелей; вскорѣ шатры Христіанъ стали на мѣстѣ Сарацынскихъ. Тотъ же ужасъ овладѣлъ и защитниками города; они предали его пламени, умертвивъ прежде почти всѣхъ Христіанъ, и бѣжали къ своему Султану, который, въ порывѣ негодованія, казнилъ виновниковъ позорнаго бѣгства. Съ молебнымъ пѣніемъ вступили крестоносцы въ опустѣвшую Даміету, не довѣряя сами столь легкой побѣдѣ, и уже Египетъ отчаявался о своемъ спасеніи; но Негмеддинъ

не терялъ духа; онъ еще грозилъ Людовику, изъ укрѣпленной Мансуры, гдѣ нѣкогда побѣждены были крестоносцы, по неопытности легата Папскаго. Опасаясь той же участи отъ возраставшаго полноводія Нила, Король медленно подвигался впередъ, и оставивъ Даміетту, расположился станомъ на берегахъ Нила; праздность возродила безпорядки въ войскѣ, нѣкоторые изъ вождей не хотѣли повиноваться кроткому Королю, слѣдуя примѣру собственнаго его брата.

Однако все еще благопріятствовало Христіанамъ. Третій братъ Короля, Алфонсъ, Графъ Пиктавинскій, приплылъ изъ Франціи, съ новыми дружинами и казною; воды Нила упали и открыли свободный путь къ Каиру; и самъ могущественный противникъ Франковъ, Султанъ Негмеддинъ, скончался послѣ долгой болѣзни. Въ сію роковую для Египтянъ минуту, женщина спасла ихъ царство. Умная и прекрасная супруга Негмеддина, нѣсколько дней, таила его кончину отъ войска; призвала на совѣтъ Эмировъ, которые, по ея внушенію, нарекли Султаномъ сына умершаго властителя, Туранъ-Шаха, бывшаго въ Дамаскѣ, а между тѣмъ начальство надъ войсками поручено было опытному Эмиру Факреддину. Когда крестоносцы, въ числѣ шестидесяти тысячъ, надежные на свои силы, приблизились къ городу Мансуръ, выстроеному на раздѣленіи главныхъ рукавовъ Нила, уже Сарацыны готовы были принять ихъ; каналъ рѣки болѣе нежели на мѣсяць остановилъ всѣ усилія Франковъ; Греческій огонь истреблялъ ихъ орудія,

не смотря на отчаянную храбрость рыцарей. Послѣ столь драгоценной почери времени, Бедуинъ открылъ удобный бродъ черезъ каналъ, но и тогда безразсудное мужество Графа Роберта, брата королевскаго, погубило войско; испросивъ себѣ начальство надъ передовымъ отрядомъ, устремился онъ, съ малою горстію храбрыхъ, къ Мансуръ, убилъ вожда Сарацынскаго, и самъ нашелъ себѣ славную смерть въ стѣнахъ города, потому что прочіе рыцари послѣдовали его неблагоприятному примѣру; они оставили Короля, въ опасный часъ переправы, и разсыпались по всему полю битвы, гдѣ въ малыхъ стычкахъ съ непріателемъ почти всѣ погибли. Эмиръ Мамелуковъ, т. е. невольниковъ, составлявшихъ лучшую стражу Султана Негмеддина, Бибарсъ, возстановилъ духъ Сарацыновъ, послѣ перваго нападенія Графа Роберта; онъ двинулся, съ главными силами на встрѣчу Королю, который еще не успѣлъ построить своихъ полковъ и самъ едва не достался въ плѣнъ непріятелю. Ночь прекратила битву, и если Христіане остались обладателями ея страшнаго поля, усыяннаго ихъ трупами, то самое мужество сихъ труповъ свидѣтельствовало на чьей сторонѣ осталась настоящая побѣда. Уже они не думали осаждать Мансуры, но сами принуждены были выдержать въ станѣ своемъ жестокое нападеніе Сарацынъ, которое совершенно ослабило ихъ силы; заразительная болѣзнь распространилась между ними, отъ непогребенныхъ труповъ, плававшихъ по Нилу, и голодъ возникъ въ станѣ, отъ прерваннаго сообщенія съ Даміетою; это доверши-

до бѣдствія крестоносцевъ и заставило ихъ помышлять о мирѣ съ новымъ Султаномъ, уже прибывшимъ въ Каиръ. Такимъ образомъ, дважды на тѣхъ же берегахъ Нила, подъ стѣнами той же Мансуры, повторилось бѣдственное пораженіе Христіанъ.

Людовикъ предлагалъ Султану уступить ему Даміету, въ замѣнъ Іерусалима и прочихъ городовъ Палестинскихъ, и Туранъ-Шахъ соглашался, ибо одинаково опасался мужества крестоносцевъ и измѣны собственныхъ своихъ Эмировъ; но когда дѣло дошло до заложниковъ, онъ не удовольствовался двумя братьями Короля, требуя самаго Людовика; чувство собственнаго достоинства не позволило баронамъ Франціи выдать своего Государя невѣрнымъ, хотя самъ благочестивый Людовикъ умолялъ ихъ пожертвовать имъ для общаго спасенія. Началось бѣдственное отступленіе, довершившее гибель всего войска. Слабые и болящіе должны были спуститься, на судахъ, внизъ по Нилу къ Даміетѣ; рыцари напрасно уговаривали Короля съѣсть на корабль; онъ хотѣлъ лучше умереть съ своими друзьями, и не иначе какъ въ послѣднихъ отступавшихъ рядахъ, хотя уже изможденный болѣзнію, не въ силахъ былъ не только носить оружіе, но даже держаться на конѣ. Не было бы ему спасенія и на судахъ, ибо всѣ они достались въ руки непріятеля; много Христіанъ погибло въ страшную ночь сію, еще болѣе въ наступившій день, когда съ разсвѣтомъ увидѣли все ихъ безсиліе преслѣдовавшіе Сарацены.

Однако рыцари не переставали биться отступая, доколь самъ Король, въ совершенномъ изнеможеніи, не былъ взятъ въ плѣнъ, въ одномъ изъ прибрежныхъ селеній. Тогда прекратилась всякая битва, продолжалось одно убійство; болѣе двадцати тысячъ витязей заплатили жизнию за желѣзныя оковы, которыя возложили на руки ихъ Государя, безъ всякаго уваженія къ его высокому сану и еще болѣе высокой добродѣтели; Людовикъ, какъ истинный Христіанинъ, все переносилъ безъ ропота. Въ Мансурѣ, въ убогомъ рубищѣ, содержался плѣнный Король, отвергнувъ пышныя одежды и угощенія враговъ; братья его и бароны томились такъ же въ другой темницѣ, и толпа воиновъ, которая по бѣдности своей не обѣщала выкупа врагамъ, собрана была, какъ безсловесное стадо, въ одну ограду, отколѣ ежедневно выводили ихъ по нѣсколько сотъ, для принятія мученической смерти; всѣмъ имъ предлагали отречься отъ Христа, и никто не измѣнилъ своему Богу.

Пользуясь побѣдою, Султанъ предложилъ Королю Франціи, цѣною его свободы, уступить ему Даміету и весь города Палестины; но Людовикъ отвѣтствовалъ, что не имѣетъ никакого права распоряжаться достояніемъ чуждымъ. Туранъ Шахъ потребовалъ опять Даміеты и милліона золотыхъ византійскихъ: согласился Король, съ тѣмъ, чтобы завоеванный имъ городъ послужилъ ему выкупомъ, а деньги за его бароновъ; ибо находилъ неприличнымъ, чтобы царственная глава откупалась цѣною золота. На берегахъ Нила назначено было

свиданіе между обоими властителями, въ великолѣпномъ дворцѣ, нарочно для сего устроенномъ; но по дивнымъ судьбамъ Провидѣнія, торжества сіи обратились въ погребальныя, для самаго побѣдителя, по ненависти къ нему его Эмировъ. Вождь Мамелуковъ, Бибарсъ, сдѣлалъ заговоръ противъ Туранъ-Шаха и принудилъ его бѣжать, сперва въ одну изъ башенъ своего дворца, а потомъ на суда Франковъ; посреди Нила умерщвленъ былъ юный Султанъ. При общемъ смятеніи опять провозгласили вдову Негмеддинову властительницею Египта, къ соблазну Магометанъ, коихъ укорялъ посланный Халифа Багдадскаго, за то что покорились женщинѣ.

Благочестивый Людовикъ и всѣ его рыцари едва не лишились жизни, въ часы народнаго смятенія. Дважды вторгались въ шатеръ его мятежные Мамелуки и дерзали обнажать мечъ на доблестнаго Короля, дважды онъ невольно смирялъ ихъ, своимъ Христіанскимъ спокойствіемъ, ибо все готовъ былъ перенести за Христа. — Благоразуміе Эмировъ и корыстолюбіе простыхъ воиновъ спасли его отъ неминуемой смерти; они боялись утратить выкупъ; но, почти въ самую минуту освобожденія, едва опять не подвергся Король мученической кончинѣ, когда, по чувству царскаго достоинства, не хотѣлъ произнести клятвы въ подтвержденіе договора, довольствуясь однимъ своимъ словомъ; напрасно умоляли его бароны и самъ престарѣлый Патріархъ Іерусалимскій, коему угрожали истязаніями предъ его глазами; Людовикъ остался непреклоннымъ, и твер-

достію своею не только одолѣлъ враговъ, но и внушилъ имъ глубокое къ себѣ уваженіе. Они довели его съ честію на суда, ожидавшія остатки дружинъ Христіанскихъ, при устьи Нила. Тамъ нашелъ царственный труженикъ утѣшеніе въ объятіяхъ вѣрной супруги, которая сама уже готова была принять смерть, отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ, чтобы только не впасть въ руки невѣрныхъ. Полцѣны выкупа и Даміета сданы были Сарацынамъ; горестно отплылъ Людовикъ въ Птолемаиду; тамъ, не смотря на претерпѣнныя имъ неудачи, духовенство и народъ встрѣтили съ крестами пришедшаго къ нимъ во имя Господне.

Не болѣе трехъ сотъ рыцарей оставалось Королю Франціи отъ всей его великолѣпной дружины, съ которою ступилъ онъ на бѣдственную землю Египта; мечъ Сарацынскій истребилъ и большую часть трехъ орденовъ Палестинскихъ; со всемъ тѣмъ Людовикъ колебался оставить Св. землю и двѣнадцать тысячъ плѣнниковъ, томившихся въ темницахъ Каира, хотя правительница мать и народъ умоляли его возвратиться въ отечество. Трижды созывалъ онъ на совѣщаніе братьевъ своихъ, бароновъ и Великихъ Магистровъ; большинство голосовъ было въ пользу возвращенія; но голосъ собственнаго сердца благочестиваго Короля громко взывалъ ему, о защитѣ Св. мѣстъ и своихъ узниковъ, которые бы неминуемо погибли при его удаленіи. Онъ рѣшился остаться, отпустивъ братьевъ и всѣхъ, кто только желалъ отплыть на родину, и умолялъ мать, чины своего королевства и Государей Запада, о

скорой ему помощи; но ее не было откуда ожидать. Императоръ Фридрихъ и Король Кастильскій, вооружившіеся при первой вѣсти о поражении крестоносцевъ, скончались скоропостижно; Король Англіи Генрихъ III. думалъ только какъ бы воспользоваться неудачами своего соперника, а Франція, имъ угрожаемая, не въ силахъ была выставить другаго ополченія; Папа Иннокентій продолжалъ возмущать Европу, распрею своею съ наслѣдниками Фридриха. И такъ все бремя священной войны пало на одного благочестиваго Людовика, который могъ только держаться на берегахъ Сиріи, по междоусобіямъ Сарацынскимъ, и славою громкаго имени Короля Франціи, прикрывать беззащитныхъ Христіанъ Палестины. Прежде всего старался онъ укрѣпить разоренные города поморія, обновилъ стѣны Птолемаиды и воздвигъ въ ней великолѣпную церковь, укрѣпилъ вновь Каифу, Яффу, Кесарію, Тиръ и Сидонъ, обрушенный во время его похода въ Египетъ и опять разоренный ордою Туркомановъ, почти предъ его глазами. Людовикъ преслѣдовалъ ихъ до Панады, къ истокамъ Іордана, и одержалъ надъ ними бесполезную побѣду. Съ Султаномъ Дамаска, не могъ онъ вступить въ бой, по своему безсилію; не могъ и заключить съ нимъ дружественнаго союза, хотя нѣсколько разъ склонялъ его къ тому Султанъ сей, враждовавшій съ Мамелуками Египта; Король свято хранилъ собственный договоръ съ ними и боялся, нарушеніемъ онаго, погубить своихъ плѣнныхъ въ Каирь. — Напрасно владѣтель Дамасскій предлагалъ уступить ему Іе-

русалимъ и приглашалъ посѣтить Св. мѣста, по крайней мѣрѣ поклонникомъ; благочестивый Людовикъ, пришедшій съ запада завоевать ихъ, удержалъ пламенное желаніе своего сердца, чтобы не подать малодушнаго примѣра прочимъ Государямъ, которые, подобно ему, стали бы только посѣщать Св. мѣста, вмѣсто того, чтобы освободить ихъ. Онъ отринулъ то, чего жаждала душа его, для пользы Св. гроба, и только, съ оружіемъ въ рукахъ, посѣтилъ сосѣдній Назаретъ и дивный Оаворъ, съ вершины коего обозрѣвалъ, какъ нѣкогда Моисей, землю обѣтованную, ему недоступную.

Плѣнники его, мало по малу, возвращались изъ Египта; наконецъ Мамелуки, раздираемые внутренними распрями и опасаясь оружія Франковъ, принуждены были выдать ему всѣхъ тѣхъ, которые еще остались живыми послѣ столькихъ томленій, и даже самыя кости прежнихъ страдальцевъ, замученныхъ ими въ Каирь. Но когда развязались руки Людовика, освобожденіемъ его подданныхъ, внезапный переворотъ, въ дѣлахъ Сиріи и Египта, обрушилъ опять все его надежды. Эмиры Мамелуковъ, наскучивъ безначаліемъ, свергли съ престола вдову Негмеддинову, и провозгласили Султаномъ младенца, изъ прежняго рода Аюбитовъ, подъ управленіемъ одного изъ своихъ Эмировъ; въ то же время, заключивъ миръ съ Султаномъ Дамаска и Алепа, они обратили общія силы на Франковъ. Едва могла спастись Птолемаида, внезапно осажденная двадцатитысячнымъ войскомъ Сарацынъ, и новыя опас-

ности угрожали Христіанамъ Сиріи: по уже Королю Франціи невозможно было долѣе медлить посреди нихъ. Правительница мать скончалась, и заботы собственнаго королевства призывали его обратнo во Францію. Сами бароны Сиріи, исполненные благодарности къ Людовику, просили его не отлагать далѣе своего путешествія, ибо видѣли, что онъ, въ теченіе пяти лѣтъ, истощилъ всѣ возможные средства для ихъ защиты, и ожидали болѣе отъ него помощи послѣ его возвращенія.* Онъ отплылъ наконецъ изъ Птолемаиды, сопровождаемый благословеніями всѣхъ Христіанъ и уваженіемъ самыхъ Сарацынъ, которые еще не видали такого совершенства добродѣтелей между властителями Франковъ.

Послѣ удаленія благочестиваго Короля Франціи, нарушился и тотъ внутренній миръ, который старался онъ возстановить, между разнородными Христіанами Сиріи, не имѣвшими надъ собою главы: Короли Иерусалимскіе, въ Кипрѣ и въ имперіи, носили только одинъ тщетный титулъ, не заботясь о мнимомъ своемъ царствѣ, а Патріархъ не былъ облеченъ достаточною властію, чтобы укротить враждующихъ. Жестокая распря вспыхнула въ Птолемаидѣ, за обладаніе церковію Св. Саввы, между Генуэзцами и Венеціанами, которые давно уже питали другъ къ другу взаимную ненависть, по соревнованію въ дѣлахъ торговыхъ, и сія распря отозвалась двадцатилѣтнею войною обѣихъ республикъ въ Европѣ. Еще болѣе постыдная ненависть

* 1252 г.

раздѣляла два духовноинственныя ордена, Храмовниковъ и Страннопріимныхъ, за обладаніе нѣкоторыми замками въ Сиріи, вмѣсто того чтобы общими силами отражать невѣрныхъ: лучшій цвѣтъ дворянства Европы принималъ участіе въ сей враждѣ, какъ принадлежавшій къ какому либо изъ обѣихъ могущественныхъ орденовъ. На западъ уже не спрашивали о побѣдахъ надъ Сарацынами, но о томъ только, кто изъ рыцарей одержалъ верхъ? и тамъ однажды услышали, о ихъ кровопролитной сѣчѣ, изъ которой вышелъ живымъ только одинъ Храмовникъ. Но Европа, занятая собственными раздорами, равнодушна была къ симъ ужасамъ; они горько отзывались только благочестивому сердцу Людовика, который не могъ однако подать руку помощи, при безсиліи собственной державы, истощенной крестовымъ походомъ.

сына Чингись-Ханова, Улагу, устремились* по теченію Тигра къ Багдаду, и, раззореніемъ духовной столицы исламизма, положили конецъ Халифату, который давно уже истлѣвалъ, посреди роскоши и праздности преемниковъ лжепророка. Послѣдній державный Халифъ Мостасемъ, изъ славнаго племени Аббасидовъ, погибъ въ развалинахъ своей столицы, и уже не возставала болѣе держава Халифовъ.

Ханъ Татарскій, коварно обѣщая покровительство Христіанамъ, привлекъ подъ свои знамена дружины Короля Армянскаго, и перейдя Евфратъ, разорилъ Алепъ и Дамаскъ. На своей горе радовались Христіане и даже, надъ Св. гробомъ Искупителя въ Іерусалимѣ, возсылали молитвы о успѣхѣ оружія Монгольскаго. Но распря, возникающая между намѣстникомъ Ханскимъ и рыцарями Тевтоническаго ордена, въ коей погибъ племянникъ вождя Татарскаго, обратила оружіе его на Христіанъ. Раздраженный Кетбога раззорилъ окрестности Сидона и угрожалъ Птолемаидѣ. Тогда опомнились Христіане, но поздно; они поспѣшили заключить мирный договоръ съ сильнымъ Султаномъ Каира; Кутузъ подступилъ къ стѣнамъ Птолемаиды и разбилъ Монголовъ, въ кровопролитной битвѣ близъ озера Тиверіадскаго, гдѣ, казалось, суждено было рѣшаться всегда судьбамъ Палестины. Бѣжали дикія орды Монголовъ, и вся ненависть Сарацынъ обратилась на Христіанъ, ибо закоснѣлые враги ихъ помнили, какъ радовались они нашествію варваровъ. По всей Сиріи раздавался

* 1257 г.

XXXV.

НАШЕСТВІЕ МОНГОЛОВЪ, ДЕСЯТЫЙ ПОХОДЪ.

Паденіе Птолемаиды и крестоносцевъ въ Палестинѣ.

Между тѣмъ усиливались на Востокъ враги ослабѣвшихъ Христіанъ. Мамелуки Каира умертвили знаменитую вдову Негмеддинову, за то что она сама убила новаго своего супруга, избраннаго ими въ правители Египту, и возвели на престолъ одного изъ среды своей, Эмира Кутуза. Въмѣстѣ съ Князьями Сиріи направили они сперва общія силы, на страшныя ополченія Монголовъ, наводнившія Востокъ. Христіане Палестинскіе безразсудно приняли сихъ варваровъ, за своихъ покровителей противъ Магометанъ, потому что Монголы не касались сперва ихъ владѣній, хотя на Западъ Папы проповѣдывали противъ нихъ крестовый походъ. Дикія орды завоевателей, подъ предводительствомъ

одинъ только общій вопль: смерть Христіанамъ! въ Дамаскъ разрушены были всѣ ихъ церкви. — Самъ властитель Египта палъ жертвою своей благосклонности къ Христіанамъ, потому что не хотѣлъ нарушить заключеннаго съ ними договора. Свирѣпый Бибарсъ, умертвившій послѣдняго Султана изъ рода Саладинова, поразилъ опять своею рукою и перваго Султана Мамелуковъ и воцарился самъ на его мѣсто. Въ немъ возсталъ жесточайшій врагъ Христіанъ Палестинскихъ, котораго Сарацыны прозвали столпомъ своей вѣры и отцемъ побѣды, всегда ему послушной.* Напрасно Папы Александръ, Урбанъ и Климентъ IV. воздвигали опять Западъ; все безмолвствовало въ отвѣтъ на ихъ безсильный зовъ, и посреди сего мертваго молчанія, Европа равнодушно услышала о паденіи Латинской имперіи, основанной ею въ Царьградъ; Императоръ Балдуинъ VI, изгнанный Михаиломъ Палеологомъ изъ столицы Греческой, явился странникомъ во всѣхъ царственныхъ дворахъ Европы.

Первымъ подвигомъ свирѣпаго Бибарса, было опустошеніе предѣловъ Антиохійскихъ; Христіане Птолемаиды послали ему напомнить, о мирномъ договорѣ съ его предмѣстникомъ; вмѣсто отвѣта, онъ сжегъ великолѣпную церковь Назаретскую и раззорилъ окрестности Оавора. Погрозивъ издали крѣпкой Птолемаидъ, онъ взялъ приступомъ Кесарію и Арсуръ, и разрушилъ до основанія, руками ихъ собственныхъ жителей. На другой годъ Бибарсъ предпринялъ новый опустошительный походъ

* 1260 г.

въ Палестину, отринувъ всякое ходатайство Государей Западныхъ, и отвѣчалъ Графу Яффы, сроднику бывшаго Короля Іерусалимскаго Іоанна: «что скоро наступитъ время отмстить за всѣ обиды Христіанъ, ибо за каждую хижину заплатятъ они замкомъ, и тысячею воиновъ за одного поселянина.» Совершивъ поклоненіе въ Іерусалимъ, въ мечети Омаровой, Султанъ помолился о успѣхъ своего оружія, и осадилъ крѣпкій замокъ Сафадъ, на озерѣ Тиверіадскомъ, принадлежавшій Храмовникамъ. Долго всѣ его усилія оставались тщетными, по чрезвычайной крѣпости мѣста и храбрости защитниковъ; уже онъ готовился отступить, когда распря, возникшая между осажденными, открыла ему врата города. Одни хотѣли сдаться, другіе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, и сею бѣдственной распріею воспользовался Бибарсъ, чтобы, вопреки своему царственному слову, предать всѣхъ жителей смерти или неволѣ.

Довольный взятіемъ Сафада, Султанъ возвратился въ Египетъ; но годъ спустя опять явился опустошителемъ, въ предѣлахъ Арменіи, за связь Короля ея съ полчищами Монголовъ, приблизился опять къ стѣнамъ Птолемаиды, и какъ ангелъ смерти, съ мечемъ въ рукахъ, на боевомъ конѣ своемъ, гордо разъѣзжалъ предъ ея вратами; однако опять миновалъ ее, чтобы на обратномъ пути въ Египетъ, овладѣть Яффою, которую съ такимъ трудомъ укрѣпилъ благочестивый Людовикъ. Христіане Сирійскіе еще не успѣли опомниться отъ сего бѣдственнаго похода, какъ ихъ жестокой врагъ

уже явился въ области Антиохійской, подъ стѣнами самой столицы сего княжества, въ отсутствіе ея Государя, все предавая огню и мечу. Смятенные жители сдались ему безъ боя; самъ Бибарсъ хвалился своею жестокостію, въ письмѣ къ ихъ властителю Боемунду, спасшемуся въ Триполи. «Смерть пришла всеми путями въ твою столицу! если бы ты видѣлъ твоихъ рыцарей, попираемыхъ ихъ конями, и жителей, продаваемыхъ въ неволю съ женами и дѣтьми, и гробы Патріарховъ разверзаемые, сокрушаемыя каѳедры и престолы, и раздираемыя хартіи Евангелія, клириковъ умерщвляемыхъ, церкви и палаты въ пламени, — ты бы воскликнулъ: лучше бы я самъ погибъ вмѣстѣ съ ними!»

Простирая алчные взоры и на Триполи, Бибарсъ отправилъ пословъ къ Боемунду и самъ вмѣшался въ число ихъ, чтобы осмотрѣть укрѣпленія города. Онъ послалъ вѣстниковъ войны съ угрозами и къ Королю Кипра, носившему титулъ Иерусалимскаго, и распространилъ ужасъ на всю Палестину; одно только поморіе, отъ Триполи до Птолемаиды, оставалось въ рукахъ Христіанъ. Архіепископъ Тира, съ двумя Великими Магистрами, отплыли просить помощи въ Европѣ; Папа Климентъ сталъ опять возбуждать къ крестовому походу, посреди собственной войны своей съ имперіею за наслѣдство Сициліи, и опять одна только Франція отозвалась на голосъ Востока. Братъ Людовика, Герцогъ Анжвинскій, овладѣлъ, съ помощію Папы, Неаполемъ и умертвилъ тамъ юнаго внука Императора Фри-

дриха, Конрадина, который также носилъ титулъ Короля Иерусалимскаго; онъ обѣщалъ содѣйствовать брату и былъ виною всѣхъ бѣдствій сего похода; ибо не Св. земля была цѣлію его предпріятій. Король Франціи, движимый тѣмъ же духомъ благочестія, вооружился опять, вопреки совѣта своихъ бароновъ, которые однако послѣдовали за своимъ Государемъ, со всемъ его семействомъ. Сынъ Короля Англійскаго, храбрый Эдуардъ, присоединился съ своею дружиною, къ воителямъ Франціи. Коварный Карлъ, Король Неаполитанскій, убѣдилъ брата высадить войска на пустынный берегъ Африки, чтобы смирить властителя Тунискаго, страшнаго своими морскими разбоями для Сициліи, и Людовикъ повѣрилъ лестной надеждѣ, будто бы Тунисъ готовъ обратиться къ Христіанству. Подъ палящимъ солнцемъ Африки, лучшій цвѣтъ его бароновъ и онъ самъ, съ частію своего семейства, сдѣлались жертвою смерти. Благочестивый Король умеръ, какъ жилъ, со всемъ смиреніемъ Христіанина, и взоры его, жаждавшіе всю жизнь земнаго Иерусалима, обратились къ небесному; но съ нимъ вмѣстѣ рушился и крестовый походъ, имъ однимъ одушевляемый. Сынъ его, Филиппъ Смѣлый и братъ Карлъ, заключивъ миръ съ властителемъ Туниса, поспѣшили возвратиться въ свои предѣлы; одинъ только Эдуардъ, съ дружинами Англии и братомъ своимъ Эдмундомъ, Герцогомъ Британскимъ, продолжалъ путь въ Палестину, гдѣ уже все клонилось къ быстрому паденію. Всѣ крестоносцы, собранные вмѣстѣ, составляли немного болѣе тысячи

воителей, и эта малая дружина должна была бороться со всеми силами Мамелуковъ.

Наслѣдникъ престола Англійскаго, чувствуя свое безсиліе, ограничилъ ратный подвигъ опустошеніемъ Назарета, въ отмщеніе Магометанамъ, за великолѣпный храмъ Благовѣщенія, разоренный Бибарсомъ. Самъ Эдуардъ едва не лишился жизни подъ кинжаломъ Ассасиновъ, посланныхъ Шейхомъ горъ, и заключивъ миръ съ Султаномъ Египта, возвратился въ отечество. Онъ былъ послѣдній изъ Князей Европы, посѣтившій крестноносцемъ Св. землю. Еще одна слабая надежда оставалась Христіанамъ Сирійскимъ. Архидіакоузъ, сопутствовавшій Эдуарду, избранъ былъ, еще во время своего пребыванія въ Птолемаидѣ, на кафедрѣ Римскую, подъ именемъ Григорія X, и оставляя Сирію, обѣщалъ ей скорую помощь, стихами псалма: «аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя.» Патріархъ Іерусалимскій и оба Великіе Магистра послѣдовали за нимъ на Западъ. Григорій лично сдержалъ свое слово, немедленно отправивъ въ Сирію, на собственномъ иждивеніи, до пяти сотъ воиновъ; но знаменитый соборъ Ліонскій, созванный имъ для спасенія Палестины, на коемъ присутствовали до тысячи Епископовъ, посланные всѣхъ Государей Западныхъ и даже Хана Татарскаго, никого не подвигъ на священную брань. Императоръ Греческій Михаилъ Палеологъ, желая польстить Папѣ, обѣщалъ отъ себя вооруженную помощь; но онъ слишкомъ былъ занятъ собственнымъ колеблю-

щимся царствомъ. Палестина оставлена была своей судьбѣ, и скоро пали ея послѣдніе оплоты.

Іерусалимъ, о искупленіи коего никто не хотѣлъ заботиться, былъ однако предметомъ спора трехъ Государей, искавшихъ себѣ только тщетнаго титула. Король Кипра, Генрихъ, и его преемники, два Гугона, послали оный, по благословенію Папы Иннокентія; Король Неаполитанскій Карлъ, убійца Конрадина, полагалъ что Іерусалимскій вѣнецъ внука Императора Фридриха, скатился къ ногамъ его съ плахи несчастнаго юноши, и Марія, Княгиня Антіохійская, оспаривала также вѣнецъ сей, происходя, какъ и Король Кипрскій, отъ Изабеллы, дочери Алмерика Іерусалимскаго. Латинскій Патріархъ, три Великіе Магистра, представители Императора и двухъ Королей Франціи и Англии, и три купеческія республики Венеція, Пиза и Генуя, раздѣляли между собою обладаніе Птолемаидою, разбитой на столько же участковъ, сколько было въ ней различныхъ племенъ и властей, и потому никакой договоръ съ Магометанами не могъ оставаться твердымъ. Частная ненависть враждующихъ между собою народовъ Христіанскихъ въ Европѣ, безпрестанно отзывалась въ стѣнахъ Птолемаиды и нарушала миръ внутренній и внѣшній; какъ не было мира внутри самой Акры такъ не было его и между городами поморія, которые еще оставались въ рукахъ Христіанъ; каждый изъ нихъ отдѣльно заключалъ договоры съ Султанами Египта, и Мамелуки пользовались сими случаями, чтобы еще болѣе разрознить враговъ своихъ, взаимною завистію.

Иногда требовали они отъ Христіанъ обѣщанія, не строить новыхъ укрѣпленій и не помогать другъ другу, даже не обновлять своихъ храмовъ, и безразсудные на все соглашались.

Жесточайшій ихъ гонитель Бибарсъ, въ теченіе семнадцати лѣтъ, не дававшій покоя покоренной имъ Сиріи, умеръ наконецъ въ Дамаскъ; но Султанъ Калаунъ, избранный на его мѣсто изъ Эмировъ Мамелукскихъ, не уступалъ ему дѣятельностію воинскою противъ Христіанъ. Онъ нанесъ послѣдній ударъ ордамъ Монгольскимъ, въ кровопролитной битвѣ на равнинахъ Эмеса, и склоненный къ миру Графомъ Триполійскимъ, жестоко отмстилъ Царямъ Армянскому и Грузинскому, за ихъ союзъ съ Монголами. Вся малая Арменія предана была огню и мечу, и самъ Царь Грузіи, посѣтившій втайнѣ Св. мѣста для поклоненія, открытъ былъ своими врагами и увлеченъ плѣнникомъ въ темницы Каира. Недостатокъ флота удерживалъ Калауна, отъ конечнаго разоренія городовъ Христіанскихъ; онъ боялся еще навлечь на себя оружіе Запада, потому и заключилъ послѣдній мирный договоръ съ Птолемаидою, но продолжалъ брать приступомъ отдѣльные замки рыцарей, на берегу моря или въ горахъ, и наконецъ, не смотря на смиренныя мольбы Графа Боемунда, подступилъ со всеми силами къ стѣнамъ цвѣтущаго Триполя. Болѣе мѣсяца длилась кровопролитная осада никто изъ рыцарей и бароновъ Палестинскихъ не подалъ руку помощи бѣдствующему Боемунду. Триполи разоренъ былъ до основанія; все его народонаселеніе погибло и богатая

пристань опустѣла. Магометане старались истребить все, что только могло привлечь Христіанъ западныхъ къ роскошнымъ берегамъ Сиріи. Тиръ, Сидонъ и Птолемаида, спокойно ожидали той же участи, и вскорѣ разразилась буря воинская надъ сею послѣднею столицею Востока*.

Легатъ папскій осуждалъ мирный договоръ съ Султаномъ; новое пособіе, присланное Григоріемъ на помощь Христіанъ, было виною послѣдней войны ихъ съ Мамелуками; ибо буйные воины, собранные изъ всѣхъ сословій, грабили окрестности Птолемаиды. Раздраженный Султанъ не хотѣлъ болѣе слышать ни о какомъ удовлетвореніи; умирая самъ, посреди приготовленій къ походу, онъ взялъ клятву съ сына своего Халиля, что довершитъ предпринятый подвигъ. Огромное полчище Мамелуковъ динулось изъ Египта къ стѣнамъ смятенной Птолемаиды. Латинскій Патріархъ Іерусалима, благочестивый старецъ, созвалъ на совѣтъ бароновъ, Великихъ Магистровъ и гражданъ, и пламенною рѣчью возбудилъ всѣхъ къ отчаянной защитѣ. При первой вѣсти объ опасности, Король Кипра и Іерусалима Генрихъ II, приплылъ съ восемьюстами рыцарей; но вся дружина Христіанъ не превышала девяти сотъ всадниковъ и восьми тысячъ пѣшихъ. Они раздѣлили между собою защиту обширныхъ укрѣпленій Птолемаиды, обновленныхъ Королемъ Франціи: Французы и Англичане взяли на себя оборону одной части стѣнъ, Король Кипра съ Магистромъ Тевтоническимъ и два другіе Великіе Магистра, тремя

* 1294 г.

отдельными отрядами, расположились по крепкимъ твердынямъ; но послѣдній часть Птолемаиды уже пробилъ. Необозримый станъ Сарацынскій покрывалъ всю окрестную равнину, отъ моря до соседнихъ горъ, ибо шестьдесятъ тысячъ всадниковъ и сто сорокъ тысячъ пѣшихъ, отъ береговъ Евфрата и Нила, собрались подъ знамена Халиля, чтобы разрушить послѣдній отлѣтъ Христіанъ; до трехъ сотъ огромныхъ орудій дѣйствовали противъ потрепаемыхъ ими стѣнъ.

В. Магистръ Храмовниковъ, по совѣщанію съ нѣкоторыми изъ вождей, рѣшился просить мира въ станъ Мамелуковъ, и Султанъ еще не испытавшій силы враговъ своихъ, согласился отступить съ условіемъ, чтобы каждый изъ жителей внесъ за себя по червонцу, поголовной дани; но предложеніе сіе было отвергнуто съ презрѣніемъ, прочими властями и народомъ; самъ В. Магистръ едва не сдѣлался жертвою раздраженной черни. Начались кровопролитные приступы, въ коихъ отчаяніе осажденныхъ не уступало мужеству осаждавшихъ; ни съ той, ни съ другой стороны, не было пощады, но множество враговъ одолевало; мало было защитниковъ по обширному пространству укрѣпленій. Послѣ первыхъ горячихъ стычекъ, уныніе овладѣло сердцами воиновъ, ибо не видѣли никакой пользы отъ кровопролитій. Многіе искали спасенія на судахъ, потому что море было открыто осажденнымъ, и въ нѣсколько дней число защитниковъ уменьшилось до двѣнадцати тысячъ; обычныя распри, между вождями, довершали бѣдствіе.

Въ часть страшнаго приступа къ той части города, которую защищали рыцари Кипра съ орденомъ Гевтоническимъ, малодушный Король тайно отплылъ со всею своею дружиною, и на другой день одно только отчаянное мужество Храмовниковъ и Страннопріимныхъ спасло городъ, въ который уже вторглись враги, сквозь проломъ незащищаемой стѣны. Не болѣе семи тысячъ воиновъ оставалось въ Птолемаидѣ. Доблестный Патріархъ еще однажды созвалъ на совѣтъ всѣхъ вождей, и убѣждая ихъ къ взаимному миру, умолялъ не выдавать непріятелю послѣдней надежды Христіанъ Востока.

Ободренные своимъ пастыремъ, защитники Птолемаиды выдержали еще нѣсколько жестокихъ приступовъ, во время коихъ часто старческой голось его раздавался позади бѣжавшихъ, по улицамъ города и возвращалъ ихъ къ бою. Уже Султанъ Халиль отчаявался одержать верхъ: но переметчики, изъ числа Христіанъ, подкрѣпили его надежды, онъ рѣшился на послѣдній приступъ. Послѣ многихъ кровопролитій, непріятель ворвался въ проломы; оба Великіе Магистра, Храмовниковъ и Страннопріимныхъ, движимые отчаяніемъ, устремились въ станъ Сарацынскій и опять возстановили битву, но смертію обоихъ витязей и всей ихъ дружины, кончилась сія неровная сѣча. Не было уже болѣе кому защищать городъ; отсюду врывались въ него враги; страшная буря присоединила ужасы своихъ молній и громовъ, къ ужасамъ сего страшнаго дня. Пламя разлилось по улицамъ съ толпами неистовыхъ Мамелуковъ; народъ бѣжалъ къ

пристани, чтобы найти спасеніе на судахъ; но тамъ одни только богатые покупали себѣ мѣста цѣною своихъ сокровищъ; веслами отталкивали простой народъ, и множество потонуло, ибо самая буря не позволяла приблизиться ладьямъ. Вожди спаслись заблаговременно; Патріарха Іерусалимскаго едва могли силою увлечь на корабль, который вскорѣ потонулъ подъ бременемъ искавшихъ на немъ спасенія, ибо чадолюбивый Пастырь всѣхъ хотѣлъ принять къ себѣ и погибъ жертвою своей Христіанской любви.

Еще въ нѣкоторыхъ частяхъ города мужественно бились нѣсколько рыцарей Храма и Страннопримныхъ, и держался замокъ Храмовниковъ на самой пристани; но не много спустя, обрушилась и сія послѣдняя твердыня, со всѣми ея защитниками; вся Птолемаида представляла взорамъ одно пространное пепелище, гдѣ не было никому пощады. Черезъ нѣсколько дней Тиръ, Сидонъ и Бейрутъ, утраченные паденіемъ Птолемаиды, открыли врата свои побѣдителямъ и подверглись той же бѣдственной участи; такъ совершенно исчезло владычество Христіанъ на Востокъ, основанное мечемъ и мечемъ сокрушенное. Паденіе Птолемаиды было повтореніемъ паденія Іерусалима; ибо съ нею совершенно окончилось королевство Франковъ въ Палестинѣ, восемьдесятъ восемь лѣтъ державшееся въ стѣнахъ Св. града, и сто девяносто лѣтъ на берегахъ Сиріи.

Горькая вѣсть, о взятіи послѣднихъ Христіанскихъ городовъ Сиріи, исполнила горестію всю

Европу, какъ некогда вѣсть о паденіи Св. града, но не произвела того же ратнаго движенія, ибо буря крестовыхъ битвъ уже угасла. Одинъ только, Папа Николай IV, съ высоты своей кафедры, гремѣлъ въ слухъ властителей Запада и Востока, о изгнаніи Сарацынъ изъ Св. земли; онъ писалъ и къ двумъ Императорамъ Греческимъ, Царьграда и Трбизонда, и къ Королямъ Арменіи и Кипра, и къ Царю Грузіи, и къ самому властителю Монголовъ, которые продолжали отъ времени до времени подавать обольстительныя надежды о своемъ обращеніи. Никто не отозвался на голосъ Первосвятителя Римскаго въ Европѣ: Императоръ Рудольфъ вскорѣ окончилъ жизнь, Короли Англии и Франціи, Эдуардъ и Филиппъ, не думали оставлять своихъ владѣній и, съ кончиною Папы, Западъ позабылъ бѣдствія Восточныхъ братьевъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, Монголы, властители Персіи, поднялись по зову Епископа Римскаго, который посылалъ къ нимъ своихъ миссіонеровъ, и, вмѣстѣ съ Христіанскими Князьями Востока, на краткое время освободили Іерусалимъ. Монголы, хотя и побѣжденные въ нѣсколькихъ битвахъ Мамелуками, не преставали простираť жадныхъ взоровъ на Египетъ, гдѣ послѣ сильнаго Султана, возникли опять междоусобія Эмировъ. Еще могущественный сынъ Хана Улагу, разорителя Багдада, Абага-Ханъ и внукъ его Аргуиъ, благопріятствовали Христіанамъ въ своихъ владѣніяхъ, и отправляли посольства къ первосвятителямъ Римскимъ, предлагая имъ, общими сила-

ми освободить Св. землю. Сынъ Аргуна, Хазанъ-Ханъ, стольже сильный, вооружился также на Египетъ; * по зову его, Цари Грузіи и Арменіи, Король Кипра Генрихъ II и два воинственные ордена Страннопріимныхъ и Храмовниковъ, присоединили слабыя свои дружины къ его сильному войску, и на равнинахъ Эмесскихъ, гдѣ еще недавно Бибарсъ и Калаунъ поражали Монголовъ, силы Мамелуковъ Египетскихъ истреблены были Монголами; Алепъ и Дамаскъ открыли врата свои побѣдителю. Иерусалимъ съ торжествомъ принялъ влѣстителя Монгольскаго, который вмѣстѣ съ Христіанами посѣтилъ гробъ Искупителя и, по свидѣтельству лѣтописи Армянской, оставилъ Св. градъ въ ихъ рукахъ.** Оттолъ отправилъ онъ пословъ своихъ къ Папѣ Вонифатію VIII. и Государямъ западнымъ, приглашая ихъ къ общему союзу противъ Мамелуковъ; Папа восхвалялъ, въ грамотахъ своихъ, языческаго Князя, великодушно подвизавшагося за Св. землю, но никто не вооружился по его примѣру.

Минутный счастливый оборотъ дѣлъ, въ пользу Христіанъ Востока, случился во время внутреннихъ смятеній державы Мамелуковъ; ибо Султанъ Халиль умерщвленъ былъ, два года послѣ покоренія Птолемаиды, а малолѣтній сынъ его, Мелекъ Незеръ, принужденъ уступить на время престолъ свой двумъ сильнымъ Эмирамъ. Потомки Аббасидовъ, утратившіе Халифатъ свой въ Багдадѣ, и признанные опять Султаномъ Бибарсомъ въ Каирѣ, какъ духовныя главы Исламизма, принимали уча-

* 1500 г. ** Michaud, histoire des Croisades, Liv. XIX.

стіе въ междоусобіяхъ, освящая властію своею каждаго похитителя престола; но Мелекъ Незеръ, достигнувъ совершеннолѣтія, вышелъ изъ своего пустыннаго замка Карака, и долгое его царствованіе было самымъ цвѣтущимъ изъ всей династіи Мамелуковъ, такъ называемыхъ Бахаритовъ. Между тѣмъ, внутреннія смятенія собственнаго государства, заставили Хазана удалиться въ Персію; онъ предпринялъ еще два похода противъ Султановъ Египетскихъ, и умеръ въ Дамаскъ, посреди общаго плача Христіанъ, коихъ послѣднія надежды унесъ съ собою въ могилу; ибо, по личнымъ его достоинствамъ и по самой цѣли войны сей, не доставало только имени Христіанскаго вождю Монголовъ, чтобы походъ его назвать крестовымъ. Послѣ смерти Хазана, Короли Кипра и Арменіи должны были оставить Иерусалимъ, и уже съ тѣхъ поръ никогда не развѣвались въ немъ знамена Христіанскія. Страннопріимные и Храмовники искали себѣ пристанища на островъ Кипръ; а Иерусалимъ преданъ былъ, ихъ безсиліемъ и равнодушіемъ остывшей къ нему Европы, тому запустѣнію, о коемъ говоритъ Евангеліе. Странная судьба Св. града!—для искупленія его, болѣе двухсотъ лѣтъ, весь Западъ двигался на уstraшенный Востокъ, и милліоны крестоносцевъ усыяли своими костями всю малую Азію, Сирію и Египетъ; изъ многихъ крестовыхъ походовъ, предпринятыхъ во имя его, — одинъ только достигъ своей цѣли, и то съ горстію храбрыхъ остатковъ несмѣтнаго полчища. Съ тѣхъ поръ, все предпріятія западныхъ Государей не принесли ему ни ма-

лвйшей отрады. — Уже во второмъ походѣ, Императоръ Конрадъ и Король Франціи Людовикъ, утративъ на пути свои дружины, приходятъ простыми поклонниками въ Иерусалимъ. Другой Императоръ Фридрихъ утопаетъ на третьемъ походѣ, и какъ дымъ разсѣваются его дружины; Короли Франціи и Англїи истощаютъ силы свои на городахъ поморїа Рихардъ, лвиное сердце, плачетъ, взирая съ высоты горъ на Иерусалимъ, но по какому-то неизъяснимому чувству не смѣетъ къ нему приблизиться хотя все трепещетъ его имени. Еще иные крестоносцы, прежде нежели идти къ Св. граду, истощаютъ силы подъ стѣнами ничтожнаго замка. — Вожди пятого похода сокрушаютъ Царьградъ, вмѣсто того, чтобы освободить Иерусалимъ. Другіе, подъ предводительствомъ Легата папскаго и Короля Иерусалимскаго Іоанна, гибнуть въ полноводіе Нила. — Императоръ Фридрихъ II, по мирному договору прїобрѣтаетъ Иерусалимъ, и никто не хочетъ вънчать въ храмъ Св. гроба отверженнаго Папою. Дважды вооружается благочестивый Король Франціи, Людовикъ, единственно для защиты Иерусалима, ибо никакая земная выгода не влечетъ его на священную брань; никто какъ онъ не горѣлъ столь чистою, безкорыстною любовію къ Иерусалиму, и дважды не можетъ онъ достигнуть желанной цѣли: сперва бѣдствуетъ на берегахъ Нила, пагубныхъ оружію крестоносцевъ; въ другой разъ умираетъ на знойномъ поморїи Туниса, и имъ заключаются крестовые походы, ибо уже никто изъ Государей Европы не

оставляетъ своего престола для освобожденїа Св. мвьсть. Между тѣмъ, священная цѣль столькихъ подвиговъ, остается во власти невѣрныхъ и попирается языками, до времени скончанїа языковъ. Такъ пронеслись надъ Иерусалимомъ два бурныя столѣтїа крестовыхъ битвъ, измѣнившїа лице Палестины и Востока!

XXXVI.

ВЛАДЫЧЕСТВО СУЛТАНОВЪ МАМЕЛУК-СКИХЪ.

Короли Иерусалимскіе въ Кипрѣ. Патріархъ Лазарь.

Съ четырнадцатымъ вѣкомъ возникла на Востоку новая могущественная династія, долженствовавшая вскорѣ покорить его. Это было пастушеское племя Турковъ, которое при страшномъ нашествїи Монголовъ, перекочевало изъ Трухменїи въ Анатолю, и тамъ укрѣпилось въ горахъ, подъ властію послѣднихъ Султановъ, сильнаго нѣкогда ро-

да Сельджукидовъ. Сынъ воинственнаго Эртогула, Османъ, давшій свое громкое имя цѣлому народу, мало по малу сдѣлался обладателемъ всей Анатоли и утвердилъ столицу свою въ Брусъ, отколѣ потомство его, еще болѣе столѣтій, боролось съ угасавшею имперіею Греческою, до конечнаго паденія Царьграда. Орханъ, Муратъ и Баязидъ, сынъ, внукъ и правнукъ славнаго Османа, предписывали законы Императорамъ Греческимъ, постепенно отнимая у нихъ всѣ города вокругъ трепещущей столицы. Бѣдственны были послѣдніе годы сей долготѣней имперіи, какъ болѣзненные муки умирающаго. — Императоръ Михаилъ Палеологъ, снискавшій себѣ громкое имя, изгнаніемъ крестоносцевъ изъ Царьграда, помрачилъ оное гоненіемъ православныхъ, когда изъ видовъ политическихъ хотѣлъ соединиться съ Церковью Римскою, въ суетной надеждѣ на покровительство Папъ. Сынъ его Андроникъ возстановилъ миръ церковный; но семейныя неурядица возмутили спокойствіе гражданское, и внукъ сего послѣдняго, Андроникъ младшій, принудилъ престарѣлаго дѣда, сперва раздѣлить съ нимъ, а потомъ уступить ему царство. Смятенія продолжались и при его малолѣтномъ сынѣ Іоаннѣ Палеологѣ, который принялъ соправителемъ доблестнаго опекуна своего Іоанна Кантакузина, ибо дѣтскія руки не въ силахъ были держать кормило распадавшагося царства; все пятидесятилѣтнее царствованіе сего Палеолога, подъ грозою Султановъ Орхана и Мурата, было постепеннымъ склоненіемъ Византіи къ ея упадку.

Между тѣмъ, Іерусалимъ и вся Сирія находились въ полномъ распоряженіи Султановъ Египетскихъ. Магометъ ель Незеръ, идучи на богомолье въ Мекку, посѣтилъ и Св. градъ; но при немъ пострадало много Христіанъ въ Египтъ, за подозрѣніе двухъ монаховъ Коптскихъ, въ поджигательствѣ главной мечети Каира; едва спасся самъ Патріархъ и, по ожесточенію народа, Христіане не смѣли показываться на улицахъ. Новый указъ строго запретилъ имъ ѣздить на лошадяхъ и мулахъ, или носить чалмы инаго цвѣта, кромѣ голубаго; церкви и монастыри были закрыты временно въ Египтъ. Виною сихъ новыхъ притѣсненій былъ визирь одного изъ владѣтелей Магометанскихъ западной Африки, который посѣтивъ Каиръ, на пути въ Мекку, замѣтилъ Султану, что нигдѣ Христіане и Евреи не пользовались такими преимуществами какъ въ Египтъ. По смерти сильнаго Мелекъ-Незера, двѣнадцать сыновей его, одинъ за другимъ избираемые и свергаемые съ престола, по прихоти буйныхъ Эмировъ и малодушныхъ Халифовъ, наполнили смутами воинскими Египетъ и Сирію. Замокъ Каракъ, въ каменистой Аравіи, былъ обычнымъ мѣстомъ ссылки свергнутыхъ Султановъ, до времени ихъ новаго воцаренія, а Іерусалимъ мѣстомъ изгнанія Эмировъ, если они могли сохранить жизнь при своемъ паденіи. Нѣкоторые изъ Султановъ посѣщали также богомольцами Св. градъ, но ихъ милости не простирались на Христіанъ Палестинскихъ. — Наконецъ, послѣ сорокалѣтнихъ смятеній, могущественный Эмиръ Берку, происходившій изъ плѣнниковъ Чер-

кесскихъ, низложилъ послѣдняго Султана изъ рода Бахаритовъ, Хаджи, внука Калаунова, и воцарившись самъ на его мѣсто, началъ новую династію Мамелукъ Черкесскихъ.*

Орды Монгольскія, наводнявшія Сирію, получили наконецъ осѣдность въ предѣлахъ Персіи и въ въ Багдадѣ, бывшей столицѣ Халифовъ, гдѣ царствовалъ спокойно родъ Чингисъ-Хана, доколѣ не явился новый завоеватель Востока, Тимуръ. — Отъ столькихъ Христіанскихъ княжествъ, основанныхъ крестonosцами въ Сиріи, два только еще держались по ея сосѣдству: малое королевство Армянское въ Киликіи, бывшее въ союзѣ съ Римомъ, и королевство Кипрское. Туда перешли всѣ титулы и чины бывшаго королевства Іерусалимскаго и окрестныхъ княженій, и ордена рыцарскіе. Когда самъ Король острова носилъ громкое имя Іерусалимскаго, братья его и бароны раздѣлили между собою прочія званія: Князей Антіохіи, Сидона, Тира, Галилей, Графовъ Триполи, Яффы и Оавора, и такъ это продолжалось еще два вѣка, до владычества Венеціанскаго. Но въ Кипрѣ не было Латинскихъ Патріарховъ Св. града, ибо титулы сіе не принадлежало Архіепископамъ острова. Изъ Кипра переселился славный орденъ Страннопріимныхъ на островъ Родосъ, чтобы тамъ прославиться новыми побѣдами надъ Сарацинами, уже на морѣ, когда суша измѣнила ихъ оружію; оттолъ же вызванъ былъ и знаменитый ихъ соперникъ, орденъ Храмовниковъ, въ Европу, чтобы тамъ мученически скон-

* Hist. des Huns L. XXI.

чаться на кострахъ и въ темницахъ, отъ корыстолюбія Короля Франціи Филиппа и малодушія Папы Климента V.

Не много славы было дано въ удѣлъ и призракамъ Королей Іерусалимскихъ въ Кипрѣ, надъ которыми безпрестанно носилась, съ юга, гроза Султановъ Мамелукскихъ, а съ сѣвера, Султановъ Турецкихъ. — Король Генрихъ второй, послѣ постыднаго бѣгства изъ Птолемаиды и неудачнаго покушенія съ Ханомъ Монгольскимъ на Іерусалимъ, подвергся узамъ у Армянъ Киликійскихъ; это случилось по призыву брата его Алмерика, Князя Тирскаго, который съ помощію Генуезцевъ, хотѣлъ овладѣть его престоломъ. Генрихъ удержалъ однако за собою царство и скончался въ Кипрѣ, послѣ сорока лѣтняго правленія, оставивъ по себѣ преемникомъ доблестнаго племянника Гугона или Лузиньяна IV, въ теченіе столь же долгаго царствованія, старался устроить благосостояніе королевства, но огорченія семейныя отравили его послѣдніе годы. Престарѣлый Король, вѣнчавъ на царство сына своего Петра, скончался самъ въ уединеніи монастырскомъ.

Еще однажды, и въ послѣдній разъ, вспыхнула на Востокъ глѣвшая искра крестовыхъ походовъ, при воинственномъ Петрѣ. Напрасно старались возбудить ее, въ началѣ сего столѣтія, Короли Кипра и Арменіи, жалобами на предстоящую имъ опасность, и Первосвятители Римскіе громкими буллами, и даже именитые пѣвцы и ученые Запада, своими пѣснями и твореніями. Благородный Венеціанецъ, Маринъ Санути, нарочно странствовалъ по

Сиріи и Египту, чтобы собрать свѣдѣнія о средствахъ обладанія Палестиною, и представилъ Папѣ свои двѣ книги, съ четырьмя картами Св. земли, Египта, Средиземнаго моря и всей земли. «Я не посланъ къ тебѣ, ни отъ какого Короля, или Князя, или республики, говорилъ онъ Клименту V, но по собственному движенію сердца падаю къ ногамъ твоимъ, чтобы предложить тебѣ легкое средство, сокрушить враговъ вѣры, искоренить секту Магометанскую и пріобрѣсти вновь Св. землю. Мои долгія странствія въ Кипрѣ, Арменіи, Египтѣ и Румеліи, дали мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія на пользу всего Христіанства.» — Сааути указывалъ весь путь, на морѣ и на сушѣ, рассказывалъ подробно о состояніи каждаго государства, совѣтовалъ прежде всего ослабить могущество Султановъ Мамелукскихъ, и привлечь, мимо Даміеты и Александріи, всю торговлю Индіи, прямо изъ Багдада въ пристани Сирійскія.

Въ то же время другой, не менѣ ревностный посѣтитель и заступникъ Св. мѣсть, миссіонеръ Раймундъ Лулло, испросилъ соборное рѣшеніе, на преподаваніе въ университетахъ языковъ Восточныхъ и обходилъ всѣхъ Государей запада, умоляя ихъ спасти Іерусалимъ. И сладкій пѣвецъ Лауры, Петрарка, настроивъ болѣе высокимъ тономъ свою цѣвницу, призывалъ весь Западъ къ спасенію Св. града: «Сынъ Божій обратилъ взоръ свой къ тому мѣсту, гдѣ былъ онъ вознесенъ на крестъ. Тѣ, которые обитаютъ между Реною, Рейномъ и моремъ, и тѣ, коихъ палитъ знойный полдень, равно

какъ и жители мрачныхъ краевъ, отдаленныхъ отъ пути солнечнаго, готовы поднять хоругвь креста; одинъ ли градъ сыновъ Марса, градъ Первосвятителей, останется чуждымъ славному предпріятію?»

Но сіи краснорѣчивыя призванія замирали въ пустынь остывшихъ сердецъ. Короли Франціи, на смертномъ одрѣ, вспоминали въ своихъ завѣщаніяхъ градъ Божій, но не подымали болѣе оружія при жизни. Ихъ примѣру слѣдовали и могущественные васаллы; иные же принимали крестъ на свои мантіи и не исполняли обѣта. Папа Іоаннъ XII. внялъ воплю Христіанъ Восточныхъ и провозгласилъ походъ крестовый.* Король Франціи, Филиппъ Валуа, съ Королями Богеміи и Наварры, и всѣми своими баронами, дали клятву въ Парижѣ, идти освободить гробъ Господень. Короли Англіи, Венгріи и Арагона, и многія республики Италіи обѣщались также подать руку помощи; но все предпріятіе рушилось со смертію Папы Іоанна. А между тѣмъ вѣсть, о новомъ крестовомъ походѣ, распространилась по Востоку; Христіанскіе жители Сиріи и Египта, наипаче богомольцы и купцы подверглись жестокимъ гоненіямъ. — Султанъ Каира, Мелекъ Назеръ, сталъ собирать войска съ прочими Эмирами Сиріи, чтобы не только отразить Христіанъ, но даже ихъ искать на Западъ. Потомокъ Аббасидовъ, жившій въ Египтѣ, гдѣ послалъ громкое имя Халифа, разослалъ повсюду свои грамоты, возбуждая всѣхъ истинныхъ Му-

* 1336 г. Michaud Histoire des Croisades Liv. 19.

сульманъ къ оружію, обѣщаніями чувственаго рая ихъ лжепророка. — Но Папа Венедиктъ XII, заступившій мѣсто Іоанна, уже не нашелъ въ крестоносцахъ, давшихъ обѣтъ, желаннаго расположенія къ походу, не смотря на усиленныя жалобы Христіанъ Восточныхъ. Тогда инокъ Антіохійскій Андрей, пришедшій просить о помощи Первосвященителя Римскаго, въ Авініонѣ, услышавъ, что Король Франціи Филиппъ отлагаетъ походъ свой, схватилъ за узду его коня и спросилъ: «ты ли Филиппъ Король Франціи, давшій обѣтъ Богу освободить Св. землю? — Если ты хочешь исполнить свое предпріятіе, молю Господа направить стопы твои къ побѣдѣ; если же нѣтъ, и ты обманываешь святую Церковь, гнѣвъ Божій на тебѣ, на твоёмъ родѣ, и на твоёмъ царствѣ; ибо на тебя падетъ вся кровь, которая пролилась при одной вѣсти о твоёмъ походѣ!» Смутился Король и звалъ инока съ собою. — «Пойду предъ тобою, если идешь на Востокъ, и оставлю тебя если на Западъ, сказалъ онъ, иду каяться о грѣхахъ моихъ въ ту землю, которую ты выдалъ Сарацынамъ.»

Однако жестокая война, возникшая между Англіею и Франціею, воспрепятствовала обоимъ Королямъ, не смотря на ихъ обѣты, идти въ Іерусалимъ, и надъ родомъ и царствомъ Филиппа сбылось пророчество инока Антіохійскаго. Одинъ только флотъ, вооруженный Папою, Венеціею и Королемъ Кипра, съ помощію рыцарей Родосскихъ, отплылъ къ берегамъ Анатолиі и овладѣлъ Смирною, гдѣ погибъ Легатъ папскій: Турки опять вытѣ-

снили оттолкъ крестоносцевъ. Жестокая чума, пришедшая съ Востока и опустошившая весь Западъ, подѣ страшнымъ прозваніемъ черной смерти, положила на время предѣлъ воинскимъ предпріятіямъ; но явленіе Короля Іерусалимскаго Петра, въ Авініонѣ, возбудило опять духъ крестовыхъ походовъ.

Петръ уже былъ испытанъ въ битвахъ съ Турками Караманіи, у коихъ отнялъ Саталію, и простеръ оружіе даже до Смирны. Еще одинъ вѣнецъ присоединился къ двумъ его вѣнцамъ, Кипра и Іерусалима, когда Армяне Киликійскіе, недовольные своимъ Королемъ Леонтіемъ, предложили малое свое царство Петру, правленіе коего было самое счастливое для его острова. Съ такою славою предсталъ онъ Папѣ Урбану V. въ Авініонѣ,* гдѣ находились тогда Іоаннъ, Король Франціи, и Волдемаръ III. Король Даніи, со многими владѣтельными Князьями Европы. Властители западные тронуты были плачевнымъ рассказомъ Короля Кипрскаго, о бѣдствіяхъ Христіанъ Восточныхъ, и принявъ крестъ, обѣщали обратить силы свои на Султана Египетскаго; Петръ посѣтилъ почти весь царственные дворы Европы, и все восхищались краснорѣчіемъ доблестнаго Короля, проповѣдника крестовыхъ битвъ; назначенъ былъ и Легатъ со стороны Папы, дабы участвовать въ походѣ; но все кончилось одними лестными обѣщаніями. Король Іерусалимскій собралъ только толпу бездомныхъ наѣздниковъ, которые искали себѣ счастья на вой-

* 1366 г.

нѣ; Король Франціи Іоаннъ умеръ плѣнникомъ въ Англіи, а Датскій Волдемаръ остановленъ былъ смятеніями собственнаго государства. Венеція, изъ видовъ торговыхъ, вооружила нѣсколько судовъ, но главными союзниками были рыцари Родосскіе, которые еще не забыли своихъ подвиговъ въ Св. землѣ. До десяти тысячъ воиновъ отплыли, подъ знаменемъ креста и подъ предводительствомъ храбраго Петра, изъ пристани Кипра, и безъ всякой препоны овладѣли Александріею. Король хотѣлъ укрѣпиться въ этомъ городѣ, столь необходимомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, и ожидать въ немъ войскъ Египетскихъ; но его союзники не могли устоять противъ искушенія, ограбить богатства Александріи, ибо они болѣе думали о корысти, нежели о побѣдахъ. Не ожидая Мамелуковъ, крестоносцы оставили на четвертый день опустошенный ими городъ, раздраживъ только непріятеля противъ Христіанъ, которые опять пострадали въ Египтѣ; флотъ крестовый наполнилъ такими же бѣдствіями и берега Сиріи, раззоривъ поморскіе города, Триполи, Тортозу и Лаодикию, и возвратился безъ дальнѣйшихъ подвиговъ.

Успѣхамъ Христіанъ благопріятствовали внутреннія смятенія Египта, при частомъ низверженіи съ престола слабыхъ сыновей Мелекъ Незера; Мамелуки не имѣли и флота, чтобы отразить крестоносцевъ. Пользуясь сими обстоятельствами, Венеціане, въ качествѣ посредниковъ, заключили на выгодныхъ условіяхъ миръ, между Королемъ Кипра и Султаномъ Египетскимъ Шабаномъ, который

долѣе другихъ братьевъ держался на престолѣ. Съ обѣихъ сторонъ возвратили плѣнныхъ и Султанъ уступилъ Королю половину десятинной пошлины, взимаемой съ товаровъ въ Александріи, Дамаскѣ, Тирѣ, Бейрутѣ и Іерусалимѣ. Онъ отдалъ рыцарямъ Родосскимъ древній ихъ замокъ, которымъ владѣли во Св. градѣ, и освободилъ богомольцевъ, отъ позорной дани пяти червонцевъ, какую должны были платить для выкупа своей головы, когда ходили на поклоненіе Св. мѣстъ. Христіане получили также дозволеніе исправить обветшавшіе храмы Св. гроба, Виолеема и Назарета.

Таковы были слѣдствія сего ничтожнаго и послѣдняго похода крестоносцевъ; но они были весьма кратковременны, ибо благосостояніе королевства Кипрскаго рушилось съ кончиною Петра; * онъ былъ вскорѣ умерщвленъ братомъ своимъ, Княземъ Галилейскимъ; а слабый его сынъ и преемникъ, Петръ II, провелъ все свое десятилѣтнее правленіе въ междоусобіяхъ съ дядею Іоанномъ и въ войнѣ съ Генуезцами, которые пользовались беспорядками острова, и овладѣли его главнымъ городомъ Фамагустою. Другой братъ умерщвленнаго Петра, Іаковъ, заступилъ мѣсто слабаго племянника, будучи самъ выкупленъ своимъ народомъ изъ темницы Генуезской; онъ вѣнчался также тремя вѣнцами, Кипра, Іерусалима и Арменіи, хотя даже и весь островъ не былъ въ рукахъ его, отъ притязанія Генуезцевъ. Такъ протекло четырнадцатое столѣтіе, для Королей Іерусалимскихъ и прочихъ нѣкогда державныхъ

* 1268 г.

Князей и Графовъ Сиріи, удержавшихъ за собою одни титулы утраченныхъ владѣній.

Время перейти, отъ мнимыхъ сихъ властителей къ истиннымъ православнымъ Патріархамъ Св. града, о коихъ упоминаетъ Досноей въ своей исторіи.* Между ними является, въ началъ сего столѣтія, одно свѣтлое лице, утѣшительное для всего Христіанства, Лазарь, ревностный пастырь и исповѣдникъ за вѣру отцевъ. Онъ наследовалъ кафедру послѣ Григорія, который управлялъ Церковію въ долгое царствованіе Михаила Палеолога и дожилъ до дней Императора Андроника, избѣжавъ, по своему отдаленію, соборовъ и смутъ церковныхъ Палеолога. Не столько счастливъ былъ его преемникъ Лазарь, испытавшій гоненія и отъ Императоровъ, по гражданскимъ безпорядкамъ, и отъ Султана Египетскаго, за исповѣданіе вѣры. Въмѣстѣ съ Іоанномъ, Патріархомъ Цареградскимъ, и Св. Григоріемъ Паламою, Архіепископомъ Фессалоники, соборно осудилъ Лазарь неправильныя мнѣнія Варлаама и Акиндина, о божественномъ свѣтѣ преображенія Господня, и потомъ, вмѣстѣ съ Паламою, подвергся гоненію, отъ тогоже Патріарха, за то что благопріятствовалъ доблестному правителю имперіи, Іоанну Кантакузину. Еще при Императорѣ Андроникѣ, когда Лазарь былъ избранъ во Св. градъ, по общему согласію, и отправился въ Царьградъ за утвержденіемъ царскимъ, нашелся въ духовенствѣ Іерусалимскомъ, нѣкто Герасимъ, который послалъ на него обвиненія въ столицу,

* кн. IX. гл. 9.

потому что хотѣлъ самъ пріобрѣсти его кафедру; но Императоръ не повѣрилъ клеветѣ и писалъ къ Султану Египетскому, о признаніи Лазаря законнымъ Патріархомъ; ибо безъ его согласія никто не могъ святительствовать въ Св. градъ.* Когда же по смерти Андроника, возникли при малолѣтнемъ сынѣ его Іоаннѣ, междуособія вдовствующей Императрицы съ опекуномъ царства, Лазарь, по родству своему съ Кантакузинимъ, принужденъ былъ удалиться изъ Царьграда, въ предмѣстіе Галату, принадлежавшее Франкамъ. Патріархъ Іоаннъ, рукоположилъ на его мѣсто Герасима, и сталъ требовать выдачи Лазаря, а Латиняне думали воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы обратить его на свою сторону. Общія ему милость Папы, если подчинится Риму, они угрожали, въ противномъ случаѣ, выдать его врагамъ:— мужественный Лазарь предпочелъ послѣднее; но и враги приняли его съ почестію, за такую твердость въ вѣрѣ. Отпущенный къ Іоанну Кантакузину, онъ вѣнчалъ его на царство въ Адрианополѣ, и по водвореніи мира возвратился съ нимъ въ столицу.— Тогда Императоръ отправилъ Лазаря, при своемъ посольствѣ, въ Египетъ, убѣждать Султана чтобы возвратилъ кафедру законному Патріарху и покровительствовалъ Христіанамъ Палестинскимъ. Услышавъ о томъ, лжепатріархъ Герасимъ, хотѣлъ еще однажды оклеветать Лазаря, уже предъ лицомъ Султана, но умеръ на пути въ Египетъ.** Властитель Мамелукскій, водворивъ на кафедру Іерусалимской законнаго пастыря, написалъ дружеское

* 1340 г. ** 1356.

посланіе Императору, и еще однажды увѣрилъ его въ покровительство своемъ Христіанамъ Восточнымъ, обѣщая запретить всякое притѣсненіе, со стороны Магометанъ, и охранять храмы.

Но преемникъ сего Султана, по навѣтамъ своихъ Эмировъ, воздвигъ гоненіе на православныхъ и многіе изъ нихъ скончались мученическою смертію: вызванъ былъ и Лазарь въ Египетъ, гдѣ старѣйшины Мамелуковъ хотѣли, сперва ласками, а потомъ угрозами и пытками, совратить его въ свою вѣру, чтобы вслѣдъ за пастыремъ увлечь и неопытную паству. Мужественно воспротивился опять Патріархъ, какъ нѣкогда Латинянамъ, и уже изрекли надъ нимъ приговоръ смертный, но Султанъ не допустилъ его исполнить. Однако раздраженные Эмиры дважды еще терзали Лазаря, давъ ему по пятидесяти ударовъ воловьими жилами, такъ что земля обагрилась страдальческою кровію и одни кости остались отъ изможденнаго тѣла. Его ввергли наконецъ въ темницу, гдѣ сами приставы Сарацинскіе, изумленные мужествомъ Святителя, помогали ему въ узахъ. Тронулся и Патріархъ Коптовъ, закоснѣлый врагъ Грековъ, ненавидѣвшій прежде Лазаря; видя мученія старца за истинную вѣру, онъ воспользовался своимъ вліяніемъ при дворѣ Султана, чтобы испросить ему свободу и миръ православнымъ. Султанъ велѣлъ не только отпустить Патріарха, но даже отправилъ его, своимъ посланникомъ, въ Царьградъ, къ родственному Императору. Съ миромъ отошелъ къ Господу, посреди своей паствы, сей многострадаль-

ный Пастырь; мѣсто его заступилъ Софроній, и сорокъ шесть лѣтъ содержалъ кафедру Св. града.

XXXVII.

НАШЕСТВІЕ ТАМЕРЛАНА, ПОКОРЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА СЕЛИМОМЪ.

Паденіе королевства Кипрскаго и Царьграда.

Новая туча собиралась на сѣверномъ небосклонѣ Сиріи, готовая разразиться надъ нею потоками крови. Возсталъ опять завоеватель, подобный Чингисъ-Хану, и опять пришли въ волненіе орды Туркменскія и Монгольскія, едва лишь успокоившіяся въ завоеванныхъ ими царствахъ. — Тамерлану, иначе Тимуру, одному изъ Князей независимой Татаріи, тѣсною показалась вселенная:

она устьялась костями больше нежели миллиона избитых имъ жертвъ, отъ предъловъ Малой Азии до береговъ Ганга; девять царственныхъ династій исчезли подъ его оружіемъ и двадцать семь вѣнцевъ державныхъ владѣтелей Азии, соединились на одной его главѣ. Самаркандъ, во глубинѣ Татаріи, былъ великолѣпною столицею его необъятнаго царства, которое простиралось отъ Китайской стѣны до Средиземнаго моря, и земля предъ нимъ умолкла, какъ нѣкогда предъ Александромъ, по словамъ Св. писанія. — Шестнадцать походовъ предпринималъ онъ, въ теченіе сорокалѣтняго своего царствованія, изъ коихъ нѣкоторые продолжались по нѣсколько лѣтъ, и во все сіе время только пять разъ возвращался въ столицу, чтобы тамъ насладиться отдыхомъ, послѣ столькихъ битвъ и побѣдъ. — Монголія, Трухменія и Хорасанъ были первымъ поприщемъ его оружія. Тимуръ проникъ и въ глубину отечества нашего, но возвратился съ береговъ Оки, испуганный страшнымъ видѣніемъ; Грузія, Персія, роскошная Индія и наконецъ Сирія, обратили на себя алчность завоевателя.

Гостепріимство, которое оказалъ Султанъ Египетскій Беркукъ, потомку Хановъ Монгольскихъ Ахмату, изгнанному изъ Багдада, навлекло гнѣвъ Тимура сперва на влaстителя Мамелуковъ, а потомъ на Баязида Султана Турецкаго, когда изгнанникъ у него искалъ спасенія. Все царствованіе Беркука прошло въ междоусобіяхъ съ своими Эмирами: они не только отнимали у него Сирію, но и са-

маго изгоняли изъ Египта; однако, водворившись опять на престолъ, Беркукъ удержалъ Тамерлана, на его побѣдномъ пути въ Сирію, когда выступилъ противъ него съ войсками къ Дамаску. Но послѣ смерти Султана, на юнаго сына его, Феруджа, обрушилась вся ярость Монголовъ.* Тамерланъ двинулся опять въ Сирію, одержалъ надъ Мамелуками кровопролитныя побѣды, подъ стѣнами Алепа и Дамаска, взялъ и опустошилъ оба города. Тогда завоеватель обратилъ оружіе свое на больше сильнаго непріятели Баязида, Султана Оттоманскаго, который дерзнулъ помѣриться силами съ исполиномъ Востока. Кровопролитная битва Анкирская, сокрушивъ Оттомановъ, продлила еще на полвѣка существованіе дряхлой имперіи Византійской, и Мануиль Палеологъ вздохнулъ свободно, за стѣнами свой столицы, освободившись отъ осады Турецкой оружіемъ Тимура.

Непрестанныя возмущенія Эмировъ и битвы противъ Монголовъ, могутъ дать понятіе о томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находилась Сирія подъ влaдѣтельствомъ Мамелуковъ, во все теченіе XIV и XV вѣка. Если Іерусалимъ не подвергался частымъ осадамъ и разореніямъ, какія испытывали Дамаскъ, Алепъ, главные города Сиріи, и даже соседніе ему Газа, и Рамла: то потому лишь, что Св. градъ не лежалъ на ратномъ пути, будучи отстраненъ Промысломъ Божиимъ отъ обычной стези челоуѣческой, для высшей цѣли.

* 1400 г.

Однако и въ немъ отзывались часто гоненія противъ Христіанъ, начало коихъ бывало всегда въ Каиръ, по смутамъ гражданскимъ. Султанъ Феруджъ, за годъ до своей кончины, * возвращался изъ усмиреной имъ Сиріи, посѣтилъ богомольцемъ мечеть Омарову, и его примѣру последовалъ Шейхъ Махмудъ, бывшій виною его паденія и наслѣдникомъ престола; ** но и царствование шейха протекло въ битвахъ междоусобныхъ. При одномъ изъ его преемниковъ, Султанъ Бурсбаъ, *** который со славою управлялъ Египтомъ, Христіанскій Царь Аббиссиніи, Ирамъ Исаакъ, сынъ Давида, умертвилъ много Магометанъ въ своихъ предѣлахъ, за то что Мамелуки, неизвѣстно по какой причинѣ, заперли въ Иерусалимъ храмъ гроба Господня; раздраженный Султанъ хотѣлъ, въ отмщеніе за то, умертвить Патріарховъ Иерусалима и Александріи и всѣхъ Христіанъ, но былъ умилостивленъ Эмирами. — По списку Патріарховъ, лѣтописи Досиѳеевой, въ то время святительствовалъ въ Св. градъ Дорошей, который, еще при жизни своей, уступилъ кафедру собственному сыну Теофилу; такъ они записаны оба въ одной древней грамотѣ, ибо ничего, кромѣ именъ, не сохранилось отъ ихъ дѣяній въ смутные дни сіи; преемникомъ ихъ былъ Теофанъ. О Патріархѣ Теофилѣ упоминаетъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, и паломникъ Русскій, іеродіаконъ Троицкой лавры Зосима, который отправился въ Царьградъ съ Великою Княжною Анною, невѣстою Греческа-

* 1411 г. ** Histoire des Huns Deguines. Liv. XXII. *** 1425.

го Царя Мануила, и потомъ странствовалъ, со Святителемъ Иерусалимскимъ, по многимъ мѣстамъ Палестины.

Горько памятно было царствование Бурсбая Королю Иерусалимскому Іоанну, сыну Іакова, который тогда царствовалъ въ Кипрѣ. — Раздраженный частыми нападеніями Франковъ, на берега Египта и Сиріи, Султанъ вооружилъ сильный флотъ противъ Кипра; ибо островъ сдѣлался пристанищемъ морскихъ разбойниковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ. Войска его одержали совершенную побѣду и не только опустошили весь островъ, но и взяли въ плѣнъ самаго Іоанна. Опять увидѣлъ Египетъ Короля Иерусалимскаго, плѣнникомъ на берегахъ Нила, какъ нѣкогда Іоанна Бриенскаго. * Ходатайство консуловъ Европейскихъ и В. Магистра рыцарей Родосскихъ, спасли отъ смерти потомка Лузиньяновъ; но онъ долженъ былъ заплатить дорогую цѣну за свой выкупъ, и тогда утратились все выгодныя условія договора, который заключилъ съ Мамелуками Король Петръ. Островъ сдѣлался на время областію Египта; ** сынъ Іоанна, носившій тоже имя, возведенъ былъ на престолъ Кипра, уже въ качествѣ вассала, и утвержденъ посланникомъ Султана Бурсбая, въ столичномъ своемъ городѣ Никосіи. — До такой степени упало достоинство Латинскихъ Королей Иерусалима! Тридцати лѣтнее слабое его царствование протекло подъ покровительствомъ Мамелуковъ, которые сами принуждены были ограждать его отъ нападенія Турковъ Караманіи;

* 1426 г. ** 1432 г.

раздоры семейные свели его преждевременно въ могилу.

Незаконный сынъ Иаковъ, избранный имъ въ Архіепископы Кипру, домогался привлечь себя наслѣдіе родительское и лишить престола законную сестру свою Карлоту, обрученную съ Герцогомъ Савойскимъ, Еще при жизни отца, наполнилъ онъ смятеніемъ островъ, ибо подъ его кинжаломъ падали его враги. По смерти Иоанна, Архіепископъ тайно отплылъ въ Александрію, чтобы просить себя вѣнца у Султана Мамелукскаго Кайтбая, и получилъ желаемое. Когда же возвратился, съ войсками Сарацинскими, изгналъ зятя и сестру изъ столицы* и долго осаждалъ ихъ, въ одномъ изъ городовъ поморія, доколѣ не принудилъ совершенно удалиться; но не долголѣтнимъ было и его царствованіе. Юный Государь плѣнился красотой Екатерины Корнаро, благородной Венеціанки; хитрая республика поспѣшила признать ее дочерью Св. Марка, и совершить бракъ съ Королемъ Кипра, что бы потомъ пріобрѣсти себя его наслѣдіе. По смерти Иакова, сестра его Карлота стала опять домогаться престола, чрезъ посредство того же Султана Египетскаго, а между тѣмъ Екатерина, объявленная правительницею острова, лишилась сына своего младенца Иакова; тогда Венеція принудила дочь Св. Марка уступить республикѣ все права свои на королевство Кипрское, и овладѣла островомъ.** Такъ прекратилось окончательно на Востоку королевство Іерусалимское, въ лицѣ послѣдняго младенца, изъ рода Лузиньяна, который утратилъ на-

* 1460 г. ** 1390 г.

стоящей вѣнецъ Сіонскій. Но титло сіе удержали за собою Короли Неаполя, какъ преемники Императора Фридриха II. вѣнчавшагося въ Іерусалимъ, и Короли Сардиніи, происходившіе отъ племени Карлоты, дочери Лузиньяновъ.

Пятнадцатый вѣкъ видѣлъ паденіе и другаго царства, которое было родственно Іерусалиму, не по титлу своихъ властителей, а по дѣятельному участию, какое принимало всегда въ судьбахъ его, отъ перваго Константина и до послѣдняго: Византія пала, подъ громовыми ударами правнука Баязида-молніи! Предчувствуя близкое паденіе своей державы, уже стѣсненной въ одной оградѣ столицы, оружіемъ Султана Оттоманскаго Мурата, Императоръ Іоаннъ Палеологъ думалъ найти спасеніе на Западъ, соединеніемъ Церквей, и обманулся въ своихъ надеждахъ. Онъ послалъ повѣренныхъ къ Патріархамъ Восточнымъ, Александріи, Антіохіи и Іерусалима, дабы они назначили своихъ мѣстоблюстителей на соборъ Вселенскій, съ полномочіемъ утверждать все его рѣшенія, именемъ ихъ, и Святители дали напередъ согласіе на все, что только не будетъ противорѣчить прежнимъ вселенскимъ уставамъ. Іоакимъ святительствовалъ тогда въ Св. градъ, и вѣрнымъ его мѣстоблюстителемъ былъ именитый Маркъ Эфесскій, который одинъ не колебался, когда едва не колебалось православіе во Флоренціи. Императоръ Іоаннъ, обманутый личными обѣщаніями Папы Евгенія IV, отплылъ въ Италію, вмѣсто того чтобы послѣдо-

вать приглашенію Императора Римскаго, на соборъ Базельскій, и вынужденъ былъ, тѣсными обстоятельствами, подписать, вмѣстѣ съ Архіереями, постыдныя условія собора Флорентинскаго.

Ужаснулись Святители Восточные, когда услышали о такомъ злоупотребленіи даннаго имъ полномочія*. Патріархи Филоеѣй Александрійскій и Дороеѣй Антиохійскій, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Кесарійскимъ Арсеніемъ, собрались во Св. градъ къ Патріарху Іоакиму, чтобы предать торжественно анаѣмъ незаконныя дѣянія собора Западнаго и новаго Патріарха Цареградскаго, Митрофана, который былъ поставленъ Императоромъ на каѣдру благочестиваго старца Іосифа, скончавшагося во Флоренціи. Нѣсколько лѣтъ спустя, тѣ же Патріархи, Александріи и Антиохіи, и новый Патріархъ Іерусалима, Григорій, пришли въ Царьградъ, уже при послѣднемъ Императорѣ Константинѣ Палеологѣ, въ храмъ Св. Софїи опять осудили догматы Латинскіе, и поставили православнаго Патріарха Аванасія, на мѣсто Григорія Маммы, преданнаго Риму. Это былъ послѣдній соборъ Іерарховъ Восточныхъ**, въ древней столицѣ православія, до ея сокрушенія Магометомъ II. Седьмой изъ царственнаго рода Палеологовъ и одиннадцатый славнаго имени Константиновъ, Императоръ мужественно палъ, съ оружіемъ въ рукахъ, на стѣнахъ своей столицы, и съ нимъ угасла одиннадцативѣковая имперія Восточная, пролившая столько милостей на Св. градъ. Осиротѣвшіе его Святители

* Истор. Патр. Досоея Кв. X. гл. 6. 1443 г. ** 1453 г.

лишились сильнѣйшей своей опоры, которая столько разъ ограждала ихъ отъ гоненій Сарацынскихъ. Тридцати шести лѣтнее правленіе Григорія и болѣе, нежели сорокалѣтнее преемника его Дороеѣя, протекло все въ междуособіяхъ Султановъ Мамелукскихъ, раздиравшихъ Сирію и Египеть. Дороеѣй дожилъ до владычества Оттоманскаго въ Іерусалимѣ, ибо на обломкахъ священной имперіи Константиновъ, внезапно возрасло исполинское царство Султановъ Турецкихъ и охватило весь Христіанскій міръ Востока.

Султанъ Магометъ, котораго все царствованіе протекло въ битвахъ, съ воинственными народами и сосѣдями завоеванной имъ имперіи, въ послѣдніе годы своей жизни, обратилъ взоры на Египеть; но смерть застигла его въ Анатоли. Каитбай, одинъ изъ славныхъ Султановъ Мамелукскихъ, тридцать лѣтъ возсѣдавшій на престолѣ Каира, долженъ былъ однако собрать все свои силы, чтобы противустать грозному завоевателю; жестокая война вспыхнула между нимъ и преемникомъ Магомета, Баязидомъ, за благосклонный пріемъ, оказанный въ Египтѣ младшему брату его, изгнаннику Джемю. Поприщемъ битвъ была Караманія, отчасти принадлежавшая Мамелукамъ, и Эмиръ Каитбая, Езбеки, покрылъ себя славою, одержавъ многія побѣды надъ Оттоманами. Но Каитбай хотѣлъ мирно окончить дни свои, ибо предвидѣлъ, послѣ себя, новыя смуты и уже предчувствовалъ, что слабый Египеть не въ силахъ держаться противъ возраставшей силы Оттомановъ. Мало было

искателей шаткаго престола Мамелуковъ; Халифъ и Эмиры съ трудомъ могли найти преемниковъ Каитбаю; при послѣднемъ изъ нихъ, Кансу-Гаури, вспыхнула рѣшительная для Сиріи и Египта война съ сыномъ Баязида, Султаномъ Селимомъ, также за покровительство, оказанное брату его, лишенному наслѣдія предковъ. Мамелуки собрали все свои силы противъ могущественнаго Султана, и на поляхъ Сиріи, подъ стѣнами Алепа, рѣшилась участь ихъ царства и самаго Іерусалима.

Осмидесятилѣтній Кансу былъ затоптанъ во время бѣгства, конями своихъ Мамелуковъ; но Селимъ, уважая доблести царственнаго старца, съ честію предалъ тѣло его землѣ. Алепъ и Дамаскъ немедленно открыли врата побѣдителю и признали надъ собою владычество Оттомановъ. Между тѣмъ, бѣжавшіе въ Египетъ Мамелуки, избрали вождемъ своимъ мужественнаго Эмира Туманъ-бея, и готовились къ отчаянной защитѣ въ Каирѣ. Селимъ двинулся противъ нихъ, со всеми своими силами; оставивъ войска въ Рамлѣ, Султанъ пожелалъ видѣть Іерусалимъ и вступилъ въ глубокую полночь въ священныя врата его; до разсвѣта посѣтилъ онъ гробы Пророковъ и таинственный камень Патріарха Іакова, въ мечети Омаровой. Это было зимою, въ половинѣ Декабря, и отъ чрезвычайныхъ дождей не было сухаго мѣста на площадкѣ храма, гдѣ бы державный поклонникъ могъ преклонить колѣна, но время не позволяло медлить; не смотря на непогоду, рано утромъ поспѣшилъ

онъ въ Хевронъ, поклониться гробу Авраамову и прочихъ Патріарховъ, и возвратился въ станъ свой къ Аскалону. Изъ Іерусалима написалъ Селимъ повелительную грамоту Туманъ-бею, чтобы положилъ оружіе; но не внялъ угрозамъ новый Султанъ Мамелуковъ. Измѣна двухъ его Эмировъ даровала побѣду Селиму, подъ стѣнами Каира, который защищался упорно и взятъ былъ новою измѣною. Нѣсколько тысячъ Мамелуковъ пали въ битвѣ, многія сотни на плахѣ*. Жестоко праздновалъ свою побѣду Султанъ въ покоренномъ Египтѣ, напоминая страшныя кровопролитія Тамерлановы. Туманъ-бей бѣжалъ съ остатками дружины къ Бедуинамъ въ пустыню, и продолжалъ военныя дѣйствія, доколѣ не выданъ былъ врагамъ своими союзниками. Обрадовался Селимъ, услышавъ о плѣнѣ грознаго Мамелука, ибо уже начиналъ отчаяваться въ покореніи Египта; онъ принялъ его сперва съ честію и дивился его воинскимъ доблестямъ; но потомъ, возбуждаемый тѣми, которые измѣнили своему Султану, и опасаясь новыхъ смятеній, осудилъ его на позорную смерть, предъ вратами его столицы. Такъ окончилась держава Мамелуковъ, два вѣка съ полсвиною страшная Христіанамъ Сиріи, Монголамъ и самимъ Оттоманамъ. Съ тѣхъ поръ Мамелуки остались только въ качествѣ Беевъ или Князей въ Египтѣ, и раздѣлили между собою управление областей его, подъ начальствомъ верховнаго правителя, утверждаемаго въ Царьградѣ. Султанъ Селимъ упразд-

* Histoire des Ottomans, Hammer Liv. XXIV. 1517 г.

нилъ также Халифатъ въ древнемъ родѣ Аббасидовъ, со смертію послѣдняго изъ нихъ Мотавакеля, и принялъ на себя высокій санъ сей, какъ единственный повелитель, свѣтскій и духовный, всѣхъ Мусульманъ.

Достигнувъ на обратномъ пути Дамаска, устроилъ онъ тамъ управленіе Сиріи, раздѣливъ ее на три Пашалика, Алепа, Триполи и Дамаска; Св. градъ взошелъ въ область послѣдняго, и не имѣлъ отдѣльнаго воеводы, но повѣренный Паши Дамаскаго назначенъ былъ въ качествѣ намѣстника Иерусалимскаго. Однако Султанъ еще однажды посѣтилъ Св. градъ, уже изъ Дамаска, опять въ смиренномъ образѣ поклонника, хотя также неблагопріятствовала ему зимняя погода. — Патріархъ Дороей встрѣтилъ его во вратахъ города, со всемъ духовенствомъ, и ласково бесѣдовалъ Султанъ со Святителемъ и старцами Иерусалимскими: онъ далъ имъ отъ себя Ахтинаме, или завѣтъ благоволенія, которымъ опредѣлилъ, чтобы всѣ обители и церкви были во власти Патріарха, и онъ бы первенствовалъ во всѣхъ духовныхъ обрядахъ надъ прочими исповѣданіями, а все духовенство было бы свободно отъ поголовной подати, харачъ, взимаемой съ Христіанъ.* — Между воинами Султана было много Христіанъ; бей Пелопониса, Геронтій, оградилъ ходатайствомъ обитель Синайскую и ея подворье въ Каиръ, отъ разоренія. — И Франки, съ своей стороны, не забыли своихъ единовѣрцевъ въ Иерусалимъ; тотчасъ послѣ возвращенія Султана въ Кон-

* Истор. Патріар. Досю, кн. XI. гл. 4.

стантинополь, явился посолъ Испанскій просить о подтвержденіи преимуществъ, какими пользовались при Мамелукахъ иноки Латинскіе Св. гроба, дабы не возвысилась обычная подать, издавна опредѣленная для богомольцевъ западныхъ. Такимъ образомъ, послѣ столькихъ переворотовъ гражданскихъ, воинскихъ и духовныхъ, Св. градъ подпалъ наконецъ владычеству Султановъ Оттоманскихъ, подъ коимъ и донынѣ состоитъ.

Послѣ завоеванія Сиріи и Египта, Султаномъ Селимомъ, кончается для Иерусалима и политическая его исторія; ибо вся Палестина, какъ область обширной имперіи Турецкой, уже не представляетъ исключительной лѣтописи событій, какъ во времена крестовыхъ походовъ и даже владычества Мамелукскаго.—Мы можемъ почерпать свѣдѣнія о Св. градѣ, только изъ рассказовъ поклонниковъ, которые, съ тѣхъ поръ и до нынѣ, не переставали посѣщать Св. землю, не смотря на всѣ ея неустройства, подъ бѣдственнымъ игомъ Магометанъ. Въ теченіе XV вѣка, при державѣ мятежныхъ Мамелуковъ, владѣтельные Графы и Князья Европы, особенно Германскіе, продолжали свои благочестивыя странствія, и намъ осталась цѣлая книга ихъ походовъ, подъ именемъ Паломника Св. земли. Изъ числа именитыхъ, были Герцогъ Помераніи Богуславъ, Іоаннъ Графъ Сольмскій и Рейнскій Фальцграфъ Александръ съ Графомъ Нассаускимъ; они посѣщали дорогою рыцарей Родоса и Королей Иерусалимскихъ въ Кипръ, еще до покоренія остро-

* Reisebuch nach den heiligen Landen, Frankfurt 1609.

рова Венеціанами.—Всѣ сіи путешествія совершались наиболѣе въ послѣднихъ годахъ того вѣка. Но одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ, по своимъ свѣдѣніямъ о состояніи Христіанъ въ Іерусалимѣ, есть описаніе Кармелита Французскаго, Николая Гюена, странствовавшаго въ 1487 году.*

Онъ былъ гостепріимно принятъ Латинскими монахами ордена Св. Франциска, на горѣ Сіонской, какъ и всѣ путешественники западные: ибо на Сіонѣ находился главный монастырь Франковъ, великолѣпно украшенный даяніями Герцога Бургундскаго Филиппа, на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь совершилъ вечерю тайную съ своими Апостолами; двадцать четыре инока, подъ начальствомъ блюстителя Св. земли, составляли братство Латинское въ Іерусалимѣ, и блюститель имѣлъ разрѣшеніе отъ Папы производить въ рыцари Св. гроба, мечемъ и шпорами Короля Готфреда. Но въ самомъ храмѣ Св. гроба Франки держали только двухъ монаховъ, которые смѣнялись тамъ для служенія литургіи во святилищѣ; ибо соборною церковію и святымъ вертепомъ владѣли Греки, которые были многочисленны въ Іерусалимѣ, по словамъ Кармелита, и притѣсняли Франковъ. Пришельцы западные имѣли еще на Сіонѣ женскій монастырь, во имя Св. Клары, гдѣ обитали шесть монахинь, а въ Виаедемъ, въ рукахъ ихъ, находились великолѣпный соборъ Богоматери и малая пещера Рождества Христова.

Православные Сиріяне, т. е. Арабы, составляли

* Huen, Voyage en Palestine imprimé à Lion par Michelet 1488.

собственно народонаселеніе Іерусалима; но они были въ уничиженномъ состояніи, пренебрегаемые, какъ рабы Мамелуковъ, и хотя единовѣрцы Грековъ, имѣли однако особенный монастырь Іоанна Бого-слова, въ бывшемъ его домѣ, и содержали отъ себя одного монаха въ храмѣ Воскресенія.

Армяне владѣли уже тогда великолѣпнымъ монастыремъ Св. Апостола Іакова, который, какъ утверждаютъ Грузины, былъ у нихъ купленъ; имъ же принадлежала обитель Каіафы на Сіонѣ, гдѣ предсталъ на судилищѣ Господь. — Другія исповѣданія, какъ, то Марониты, Іаковиты Сирійскіе, Халдеи или Несторіане, Копты, кромѣ Аббиссинцевъ, часто враждовавшихъ съ Мамелуками на границахъ Египта, не имѣли своихъ отдѣльныхъ обителей въ Іерусалимѣ, хотя обрѣтались въ довольно большемъ количествѣ; даже Евреевъ считалось тамъ до трехъ сотъ, раздѣленныхъ на многія секты. — Но самая любопытная свѣдѣнія богомольца западнаго относятся до народа Грузинскаго,

Мамелуки, памятуя свое происхожденіе Черкесское и опасаясь мужественнаго племени Грузинъ которые часто воевали съ Турками, предоставили имъ особенныя преимущества въ Іерусалимѣ, ибо многіе изъ Султановъ Египетскихъ были сами куплены въ Грузіи. Одни Грузины имѣли право въѣзжать на коняхъ, съ оружіемъ въ рукахъ и распущенными знаменами, во Св. градъ, и были избавлены отъ всякой подати; даже самыя жены ихъ, какъ Амазонки, не иначе какъ въ оружіи и на конѣ, являлись на улицахъ Іерусалимскихъ. Кро-

мъ великолѣпной обители честнаго креста и многихъ другихъ, искони поддерживаемыхъ благочестіемъ Царей Грузинскихъ; имъ принадлежала вся Голгоа, гдѣ позволялось служить Франкамъ, и домъ Первосвященника Анны на Сіонѣ, или обитель Архангельская, и они держали также своихъ иноковъ въ храмъ Воскресенія, для богослуженія.

Въ лѣтописи Грузинскаго Царевича Вахуштія, находится весьма любопытное и вмѣстѣ загадочное сказаніе, о походѣ трехъ Царей Грузинскихъ въ Иерусалимъ, въ 1524 году, которое доказываетъ тогдашнее могущество сего народа, хотя событіе сіе нигдѣ болѣе не повторяется въ иныхъ лѣтописяхъ и сбивчиво по лѣтосчисленію. — Онъ говоритъ, что преемникъ Султана Селима, Солиманъ, будучи самъ занятъ войною на Западѣ и находясь въ разрывѣ съ Шахомъ Персидскимъ, отправилъ Пословъ къ тремъ Царямъ, Георгію Карталинскому, Баграту Иммеретинскому и Левону Кахетинскому, съ такимъ словомъ: «Иерусалимъ, сокровище вашей вѣры, въ рукахъ невѣрныхъ, но я отдаю его вамъ; — идите, изгоните враговъ и владѣйте имъ;» ибо Султанъ опасался, чтобы и они не присоединились къ Персамъ противъ него. Услышавъ такое слово, всѣ три Государя, дружные между собою, поспѣшили собрать войско и, вмѣстѣ съ Атабекомъ Кваркли, выступили въ Св. землю, полные упованія на Бога. Когда же приблизились къ Иерусалиму, жители его выслали сказать имъ: «обнаружьте свое намѣреніе, если вы пришли врагами, то васъ слишкомъ мало, если же странниками, то слишкомъ

много.» — «Мы пришли, отвѣчали имъ Цари, въ надеждѣ освободить оружіемъ Св. мѣста; послѣ кровопролитной битвы съ жителями, изшедшими на брань, Грузины обратили ихъ въ бѣгство и вслѣдъ за ними ворвались въ городъ, гдѣ взяли много плѣнниковъ и добычи. Когда вѣсть сія достигла до Султана, онъ осыпалъ ихъ своими милостями и даровалъ имъ Св. мѣста, гробъ Господень, Голгоу, Виолеемъ и обитель честнаго Креста; Цари возвратились послѣ освобожденія Св. града, съ великимъ торжествомъ, въ свои предѣлы.

Трудно разрѣшить, кто были сіи невѣрные, о коихъ говоритъ Султанъ? — если это относится къ Франкамъ: то они не владѣли городомъ, а только нѣсколькими обителями; если къ Персамъ, въ качествѣ Шитовъ, то они не доходили до Иерусалима, а мятежные Мамелуки были одного закона съ Солиманомъ; сверхъ того здѣсь есть еще и разность въ годахъ. Въ первый годъ его царствованія, когда онъ точно занятъ былъ войною съ Венгріею, возмущился Паша Дамасскій Джанберди Газали, назначенный Селимомъ, и овладѣлъ временно всею Сиріею; но онъ былъ усмирень еще въ 1521 году, слѣдственно ранѣе назначеннаго срока. — Если же предполагать, что лѣтописецъ Грузинскій, ошибся въ годахъ, то опять выйдетъ недоразумѣніе на шестъ царствованія Георгія IX Царя Грузинскаго, который вступилъ на престолъ только въ 1524 году. — Нельзя ни утверждать, ни отвергать сего преданія; ибо весьма вѣроятно, что оно основано на какомъ-либо историческомъ событіи,

хотя и Патриархъ Иерусалимскій Досиоей не упоминаетъ о немъ въ своей исторіи. Онъ говоритъ однако, что съ тѣхъ поръ, какъ Оттоманы овладѣли Царьградомъ и стали презирать Грековъ въ Иерусалимѣ, одно только утѣшеніе находилъ Св. градъ въ Грузинахъ; ибо они еще и во времена Султановъ Мамелукскихъ могли защищать Св. мѣста, и владѣли въ самомъ Иерусалимѣ шестью обителями, изъ коихъ двѣ въ послѣдствіи уступили Грекамъ, Св. Оеклы и Предтечи, одну Іоанна Богослова Латинянамъ, и одну Апостола Іакова Армянамъ.

Но Архіепископъ Грузинскій Тимооей, посѣтившій Св. мѣста въ половинѣ минувшаго столѣтія; подтверждаетъ сказаніе летописи Вахуштіевой, о походѣ трехъ Царей въ Иерусалимъ, и присовокупляетъ еще къ сему, что Грузины, по освобожденіи Св. мѣстъ, владѣли ими исключительно восемнадцать лѣтъ; а благочестивый Левъ, Царь Кахетинскій, не оставилъ ихъ и по возвращеніи въ отечество, но прислалъ денежное вспоможеніе, съ своимъ повѣреннымъ, настоятелемъ Крестнаго монастыря, Іоакимомъ, для обновленія храма Св. гроба и Голговы, которые тогда украсили мраморомъ. Онъ же говоритъ, что въ его время на Голговъ, у подножія Патриаршей кафедры, написано было по Грузински на мраморъ: «Грузинскій помазанникъ, Царь Кахетинскій, и Карталинскій Левъ достопамятный, возобновитель и ктиторъ гроба Христова, Голговы и высокой соборной церкви Иерусалимской Патриархіи, разоренной Татарами,

* Кн. IX. гл. 9.

искупившій оныя своимъ усердіемъ, прислалъ Грузинскаго Архимандрита, отца Іоакима, настоятеля Крестнаго монастыря, и возобновилъ святыню сію для вѣчной своей памяти и своихъ потомковъ въ лѣто 1536.» — Надпись сія истребилась во время послѣдняго пожара храма.

XXXVIII.

ВЛАДЫЧЕСТВО СУЛТАНОВЪ ОТТОМАНСКИХЪ.

Патриархи Дороей, Германъ и Софроній.

Султанъ Солиманъ подтвердилъ Патриарху Дороею и духовенству православному благопріятныя указы отца своего Селима и возстановилъ стѣны Иерусалимскія, которыя оставались разоренными со временъ крестовыхъ походовъ; онъ употребилъ на то камни древняго обширнаго замка рыцарей Страннопріимныхъ, и стѣны существуютъ донинѣ, но гора Сіонская осталась внѣ ограды*. По мѣстному

* Истор. Досио. кн. XI. гл. 7. 1520 г.

предацію, раздраженный Султанъ лишилъ за сіе жизни того, кому поручено было строеніе. Онъ обновилъ и мечеть Омарову, которая пришла въ упадокъ, въ смутныя времена Мамелуковъ, и взялъ для сего великолѣпный мраморный помостъ и колонны Виолеемскаго храма. Не кому было вступить за Христіанское святилище, какъ некогда во времена Халифа Абделмелека, который пощадилъ Геосиманскій мраморъ, по ходатайству Императора Іустиніана. А такъ какъ въ то же время супруга Султана, знаменитая своею красотою и властію, Роксолана, строила въ Іерусалимѣ имареть, или домъ для содержанія бѣдныхъ и ученыхъ, то Султанъ приказалъ запереть Св. врата храма Воскресенія, чтобы имѣть новый источникъ дохода, при каждомъ ихъ открытіи, съ приходящихъ богомольцевъ, а деньги обратить на строеніе имарета. Указомъ Султанскимъ была опредѣлена и пошлина за входъ во святилище, различная для разныхъ исповѣданій и племенъ: — Франки, какъ чуждые пришельцы, платили по четырнадцати левовъ; Греки, подданные Султана, только половину; Армяне, жители Караманіи, по пяти левовъ; православные Аравитяне Сиріи и Египта и Копты по три лева; а Грузины и Аббисинцы ничего не платили, ибо, какъ видно, Султанъ искалъ дружественныхъ сношеній съ сими двумя воинственными племенами, на дальнихъ рубежахъ своей исполинской имперіи. Патріархъ Досиоей свидѣтельствуетъ, что и въ его время, т. е. въ исходъ XVII вѣка, соблюдалось то же распредѣленіе податей.

Судя по сему описанію, можно видѣть, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находилось духовенство православное въ Іерусалимѣ, со времени паденія Царьграда, исключая одного лишь сильнаго тогда народа Грузинскаго, который поддерживалъ святилище, но былъ въ непріязни съ Патріархами, по разнородности племенъ. Самые Патріархи и Епископы избирались тогда изъ туземныхъ Арабовъ, которые по своей неопытности въ дѣлахъ и крайнему необразованію, привели Церковь Палестинскую въ совершенный упадокъ. До такой степени доходила бѣдность, что богослуженіе совершалось въ полотняныхъ ризахъ, съ желѣзными трикиріями и мѣдными сосудами, и сановники церковные должны были питаться трудами рукъ своихъ, къ этому времени относится и уступка многочисленныхъ обителей, принадлежавшихъ православнымъ, въ руки иновѣрцевъ. Патріархъ Досиоей рассказываетъ, какимъ образомъ великолѣпный соборъ Виолеемскій достался въ руки Латинянь: однажды, въ великую субботу, всѣ иноки Виолеемскіе пошли въ Іерусалимъ и остался тамъ одинъ зажигатель лампадъ; но и ему желательно было побывать въ этотъ день у Св. гроба; по простотѣ своей, отдалъ онъ ключи, отъ святаго вертепа Рождества, одному Латинскому монаху, поручивъ ему вечеромъ засвѣтить лампады въ пещерь; когда же возвратился на другой день и сталъ спрашивать обратно ключей храма, уже не могъ болѣе получить ихъ; а иноки Латинскіе, которыхъ позвали

Греки на судъ предъ кадія, силою денегъ, удержали за собою право обладанія храмомъ. Рассказъ сей весьма правдоподобенъ, по тому что не было причины Франкамъ, владѣть исключительно соборомъ Виелеемскимъ, когда Саладинъ, послѣ ихъ изгнанія, уступилъ всѣ святилища православнымъ Сиріанамъ и они, вмѣстѣ съ Греками и Грузинами, удержали ихъ за собою въ бѣдственную эпоху Мамелуковъ.

Между тѣмъ Арабы, завидуя Грекамъ, опасались, чтобы они не овладѣли исключительно Св. мѣстами, и пользуясь ихъ упадкомъ, послѣ того, какъ прекратилось для нихъ покровительство Императоровъ Византійскихъ, строго наблюдали, чтобы никто изъ Грековъ не былъ посвященъ, не только въ Патріархи, но даже въ Епископы. Такое положеніе продолжалось около ста лѣтъ, до святительства Германа, уроженца Морейскаго. Изучивъ въ совершенствѣ языкъ Арабскій въ Египтѣ, онъ принятъ былъ діаконъ, въ монастырь Патріаршій, гдѣ его почли сперва за природнаго Араба, а потомъ, по необычайнымъ дарованіямъ, избрали единодушно на кафедрѣ Св. града, преемникомъ Патріарха Дорогея.* Германъ началъ опять, мало по малу, посвящать Епископовъ изъ Грековъ, въ теченіе долгаго своего святительства, и со смертію послѣдняго члена Синода Иерусалимскаго, изъ мѣстныхъ Арабовъ, постановилъ за правило, чтобы и впредь не смѣли посвящать, въ Епископы Иерусалимскаго престола, кого либо изъ Арабовъ. Пра-

* 1554 г.

вило сіе соблюдается съ тѣхъ поръ, съ такою строгостію, что и понынь не только Епископы, но даже всѣ іеромонахи и іеродіаконы родомъ Греки; мѣстнымъ жителямъ Сиріи не ввѣряется никакая хозяйственная должность по монастырямъ Палестинскимъ. Для укрѣпленія сего правила, Германъ постановилъ также, чтобы наслѣдство духовенства Греческаго въ Иерусалимѣ, всегда оставалось Св. гробу.

Съ избраніемъ Германа, единоплеменные ему Греки, стали опять посѣщать во множествѣ Св. мѣста и обогащать ихъ своими приношеніями; онъ самъ ходилъ въ Константинополь и другія мѣста, за сборомъ милостыни, и вмѣстѣ съ Вселенскимъ Патріархомъ Діонисіемъ совѣщался, о подчиненіи епархій горы Синайской престолу Иерусалимскому; — однако Епископы ея нынь опять почитаются самостоятельными. Германъ посѣщалъ часто и Заіорданскія области, принадлежавшія его паствѣ; ибо туда, въ укрѣпленный городъ Каракъ, большая и богатѣйшая часть православныхъ жителей Иерусалимскихъ укрылась, въ правленіе Мамелуковъ. Помощію ихъ обновилъ онъ мраморныя колонны обветшавшей часовни Св. гроба, и покрылъ ее сверху свинцомъ, чтобы защитить отъ дождя, потому что всегда былъ отверстъ главный куполь храма Воскресенія. Когда же Францисканскіе монахи, воспользовавшись его отсутствіемъ за Іорданъ, устроили желѣзный кивотъ, на подобіе часовни, надъ мѣстомъ снятія со креста, и стали исключительно въ немъ служить, Германъ, возвратившись

въ Иерусалимъ, заставилъ ихъ уничтожить такое нововведеніе. Во время его святительства, Церковь Иерусалимская испытала еще тяжкое бѣдствіе отъ землетрясенія: высокая колокольня храма Воскресенія обрушилась и повредила куполь надъ Св. гробомъ; то же случилось съ колокольнею Виолеемскою, и съ тѣхъ поръ обѣ онѣ находятся въ развалинахъ.

Мудрый Святитель, опасаясь вліянія Арабскаго на дѣла церковныя, рѣшился назначить себя преемника, еще при жизни, и привелъ съ собою изъ Царьграда единоплеменнаго ему священника, церкви Св. Николая, что у городскихъ воротъ Агіакаци, котораго одѣлъ въ иноческую одежду, подъ именемъ Софронія. Чтобы придать болѣе торжественности избранію своего преемника*, онъ пригласилъ въ Иерусалимъ Патріарха Александрійскаго Сильвестра, Митрополитовъ Дороея и Нектарія, Епископа Синайскаго Евгенія и другаго Епископа Симеона изъ Антиохійской епархіи, со всеми высшими и низшими чинами Патріархіи Иерусалимской, и составилъ изъ нихъ соборъ въ своихъ келліяхъ, на которомъ торжественно отрекъся отъ престола. «Дѣти мои, сказалъ старецъ своимъ клирикамъ, Богъ да благословитъ васъ! такъ какъ я, по старости и по слабости силъ моихъ, не могу долѣе оставаться на кафедрѣ Святительской, то избѣрите и поставьте на мое мѣсто кого либо другаго.» Всѣ единогласно одобрили предложеніе Патріарха Германа и рѣшились, согласно съ древними примѣрами, написать три

* 1579 г.

имени на трехъ листкахъ, чтобы потомъ бросить о нихъ жребій. На другой день, Патріархъ Александрійскій и прочіе Архіереи положили листки сіи на Св. трапезу храма Воскресенія и, послѣ божественной литургіи, ввели въ алтарь малаго отрока, который снялъ съ престола одинъ изъ листовъ: на немъ было имя Софронія; такимъ образомъ само Провидѣніе оправдало тайное, сердечное избраніе добродѣтельнаго старца Германа, и все духовенство Иерусалимское съ любовію приняло сіе назначеніе, какъ по собственному расположенію, такъ и потому, что оно согласно было съ желаніемъ всеми любимаго Патріарха. Онъ просилъ себя только, у новаго святителя, въ управленіе, Лидду и Рамлу; но всѣ Христіане Иерусалимскіе единодушно воскликнули: «отецъ нашъ, не удаляйся отъ насъ, но живи съ нами въ Иерусалимъ!» Старецъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ желаніе, если обрѣтетъ необходимое для себя спокойствіе въ Св. градѣ, и паства его объявила громогласно, въ присутствіи святителей иныхъ престоловъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго иска или жалобы, на бывшаго своего Патріарха, ни по какимъ дѣламъ церковнымъ или гражданскимъ. Если же кто либо останется недовольнымъ, избраніемъ новаго Архипастыря, котораго нынѣ всѣ пріемлютъ, какъ бы отъ руки трехъсотъ осмьнадцати отцевъ Никейскихъ, или станетъ тревожить старца Германа: то долженъ будетъ внести за сіе пятьдесятъ Венеціанскихъ червонцевъ пѣни, ибо и самъ Патріархъ Софроній долженъ почитать Патріарха Германа вмѣсто отца. Соборное сіе дѣя-

ніе, писанное на Арабскомъ языкѣ, досель хранится въ библіотекѣ Патріаршей.

Софроній былъ человекъ благоправный и весьма усердный къ святынь; онъ возобновилъ церковъ равноапостольныхъ Константина и Елены, находящуюся въ патріархіи, для вѣчной памяти своихъ родителей, какъ явствуетъ изъ надписи, и сдѣлалъ многія другія исправленія въ храмахъ Іерусалимскихъ. Такимъ образомъ, въ Виолеемѣ, съ обѣихъ сторонъ Св. вертепа, поддержалъ сводами соборъ, уже начинавшій клониться къ паденію; и въ самомъ храмѣ Воскресенія началъ обновлять иконостасъ, усердіемъ Христіанъ острова Крита; но иконостасъ оконченъ только при его преемникѣ Теофанѣ въ 1608 году: всѣ украшенія были бѣлаго, краснаго и небеснаго цвѣта, съ золотыми звездами. Когда же, во дни святительства Софроніева, одинъ богатый богомолецъ западный, силою денегъ, хотѣлъ отнять у православныхъ Голгоѳу, и внесъ судіямъ шесть тысячъ золотыхъ, за неправое пріобрѣтеніе святыни, ревностный Патріархъ собралъ послѣднія свои деньги, и за двойную сумму возвратилъ православнымъ обладаніе Голгоѳою; съ тѣхъ поръ она перешла изъ рукъ Грузинъ къ Грекамъ; однако полуденная часть священнаго утеса, на коей пригвожденъ былъ ко кресту Спаситель, осталась во владѣніи Франковъ; ибо они и прежде имѣли тамъ право служить литургію, на маломъ престолѣ, хотя сперва не владѣли симъ мѣстомъ.

По убогому положенію своей каѳедры, Патріархъ Софроній предпринималъ многія странствія,

для сбора милостыни, сперва въ Египетъ и на гору Синайскую, куда сопутствовалъ ему гость и богомолецъ Русскій, Трифонъ Корабейниковъ, присланный Іоанномъ Грознымъ, съ царскими поминовеніями, по душѣ убіеннаго имъ Царевича Іоанна. Потомъ отправился въ Царьградъ и еще далѣе въ Молдавію, гдѣ получилъ въ даръ для Св. гроба монастырь Круію, отъ благочестиваго воеводы Петра. Онъ хотѣлъ продолжать свое путешествіе и въ Россію, ибо тамъ находился въ то время святѣйшій Іеремія Константинопольскій, который возвеличилъ достоинствомъ Патріаршимъ Митрополію Московскую и всея Руси, но долженъ былъ отложить свое путешествіе, по смутнымъ обстоятельствамъ времени.

По возвращеніи Патріарха Іереміи въ Царьградъ, Софроній, вмѣстѣ съ прочими Святителями Восточными, подписалъ утвердительную грамоту, о возведеніи Іова въ санъ Патріаршій, и присутствовалъ вмѣстѣ съ Іереміею и Мелетіемъ Александрійскимъ, на другомъ соборѣ, которымъ отвергнутъ новый календарь Папы Григорія XIV, распространяемый имъ по Востоку. Когда же въ послѣдствіи Софроній, по своимъ прекленнымъ лѣтамъ, не могъ болѣе странствовать для сбора милостыни, онъ рукоположилъ себя преемникомъ благочестиваго Теофана, воспитаннаго при немъ съ юныхъ лѣтъ, подобно какъ и онъ самъ былъ избранъ сперва въ сотрудники старцу Герману; Теофанъ былъ посылаемъ имъ по многимъ странамъ, чтобы пожертвованіями православныхъ Христіанъ поддержать святыню Палестин-

скую, оспорируемую иновѣрцами. Мѣстное преданіе говоритъ, что такъ какъ двери храма Воскресенія были заключены стражею Турецкою, и приходившіе богомольцы, мужчины и женщины, по необходимости обѣдали и спали внутри храма: то Софроній хотѣлъ воспретить безпорядки, недостойныя святости мѣста*. Но ему явился, въ сонномъ видѣніи, самъ Господь Исусъ Христосъ и сказалъ: «Епископъ! я терплю это, а ты для чего хочешь воспретить народу моему оставаться въ моемъ храмѣ? — довольно ихъ благочестія, о прочемъ же подобаетъ приложить попеченіе.»

Мы имѣемъ свидѣтельство, о состояніи Св. мѣсть въ исходѣ XVI вѣка, чрезъ двухъ поклонниковъ, одного восточнаго, другаго западнаго, которые посѣтили Палестину, во дни святительства Софроніева. Трифонъ Корабейниковъ, посланный Іоанномъ, описывая красоту храма Воскресенія, говоритъ, что куполь его не додѣланъ, потому что Турки, однажды разоривъ оный, не допускаютъ исправить; но это вѣроятно относится къ поврежденію, случившемуся отъ упавшей при землетрясеніи колокольни. Достоинно замѣчанія, что въ храмѣ, гдѣ по словамъ Трифона, всѣ исповѣданія различныхъ народовъ имѣли свои малые престолы, около главнаго собора Греческаго, Болгары воздвигли себѣ престоль, надъ самою крышею часовни Св. гроба, и тамъ совершали богослуженіе, подъ открытымъ куполомъ. Расказъ его, о сошествіи огня въ великую суб-

* Истор. Досно. кн. XI, гл. 7.

боту, исполненъ теплой вѣры*. Христіане угашаютъ огни, въ домахъ своихъ, еще съ великаго четверга, ожидая появленія небснаго; гробъ же Господній запечатываютъ; въ день субботній, Патріархъ, взошедши въ великую церковь, молитъ со слезами Господа, о ниспосланіи божественнаго свѣта, и когда узритъ его, какъ лучъ солнца, нисходящій сквозь отверстіе купола на Св. гробъ, онъ совершаетъ вокругъ крестный ходъ, со всемъ духовенствомъ, приказывая Туркамъ отпечатать святилище. Тогда входитъ одинъ внутрь его, износить святой огонь, который раздастъ всѣмъ вѣрнымъ и иновѣрнымъ, и огонь сей не жжетъ, доколь еще въ рукахъ Патріаршихъ, а на Св. гробѣ возжигаются сами собою всѣ кандила православныхъ.

Трифонъ засталъ еще тринадцать обителей православныхъ въ самомъ Іерусалимѣ, и рассказываетъ о монастырѣ Св. Михаила, служившемъ вмѣсто подворья для иноковъ Св. Саввы, что когда Турки разорили верхъ церковный, два старца, Моисей и Меѳодій, испросили въ Россіи милостыню, на обновленіе сей церкви, отъ Царя Іоанна Грознаго и Митрополита Макарія. Довершивъ съ дозволенія Султанскаго строеніе, иноки едва не подверглись самою лютой смерти отъ невѣрныхъ; ибо Паша Іерусалимскій захотѣлъ обрушить опять куполь и найдень былъ въ ту же ночь мертвымъ въ своей ложницѣ; стража Турецкая устремилась на обитель, но обрѣвши иноковъ на молитвѣ, удалилась, поражен-

* Обзоръ Русскихъ путешеств. въ пут. ко Св. мѣст. 1830 г.

ная внезапнымъ ужасомъ. Съ изумленіемъ описываетъ Трифонъ великолѣпіе лавры Св. Саввы, и особенно соборной его церкви, изсѣченной изъ огромныхъ камней, съ рѣзнымъ иконостасомъ, ярко вызолоченнымъ, и со стѣнною живописью; кроме собора, еще пять церквей, и всѣ хозяйственныя заведенія обители, находились въ лучшемъ устройствѣ; ибо тогда Сербы еще владѣли лаврою, которую обновили въ самое цвѣтущее время ихъ царства. Они приобрѣли ее отъ Грековъ, вынужденныхъ оставить древнюю свою обитель, по нестерпимымъ гоненіямъ Арабовъ въ 1504 году, и выстроили для защиты оной башню, съ приделомъ Св. Симеона; оттолъ, одинъ изъ иноковъ, стоявшій на всегдашней стражѣ, подавалъ знакъ о приближеніи Бедуиновъ: но въ исходѣ XVI вѣка и Сербы, въ свою черду, оставили лавру, ибо уже не въ силахъ были ее поддерживать, и она пребывала въ упадкѣ около ста лѣтъ, до времени Патріарха Досіоея. Трифонъ засталъ, вѣроятно, лавру уже въ послѣдніе годы обладанія Сербскаго*.

Другой путешественникъ того же времени, Князь Радзивилъ, говоритъ, что онъ слышалъ въ Иерусалимѣ, и въ самой лаврѣ Св. Саввы, о бѣдственной кончинѣ множества ея иноковъ, приключившейся при Султанѣ Селимѣ II. (т. е. около 1570 года). Однажды, когда новый Паша назначенъ былъ въ Иерусалимъ, монахи Св. Саввы, коихъ считалось тогда до тысячи, пришли къ нему для поздравленія и принесли въ даръ каждый по куриць; Паша, испу-

ганный такимъ множествомъ людей, въ одинаковомъ одѣяніи, спросилъ ихъ, кто они? и услышавъ, что всѣ иноки Св. Саввы, отвѣчалъ имъ: «дары ваши приѣмлю, но не могу дозволить, чтобы такое множество народа обитало въ стѣнахъ одной обители, изъ опасенія бунта.» Онъ велѣлъ тутъ же умертвить многочисленную братію, кроме двадцати челоувѣкъ, и Султанъ одобрилъ жестокою предумыслительностью своего намѣстника. Во время посѣщенія Князя Радзивила, ихъ было только тридцать челоувѣкъ, и такъ какъ происшествіе сіе случилось не болѣе какъ за десять или пятнадцать лѣтъ, то конечно нѣтъ сомнѣнія въ вѣроятности онаго, ибо рассказъ Князя простъ и не преувеличенъ.

Радзивилъ говоритъ также*, что и при первомъ Селимѣ много пострадали иноки Иерусалимскіе, когда онъ шелъ завоевать Египеть. Услышавъ, будто они зарыли въ землю сокровища храма Господня, пожертвованныя Государями западными, Султанъ заключилъ ихъ всѣхъ въ темницу башни Давидовой и содержалъ на хлѣбъ и на водъ, въ теченіе двадцатисеми мѣсяцовъ, допытывая, гдѣ скрыты желанныя сокровища; но иноки мужественно претерпѣли всѣ истязанія и ничего не открыли, хотя многіе изъ нихъ скончались мученически, отъ долгихъ томленій. Они освободились только по совершенномъ покореніи Египта. Однако рассказъ сей не сходенъ съ исторіею Патріарха Досіоея, о благосклонномъ обращеніи Селима съ духовенствомъ

* Письмо II, Путеш. кн. Радзивила.

православнымъ, и можно предполагать, что Радзивиль упоминаетъ здѣсь только о инокахъ Латинскихъ, о которыхъ, какъ извѣстно, ходатайствовалъ, послѣ возвращенія Султана въ Царьградъ, нарочно присланный посоль Короля Испанскаго. Весьма любопытно приводимое Княземъ преданіе, о златыхъ вратахъ, чрезъ которыя въѣхалъ Господь Иисусъ, въ день вербнаго торжества. Турки считаютъ за грѣхъ отворять ихъ, утверждая, что они только отверсты будутъ одному великому и сильному Государю, который чрезъ нихъ взойдетъ въ Св. градъ и будетъ властителемъ вселенной. Когда же Князь спрашивалъ Турковъ, для чего ихъ Султанъ не взойдетъ чрезъ нихъ самъ, чтобы съ малымъ трудомъ получить обладаніе вселенной? — они молчали, а понуждать ихъ къ отвѣту было бы опасно; ибо по заповѣди корана, состояющійся о вѣрѣ заслуживаетъ казнь.

Когда Радзивиль посѣщалъ Иерусалимъ, онъ былъ принятъ иноками Францисканскими, уже не на Сионѣ, но въ новой ихъ обители Спасовой, которую купили у православныхъ и гдѣ донынѣ пребываютъ, ибо главный монастырь ихъ, Тайной вечери, находился въ рукахъ невѣрныхъ, съ 1560 года. Одинъ изъ Евреевъ Царьградскихъ, сильный деньгами при великомъ Визирѣ, просилъ Латинянъ позволить ему поклониться гробамъ Давида и Соломона, коихъ мѣсто, по давнему преданію, назначалось подъ сводами сего храма; но всѣ его просьбы остались тщетными. Раздраженный Еврей поклялся отмстить, и возвратясь въ Царь-

градъ, упрекалъ Визиря въ равнодушій къ двумъ столь великимъ Пророкамъ, прославленнымъ въ коранѣ, коихъ святые останки находились въ рукахъ Христіанъ; влияніемъ своего богатства онъ достигъ наконецъ малодушной цѣли, сдѣлавъ Христіанъ, подобно какъ и Евреевъ, чуждыми сей святыни.

Радзивиль, описывая съ большою подробностію внутренность храма Воскресенія, говоритъ, что въ его время Св. гробъ принадлежалъ Латинянамъ, хотя это несогласно съ исторіею Досифея, равно какъ и половина Голгобы; она была имъ уступлена, по взаимному согласію Грузинъ, во владѣніи коихъ осталась другая половина Св. утеса, и Армянъ, коимъ Франки отдали за то третью часть верхнихъ хоръ храма. Западный богомолецъ упоминаетъ еще, о церкви явленія Господа Магдалинъ, отколѣ начинались, какъ и теперь, всѣ крестные ходы Латинянъ, и о ихъ придѣлѣ въ церкви обрѣтенія креста, гдѣ находились также алтари Греческій и Армянскій. Придѣлъ Лонгина Сотника былъ общимъ всѣхъ народовъ, Раздѣленія ризъ принадлежалъ Армянамъ, а Терноваго вѣнца Абиссинцамъ, равно какъ и мѣсто приношенія Исаака, по другую сторону Голгобы. Позади Св. гроба, Копты выстроили свою безобразную часовню, воспользовавшись гнѣвомъ Султана противъ всѣхъ Франковъ, которыхъ ввергнулъ въ темницу, послѣ славной победы Лепантской, одержанной Иоанномъ Австрійскимъ надъ его флотомъ. Доходы, получаемые Турками за отверстіе Св. вратъ для поклонниковъ, простирались до тридцати шести ты-

сячь рублей; изъ числа оныхъ Европейцы платили за себя поголовно по девяти червонныхъ, Греки пять, Сирияне три, а Христиане отдаленныхъ мѣстъ Азіи по семи и осми. Распредѣленіе святилищъ внутри храма Воскресенія, между различными народами, было уже и въ то время почти одинаково съ нынѣшнимъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что придѣлы Грузинъ достались въ послѣдствіи Грекамъ, а Абиссинцевъ Армянамъ; но подземелье собора Виолеемскаго еще принадлежало тогда Францисканамъ, и въ обители честнаго креста имѣлъ свое пребываніе Епископъ Грузинскій. Вообще состояніе Палестины того времени было самое бѣдственное; не только Христиане, но самыя Турки безпрестанно терпѣли отъ нападеній Бедуиновъ, которые безнаказанно грабили по всей Палестинѣ и нисколько не уважали Пашу Иерусалимскаго, съ малою стражею его янычарь.

XXXIX.

ПАТРИАРШЕСТВО ТЕОФАНА*.

Семнадцатое столѣтіе Церкви Иерусалимской памятно и для Россійской, по тѣмъ близкимъ отношеніямъ духовнымъ, въ какихъ они находились между собою; ибо Патриархи Восточные, тѣснимые въ своихъ предѣлахъ, стали часто посѣщать страну православія, гдѣ ихъ съ любовію принимали благочестивыя Самодержцы; самыя подвиги Святителей Иерусалимскихъ болѣе намъ извѣстны въ теченіе сего вѣка, ибо очевидцемъ ихъ былъ церковный писатель Досифей, облеченный и самъ саномъ Патриаршимъ**. Онъ говоритъ, въ послѣдней книгѣ своей исторіи, что когда по проискамъ Францисканъ въ Иерусалимъ, домъ Патриаршій обременился тяжкими долгами, для сохраненія Св. мѣстъ, и Святители не могли лично пещись о своей паствѣ,

* 1608 г. ** Кн. XII, гл. 1.

у Св. гроба: то они сдѣлались ради нея скитальцами по вселенной; но божественный Промыслъ, всегда извлекающій благое и изъ недобраго начала, въ замѣнъ отторгаемыхъ лестію и силою Христіанъ Палестинскихъ, утвердилъ въ православіи безчисленное множество городовъ и народовъ, чрезъ путешествія Патріарховъ Іерусалимскихъ, къ общему благу всей Церкви. Больше другихъ подвизался блаженный Пастырь Θεοφάνъ, въ теченіе тридцатисемилѣтняго своего святительства, и отечество наше должно всегда помнить его великія заслуги; ибо онъ посѣтилъ и утвердилъ оное въ самую бѣдственную эпоху Уніи и Самозванцевъ, когда ни сѣверная, ни южная Россія, не имѣли пастыря; Θεοφάνъ былъ Ангеломъ мира для обѣихъ*.

Восточные Патріархи, слыша о неустройствахъ единовѣрнаго царства Россійскаго и о гоненіяхъ Римскихъ противъ православія, уже изнемогавшаго на югъ безъ Епископовъ, — сошлись для совѣщанія у гроба Господня и послали кроткаго его блюстителя устроить Церковь Россійскую; Патріархъ Константинопольскій далъ ему полномочіе, дѣйствовать лицомъ своимъ, и отправилъ съ нимъ своего Экзарха, архимандрита Арсенія. Посѣтивъ сперва столицу Русскую, еще до освобожденія изъ плѣна Филарета Никитича, Θεοφάνъ нашель Церковь въ волненіи, по случаю нѣкоторыхъ исправленій въ требникъ. Самъ Государь замѣтилъ грубыя ошибки, издавна вкравшіяся, не только въ рукописныя служебныя книги, но и въ

* 1619 г.

тѣ, которыя напечатаны были при Патріархахъ Іовъ и Гермогенъ; онъ поручилъ Архимандриту Діонисію заняться, вмѣстѣ съ братією Троицкою, исправленіемъ сихъ погрѣшностей; ибо со временъ Стоглава и до Никона, трудъ сей былъ постояннымъ предметомъ заботъ царскихъ и патріаршихъ. Діонисій, сличивъ Русскій требникъ съ Греческими, исправилъ нѣкоторое возгласы, и за то подвергся жесточайшимъ гоненіямъ, отъ Митрополита Крутицкаго Іоны. Въ теченіе цѣлаго года терпѣлъ святой старецъ душную темницу, и пытки, даже поруганія отъ народа, и все сіе переносилъ онъ съ необычайною кротостію и терпѣніемъ, какъ исповѣдникъ слова Божія. Пріѣздъ Патріарха облегчилъ его участь.

Прежде всего Θεοφάνъ, по совѣту Царя, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, слезно молили великаго труженика, Митрополита Филарета, принять на себя высокій санъ патріаршій, и долго отрекался Святитель. Испытанный всеми бѣдствіями, въ теченіе двадцати лѣтъ, постриженный неволею, сосланный, разлученный съ семействомъ, наконецъ десять лѣтъ томившійся въ плѣну, усталый старецъ хотѣлъ только житія безмолвнаго, и едва былъ упрошенъ Царемъ, Патріархомъ и соборомъ, украсить собою престолъ Св. Петра. Такимъ образомъ, уже третій исповѣдникъ восходилъ на него, со времени учрежденія патріаршества и тѣмъ прекратилось девяти лѣтнее сиротство Церкви Московской. Самъ Іерусалимскій Святитель совершилъ посвященіе великаго Филарета и, уставною грамотою, утвердилъ на будущія времена права, данныя при по-

ставленію Іову, святѣйшимъ Іеремією Цареградскимъ. Тогда устроилось чудное явленіе въ лѣтописяхъ міра, нигдѣ и никогда не повторявшееся, — родителя Патріарха и сына Царя, вмѣстѣ управлявшихъ государствомъ.

Патріархъ Теофанъ не замедлилъ оправдать, предъ новымъ Святителемъ Московскимъ, страждущаго Діонисія и обѣщалъ, въ засвидѣтельствованіе правоты его, прислать объяснительныя грамоты, по совѣщанію съ прочими Восточными Патріархами, что въ послѣдствіи исполнилъ; ибо святѣйшій Филаретъ ревностно продолжалъ заниматься дѣломъ исправленія книгъ служебныхъ. Освобожденный архимандритъ возвратился въ лавру Сергіевскую, прославленную его подвигами, и тамъ имѣлъ утѣшеніе принять торжественно своего избавителя и видѣть смиреніе Владыки Іерусалимскаго, предъ мощами преподобнаго Сергія. Онъ представилъ Теофану доблестныхъ иноковъ, подвизавшихся вмѣстѣ съ нимъ за отечество, которые находили, что раны, полученныя въ битвѣ, служили имъ еще лучшими будильниками для плача и вздыханія о грѣхахъ.

Съ благословеніями съверной Россіи, направился блаженный Теофанъ въ южную, и посѣтилъ Кіевъ, древнюю мать православія, страдавшую безначаліемъ церковнымъ. Король Сигизмундъ, не смотря на свои гоненія, призналъ въ Теофанѣ лице Патріаршее и велѣлъ воздавать ему должныя почести, хотя потомъ опять усомнился въ его санѣ. Ревностный къ просвѣщенію церковному, Тео-

фанъ, именемъ Патріарха Константинопольскаго, утвердилъ Богоявленное братство въ Кіевѣ, ставропигіальнымъ, т. е. прямо зависящимъ отъ Вселенскаго Владыки, благословилъ завести въ немъ училище, на Эллино-Славянскомъ и Латино-Польскомъ языкахъ, и присовокупилъ къ нему братство милосердія, или страннопріимный домъ, обратившійся въ бурсу академическую. Когда долгимъ пребываніемъ Патріарха въ Кіевѣ, мало по малу стали ободряться православные, то почетное духовенство и дворянство, собравшееся вмѣстѣ съ Гетманомъ изъ сосѣднихъ городовъ, на праздникъ Успенія, упросили Теофана дать имъ наконецъ главу Церковную и пастырей, коихъ такъ давно уже была лишена Малороссія. По примѣру прежнихъ Патріарховъ, торжественно посвятилъ онъ въ лавръ, Митрополитомъ Кіевскимъ Іова Борещкаго, игумна Михайловскаго монастыря, и еще двухъ, ректора Виленскаго училища, архимандри-Мелетія Смотрицкаго Архіепископомъ въ Полоцкѣ, и Іосифа во Владиміръ Волинскій, а потомъ и прочихъ: Исаакія въ Луцкѣ, Исаію въ Перемышль, Паисія въ Холмѣ, Грека Аврамія въ Пинскѣ; такимъ образомъ, возстановивъ упраздненныя епархіи и возбудивъ всѣхъ стоять твердо за вѣру, спокойно возвратился въ свои предѣлы.

Но въ самомъ Іерусалимѣ Патріархъ Теофанъ непрестанно долженъ былъ бороться съ Франками и Армянами, за обладаніе святынею: водворитель мира въ предѣлахъ чуждымъ, не могъ обрѣсти его у себя. Давно уже Франки овладѣли Св. вертепомъ

Виолеемскимъ; но по крайней мѣрѣ они допускали въ него для служенія православныхъ. По древнему обычаю, Патріархъ со всемъ духовенствомъ, совершалъ всенощное бдѣніе, наканунѣ Рождества Христова, въ большомъ соборѣ, и когда пѣвенецъ церковный, во время литіи, долженъ былъ спуститься въ самый вертецъ подъ алтаремъ, чтобы возгласить надъ мѣстомъ рожденія Богочеловѣка: «рождество твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума,» — тогда Франки, затворивъ обѣ двери вертеца, не впустили туда пѣвца подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы хранитель онаго отлучился въ Иерусалимъ.* Огорченный Патріархъ, не кончивъ вечерняго молитвословія, немедленно возвратился въ Св. градъ и предалъ дѣло молчанію; а Франки еще болѣе возгордившись, вздумали отнять у Православныхъ и другую половину Голгофы, и дерзнули даже пробить сводъ, гдѣ стояла патріаршая кафедра. Не стерпѣвъ уже столь наглого насилія блаженный Теофанъ и показавъ кадію Иерусалимскому хрисовуллы Султановъ, получилъ отъ него право на владѣніе всею Голгофою и вертепомъ Рождества. Франки, съ своей стороны, обратились къ Пашѣ и силою денегъ убѣдили его заключить въ темницу Патріарха! Нечестивый правитель хотѣлъ даже умертвить его; но былъ остановленъ кадіемъ и принужденъ отпустить его изъ заключенія. Однако, опасаясь козней Латинскихъ, Патріархъ не выходилъ изъ обители своей до праздника Иліи Пророка, и въ этотъ день, вышедши

* 1629 г.

тайно изъ Св. града, бѣжалъ въ Акру. Услышавъ о томъ Паша, отправилъ нарочнаго къ бею Акры, чтобы схватить Теофана, и посланный за нимъ въ погоню Эѳіоплянинъ настигъ его, надъ потокомъ у горы Кармилской; но будучи съ дѣтства Христіаниномъ, тронулся бѣдствіемъ старца и отпустилъ его за сто золотыхъ. — Патріархъ сѣлъ на корабль и, приплывъ въ Царьградъ, вступилъ тамъ опять въ прѣвіе съ Франками, уже предъ диваномъ Порты; по силѣ хрисовуллы, пріобрѣлъ онъ законное свое достояніе: всю Голгофу, камень помазанія Господня и Св. вертецъ Виолеемскій, съ южнымъ притворомъ храма, на что и получилъ хатти-шерифъ, т. е. собственноручное опредѣленіе Султана. Однако, незлобивый пастырь простилъ Латинянамъ обиду и не коснулся ихъ лампадъ, горѣвшихъ надъ святилищами.

Пять лѣтъ спустя, они опять возобновили свои притязанія, воспользовавшись походомъ великаго Визиря Ибрагима, противъ Пашы Багдадскаго. Обольщенный ихъ дарами, Визирь увѣрилъ слабаго Султана Мурата, будто бы великій дѣдъ его Солиманъ отдалъ Св. мѣста во владѣніе Франковъ, а не Грековъ, и стерши имя сихъ послѣднихъ изъ Султанскаго фирмана, написалъ первыхъ. Это стоило имъ 16,000 левовъ, поднесенныхъ въ даръ Визирю, не считая прочихъ подарковъ Муфтію и инымъ важнымъ сановникамъ государства; ибо они уже надѣялись навсегда оставить за собою Св. мѣста. Патріархъ Теофанъ былъ тогда въ Валахіи; но и въ столь трудныхъ обстоятельствахъ успѣлъ воз-

вратить утраченное. — Въ отсутствіе великаго Ви-
зиря, каймаканъ его или намѣстникъ Мустафа Па-
ша, будучи родомъ изъ Албаніи, благопріятство-
валъ православныхъ и самъ научилъ ихъ, какъ
приступить къ Султану. Экономъ Іерусалимскаго
подворья въ Царьградъ, Іоаннъ, и другой іеромо-
нахъ Св. гроба, по имени Амигдалъ, управлявшій
эпархією Хіосскою, подали письменно челобитную
Мурату, когда онъ жилъ въ одномъ изъ загоро-
дныхъ дворцовъ своихъ; Султанъ лично объяснялся
съ ними, на Арабскомъ языкъ, и, услышавъ отъ
каймакана подтвержденіе словъ ихъ, послалъ въ
Іерусалимъ нарочнаго агу, чтобы возвратить пра-
вославнымъ похищенныя у нихъ святилища. — Еще
черезъ два года, снова принужденъ былъ судиться
Патріархъ Θεοφανъ съ Латинянами, сперва у Муф-
тія, а потомъ предъ диваномъ, и опять укрепи-
лись Св. мѣста за православными; Патріархъ же
отпущенъ съ честью, на свое подворье, и ему дана
вновь подтвердительная хрисовулла. — Кратки и
выразительны были слова сего хаттишерифа: «Ка-
дію и Пашъ Іерусалимскимъ: смотрите, чтобы дѣ-
ло было произведено по моей божественной запо-
вѣди, а если поступите лукаво, отсѣку вамъ
головы: — знайте это.» — Θεοφανъ возвратился
въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи Султанскаго аги,
который ввелъ его опять во владѣніе Св. пещеры,
запечатанной по проіскамъ Франковъ за девять мѣ-
сяцевъ предъ тѣмъ, и съ тѣхъ поръ, около полувѣ-
ка они оставили въ покоѣ православныхъ. Но
уже на сей разъ Патріархъ не оставилъ, на Голго-

ѣ и въ вертепъ Рождества, лампадъ Латинскихъ,
какъ въ первый разъ, потому что и они, во время
краткаго своего обладанія, выкинули лампы Гре-
ческія; Армяне же сами вынесли свои, и ког-
да спрашивали у нихъ, для чего? они отвѣчали,
«завтра Франки опять будутъ владѣть сими мѣс-
тами и мы, съ ними вмѣстѣ, повѣсимъ наши лам-
пады.» Хрисовулла Султанская уступила Гре-
камъ и самый монастырь, издавна принадлежавшій
Римлянамъ въ Виолеемъ; по Митрополитъ Виолем-
скій Аѳанасій, мѣстоблюститель престола Патріар-
шаго, не захотѣлъ имъ воспользоваться; а Патріархъ
Θεοφανъ обязался вносить ежегодно въ мечеть Сул-
тана Ахмата, по триста двадцати червонныхъ, чтобы
только Франки не начинали болѣе своихъ непра-
вильныхъ притязаній предъ диваномъ.

И Армяне, въ одно время съ Франками, не
оставляли въ покоѣ Святителя Іерусалимскаго.
Они имѣли обыкновеніе каждый, девяностый годъ,
праздновать Пасху, недѣлею послѣ православныхъ,
(что нынѣ уничтожено по совѣту знаменитаго ихъ
Патріарха Нерзеса); по сему случаю, въ 1633 го-
ду, имъ пришло на мысль, въ первый разъ, празд-
новать отдѣльно и обрядъ Св. огня, а потомъ, на
слѣдующій годъ, уже они хотѣли восхитить себѣ
и первенство отъ Грековъ для полученія се-
го огня въ великую субботу; но такъ какъ мѣс-
тное начальство, кадій и Паша, не могли имъ раз-
рѣшить нововведенія, они обратились въ Царьградъ.
Султанъ Муратъ, замышлявшій войну противъ Вен-
гровъ, находился тогда въ Адрианополь, и посему

многіе изъ Грековъ устремились въ станъ его. Все благопріятствовало Армянамъ, ибо великій Визирь, Ибрагимъ Паша, былъ имъ соотечественникъ; имъ покровительствовалъ и другъ Султана, Абаза Паша, и они имѣли въ свою пользу свидѣтельство отъ властей Арабскихъ Св. града. Ибрагимъ Паша велѣлъ имъ судиться у Казискерида, или великаго судьи западнаго, который спросилъ только одного изъ нихъ: «отъ кого принялъ нѣкогда Халифъ Омаръ Іерусалимъ?» — и услышавъ, что отъ Грековъ, отвѣчалъ весьма просто: «такъ какое же дѣло Армянамъ до Іерусалима?» — Сдѣлавъ строгій выговоръ кадю и властямъ Іерусалимскимъ, Казискеридъ отпустилъ Православныхъ, съ утвердительною грамотою о ихъ первенствѣ, и доставилъ имъ вскорѣ на то хаттишерифъ Султанскій.

Когда же Муратъ возвратился изъ Адрианополя, Армяне стали опять умолять вельможъ въ свою пользу, общая имъ до шестидесяти тысячъ червонныхъ. Греки, не въ силахъ будучи собрать столько денегъ, обратились къ Бостанджи-башѣ, или начальнику садовъ Султанскихъ, который былъ въ отрочествѣ Христіаниномъ, и даже мать его Христіанка была еще жива. Патріархъ Теофанъ самъ призвалъ ее къ себѣ и умолялъ ходатайствовать за единовѣрцевъ. — Насталъ день верховнаго суда; несмѣтное множество Армянъ стеклось къ дверямъ дивана, такъ что наполнилась ими вся окрестность Св. Софіи; Султанъ, по особенному случаю, явился въ судъ, не въ царской а въ обыкновенной одеждѣ, въ сопровожденіи одного лишь Бостанджибаша, который

далъ о томъ знать іеромонаху Амигдалу и велѣлъ ему говорить съ нимъ свободно, какъ бы не узнавая лица царскаго.

Самъ Бостанджи-баша спросилъ презрительно Амигдала: «что значить это собраніе Грековъ?» Когда же Султанъ услышалъ, что это не Греки а Армяне, и онъ въ свою чреду спросилъ: «чего ищутъ Армяне?» — тогда Амигдалъ подробно, и съ доказательствами, изложилъ ему все дѣло. «Армяне пришельцы, сказалъ онъ, а Іерусалимъ и все царство сіе принадлежало искони Грекамъ, и Греки всегда были жителями туземными. Посему Омаръ и послѣ него Государи Арабскіе, потомки Халифовъ и Султаны Мамелуковъ, равно какъ и Государи Турецкіе, давали Грекамъ право распоряжаться въ Іерусалимѣ, какъ въ собственномъ своемъ достояніи; Омаръ, въ договоръ, который заключилъ съ Патріархомъ Софроніемъ, отдалъ Іерусалимъ Патріарху, съ такимъ распоряженіемъ: чтобы все Христіане, откуда бы ни приходили они въ Іерусалимъ для богомолья, подчинены были Патріарху Греческому, и на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ ходили съ его воли, и каждый изъ нихъ приносилъ бы ему въ даръ одинъ сребреникъ и полъ драхмы. А нынѣ Армяне, надѣясь на свое богатство, хотятъ отнять у Грековъ и святыя мѣста и первенство; мало сего, они думаютъ сборищемъ своимъ привести въ страхъ самаго Царя.» — «Не уже ли Султанъ о томъ не знаетъ и нѣтъ ли какого помощника у Армянъ?» спросилъ Муратъ. — «Нѣтъ, Государь мой, сказалъ

въ отвѣтъ Амигдалъ, Царь ничего объ этомъ не знаетъ; да правосуднѣйшій Султанъ Муратъ и не сдѣлаетъ никакой обиды покорному ему православному народу и не станетъ покровительствовать Армянамъ. Боимся мы только Абазы-Паши, царскаго совѣтника, который за одно съ Армянами, и имъ помогаетъ, потому что взялъ съ нихъ шестьдесятъ пунгій серебра, за то лишь, чтобы не доносить Царю о нашихъ дѣлахъ, и сдѣлать намъ обиду.» — «А точно ли ты знаешь, что Абаза-Паша взялъ съ Армянъ деньги?» спросилъ опять Муратъ. — «Вѣрно знаю, отвѣчалъ Амигдалъ, и думаю, что онѣ лежатъ въ кладовой его, еще запечатанныя печатями Армянъ.» — Султанъ немедленно послалъ обыскать кладовую Абазы-Паши, и когда тамъ нашли кошельки съ печатями Армянъ, тотчасъ же велѣлъ отсѣчь голову виновному. Раздраженный хотѣлъ наказать смертію всѣхъ виновниковъ неправеднаго смятенія; но по ходатайству одного изъ своихъ вельможъ, родомъ изъ Армянъ, казнилъ только трехъ старшинъ Армянскихъ, изъ числа осмидесяти; прочихъ же заключилъ въ темницу, и взялъ съ нихъ богатый выкупъ, а Грекамъ далъ хрисовуллу, для подтвержденія ихъ правъ, и грамота сія была заявлена во всѣхъ судебныхныхъ мѣстахъ Востока. Съ тѣхъ поръ Армяне оставили на краткое время въ покоѣ Патріарха.

Много было ему заботы и отъ собственныхъ единовѣрцевъ въ Палестинѣ. Монахи Сербскіе, зависѣвшіе отъ своего Архіепископа Пекійскаго, подобно какъ и Грузины, имѣвшіе своего Католикоса,

не хотѣли подчиниться власти Патріарховъ Греческихъ Іерусалима, и отъ того происходили между ними частыя смуты. По записямъ монастырскимъ, нельзя въ точности опредѣлить времени, когда Сербы овладѣли исключительно обителію Архангела Михаила, или подворьемъ Св. Саввы въ Св. градѣ, и заняли пустынную лавру, оставленную Греками по набѣгамъ Бедуинскимъ. Они укрѣпились тамъ башнею и стѣнами, противъ невѣрныхъ; но и съ Патріархомъ завели несогласія, требуя себѣ, по примѣру Грузинъ, отдѣльныхъ святилищъ въ храмъ Воскресенія, и стали платить, мимо его, подати Султанамъ. Игумны ихъ самовольно присвоили себѣ право ходить, съ посохомъ въ рукахъ, въ присутствіи Святителя; обращались на него съ жалобами къ Патріархамъ Цареградскимъ, и наконецъ, пригласивъ въ Іерусалимъ, для разбирательства по сему предмету, Патріарховъ Александріи и Антиохіи, испросили себѣ неправедное опредѣленіе: быть независимыми отъ престола Св. Іакова брата Божія. Что же наконецъ было слѣдствіемъ такой независимости? — Сербы, разстроившись въ своихъ дѣлахъ, какъ по случаю построенія башень, такъ и по внутреннимъ беспорядкамъ, вошли въ неоплатные долги и, продавъ все свое имѣніе, принуждены были наконецъ разбѣжаться, такъ что лавра и ея подворье остались совершенно пустыми. Франки вздумали воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти подворье, сосѣднее къ ихъ монастырю, Армяне же обратили взоры свои на самую лавру.

Тогда Патріархъ Теофанъ озаботился сохранить святыню сію православнымъ. Онъ отдалъ заимодавцамъ пятьдесятъ-четыре тысячи левовъ долга, лежавшаго на двухъ обителяхъ, и принялъ ихъ въ свое вѣдѣніе; но ему надлежало бороться съ мѣстными властями, которыя продолжали требовать подати съ опустѣвшихъ обителей, и съ Франками и Армянами, которые домогались пріобрѣсти ихъ. Въ такой крайности, Святитель пустился въ дальній путь, къ Воеводѣ Молдавскому Василию, извѣстному чрезвычайнымъ своимъ усердіемъ къ Церкви; ибо уже испыталъ оное однажды, во время своего путешествія въ Россію. Рано утромъ, неожиданно, явился Теофанъ въ палатахъ Ясскихъ, и когда обрадованный Воевода вышелъ босыми ногами, на встрѣчу старцу, чтобы почтить высокій санъ его, Святитель подаль ему конецъ веревки, висѣвшей у него на шеѣ, и сказалъ: «сынъ мой, удави меня лучше своею рукою, чтобы не задушили меня Турецкіе заимодавцы.» Благочестивый Василій, тронутый слезами старца, немедленно внесъ за него шесть тысячъ червонныхъ долга, и когда не много спустя пріѣхалъ въ Яссы Ага султанскій, съ повелѣніемъ взять Патріарха за другіе шесть тысячъ, Воевода уплатилъ и сію сумму, и еще девять тысячъ инымъ заимодавцамъ Турецкимъ, и не довольствуясь такими благодѣяніями, послалъ сорокъ тысячъ червонныхъ, съ двумя своими повѣренными въ Іерусалимъ, чтобы совершенно уничтожить всякій долгъ на Св. гробѣ. Не многіе изъ Императоровъ Восточныхъ оказали столько

услугъ Св. гробу, сколько сей благочестивый Воевода Молдавскій, безъ котораго православные лишились бы непременно обладанія Св. мѣстами.

Можно судить, о бѣдственномъ состояніи Іерусалимскаго престола того времени, по письму Патріарха Александрійскаго Герасима къ Теофану, 1629 года, въ коемъ извѣщалъ его, что посланную имъ въ Египеть, для продажи, утварь Св. гроба и собственную его митру, купилъ нѣкто благочестивый вельможа Сеидаллахъ и возвращаетъ Святителю, съ его же старцемъ, присовокупивъ еще въ даръ десять тысячъ червонныхъ, для расплаты съ долгами. Въ другой разъ Патріархъ Теофанъ, тѣснимый заимодавцами, лишился драгоценной чаши, которую поднесъ ему Царь Грузинскій Теймуразъ, во время его путешествія по Грузіи. Святитель Іерусалимскій оставилъ тамъ по себѣ вѣчную память, предоставивъ Епископу Кутаиса тигло Митрополита и право носить саккосъ, при священнослуженіи. Много пособилъ ему и Патріархъ Константинопольскій Кириллъ; поученіями своими подвигнулъ онъ сердца православныхъ, къ пособію въ пользу Св. гроба, и пригласивъ въ домъ патріаршій всѣхъ старѣйшинъ, убѣдилъ ихъ пожертвовать значительную сумму, для уплаты тяжкихъ долговъ престола Іерусалимскаго.

Другой воевода Молдавскій Радулъ, предмѣстникъ Василія, уступилъ Св. гробу монастырь, именуемый Галатою, подлѣ Яссъ, который прежде принадлежалъ Кіеву, по дарственной записи Воеводы Петра, но былъ приведенъ въ упадокъ.

Патріархъ Теофанъ отдалъ его въ управленіе племяннику своему, Митрополиту Вилеемскому Аванасію, вмѣстѣ съ тремя другими обителями, принадлежавшими въ Молдавіи Св. гробу, и пріобрѣлъ еще въ Валахіи монастырь Георгіевскій. Странствуя непрестанно изъ Іерусалима въ Царьградъ, онъ купилъ себѣ и подворье въ Константинополь, съ церковію и садомъ, гдѣ съ того времени постоянно поселились Патріархи Іерусалимскіе*; ибо они видѣли, что только въ столицѣ Оттоманской имперіи, личнымъ присутствіемъ, могутъ защищать права свои противъ Римлянъ и Армянъ, съ помощію Воеводъ обѣихъ княжествъ, и управлять дѣлами Св. гроба. Подворье сіе, бывшее прежде домомъ Князей Кантакузинныхъ, сгорѣло еще при Теофанѣ въ 1649 году, во время страшнаго пожара, опустошившаго всю часть города, называемую Фанаръ, и было тогда же возобновлено, съ дозволенія великаго Визиря, по усердію купцевъ Цареградскихъ. Послѣдующіе Патріархи расширили и украсили новое свое пристанище, гдѣ донинѣ рѣшаются судьбы Церкви Іерусалимской.

Патріархъ Теофанъ, заботившійся столько о нуждахъ Св. гроба, не былъ равнодушенъ и къ духовнымъ потребностямъ, не только своей паствы, но и вселенской Церкви, какъ было видно изъ его заботъ о патріархіи Всероссійской, митрополіи Кіевской и экзархатѣ Иверскомъ. Въ Царьградъ, вмѣстѣ съ Патріархами Кирилломъ Константинопольскимъ и Александрійскимъ Митрофаномъ, осудилъ

* Кн. XI, гл. 10.

онъ Кальвинскія мнѣнія Лукариса, и содѣйствовали знаменитому Митрополиту Кіевскому, Петру Могилю, въ соборномъ признаніи его православнаго исповѣданія вѣры всею Восточною Церковію. Онъ скончался въ Константинополь, оплакиваемый всеми, послѣ тридцатитрехъ лѣтняго святительства, и былъ погребенъ въ обители Богоматери, на островѣ Халки, одномъ изъ Княжескихъ.

XI.

ПАТРИАРШЕСТВО ПАИСІЯ.

Послѣ смерти Теофана, Патріархъ Константинопольскій Парѳеній, хотѣлъ самовольно поставить на престолъ Іерусалимскій Митрополита Веррійскаго Іоанникія*; но отцы Св. града, зная, что для нихъ нуженъ человекъ миролюбивый и смиренный, вождь а не властитель, прибѣгли съ просьбою къ знаме-

* Истор. Патр. Доспеея Кн. XII, гл. 1—3. 1645 г.

нитому Воеводѣ Василю, который славился богатствами своими свыше многих Государей, и достигли желаемого. Они избрали себя въ Архипастыря родственника Теофанова, Паисія, бывшаго игуменомъ въ Яскомъ монастырѣ Галатѣ, и Патріархъ Цареградскій, по уваженію къ могущественному Воеводѣ, не сталъ противиться избранію Іерусалимлянъ; онъ послалъ, для рукоположенія Паисія въ Яссахъ, экзарха своего, Григорія Митрополита Ларисскаго, съ другими Епископами. Съ юныхъ лѣтъ пришелъ Паисій въ Св. градъ, и долгое время находился иподіакономъ при Патріархѣ Софроніѣ, по смерти коего удалился въ пустыню Іорданскую, чтобы тамъ вести жизнь подвижническую, доколь не былъ поставленъ Теофаномъ въ игумены. Какъ человекъ правдивый и безпорочный, никогда не имѣлъ онъ у себя ни суммы, ни влагалища, и потому вѣрно собиралъ доходы Св. гробу, а во время голода посылалъ, изъ пристани Галацкой, цѣлые корабли, съ хлѣбомъ и всякими припасами, въ Палестину. Будучи крѣпкимъ ревнителемъ законовъ божественныхъ, Паисій былъ одаренъ и необычайною силою духа и тѣла, при маломъ ростѣ, такъ что однажды, впавши въ руки разбойниковъ, около Хотина, онъ одинъ одолѣлъ ихъ двадцать и даже отнялъ у нихъ лошадей.

Тотчасъ по своемъ поставленіи, Паисій отправился, сухимъ путемъ, въ Іерусалимъ, гдѣ былъ встрѣченъ Синодомъ и отцами Іерусалимскими; но клирики, изъ туземныхъ жителей, не хотѣли воздать ему подобающей чести, по чувству зави-

сти къ Грекамъ и по старой памяти своего вліянія при Мамелукахъ. Софроній и Теофанъ старались ограничивать ихъ надмѣнность; когда же прибылъ новый Патріархъ, они вышли все вдругъ изъ стѣнъ Іерусалимскихъ и наметали цѣлую груду камней предъ его вратами, въ знакъ своей непокорности. Паисій не потерялъ духа, онъ условился тайно съ мѣстными властями, чтобы не благопріятствовали мятежнымъ, и постановилъ для нихъ такія строгія правила, что съ той поры они совершенно преобразовались. Проводя нѣсколько времени на своей каѳедрѣ, предпринялъ онъ дальнее странствіе въ Царьградъ и Москву, чрезъ оба княжества Молдавіи и Валахіи, за сборомъ милостыни для Св. гроба. Напрасно Парѣеній Константинопольскій, враждуя лично противъ него, написалъ о немъ много худого Самодержцу Русскому; благочестивый Царь Алексій Михайловичъ принялъ его милостиво и осыпалъ царскими щедротами, за которыя даже въ послѣдствіи пострадалъ Святитель. Будучи въ Москвѣ, Паисій посвятилъ тамъ, въ Митрополиты великому Новгороду, знаменитаго Никона, которому суждено было и лишиться сана отъ руки Патріарховъ Восточныхъ, не смотря на ходатайства другаго Святителя Іерусалимскаго Нектарія. По возвращеніи въ Молдавію и Царьградъ, Паисій долженъ былъ откупиться четырьмя тысячами червонныхъ отъ притязаній великаго Визиря, предъ коимъ оклеветалъ его Парѣеній, за его странствованіе въ Россію, и еще спорить съ нимъ за собственное поворье; ибо Патріархъ Цареградскій, завидуя сте-

ченію народа къ чудотворной иконѣ, принесенной изъ Іерусалима, заперъ церковь сію, и старался посорить Паисія съ Господарями Молдавіи и Валахіи, всегда благопріятствовавшими Св. гробу. Это задержало Патріарха на обратномъ пути его въ Іерусалимъ.

Въ 1649 году, строитель Богоявленскаго монастыря, что въ Москвѣ, Арсеній Сухановъ, былъ посланъ съ другимъ старцемъ Іоною въ Іерусалимъ, отъ Царя Алексія Михайловича и Патріарха Іосифа, для описанія Св. мѣстъ и Греческихъ церковныхъ чиновъ; ибо сей Святитель, еще прежде Никона, почувствовалъ необходимость очистить церковныя книги и обряды отъ малыхъ погрѣшностей, вкравшихся по несовершенству рукописей и неповѣркѣ ихъ съ подлинниками. Арсеній сопутствовалъ возвращавшемуся изъ Москвы Патріарху Паисію, и дважды возвращался съ дороги, съ письмами отъ него къ Царю, такъ что только въ 1651 году, видя замедленіе Патріарха, рѣшился одинъ продолжать дальнее странствованіе. Изъ Галаца, спустился онъ Дунаемъ въ Черное море, и достигнувъ Царьграда, нашелъ духовенство Греческое въ великомъ смятеніи, ибо еще недавно былъ умерщвленъ, по волю Султана, Патріархъ Константинопольскій Пареній, и на мѣсто его возведенъ Іоанникій. По сей причинѣ, не долго прожилъ въ Царьградѣ Арсеній и отплылъ въ Египетъ, описывая съ точностію все, что только могъ замѣтить мимоходомъ во время своего странствія.

Въ Александріи нашелъ онъ одни только разва-

лины древнихъ знаменитыхъ храмовъ и соборной великой церкви Св. Марка; монастырь Патріаршій частію принадлежалъ Франкамъ, частію Грекамъ. Ласково приняли его въ Каирѣ Архіепископъ горы Синайской Іосифъ и Патріархъ Іоанникій, весьма замѣчательный по своему глубокому знанію догматовъ церковныхъ; Арсеній, пользуясь его мудростію, имѣлъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, касавшіяся до устройства церковнаго. Потомъ, спустясь Ниломъ до Даміеты, приплылъ благополучно въ Яффу, и въ Октябръ того же года достигъ наконецъ цѣли своего странствія Іерусалима. Тамъ засталъ уже Патріарха Паисія и остановился на постоянное жительство въ монастырь его, до Пасхи слѣдующаго года. Во все сіе время внимательно наблюдалъ церковныя обряды и со тщаніемъ записывалъ чинъ богослуженія. Записки сіи возбудили подозрѣніе нѣкоторыхъ иноковъ; они хотѣли ихъ истребить и жаловались Патріарху, что Русскій пришелецъ пишетъ на нихъ доносъ Царю; но имъ строго запрещено было трогать Арсенія. Однако самъ Патріархъ, видѣвшій устройство церковное въ Россіи, остерегался старца и замѣтивъ, что Арсеній и Іона никогда не снимаютъ клобуковъ, велѣлъ и своему духовенству всегда ходить на трапезу въ клобукахъ, что, въ жаркомъ климатѣ Палестинскомъ, возбудило ропотъ противъ пришельцевъ. Нѣкоторая часть плановъ и записокъ Суханова о Царьградѣ и Египтѣ, какъ онъ самъ рассказываетъ, потонула съ кораблемъ, на коемъ благовременно ихъ отправилъ изъ Александріи.

Арсеній, привыкшій видѣть Церковь православную во всемъ ея блескѣ въ столицѣ Русской, при Царѣ Алексіѣ, когда отечество наше уже отдохнуло отъ долговременныхъ смуть, его потрясавшихъ, слишкомъ строго судилъ иногда недостатки и безпорядки, вкравшіеся отъ ига Турецкаго въ наружные обряды. Но даже посреди тяжкаго положенія Иерусалимской Церкви, преимущество Греческаго Патріарха, надъ главами прочихъ исповѣданій, было весьма замѣтно во всѣхъ случаяхъ, когда они сходились по обстоятельствамъ политическимъ. Такъ Патріархъ Паисій, пригласивъ къ себѣ на трапезу власти Армянскія, въ числѣ коихъ былъ даже и главный Патріархъ Эчміадзинскій, Филиппъ, съ двумя намѣстниками Иерусалимскимъ и Антиохійскимъ, послалъ только для встрѣчи ихъ священниковъ, и ввелъ прямо въ свои покои; когда же въ послѣдствіи Патріархъ Армянскій пригласилъ Паисія къ себѣ въ обитель, то онъ встрѣтилъ его самъ во вратахъ, намѣстники умывали ему ноги посреди церкви, а все духовенство подходило къ рукъ. Самые Франки, мало общительные, въ то время какъ Патріархъ Паисій, празднуя рождество въ Вифлеемѣ, хотѣлъ посѣтить ихъ церковь, встрѣтили его торжественно и поставили на первомъ мѣстѣ; во входныя молитвы велѣлъ онъ пѣть своимъ старцамъ.

Относительно возженія Св. огня, Арсеній рассказываетъ чистосердечно всѣ обстоятельства, предшествовавшія оному: какимъ образомъ разсѣялся сперва слухъ въ народъ, что многія лампы

засвѣтились сами собою въ церкви, когда это было только отраженіемъ на нихъ лучей солнца, проникавшаго изъ купола, и что предъ настоящимъ возженіемъ Св. огня, внутри часовни гроба, Патріархъ Паисій велѣлъ погасить всѣ огни въ церкви; послѣ торжественнаго шествія около собора, онъ взошелъ одинъ внутрь гроба, и по долгой молитвѣ, вынесъ оттолкъ къ народу въ обѣихъ рукахъ свѣчи, возженные Св. огнемъ.

Всѣ размѣры святилищъ Палестинскихъ и мѣстность Св. земли описаны имъ съ чрезвычайною подробностію. Арсеній, говоря о строеніи храма Воскресенія, предполагалъ, что гробовой покой Спасителя находился, не въ отдѣльномъ утесѣ, но съ боку, въ самой скалѣ Голговы, и что Елена, сохранивъ всю его внутренность, отдѣлила оный наружно отъ Голговы, въ видѣ каменной палатки, изсѣкши все пространство между ними, и разбивъ одинъ каменный холмъ на два отдѣльные утеса, которые включила въ храмъ. Арсеній называетъ нынѣшній придѣлъ Лонгина Сотника, мѣстомъ, гдѣ положено было тѣло для креста, а гробъ Мельхиседека подъ Голговою — гробомъ матери Балдуина, вѣроятно, Королевы Мелизнды, (по словамъ Греческихъ священниковъ); онъ говоритъ также, что жены и дѣти Балдуиновъ покоились въ притворѣ подъ монументами, стоявшими позади камня, на коемъ умащали тѣло Спасителя; но со времени пожара они не существуютъ.

Въ другомъ мѣстѣ Арсеній, рассказывая свое путешествіе на Иорданъ, вмѣстѣ съ прочими поклон-

никами подъ прикрытіемъ Паши, на страстной недѣль, описываетъ берега Иордана и указываетъ опустѣвшій монастырь Герасима, ближе къ устью рѣки, а разоренную обитель Предтечи, гдѣ предполагаетъ мѣсто крещенія Спасителя, выше къ северу, за пять верстъ отъ обыкновенной стези поклонниковъ къ Иордану, и далѣе говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ Латинскими монахами отделился отъ толпы, дабы посѣтить Сарандарь, гору, гдѣ постился Спаситель сорокъ дней, и гдѣ они имѣли церковь и служили литургію.

Весьма замѣчательно, что въ Виолеемскомъ соборѣ, во время Арсенія, еще украшенномъ мозаическими изображеніями вселенскихъ соборовъ, существовала, на полуденной стѣнѣ алтаря, слѣдующая надпись по Гречески: «расписана сія великая церковь Св. Виолеема, въ царство Мануила великаго Царя порфироснаго, во дни великаго господина Ригія Иерусалимскаго Амора, при Виолеемскомъ Епископѣ господинѣ Раулѣ, въ лѣто 6677, индикта 11-го.» На Сионѣ старецъ Арсеній не могъ проникнуть въ храмину, бывшую некогда монастыремъ Римскимъ, гдѣ совершилась Тайная вечеря; но онъ описываетъ, по слышаннымъ имъ рассказамъ, мѣсто сіе, и говоритъ о пещерѣ подъ мечетью, гдѣ погребены Давидъ и Соломонъ: что Турки не смѣютъ въ оную входить, по страху смерти, а только опускаютъ во нее зажженное кандило.

Благоговѣнное описаніе всѣхъ видѣнныхъ имъ Св. мѣстъ, часто и умилительно прерывается отрывками Евангельскими, приводимыми во свидѣ-

тельство святѣни и въ напоминовеніе божественныхъ событій, такъ что когда сердце иногда скорбитъ о запусьнннхъ некоторыхъ святилищъ, оно улаждается утѣшительными глаголами Св. писанія и забываетъ настоящее, ради величія прошедшаго. Въ лаврѣ Св. Саввы нашелъ онъ много остатковъ прежняго ея величія и богатую библіотеку, рукописей и книгъ Греческихъ и Славянскихъ, а братій мало. Старцы сказывали ему, что не болѣе шестидесяти лѣтъ, какъ они опять стали жить въ своемъ монастырѣ, что еще живъ тотъ старецъ, который испросилъ въ Царьградѣ фирманъ на обновленіе лавры, бывшей въ запусьнннхъ двѣнадцать лѣтъ, и что прежде того она также была окола ста лѣтъ въ рукахъ Арабовъ.

Новые раздоры, съ Армянами, не позволили Патріарху Паисію долго оставаться въ Иерусалимѣ; причиною же раздоровъ было наслѣдіе святилищъ Абиссинскихъ. Народъ сей, сильный во времена Мамелуковъ, съ которыми велъ кровопролитныя вражды въ Африкѣ, получилъ во владѣніе, отъ Султановъ Египетскихъ, обитель Авраамову, на восточной сторонѣ Голгоѣы, нѣсколько келлій въ южной части храма Воскресенія, и инія мѣста внутри Св. града. Много было у нихъ утвари драгоценной; Армяне, усилившіеся въ Палестинѣ, по своимъ богатствамъ и связямъ съ вельможами Турецкими, были въ общеніи съ Иаковитами Сирийскими и Коптами, и получивъ сперва дозволеніе служить на ихъ алтаряхъ, въ Виолеемѣ, мало по малу пріобрѣли ихъ себѣ. Они подружились и съ

Абиссинцами, учредили съ ними общую трапезу, и взявъ отъ нихъ въ залогъ, за малую сумму денегъ, ихъ святилища, оставили ихъ за собою, когда Царь Абиссинскій пересталъ отпускать своихъ подданныхъ въ Иерусалимъ. Въ числѣ ихъ имущества была конная мельница, предъ самымъ входомъ патриаршаго дома, гдѣ стали безчинствовать пришельцы Армянскіе, располагаясь, какъ въ гостинницѣ, съ своими лошадьми. Напрасно Патриархъ и отцы Иерусалимскіе убѣждали Армянъ, прекратить такое безчинство или уступить имъ мельницу. Наконецъ, въ бытность свою въ Царьградъ, Паисій, жалуясь на притѣсненія мѣстныхъ властей, которыя грабили поклонниковъ на Иорданъ и навязывали ложную монету на монастыри Палестинскіе, въ замѣнъ отбираемыхъ у нихъ денегъ, коснулся и безпорядковъ Армянскихъ; чрезъ Бостанджи-башни, благопріятнаго Грекамъ, онъ испросилъ хаттишерифъ Султанскій, по которому все достояніе, принадлежавшее Абиссинцамъ, отдавалось православнымъ.

Возвратясь въ Иерусалимъ, Патриархъ, въ силу сего указа, получилъ въ свое владѣніе монастырь Авраама на Голгоѣ, келліи и лампы въ храмъ Воскресенія и притворъ Виолеемскій. Когда же сдѣлался правителемъ Газы и Иерусалима нѣкто Хуссейнъ-Паша; человекъ сильный и самовластный, Армяне, силою денегъ, опять отняли у Грековъ не только все, что принадлежало Абиссинцамъ, но даже одинъ входъ въ вертепъ Виолеемскій и выкинули оттолкъ лампы православныхъ. Чтобы упро-

чить обладаніе свое надъ сими святилищами, Армяне успѣли склонить въ свою пользу сановниковъ, бѣлыхъ и черныхъ, двора Султанскаго; но въ тотъ день, когда долженъ былъ собраться диванъ, для утвержденія сего права, возмущеніе Янычаръ на ристалищѣ Царьградскомъ, лишило жизни всѣхъ сихъ вельможъ, и вскорѣ послѣ того, великій Визирь, благопріятствовавшій Армянамъ, былъ низложенъ Султаномъ Магометомъ. Знаменитый Мехметъ-Паша Кіуприоли, родомъ изъ Албаніи, сынъ священника, котораго мать даже умерла монахиною, сдѣлался Визиремъ и, во все время своего владычества, благопріятствовалъ православнымъ, ибо самъ не раше двадцатилѣтъ обращенъ былъ къ исламизму.

Патриархъ Паисій, притѣсняемый въ Иерусалимъ, обратился съ жалобами въ Царьградъ и былъ самъ туда вызванъ, для суда съ Армянами предъ верховнымъ судилищемъ. Диванъ рѣшилъ въ пользу православныхъ, ибо Визирь велѣлъ прочесть всѣ хрисовулы Султановъ, въ слухъ сановниковъ Порты, и сказалъ Армянамъ: «вы слышали, и такъ не старайтесь искажать правды деньгами; справедливость на сторонѣ Грековъ.» Однако онъ сталъ требовать отъ Патриарха, сто пунгій или кошельковъ серебра, за оказанное ему правосудіе; но услышавъ отъ него, что уже Греки платятъ, по четыре тысячи червонныхъ ежегодно, въ мечеть Султана Ахмета, за соблюденіе правъ своихъ на Св. мѣста, согласился принять только тридцать кошельковъ; тогда же, при содѣйствіи великаго драгомана Панагіота, родомъ изъ Грековъ, выданъ былъ по-

вый благопріятный фирманъ, въ коемъ подробно были прописаны все грамоты Халифа Омара и Султановъ Селима, Солимана, Мурата и Ибрагима. Патріархъ Паисій поспѣшилъ отправить указъ сей въ Іерусалимъ, къ мѣстнымъ властямъ, кадіи вмѣстѣ съ Пашею отдали во власть православныхъ все Св. мѣста, принадлежавшія Абиссинцамъ, и отняли опять Виолеемскую пещеру у Армянъ; но самъ намѣстникъ Патріаршіи Анѳимъ, по личной ненависти къ Паисію, сломалъ печати на дверяхъ церкви Св. Іоанна и отдалъ ее самовольно Армянамъ, равно какъ и четыре келліи при Св. вратахъ; не допустилъ также православныхъ и до обители Св. Іакова, которая осталась въ рукахъ Армянъ.

Православные нашли себѣ жестокаго противника и въ Хуссейнѣ Пашѣ Іерусалимскомъ, который ненавидѣлъ великаго Визиря, еще въ то время какъ онъ былъ Пашею Дамасскимъ, и потому ближайшимъ его начальникомъ. Однажды Кіупрюли предпринялъ набожное путешествіе, по Св. мѣстамъ Іерусалима и Хеврона, и будучи тамъ услышалъ, что уже другой правитель назначенъ на его мѣсто въ Дамаскъ; немедленно отправился онъ въ обратный путь въ Царьградъ, чрезъ Газу; но Хуссейнъ, чтобы показать ему свое могущество, а вмѣстѣ и презрѣніе, вышелъ на встрѣчу бывшему своему начальнику, съ 4000 вооруженныхъ Арабовъ. Отсель возникла между ними непримиримая вражда, и Хуссейнъ не только не хотѣлъ исполнить въ точности указа, присланнаго Визиремъ, но даже за-

держалъ его чауса и возбудилъ противъ него Пашу Дамасскаго, Тагирь-оглу, и нѣкоторыхъ другихъ областныхъ правителей Сиріи. — Слухъ, распространившійся въ Іерусалимъ, чрезъ Франковъ, будто бы Патріархъ Паисій повѣшенъ, когда это совершилось съ его гонителемъ Парѳеніемъ, еще болѣе превознесъ иновѣрцевъ и Хуссейна. — Все окончилось однако въ пользу православныхъ: Хуссейнъ Паша лишенъ былъ власти надъ Іерусалимомъ, который поступилъ подъ ближайшее управленіе Пашы Дамасскаго, и онъ самъ долженъ былъ уплатить, въ казну Султанскую, сто тысячъ левовъ, взятыхъ имъ съ православныхъ. — Но и Тагирь-оглу долго колебался исполнить фирманъ, взявъ съ Армянъ до 50 кошельковъ серебра, и чтобы устрашить Грековъ, повлекъ съ собою, связанными въ Дамаскъ, двухъ изъ ихъ старшихъ иноковъ; другой указъ великаго Визиря прямо къ кадію Іерусалимскому, заставилъ наконецъ мѣстныя власти отдать во владѣніе православныхъ монастырь Св. Іакова, который, по ихъ преданіямъ, Армяне испросили себѣ только на время у Грузинъ, съ обѣщаніемъ платить имъ, по осьмидесяти червонныхъ ежегодно, и съ теченіемъ времени совершенно себѣ присвоили, что было еще въ XV вѣкѣ.

Слухъ, о насильственной смерти Патріарха Паисія, едва не сдѣлался истиною, по тѣмъ бѣдствіямъ, какія испыталъ онъ въ Царьградѣ за милостыню, собранную имъ въ Россіи. Паисій отдалъ передѣлать богатую митру, подаренную ему Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, во вкусъ болѣе

Византійскомъ; а недоброжелатели донесли на него каймакану, (ибо Визирь былъ въ отсутствіи), будто онъ готовитъ корону для Царя Московскаго. Намѣстникъ Визиря вытребовалъ себѣ сперва митру, а потомъ Патріарха, и обвинивъ его въ измѣнѣ, посадилъ въ яму, назначенную для убійць; оттолкъ перевелъ въ темницу должниковъ, чтобы взять съ него деньги, равно какъ и съ другихъ предстоятелей духовенства. Но мужественный Патріархъ не хотѣлъ, платою денегъ, сознавать вины своей и павлекать тоже гоненіе на свою братію. Видя его непреклонность, каймаканъ отправилъ митру въ Адрианополь, съ тою же клеветою противъ Патріарха, и туда поспѣшили къ великому Визирю нѣкоторые изъ старцевъ Іерусалимскихъ, чтобы оправдать своего владыку. Между тѣмъ, Святитель подвергся всякаго рода истязаніямъ, отъ жестокаго каймакана. Онъ велѣлъ повлечь его на ристалище, посадивъ, для большаго поруганія, на тощую лошадь, съ верблюжьимъ выюкомъ, которымъ истерзаны были ноги старца; палачи шли впереди его, какъ бы для казни, и три раза перемѣняли избранное для нея мѣсто, чтобы навести ужасъ на свою жертву. Но Патріархъ оставался непреклоннымъ на всѣ ихъ требованія, и когда они умоляли его, хотя малою суммою денегъ, выкупить жизнь свою, онъ съ твердостію отвѣчалъ только: «дѣлайте что хотите». — Ему накинули на шею веревку и уже стали тянуть ее, спрашивая: «что дастъ каймакану?» — Патріархъ молился и молчалъ. Тогда пришло новое повелѣніе мучителя, не умерщвлять

его, но въ тяжкихъ оковахъ посадить опять въ темницу. Старца влекли по улицамъ, продѣвъ ему палку между растерзанныхъ оковами ногъ, такъ что онъ стоналъ отъ нестерпимой боли, но не смотря на то ни въ чемъ не уступилъ. Смущенный каймаканъ отдалъ его, подъ предлогомъ пріязни, на поруки одному богатому Турку, ибо самъ начиналъ уже бояться великаго Визиря.

Въ Адрианополь начался судъ; надпись, вышитая около креста поверхъ митры, свидѣтельствовала, что не Патріархъ Царю, а Царь Патріарху даровалъ ее, и самая цѣна митры, восходившая только до пятисотъ левовъ, а не до ста тысячъ, по словамъ каймакана, подала благую мысль, что неприлична она столь великому Государю, каковъ Московскій. Чтобы придать болѣе гласности своему рѣшенію, въ пользу православныхъ, Визирь отправилъ ихъ сперва на судъ Муфтію, какъ верховному блюстителю законовъ; а потомъ самъ понесъ къ Султану митру, и сказалъ ему, что будучи въ Іерусалимѣ, видѣлъ такого рода украшенія на Патріархахъ, какъ даръ Царей, его предмѣстниковъ. Султанъ удивлялся красотѣ митры, увѣчанной двѣнадцатію зубцами, на подобіе башень, и надѣвъ ее на одного Христіанина Абиссинца, воскликнулъ: «чудное украшеніе! — такъ какъ жаловали оное предки мои Патріархамъ, то и я повелѣваю отдать ее Патріарху и быть ему свободнымъ.» Такимъ образомъ, блаженный Паисій освободился отъ узъ темничныхъ,

а незаконный каймаканъ былъ смѣненъ и отправленъ на войну въ Критъ, гдѣ вскорѣ убитъ.

Однако, такъ какъ дѣла Патріарха пришли въ разстройство, отъ претерпѣнныхъ гоненій, онъ рѣшился искать себѣ помощи въ Молдавіи и Валахіи. Благочестивый Воевода Василій былъ уже свергнутъ съ престола сыномъ своимъ Стефаномъ; но чрезъ посредство властителя Валахскаго Михны, испросилъ себѣ Святителю дозволеніе посѣтить Грузію, чтобы тамъ воспользоваться приношеніями православныхъ въ пользу Св. гроба: это было весною 1658 года. — Во время его пребыванія въ Синопѣ, страшный пожаръ вспыхнулъ въ городѣ; Патріархъ, вливъ нѣсколько святой воды въ чашу, послалъ одного изъ своихъ діаконовъ покропить на пламя и, къ общему изумленію, оно тутъ же остановилось. Писатель исторіи Досиоей рассказываетъ сіе происшествіе, какъ очевидецъ, находясь при свитѣ своего пастыря. — Изъ Синопа отправились они моремъ въ Мингрелію, гдѣ нашли многіе слѣды Христіанства у полудикихъ жителей. Мѣстный Епископъ дружески принявъ Святителя, привелъ его во дворецъ Дадіана и оттолѣ проводилъ въ Кутаисъ, къ Имеретинскому Царю Александру. Зиму провелъ Патріархъ въ великолѣпномъ монастырѣ Келатскомъ, близъ Кутаиса; а на слѣдующій годъ, чрезъ Гурію и Трапезундъ, возвратился въ Царьградъ.

Во время путешествія Патріарха Паисія, епархія его страдала отъ жестокости мѣстнаго правителя Веллеса, который одинаково притѣснялъ Турокъ

и Христіанъ, по своему звѣрскому праву, такъ что со времени обладанія Турецкаго не было еще подобныхъ мучителей въ Св. градѣ. Веллесь, истязуя монашествующихъ, для полученія денегъ, повѣсилъ нѣсколько изъ нихъ въ соборной палатѣ Патріаршей; самъ онъ, въ пьяномъ видѣ, взошелъ въ церковь Константина и Елены, и взявши кадиль, сталъ кадить; большая часть иноковъ и намѣстникъ Анеимъ разбѣжались въ Рамлу и Яффу. Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли спустить, въ окно патріаршаго дома, утварь церковную, чтобы скрыть ее внутри храма Воскресенія; но веревка оборвалась и ящики разбились вмѣстѣ съ драгоценными вещами. Много утвари похитилъ и правитель, умертвивъ одного богатаго Еврея, у котораго находилась она въ залогѣ. Поражая свои несчастныя жертвы, бросалъ онъ ихъ нарочно предъ вратами обителѣй, чтобы заставить откупаться деньгами отъ труповъ, и такимъ образомъ, кромѣ расхищенной утвари, вынудилъ съ патріаршаго дома до осмнадцати тысячъ левовъ; отъ сего умножился долгъ, ибо отцы Іерусалимскіе, не имѣя денегъ, занимали за чрезвычайные проценты, чтобы только спасти жизнь и удовлетворить алчнаго тирана. Наконецъ жалобы ихъ достигли до великаго Визиря и онъ сменилъ мучителя.

Между тѣмъ Армяне не остались спокойными, доколѣ опять себѣ не возвратили себѣ монастыря Св. Іакова. Они обѣщали большую сумму денегъ Рейсъ-Ефендію и начальнику пѣхотныхъ войскъ въ Царьградѣ, бывшему въ большой довѣренности у

Султана, и оба сановника явились къ Визирю, съ просьбою: отдать Армянамъ древнее ихъ достояніе, коимъ владѣли около трехсотъ лѣтъ. Визирь, опасаясь обмана, спросилъ о семъ дѣль великаго драгомана Панагіота, какъ природнаго Грека, который имѣлъ тогда неудовольствіе противъ Патріарха Паисія, и не вступился за него. Тогда Визирь присудилъ обладаніе обителью Св. Іакова Армянамъ, но такъ какъ нельзя было измѣнить Султанскаго хаттишерифа, даннаго въ пользу православныхъ, то, по его приказанію, Панагіоти предписалъ намѣстнику патріаршему Аноиму: отдать монастырь сей Армянамъ, что онъ немедленно исполнилъ; тогда же вступили опять Армяне во владѣніе притвора Виолеемскаго и сада, принадлежавшаго нѣкогда Абиссинцамъ.

Напрасно Патріархъ Паисій ѣздилъ въ Адріанополь, умолять великаго Визира, о монастырь Св. Іакова. Кіупрюли, посовѣтовавшись съ Рейсь-Ефендіемъ, остался непреклоннымъ. Отказъ ей и непріятныя сношенія Патріарха, по сему предмету, съ Вартопедомъ Армянскимъ Елезаромъ, въ Царьградѣ, сильно подѣйствовали на его здоровье; онъ началъ страдать кровотеченіемъ, и предпринявъ обратное странствіе въ Іерусалимъ, скончался дорогою, на маломъ островѣ Кастельроссо, не оставивъ по себѣ никакого завѣщанія. Непрестанная забота, о уплатѣ тяжкихъ долговъ Св. гроба, и утрата обители Св. Іакова, были причиною его смерти; онъ только о томъ и бесѣдовалъ въ послѣднія минуты. Епископъ Лидды и Прохоръ, бу-

душій Епископъ Назарета, находились при свѣтъ Патріарха, вмѣстѣ съ Досиоеемъ, писателемъ исторіи Іерусалимской, и Доксою, благочестивою женою изъ Синопа, шедшею на поклоненіе Св. мѣстъ. Первые два не были читателями памяти усопшаго; не смотря на просьбы Досиоея, который желалъ, чтобы тѣло его втайнѣ перевезено было въ Миры-Ликійскія и тамъ погребено, близъ гроба Святителя Николая, они похоронили его на одной пустынной горѣ въ Кастельроссо, и тѣмъ едва не навлекли на себя гоненія отъ мѣстныхъ властей Турецкихъ*.

Одиннадцать лѣтъ продолжалось многотрудное святительство Паисія, который оставилъ по себѣ благую память въ Палестинѣ. Въ Яффѣ выстроилъ онъ пристанище для богомольцевъ, чтобы спасти ихъ отъ насилія Арабовъ; въ Лиддѣ, гдѣ овладѣли Сарацины половиною великолѣпнаго храма Св. Георгія и обратили ее въ мечеть, онъ не пожалѣлъ сокровищъ, чтобы устроить опять церковь, въ оставшейся Христіанамъ части, при гробѣ великомученика. Между Іерусалимомъ и Виолеемомъ возстановилъ ограду монастыря Пророка Іліи, и въ самомъ храмѣ Воскресенія открылъ нѣкоторыя окны и уничтожилъ пристройки, сдѣланныя со временъ завоеванія Саладинова, такъ что богослуженіе могло совершаться не во мракѣ, и храмъ сдѣлался гораздо свѣтлѣе. Онъ же устроилъ, въ лучшемъ порядкѣ, и чинъ богослуженія церковнаго.

* 1660 г.

XLII.

ПАТРИАРШЕСТВО НЕКТАРІЯ.

Досиоей и другіе, бывшіе съ покойнымъ Патріархомъ, откупившись отъ притязаній Турецкихъ на островъ, возвратились чрезъ Атталію въ Царьградъ, куда привезли съ собою и всѣ хаттишерифы Султанскіе. Тамъ бывшій воевода Молдавскій Василій, оказавшій уже столько услугъ Св. граду, и не менѣе его усердный драгоманъ Порты Панагіоти, собрались, вмѣстѣ съ Патріархомъ Константинопольскимъ Парөніемъ младшимъ, Синодомъ, вельможами Греческими и отцами Іерусалимскими, на подворьи Св. земли, чтобы совѣщаться, кого бы избрать въ Патріарха Св. граду? ибо Святители его, странствуя по всѣмъ землямъ, долженствовали имѣть опытность не только гражданскую, но и духовную, дабы удовлетворительно отвѣчать на всѣ

догматическіе вопросы, имъ предлагаемые. Надлежало также обратить вниманіе и на то, чтобы новый Архипастырь былъ родомъ изъ области Палестинской, по всѣмъ канонамъ древней Апостольской Церкви; ибо Іерусалимская, отъ самаго начала, свято соблюдала сіе правило. Тогда Гавріиль, Архіепископъ Филиппопольскій, предложилъ Нектарія Синаитянина, человека мудраго и опытнаго, и всѣ единодушно воскликнули: «одинъ Нектарій достоинъ сей чести!» Самъ Гавріиль отправленъ былъ, съ соборною грамотою, на Синай, чтобы убѣдить Нектарія на патріаршество Св. града, и съ нимъ былъ Досиоей, котораго употребляли во всѣхъ важныхъ дѣлахъ церковныхъ.

Достигнувъ Яффы, они узнали, что и Нектарій находится тамъ, потому что по смерти Іоасафа, Епископа Синайскаго, былъ избранъ отцами обители, въ Епископа сей пустынной области, и шель оттуда для рукоположенія въ Іерусалимъ. Въ храмъ Св. гроба, въ недѣлю ваій*, рукоположенъ былъ Нектарій, по общему согласію отцевъ Іерусалимскихъ, Патріархомъ Св. града, и предпочель остаться въ немъ на жительство, чтобы лучше обозрѣть свою паству и узнать людей, а потомъ уже приступить къ дѣламъ внѣшнимъ. Первымъ его дѣйствіемъ было испросить дозволеніе у Хуссейнъ-Наши Газскаго, (котораго вскорѣ потомъ смѣнили) на обновленіе некоторыхъ зданій; немедленно открылъ онъ обветшавшія келліи иноковъ, скупилъ дома около церкви Предтечи, напротивъ храма Вос-

* 1661 годъ.

кресенія, и выстроилъ въ Рамлѣ обитель для поклонниковъ. Насталъ жестокий голодъ по всей Палестинѣ; но бѣдные, не смотря на крайнее положеніе дома патріаршаго, находили тамъ пищу, и богомольцы пришедшіе изъ Греціи, обильною милостынею облегчили страданія народа. Только на другой годъ рѣшился Нектарій ѣхать въ Царьградъ, по дѣламъ церковнымъ, оставивъ своимъ намѣстникомъ Неофита, Митрополита Виолеемскаго, и, во время морскаго путешествія, дважды едва не впалъ въ руки разбойниковъ; изъ Саталіи, уже сухимъ путемъ, достигъ онъ Царьграда.

Кроткій Нектарій старался обратить, на пользу Св. гроба, тяжкое для него разлученіе съ своею любимою паствою. Въ Царьградъ убѣдилъ онъ богатаго вельможу Греческаго, Манулаки Кастріота, устроить тамъ училище и пожертвовать значительную сумму на обновленіе храма Виолеемскаго, которое однако довершилъ его преемникъ. Потомъ предпринялъ трудное путешествіе по Булгаріи, Македоніи, Валахіи и Молдавіи, для сбора милостыни, и возвратившись въ тяжкой болѣзни въ Константинополь, совершенно исцѣлился, при живоносномъ источникѣ. Онъ посетилъ и острова Архипелага, на обратномъ пути своемъ въ Іерусалимъ, куда достигъ послѣ пятилѣтняго отсутствія. Тамъ, первою и главною его заботою, было возданіе подобающей чести святынь. Зная, что отцы Іерусалимскіе самовольно раздавали Св. мощи, въ даръ Государямъ православнымъ, онъ устроилъ для каждой частицы хрустальные ковчеги, равно какъ и

златой кивотъ для храненія честнаго креста, отъ коего также отдѣляли части, и всю сію святыню вложилъ въ одинъ большой кипарисовый крестъ, который велѣлъ носить впереди крестныхъ ходовъ, совершавшихся въ храмъ. Такимъ образомъ сокровища сіи сохранялись неприкосновенными, и богомольцамъ открывалось только одно малое отверстіе новой раки, для благоговѣйнаго цѣлованія креста Господня. Ревностный Архипастыръ устроилъ новый благольпный престолъ, въ соборномъ алтарѣ храма Воскресенія, на мѣсто разбитаго мраморнаго камня, служившаго дотолъ трапезою, и поставивъ на оный великолѣпную дароносицу, повѣсилъ предъ нею семь лампадъ. Онъ обратилъ вниманіе и на убогое состояніе великолѣпной нѣкогда лавры Св. Саввы, оградилъ ее новыми стѣнами, устроилъ гостиницу для богомольцевъ въ семь пустынномъ мѣстѣ, и многое исправилъ въ прочихъ обителяхъ*.

Со времени Патріарха Германа, который возобновилъ кувуклій, или часовню Св. гроба, она находилась въ полномъ распоряженіи православныхъ, а прочія исповѣданія допускались въ нее только для богослуженія. Но послѣ смерти Патріарха Павсія, Франки уловили въ обманъ намѣстника его Лаврентія, человека легкомысленнаго. Сперва испросили они, ради благоговѣнія къ святынь, обновить крышу часовни и, такимъ образомъ, присвоивъ себѣ самый камень гроба, начали ставить на немъ свои подсвѣчники. Не довольствуясь тѣмъ, они жаловались Лаврентію, что имъ оскорбительно

* Истор. Патр. Досно. кн. XII, гл. 5. 1664 г.

служить утренню, въ недѣлю ваій, вмѣстѣ съ прочими еретиками, хотя, по древле установленному порядку, соблюдалась и въ этомъ постепенность: ибо послѣ соборной утрени православныхъ, начинали ее у себя Римляне, потомъ Армяне, далѣе Копты и Сирійцы, каждый народъ въ своихъ отдѣленіяхъ, не мѣшая одинъ другому. Едва только получили они позволеніе совершать свои утрени, почти въ одно время съ православными, какъ уже представили свидѣтелей кадію Иерусалимскому, будто имѣютъ на то право, и всякой годъ позволяя себѣ болѣе и болѣе, дошли до того, что стали уже служить утренню при восхожденіи солнца, когда должна была начинаться соборная литургія православныхъ; вслѣдъ за молитвами утренними, вопреки всякаго порядка, поставили они свои каедры, противъ дверей Св. гроба, и начали литургію, прежде Греческой. Патріархъ Нектарій былъ одержимъ въ то время подагрою, а готовившійся къ богослуженію Митрополитъ Виолеемскій, по слабости характера, не осмѣлился прекословить Франкамъ. Но Досиѳей, уже возведенный около сего времени въ санъ Митрополита Кесарійскаго, посѣвшиль обличить самоволіе Латинское предъ кадіемъ; получивъ отъ него свидѣтельство въ справедливости православныхъ, онъ ѣздилъ нарочно въ Адрианополь, чтобы исходатайствовать вновь утвердительный фирманъ отъ Порты, на древнее свое право; ибо, по несчастію, состязаніе различныхъ исповѣданій, въ одномъ храмѣ, столь велико, что тамъ нельзя опустить безъ вниманія ни малѣйшаго

нарушенія взаимныхъ правъ, дабы вовсе ихъ не утратить.

Такимъ образомъ, Латиняне воспользовались отсутствіемъ Патріарха Нектарія въ Царьградъ, чтобы тайно обсыкать камень Св. гроба, и только властію кадія могли удержать ихъ отцы Греческіе. Когда же возвратился Патріархъ, они не захотѣли воздать ему должной почести и не возжгли для его прихода лампадъ своихъ, во Св. гробъ; посему и онъ не велѣлъ растилать для нихъ ковровъ, около камня помазанія Господня, въ тотъ день, какъ они совершали празднество свое, такъ называемое тѣла Божія. Когда же надобно было поддержать внѣшнюю стѣну храма, что исполнили общими силами Греки, Франки и Армяне: то посоль Французскій постарался, чтобы имя его единовѣрцевъ стояло въ данномъ фирманѣ первымъ, вопреки издревле признаннаго Портою первенства православныхъ въ Иерусалимъ; такія оскорбленія возбуждали взаимную неприязнь Грековъ и Латинянъ.

Нектарій*, желая всеми средствами поддержать преимущества православныхъ, предъ прочими исповѣданіями, и особенно въ сравненіи Франковъ, учредилъ опять служеніе литургіи каждую субботу, на маломъ престолѣ, который стоялъ противъ дверей гроба, подъ такъ называемою царскою аркою; ибо сей обычай вышелъ съ нѣкотораго времени изъ употребленія. Самъ Досиѳей удивляется, какимъ образомъ, ревнитель православія, Патріархъ Теофанъ, въ долгое свое святительство, не ввелъ

* Кн. XII. гл. 6.

опять богослуженія православныхъ внутри часовни Св. гроба, гдѣ оно искони совершалось не на самомъ гробѣ, но въ придѣлѣ Ангела, на мраморномъ камнѣ, нарочно для сего устроенномъ; Франки же продолжали совершать литургію на гробовой плитѣ, гдѣ лежало самое тѣло Господне. (По сей причинѣ, когда созидали обитель новаго Иерусалима, во дни Патріарха Никона, не было положено служенія литургіи, внутри подобія часовни Св. гроба, хотя теперь она опять совершается православными, въ древнемъ Иерусалимѣ въ гробовомъ вертепѣ). Но не смотря на всѣ старанія Патріарха Нектарія, Франки усиливались все болѣе и болѣе въ его святительство, и стали почитать себя совершенными обладателями священной часовни, украшая ее по своему произволу; блаженный старецъ, по свойственной ему кротости, переносилъ ихъ оскорбленія.

Свидѣтельствомъ пастырской долготерпимости осталось и намъ, миролюбивое его посланіе къ Царю Алексію Михайловичу, въ защиту Никона Патріарха, когда самъ Нектарій, вмѣстѣ съ прочими Святителями Восточными, приглашаемъ былъ на соборъ въ Россію, для его низложенія. Онъ напоминалъ Царю, о прежнихъ заслугахъ знаменитаго мужа, и просилъ его быть снисходительнымъ къ слабостямъ человѣческимъ, ради любви Христовой. «Намъ кажется, писалъ онъ, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить сіе дѣло, и снова пригласить киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи уложенія нашего,

для точнаго ихъ соблюденія: и ежели онъ окажется сперва преступившимъ оныя, а потомъ раскается и дастъ обѣщаніе соблюдать, то достоинъ прощенія; ибо случалось весьма много такого и еще важнѣйшаго въ Церкви, и все поправлено для мира и тишины. И такъ, просимъ мы священное ваше Величество, чтобы вы не приклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а наипаче, если таковыя будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ Россійской Церкви соблазны; почему гораздо справедливѣе мнѣ, нежели Іереміи, сказать слова его: утробою моею болѣзную, страждетъ сердце мое и душа моя. Онъ оплакивалъ плотскую брань, а я стенаю и плачу о духовной, и, подобно ему, скажу: кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источники слезъ, да оплачу происшедшее несогласіе и раздѣленіе въ Церкви Господней? Несогласіе и возмущеніе въ Церкви страшнѣе всякой войны; ибо раздираетъ нешвенную одежду Христову, которую не раздѣлили и жестокосердые войны, во время страданія Христова; раздрать же одежду Христову есть явный знакъ гибели душъ, за которія Христосъ умеръ. Вы не въдаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда наша Церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями, отъ разныхъ притѣсненій языческихъ; одну лишь вашу Россійскую Церковь мы видѣли, подобно второму Ноеву ковчегу, служащую спасеніемъ отъ всякаго

языческаго потопа и сохраняющею въ себѣ неистлѣнными сѣмена благочестія. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ сего блага мира? Для чего такъ жестоко отметаєте отъ себя первое достояніе? Первое достояніе есть миръ: миръ бо, глаголашъ Снисшедшій на вольную страсть, оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ. Или не знаете, что самопроизвольно отметающій первое наслѣдіе, лишается и усыновленія и уже не обрѣтаетъ отца во Христв; ибо не имѣющій мира, какъ возможетъ быть чадомъ Христовымъ? И такъ помысливъ о семъ, миролюбивѣйшій Государь, послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ накі возвести законнаго Патріарха вашего на престолъ его, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и гибельнаго начала смѣнять православныхъ, и правомыслящихъ о догматахъ вѣры, Патріарховъ вашихъ. Сіе есть началомъ разрушенія Церкви нашей въ Константинополь; оно послужило и доннынѣ служить источникомъ многихъ золъ, и содѣлало насъ посрамленными предъ Западною Церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку.» Кроткое заступленіе Святителя Іерусалимскаго было какъ бы вознагражденіемъ, за тѣ горести, какія навлекло Никону другое духовное лице Палестины, Паисій Лигаридъ, Митрополитъ Газскій, оставившій свою епархію, чтобы искать себѣ временныхъ успѣховъ въ Италіи, и потомъ возбудившій многихъ въ Церкви Россійской, происками своими противъ ея Ар-

хипастыря. Сильно осуждалъ его писатель исторіи перковой Патріархъ Досиѣей, какъ зараженнаго Латинствомъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, и только его преемникъ Хрисанѣъ, слышавшій лично въ Кіевѣ, о покаяніи Лигарида, въ послѣдніе годы его жизни, старался оправдать память его предъ современниками.

Не только дѣломъ, но и словомъ, подвизался ревностный святитель Нектарій, для духовнаго огражденія своей паствы, и написалъ цѣлую книгу, подъ именемъ Синтагма, въ коей собралъ все опредѣленія Св. отцевъ и соборовъ противъ владычества Папскаго. Но онъ уже чувствовалъ, что тѣлесныя силы его оскудѣвали, отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, и будучи вынужденъ отплыть опять въ Царьградъ, дабы противодѣйствовать нападеніямъ Франковъ, рѣшился наконецъ оставить многотрудный престолъ свой. Сперва открылся онъ о томъ искреннему своему пріятелю, Митрополиту Досиѣю, и тотъ совѣтовалъ ему, для лучшаго устроенія дѣлъ церковныхъ, объявить свое отреченіе не въ Царьградъ, а въ Іерусалимъ, дабы избраніе его преемника могло совершиться правильно, властію соборною, и новый Патріархъ, будучи самъ изъ Іерусалимлянъ, вполне постигалъ бы нужды своей паствы. Но престарѣлый Нектарій не принялъ совѣтовъ Досиѣея; онъ послалъ его самаго въ Ларису, гдѣ тогда находился Султанъ, чтобы испросить фирманъ на свободное назначеніе себѣ преемника, и съ помощію Господаря Молдавскаго Дуки, получилъ желаемое. Патріарху Константинопольскому

Мееодію пришло повелѣніе Султанское, содѣйствовать во всемъ къ избранію новаго Святителя Іерусалимскаго, и соборнымъ рѣшеніемъ всего духовенства, соединившагося на подворьи Св. гроба, самъ ученый Митрополитъ Досіеѣй избранъ былъ въ Патріархи Св. граду и рукоположенъ обоими Патріархами*, а Нектарій, въ качествѣ намѣстника, съ титуломъ Патріаршимъ, удалился въ Іерусалимъ, куда вскорѣ прибылъ и бывший Патріархъ Константинопольскій Діонисій. Тамъ оба старца искали себѣ успокоенія отъ многихъ заботъ своего святительства.

XLII.

ПАТІАРШЕСТВО ДОСИЕЯ.

Между тѣмъ, тяжкое бремя долговъ осталось въ наслѣдство Досіеѣю, отъ происковъ Армянскихъ и Латинскихъ, и отъ бывшаго возмущенія Паши Дамаскаго, намѣстники коего разоряли Іерусалимъ.

* 1669 г.

Долгъ сей восходилъ до осмисотъ тысячъ левовъ, не считая накопившихся процентовъ, и хотя Господарь Дука старался по возможности содѣйствовать къ его уплатѣ, самъ Патріархъ вынужденъ былъ немедленно предпринять странствованіе по Булгаріи и Молдавіи и обѣимъ княжествамъ, для сбора милостыни. Больше двадцати тысячъ левовъ, серебряныя лампы и два монастыря, одинъ въ Яссахъ, другой въ Эпирѣ, были плодомъ сего странствія, во время коего не разъ подвергался онъ опасностямъ. Достигнувъ Царьграда, гдѣ принужденъ былъ состязаться за Св. мѣста съ посломъ Французскимъ, Досіеѣй поспѣшилъ къ Пасхѣ слѣдующаго года въ Іерусалимъ; тамъ выкупилъ ризницу Св. гроба, изъ рукъ заимодавцевъ, уничтожилъ нѣсколько пристроекъ, сдѣланныхъ иновѣрцами внутри храма Воскресенія, и получивъ фирманъ на обновленіе собора Виѣлеемскаго, ревностно имъ занялся, ибо деньги и матеріалы были уже на то приготовлены заблаговременно. Много затрудненій дѣлали мѣстныя власти касательно исполненія фирмана: ибо въ немъ давалось разрѣшеніе на поправку крыши, надъ рождествомъ Христовымъ, а такъ какъ не было упомянуто собственно о соборѣ, то Турки умышленно относили это къ одному лишь вертепу рождества. Надобно было опять посылать въ Царьградъ, для поясненія фирмана, и это стоило семь тысячъ левовъ. Не малаго труда было перевезти въ Виѣлеемъ изъ Яффы, по горной непроходимой дорогѣ, большія деревья для крыши храма. — Христіанскіе жители Рамлы и Лидды, по усердію къ свя-

тынь, проложили для сего новую дорогу въ горахъ. Въ самомъ Виолеемъ Франки возбудили мятежь единовѣрныхъ Арабовъ, будучи недовольны тѣмъ, что Греки, при обновленіи южнаго притвора вынесли многія тѣла погребенныхъ въ церкви, во время обладанія Латинскаго; все однако кончилось успѣшно и храмъ былъ обновленъ совершенно. Послѣ отъѣзда Патріаршаго въ Царьградъ, опять возобновились безпокойства со стороны Франковъ въ Виолеемъ; они научили одного Турецкаго пристава Св. вратъ подать жалобу, будто бы Греки коснулись гробовъ не только Латинскихъ, но и Мусульманскихъ. Дѣло доходило до великаго Визиря, бывшаго тогда на Польской войнѣ, около Каменецъ-Подольска; но съ помощію великаго драгомана Панагіота, хотя и не безъ расходовъ, православные получили новый фирманъ, чтобы никто не безпокоилъ ихъ въ Виолеемъ. А между тѣмъ Патріархъ пріобрѣлъ въ Валахіи еще два монастыря для Св. гроба, и нашедши въ одномъ изъ нихъ часть честной главы Предтечевой, препроводилъ ее въ Іерусалимъ.

Много тревоги причинило Православнымъ пріѣзженіе въ Царьградъ Французскаго посла Маркиза де Ноантель, и особенно его путешествіе въ Іерусалимъ. Надмѣнный посолъ, пользуясь тѣмъ, что имя Людовика XIV. столь же громко на Востокъ, какъ и на Западъ, сталъ требовать отъ Султана, возвращенія всѣхъ Св. мѣстъ Франкамъ, какъ состоящихъ подъ исключительнымъ покровительствомъ

Королей Франціи, которые будто бы искони владѣли святынею Палестинскою. Но Турецкое правительство, не смотря на чрезмѣрные требованія, постановило только, чтобы Франки владѣли въ Іерусалимѣ тѣмъ, что было въ рукахъ ихъ дотолѣ, и имѣли бы свободный доступъ для поклоненія святынь. На слѣдующій годъ, посолъ испросилъ себѣ позволеніе ѣхать на богомолье въ Іерусалимъ, и Франки, превознесши его пріѣздомъ, пришли въ неистовство. Чтобы приготовить священную часовню гроба, для принятія знаменитаго гостя, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно овладѣть ею, они вздумали очистить отъ копоти самыя отверстія, сквозь которыя проходитъ свѣтъ въ ея своды; Греки, опасаясь пустить ихъ на крышу кувуклія, предлагали сами это исполнить; но Римляне рѣшились силою проложить себѣ дорогу, осыпали ударами двухъ старцевъ, ризничаго Закхея и другаго инока Макарія; а одинъ изъ Латинскихъ священниковъ, родомъ Испанецъ, ударомъ камня, убилъ монаха Греческаго, по имени Климента. Это случилось 3 Марта; когда же, по возникшему въ храмъ смятенію, кадій послалъ развѣдать о случившемся, Франки задарили его, и онъ написалъ только въ своемъ донесеніи, что убійство произошло по случаю драки между Греками и Франками, не сказавъ на чьей сторонѣ была вина.

Посолъ услышалъ о томъ еще въ Рамлѣ; ни мало не смутившись, вступилъ онъ съ великимъ торжествомъ въ Іерусалимъ, и чтобы еще болѣе показать свое могущество, проходя мимо патріар-

шихъ воротъ, приказалъ своимъ приближеннымъ разорвать камилавки на стоявшихъ около старцахъ Греческихъ, за то будто бы, что не принялъ его самъ Патріархъ, съ должною почетомъ, какъ представителя столь великаго Государя. Онъ написалъ и дерзкое письмо къ Нектарію, угрожая ему своимъ мщеніемъ въ Царьградъ, такъ что испуганный Святитель бѣжалъ въ Египетъ и оттолъ на Синай; но тревожимый страшными видѣніями, за то что оставилъ свою паству, возвратился опять въ Іерусалимъ. Такія же наглости ознаменовали и посѣщеніе посла въ Виелеемъ; онъ непременно хотѣлъ овладѣть святою пещерою Рождества, и для того домогался выманить ключъ отъ нея у игумна Кирилла, чтобы заставить кого либо, изъ бывшихъ съ нимъ священниковъ Латинскихъ, отслужить тамъ литургію и тѣмъ доказать права свои на святилище: однако, на сей разъ хитрость его не удалась; ибо отрокъ Греческій, бывший въ услуженіи у посла, предварилъ о томъ православныхъ, а игумень собралъ нарочно единовѣрныхъ Арабовъ въ пещеру, подъ предлогомъ любопытства, при входъ посла. Но тѣмъ не удовольствовался надмѣнный Ноантель: воспользовавшись отшествіемъ богомольцевъ къ Іордану, на стратной недѣль, онъ взшелъ ночью съ топорами въ храмъ Воскресенія, и тамъ, въ маломъ придѣлѣ позади главнаго алтаря, хотѣлъ высѣчь, изъ подъ престола православныхъ, часть столба, къ коему привязанъ былъ Спаситель, во время истязаній. Услышавъ о такомъ беззаконіи, Нектарій и отцы Греческіе обратились къ кадію и при-

вели въ волненіе весь городъ. Стража Турецкая ночью устремилась въ храмъ, и отворивъ врата, застала тѣмъ посла съ его сообщниками. Тогда Патріархъ Нектарій съ укоризною изгналъ его изъ храма, и хотя посоль много написалъ на него клеветы великому Визирю; но уже сей сановникъ былъ предваренъ, о его противузаконныхъ дѣйствіяхъ, и не дозволилъ ему продолжать путешествія въ Египетъ: онъ принужденъ былъ со стыдомъ возвратиться въ Константинополь*.

Нѣсколько времени Армяне не тревожили Грековъ въ Іерусалимъ, по внутреннимъ своимъ несогласіямъ. Вартопедъ ихъ Елеазаръ, долго боровшійся съ Патріархомъ Паисіемъ, вступилъ самъ въ состязаніе съ Католикомъ всей Арменіи, Іаковомъ, за право варить исключительно Св. муро въ монастырѣ Эчміадзинскомъ; много истративъ денегъ по сему предмету, въ диванъ Турецкомъ, онъ исходатайствовалъ себѣ наконецъ титул Патріарха Армянъ Іерусалимскихъ. Римляне, чтобы уничтожить Грековъ, поспѣшили признать новый санъ Армянскаго Епископа въ Св. градъ; но Елеазаръ, не довольствуясь однимъ титуломъ, пожелалъ и преимуществъ, и силою денегъ получилъ, отъ мѣстныхъ властей, право служить литургію на Св. гробъ. Смутились Франки и просили помощи отъ намѣстника, бывшаго Патріарха Нектарія; старецъ поспѣшилъ къ кадію и, показавъ ему грамоты Султанскія, доказалъ, что Православные одни имѣютъ власть во Св. гробъ, и только дозволили Римлянамъ,

* Кн. XII, гл. 6.

по ихъ просьбѣ, совершать тамъ литургію; но сіи послѣдніе, употребивъ хитрость, выпросили у кадія свидѣтельство, будто бы имъ однимъ предоставлено сіе право, и послали такое донесеніе въ Царьградъ къ великому Визирю. Патріархъ Досіоей, бывшій тогда въ Сербіи, посѣщилъ въ Адріанополь, гдѣ находился дворъ Султанскій, и представъ со всеми фирманами, данными православнымъ, предъ верховный судъ Визиря и Казискеридовъ, просилъ полного обладанія Св. гробомъ, изгнанія изъ него прочихъ исповѣданій, и дозволенія православнымъ совершать въ немъ литургію*.

Великій Визирь, благопріятствуя православнымъ, сказалъ имъ, что грамоты Халифовъ и Султановъ Мамелукскихъ, равно какъ и опредѣленія мѣстныхъ властей недостаточны, если Греки не имѣютъ сверхъ того хаттишерифовъ Султановъ Оттоманскихъ, и обрадованный Патріархъ отдалъ ему, одинъ за другимъ, всѣ указы Султанскіе въ пользу православныхъ, начиная отъ Селима и до Мурата. Когда же прочтено было въ слухъ слѣдующее опредѣленіе Султанское: «повелѣваю Патріарху и Грекамъ имѣть первенство предъ Франками, Армянами, Грузинами, Абиссинцами, Коптами, Сиріянами и предъ всеми народами, при гробѣ, въ каждой церкви и монастырѣ, и быть имъ первыми при всякомъ священнодѣйствіи или ходѣ; другимъ же исповѣданіямъ входить на поклоненіе не иначе, какъ съ ихъ позволенія,» — то Визирь сказалъ: «довольно!» Онъ потребовалъ грамоты Франковъ,

* 1675 г.

состоявшія болѣе изъ опредѣленій мѣстныхъ властей въ ихъ пользу. Послѣ долгаго пренія, о древности правъ каждаго исповѣданія, Визирь спросилъ еще у Франковъ: «есть ли у нихъ фирманъ позднѣе того, который данъ былъ Султаномъ Муратомъ Патріарху Теофану?» и когда они искали еще оправдаться тѣмъ, что въ этомъ фирманѣ упоминалось о Виолеемъ и Голгоеѣ, а не о Св. гробѣ, Визирь съ гнѣвомъ отвѣчалъ: «что не имъ судить о смыслѣ грамотъ Султанскихъ, ибо Муратомъ дарованы Грекамъ не только часть Виолеема и Голгоеы, но оба храма вполнѣ,» и изгналъ ихъ изъ верховнаго суда. Напрасно Патріархъ предлагалъ миръ Франкамъ, но выходя изъ присутствія; они съ гордостію его отвергли, надѣясь на ходатайство пословъ Франціи, Германіи и Англій, но на сей разъ Визирь остался непреклоннымъ; Франки утратили свою тяжбу, которая стоила и Грекамъ до сорока тысячъ левовъ.

Не ранѣе какъ на слѣдующій годъ, по обычнымъ замедленіямъ Турецкаго правительства, Патріархъ могъ привести въ исполненіе фирманъ въ пользу православныхъ. Это было въ Январѣ 1676 года, и съ тѣхъ поръ они стали опять служить литургію внутри часовни Св. гроба, въ придѣлѣ Ангела; Досіоей вынесъ, въ присутствіи мѣстныхъ властей, украшенія Латинскія, покрывавшія мраморъ священной часовни, и лампы ихъ, висѣвшія, въ придѣлѣ Ангела, но сохранилъ ихъ внутри Св. гроба; хотѣлъ даже дозволить Римлянамъ продолжать тамъ свое служеніе; но они требовали себѣ права на служеніе и предъ дверями часовни,

черезъ что лишились и перваго дозволенія, хотя не на долго; потому что вскорѣ политическія сношенія Порты съ Европою обратили въ ихъ пользу дѣла Палестинскія. Досиоей воспользовался благопріятными обстоятельствами, чтобы распространить зданіе патріархіи до бывшей обители Иверской, во имя Св. Оеклы, и обновить келліи ея, купленные у Коптовъ. Онъ принужденъ былъ однако тайно выѣхать изъ Іерусалима въ Царьградъ, когда узналъ, что Франки замышляютъ убить его, и около Бейрута спасся отъ Маронитовъ, переодѣвшись въ Турецкое платье; столь велика была ненависть иновѣрныхъ, за отнятую изъ рукъ ихъ святыню. Въ это время скончался въ Св. градѣ благочестивый старецъ, бывший Патріархъ Нектарій, на семьдесятъ-четвертомъ году отъ рожденія, который и послѣ своего отреченія отъ престола, смиренно управлялъ, въ качествѣ намѣстника, дѣлами Св. гроба.

Епископъ Латинскій, жившій въ Галатъ, предлагалъ Патріарху примириться съ Франками и охотно соглашался на то Досиоей; но новый блюститель Св. земли, пріѣхавшій изъ Рима, нарушилъ опять согласіе, непомерными требованіями, такъ что самъ Епископъ принужденъ былъ сознаться, что тогда только Римляне примирятся съ Греками, когда сіи послѣдніе сдѣлаются Папистами; иначе, если бы и уступили имъ Св. гробъ, не заключать мира. Едва лишь успѣлъ возвратиться Досиоей въ Іерусалимъ, какъ опять принужденъ былъ ѣхать искать защиты въ Константинополь, противъ сое-

диненныхъ усилій Армянъ и Латинянъ. Собравшись въ монастырь Св. Іакова, они дали взаимную клятву помогать другъ другу. Бывшій Вартопедъ Елеазаръ, за шестьдесятъ тысячъ левовъ, испросилъ опять у мѣстныхъ властей зданія, принадлежавшія Абиссинцамъ, и дозволеніе служить утренню въ храмъ, въ одно время съ православными; Римляне же негодовали еще и за то, что Греки недавно начали совершать вечерній ходъ свой по святилищамъ, прежде ихъ собственнаго. Но пріѣздъ Патріарха въ Царьградъ обрушилъ всѣ козни, ибо онъ имѣлъ при себѣ султанскіе фирманы.

Тогда озаботился о монастыряхъ Иверскихъ, которые, по безпорядочному управленію настоятелей своихъ, неопытныхъ и непокорныхъ Патріархамъ, пришли въ совершенный упадокъ, еще со временъ Паисія; долгъ на нихъ возвысился до ста тысячъ левовъ, такъ что они совсѣмъ опустѣли и уже Армяне хотѣли овладѣть монастыремъ Св. Николая, а Франки знаменитою обителью Креста. Цари и Католикосы Грузинскіе, нѣсколько разъ, старались поддержать свое достояніе въ Палестинѣ; но по несчастію, посылаемые ими деньги не достигали своего назначенія, по безпорядкамъ намѣстниковъ, а иногда посланные ими бывали сами ограблены на дорогѣ, что случилось въ 1659 году съ Епископомъ Тифлискимъ Іессеемъ, въ Анатолиі. Два года спустя, іеромонахъ Грузинскій Іосифъ, который завѣдывалъ обителями Иверскими, собравъ до сорока тысячъ левовъ и много драгоценной утва-

ри, отправился моремъ въ Палестину и погибъ съ кораблемъ. Наконецъ, самъ Католикосъ Грузіи, Дометій, братъ Царя, собравъ сто тысячъ левовъ, рѣшился ѣхать въ Іерусалимъ; но на дорогѣ, узнавъ о смерти брата своего, вызваннаго Шахомъ Персидскимъ въ Испагань, самъ скончался отъ горести, а деньги, собранныя имъ, всѣ пропали безъ вѣсти. Такимъ образомъ уже не оставалось болѣе никакой надежды, на освобожденіе обитателей Иверскихъ, которыя были всѣ въ залогѣ у Арабовъ и заперты. Патріархъ Досиоей, желая однако сохранить ихъ православнымъ, рѣшился самъ предпринять опасное путешествіе въ Грузію, гдѣ уже былъ однажды съ Паисіемъ, и предположивъ въ Іерусалимъ, до сорока тысячъ левовъ, отчасти собранныхъ его повѣренными въ Грузіи, для уплаты долга, поѣхалъ моремъ изъ Константинополя въ Трапезундъ, а оттолъ сухимъ путемъ, чрезъ Эрзерумъ и Карсъ, въ Тифлисъ.

Принятый съ честію Царемъ Грузинскимъ, Патріархъ Досиоей не много однако пріобрѣлъ пользы, отъ своего путешествія, и принужденъ былъ поспѣшить обратно въ Царьградъ, куда вызывалъ его, соборною грамотою, Патріархъ Константинопольскій Іаковъ, чтобы противустать опять нападеніямъ иновѣрцевъ. Іерусалимъ страдалъ также отъ жестокости тамошняго правителя, который въ теченіе семи лѣтъ собралъ съ обитателей православныхъ, до семидесяти тысячъ левовъ, такъ что Святитель принужденъ былъ искать защиты у Порты, и Ви-

зирь послалъ нарочнаго сановника, для прекращенія сихъ злоупотребленій въ Палестинѣ. Правительство Порты отвергло опять всѣ домогательства Франковъ и Армянъ, силившихся присвоить обладаніе Св. мѣстъ, и Патріархъ сихъ послѣднихъ, Елеазаръ, удалился въ Персію, гдѣ былъ избранъ Католикосомъ всей Арменіи.

Странное явленіе мнимаго Мессіи Еврейскаго, взволновало въ то время умы всѣхъ его единовѣрцевъ, въ Царьградъ и Іерусалимъ. Нѣкто Саватай Сава, изъ знаменитаго и богатаго рода, человекъ образованный и величавой наружности, поселился въ одной изъ пещеръ Палестинскихъ и сталъ выдавать себя за Мессію, ожидаемаго Іудеями. Толпы народа начали къ нему стекаться въ пустыню, отколъ далъ знать о себѣ Евреямъ Іерусалимскимъ; однако они ему не повѣрили, по внушенію одного изъ своихъ образованныхъ соотечественниковъ, врача Испанскаго Іакова. Ложный Мессія отважился и самъ явиться въ Св. градъ, но принужденный его оставить, поселился въ Смирнѣ, гдѣ чрезвычайно умножилось число его приверженцевъ, изъ всѣхъ странъ свѣта. Расказывали о немъ много чудесъ, будто бы воскрешалъ мертвыхъ, такъ что смутилось правительство Турецкое и, вытребовавъ его въ Царьградъ, посадило въ темницу. Но и туда послѣдовало за нимъ множество вѣрующихъ, и ученые Раввины обращались къ нему, изъ отдаленныхъ мѣстъ, съ высокопарными посланіями. Онъ же, пользуясь легковѣріемъ своихъ единоплеменни-

ковъ, провождалъ жизнь развратную, ибо многіе искали имѣть отъ него священное племя. Наконецъ Султанъ потребовалъ его къ себѣ въ Адрианополь и тогда обнаружилось малодушіе ложнаго Мессіи. Уже онъ назвался, предъ лицомъ грознаго властителя, не Христомъ, а послѣднимъ пророкомъ Магометомъ, предсказаннымъ будто бы въ Св. писаніяхъ, и для спасенія жизни немедленно принялъ ученіе корана. Однако и послѣ сего продолжалъ выдавать себя опять за Мессію, между Иудеями, доколь не былъ сосланъ въ заточеніе въ Морею, гдѣ и умеръ.

Возвратясь въ Іерусалимъ, Патріархъ Досіеѣй озаботился, прежде всего, о уплатѣ долга Иверскаго, для выкупа и пріобрѣтенія заключенныхъ обителей. Собравши всехъ заимодавцевъ, онъ погасилъ въ одну недѣлю всѣ долголѣтнія ихъ тяжбы съ Грузинами, уплативъ имъ до девяноста-четырехъ тысячъ левовъ; жестокосердый и корыстолюбивый Паша потребовалъ себя лично до шести тысячъ червонныхъ, за одну только утвердительную грамоту, о прекращеніи всехъ исковъ для обновленія лавры Св. Саввы, пришедшей въ упадокъ; стѣны ея обрушились, оставалась одна лишь церковь, стада Бедуинскія паслись по монастырю и даже въ опустѣвшихъ святилищахъ*. Менѣе нежели въ полгода, ревностный Святитель совершенно обновилъ знаменитую обитель величайшаго изъ подвижниковъ Палестинскихъ: укрѣпилъ ея стѣны, возвысилъ баш-

* 1686 г.

ни, перестроилъ и освятилъ всѣ церкви и устроилъ келліи и гостиницу, для иноковъ и странниковъ, такъ что, по его выраженію, послѣдняя слава храма сего была паче первыя. Отправляясь самъ въ Царьградъ, онъ поручилъ отцамъ Іерусалимскимъ обновить и всѣ монастыри Иверскіе, имъ пріобрѣтенныя, которые клонились къ паденію, особенно три главные: честнаго креста, святителя Николая и Василія великаго. Они же, движимые ревностію, въ продолженіе одного года, обновили еще сверхъ того и обители, двухъ святыхъ Θεодоровъ, Анны и Георгія, употребивъ на всѣ сіи издержки не болѣе тридцати тысячъ левовъ.

Не объ одномъ вишнемъ благосостояніи своей паствы заботился благочестивый пастырь, но и о духовномъ. Уже около полувѣка, Кальвинскія мнѣнія, о таинствѣ евхаристіи и священства, въ коихъ подозрѣвали бывшаго Патріарха Константинопольскаго, Кирилла Лукариса, волновали православный Востокъ; блаженный Досіеѣй, будучи въ Палестинѣ, соединилъ соборъ въ Вилеємѣ, изъ подвластныхъ ему Епископовъ, и написалъ изложеніе православной вѣры о сихъ догматахъ, для утвержденія Церкви; изложеніе сіе въ послѣдствіи было послано Святѣйшему Синоду Россійскому, Вселенскими Патріархами, при утвержденіи онаго, когда нѣкоторые изъ Англиканскихъ Епископовъ обратились къ Церкви Восточной, съ предложеніями о мирѣ церковномъ, и доселѣ оно соблюдается, какъ твердое основаніе догматовъ православной

вѣры. Патріархъ Досиѳей видя также, что со временъ Лукариса заведена была въ Царьградъ типографія и печатались многія книги, поревновалъ сему полезному заведенію ко благу своей паствы. Будучи въ Яссахъ, не пощадилъ онъ издержекъ, для пріобрѣтенія всего пужнаго къ устройству типографіи, подъ надзоромъ одного Валахскаго іеромонаха, по имени Митрофана, и прежде всего напечаталъ книгу Патріарха Нектарія, противъ власти Папской, и творенія Симеона Фессалоникскаго. Между тѣмъ Франки всячески старались оклеветать Патріарха, чтобы только овладѣть Св. мѣстами; они обвинили его предъ правительствомъ Порты, что будто печатаетъ вредныя противъ него книги; но благоразумный Визирь не далъ вѣры ихъ клеветамъ. Тяжкая болѣзнь Святителя, вызваннаго по сему случаю въ Адрианополь, долго его тамъ задержала.

Опять началъ приступать посоль Французскій къ великому Визирю, съ требованіемъ Св. мѣсть для Латинянъ*, обѣщая за то, именемъ Короля своего, принять сторону Султана, въ долготѣней войнѣ его съ Римскою имперіею; Визирь, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ Порты Оттоманской, принужденъ былъ дать обѣщаніе, что отправить съ своей стороны агу, для разбирательства дѣла между Франками и Греками. Патріархъ, едва оправившись отъ болѣзни, поспѣшилъ предстать правителю Турціи и умолялъ его, отмѣнить столь тяжкое для него рѣшеніе, которое возбудитъ толь-

* 1686 г.

ко новыя распри и будетъ стоить многихъ денегъ отцамъ Іерусалимскимъ. Но великій Визирь успокоилъ его, говоря, что вынужденъ былъ, противъ собственнаго желанія, удовлетворить требованію Французскаго посла; самъ же лично благопріятствуетъ православному подданному Султана и обѣщаль, что посольство аги не будетъ имѣть никакого вліянія на дѣла, потому что тѣмъ выиграется только время и польстятъ самолюбію Франковъ. Началось изслѣдованіе въ Іерусалимѣ, о взаимномъ обладаніи обѣихъ исповѣданій: Франки, силою денегъ, убѣдили мѣстныя власти, дать имъ свидѣтельство, будто бы всѣ Св. мѣста принадлежали имъ, до временъ Патріарха Теофана, несправедливо ихъ похитившаго. Однако, не смотря на то, они не имѣли успѣха въ Царьградъ, и Патріархъ Досиѳей получилъ опять хрисовулу царскую, на владѣніе Св. мѣстами. Убіеніе Визиря, возмутившимися янычарами, и низложеніе Султана Магомета*, послѣ сорокалѣтняго его царствованія, измѣнили обстоятельства при дворѣ Турецкомъ. Однако, и отъ новаго Султана Солимана, Патріархъ успѣлъ испросить утвердительную грамату на Св. мѣста, ибо жестокая война съ Австрійцами возбуждала негодованіе Порты противъ всѣхъ Франковъ; но на слѣдующій годъ заключеніе мира, между Австріею и Портою, въ Карловицахъ, при посредничествѣ Франціи, дало и въ Іерусалимѣ перевѣсъ Римлянамъ надъ православными, не смотря на всѣ усилія великаго драгомана Маврокордата, который, во вре-

* 1787 г.

мя заключенія мира, старался защитить права своихъ единовѣрцевъ.

По настоянію новаго посла Французскаго, прибывшаго въ Царьградъ, Порты принуждена была выдать фирманъ, совершенно противурѣчившій прежнимъ, ибо благопріятствовалъ Франкамъ и уступалъ имъ во владѣніе Св. мѣста. Превознесшіеся такою побѣдою, они обнаружили всю свою злобу противъ Грековъ и немедленно обрушили Св. престолъ, находившійся въ придѣлѣ Ангела, предъ Св. гробомъ, вынули изъ подъ него ковчегъ со Св. мощами, и выкинули все украшенія православныхъ изъ священной часовни; потомъ разрушили въ Виѳлеемѣ иконостасъ соборный, выстроенный, съ большими издержками, Патріархомъ Нектаріемъ, и оказывали всякаго рода поруганія святынь и духовенству Греческимъ; они даже распустили слухъ, будто Патріархъ Досіеѣй повѣшенъ въ Царьградъ, и оклеветали его намѣстника въ Іерусалимѣ предъ мѣстными властями, такъ что принужденъ былъ, со многими изъ отцевъ, удалиться въ Дамаскъ. Тамъ пребывали изгнанники, доколь Патріархъ не исходатайствовалъ въ пользу ихъ фирманъ у Порты, въ силу коего могли безопасно возвратиться въ Іерусалимъ. Радостная вѣсть о томъ, что Святитель живъ, поддержала духъ православныхъ въ Св. градѣ, и они праздновали ее, возженіемъ огней въ домахъ своихъ, въ продолженіе цѣлой ночи.

Патріархъ Досіеѣй останавливается на столь горестныхъ событіяхъ и не продолжаетъ далѣе

своей исторіи, хотя святительствовалъ еще осьмнадцать лѣтъ до 1708 года. Преемникъ его Хрисанъ, издавшій въ свѣтъ его исторію въ 1715 году, не присовокупляетъ къ ней позднѣйшихъ событій, вѣроятно потому, что ему горько было описывать успѣхи Римлянъ и уничтоженіе православныхъ; оттого и свѣдѣнія, о состояніи Церкви Іерусалимской, опять исчезаютъ въ XVIII вѣкѣ. Огорченіе Святителя Іерусалимскаго явствуетъ изъ послѣднихъ словъ его, коими заключаетъ свое пространное твореніе*. «Напрасно и ложно разглашаютъ повсюду Франки будто бы Св. мѣста въ ихъ власти; ибо хотя и получили они первенство въ нѣкоторыхъ изъ сихъ мѣстъ, но не полное ими обладаніе; потому что и мы торжественно, съ большею свободою, чѣмъ Римляне, совершаемъ все наши церковныя службы, не опасаясь никакого препятствія съ ихъ стороны. Да и то, что они говорятъ, будто святыи гробъ и святая пещера Виѳлеемская въ ихъ власти, показываетъ только, что они одни тамъ служатъ, между тѣмъ какъ и мы, если захотимъ, можемъ служить тамъ безпрепятственно, хотя не дѣлаемъ сего по многимъ причинамъ, а особенно для того, чтобы не подумалъ народъ, что мы отъ нихъ не различаемся въ богослуженіи. Сверхъ сего, сколько имѣемъ мы Св. мѣстъ, монастырей и престоловъ, въ самой соборной церкви Св. гроба, въ святомъ градѣ и внѣ его, вблизи и далеко. Римляне и все прочее сборище вкупѣ не имѣютъ и половины того, чѣмъ по ми-

* Истор. Патр. Досіеѣй. Кн. XII. гл. 13.

лости Божіей мы владѣемъ, съ полною властію. Присвоили же себѣ Римляне нѣкоторыя Св. мѣста въ 1689 году, въ Апрель мѣсяць.»

Сими словами заключается исторія Патріарха Досиоѣя, проникнутаго справедливою скорбію о утратѣ святилищъ: такое соревнованіе о Св. мѣстахъ, внутри самага храма, гдѣ пострадалъ общій всѣхъ Спаситель, не должно казаться страннымъ, намъ отдаленнымъ пришельцамъ; ибо на Востокъ вѣра составляетъ истинное отечество много различныхъ племенъ; они враждуютъ между собою, не такъ какъ послѣдователи различныхъ исповѣданій, но какъ разнородные по своему происхожденію, еще памятующіе давнія несогласія своихъ предковъ, и потому совершенно чужды другъ другу, а между тѣмъ втѣснены во внутренность малаго заключеннаго храма, гдѣ невольно возникаетъ взаимная ихъ распря.

XLIII.

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Патріархи Хрисанъ, Мелетій, Пароеній, Ефремъ, Софроній, Аврамій и Аноимъ.

Еще болѣе правъ пріобрѣли себѣ Римляне въ 1700 году, по ходатайству Австрійскаго посла Графа Эттингена. Два фирмана Порты обезпечили свободное ихъ богослуженіе въ Іерусалимъ*, подъ особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, вопреки давнихъ преимуществъ православнаго духовенства. Имъ предоставлены были: обитель Предтечи внѣ города, кладбище Сіонское, монастыри Виолеема и Назарета, съ ихъ садами, также въ Сафатъ, Саидъ и Рамль, пещера Геосиманская и часовня Св. гроба. Они получили дозволеніе совершать крестный ходъ на гору Элеонскую, въ вербное воскресеніе, и служить въ развалинахъ храма Іоакима и Анны, принимать повсюду своихъ

* Hammer Liv. LXI.

богомольцевъ и обновлять Св. мѣста, имъ принадлежащія, все это съ явнымъ нарушеніемъ правъ исповѣданія православнаго. Тогда обнаружилась и настоящая цѣль всѣхъ дѣйствій Латинскихъ, для обладанія Св. мѣстами; ибо вслѣдъ за полученіемъ сихъ фирмановъ, появились на Востокъ Іезуиты и внезапно наводнили собою Палестину, Сирію и Египеть, повсюду раставляя свои сѣти, столь быстро, что уже въ 1717 году прибылъ въ Сирію и мнимый Патріархъ Антиохійскій, дотолъ носившій только одно тщетное титуло въ Римъ; а настоящій Патріархъ православныхъ подвергся жестокому гоненію. Распря его предметника Аѳанасія, съ Митрополитомъ Алепскимъ Герасимомъ, открыла широкую дверь миссіонерамъ Латинскимъ, которые дотолъ таились по главнымъ городамъ Сиріи, стараясь только привлечь къ себѣ духовенство и мірянъ, снисходительностію къ проступкамъ, излѣченіемъ болящихъ и дарами; они находились, большею частию, подъ покровительствомъ самихъ Архіереевъ православныхъ, потому что скрывали настоящую цѣль свою и являлись только общими благодѣтелями Христіанъ Восточныхъ, упоминая о Папѣ, какъ о покровителѣ, а не главѣ. Когда же Митрополитъ Алепа, по личной ненависти къ Патріарху, принялъ Унію и послѣдовалъ ему Епископъ Сидонскій, тогда обнаружилось и созрѣло давно таившееся сѣмя: — внезапно образовалась Унія и укрѣпилась въ двухъ монастыряхъ Ливанскихъ, подъ покровительствомъ Маронитовъ, издавна подчиненныхъ Римскому престолу; почти весь

Алепъ, наполненный мятежными янычарами и поддерживаемый торговлею съ Франками, принялъ ихъ сторону, и все усилія законныхъ пастырей, для прекращенія раздора церковнаго внутри своей паствы, остались тщетными. Унія расла а народъ, хотя и чуждаясь Римлянъ, невольно ей вдалася, ибо священники ихъ носили одежды православныхъ и тѣмъ обольщали неопытныхъ.

Наградями, обольщеніями и уступчивостію въ правилахъ церковныхъ, Римская Церковь успѣла привлечь къ себѣ довольно число православныхъ; главнымъ же предметомъ ея гоненій былъ мудрый Хрисанъ, Патріархъ Іерусалимскій, который одинъ сопротивлялся словомъ и дѣломъ кознямъ Латинскимъ: съ нимъ вмѣстѣ Римляне думали покорить все православное духовенство и тѣмъ легче успѣть въ своихъ намѣреніяхъ. Однако, подкрѣпленное силою свыше, оно не только сохранило свое существованіе, но и ввѣренное ему стадо берегло незараженнымъ отъ чуждаго ученія. Патріарху Хрисану предстояло побѣдить и еще большее затрудненіе. Храмъ Воскресенія, отъ ветхости, клонился къ разрушенію и необходимо было обновить его. Западная Церковь, еще при жизни Патріарха Досіея, всячески домогалась получить отъ Порты позволеніе на перестройку храма; но Досіею, благоразуміемъ своимъ, отклонялъ всѣ проски, зная, что Римляне хотятъ совершенно овладѣть святилищемъ, и потому старался пслучить себѣ это право. Такимъ образомъ время про-

текало въ распряхъ, а храмъ нуждался болѣе и болѣе въ перестройкѣ. Стѣсняемый, неотлагаемою нуждою обновленія храма, и видя могущество Западной Церкви, Хрисанъ условился наконецъ, въ 1720 году, съ Посломъ Франціи Маркизомъ Боньякомъ, возобновить храмъ общими силами, и совершилъ сей великій подвигъ.

Святительство мудраго Хрисанѳа памятно намъ, странствованіемъ одного благочестиваго паломника Русскаго, Василя Барскаго, который получивъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, двадцати лѣтъ оставилъ домъ отеческій и, въ теченіе 24 лѣтъ странствовалъ по Св. мѣстамъ, въ Европѣ, Азій и Африкѣ. Сперва посѣтилъ онъ Австрію и Италію, изъ Венеціи отплылъ въ Аѳонскую гору; оттуда направился въ Палестину, и встрѣтилъ на пути въ Хіосѣ Патріарха Хрисанѳа. Потомъ прожилъ годъ въ Египтѣ, гдѣ пользовался особенными милостями Патріарха Космы, и видѣлъ Синайскую гору; возвратясь вторично чрезъ Іерусалимъ въ Сирію, два года находился въ Триполискомъ училищѣ. — Сильвестръ, Патріархъ Антіохійскій, чрезвычайно притѣсняемый въ своей епархіи ревностію Римской пропаганды, старался удержать при себѣ образованнаго Русскаго паломника, и постригъ его въ монашество; но Барскій не могъ привыкнуть къ постоянному жительству въ Антіохіи и искалъ новыхъ странствованій. — Острова Архипелага привлекли его вниманіе; на Патмосѣ прожилъ онъ шесть лѣтъ въ училищѣ, при духовномъ наставникѣ Макаріѣ. — Долголѣтній подвигъ его стран-

ствія, совершеннаго по большей части пѣшкомъ, въ крайней нищетѣ и съ безпрестанною опасностію, дѣлаетъ его чрезвычайно уважительнымъ. Барскій возвратился въ отечество, какъ бы только для того, чтобы упокоить кости свои въ родной землѣ, и скончался въ Кіевѣ, чрезъ шесть недѣль по своемъ пріѣздѣ.

Путешествіе его имѣетъ большое достоинство по точности, съ которою онъ говоритъ о всякомъ малѣйшемъ предметѣ, встрѣчавшемся ему на пути, представляя очень ясно самую мѣстность, разстоянія, нравы жителей, даже обстоятельства времени. Съ какимъ теплымъ чувствомъ въры идетъ онъ въ путь, съ какимъ самоотверженіемъ и упованіемъ одолеваетъ все препятствія! Христа ради посѣщаетъ онъ мѣста подвиговъ Христовыхъ, не зная будетъ ли имѣть пищу на завтрашній день, и спокойно засыпаетъ посреди опасностей, терпитъ побои и поруганія и радуется имъ, какъ истинный поклонникъ; недугъ тѣлесный гнететъ его на пути въ Антіохію, онъ изнемогъ духомъ, но въ горахъ встрѣчаются ему развалины церкви и въ оной крестъ съ надписью: «крестъ падающихъ востаніе!» и этихъ словъ ему довольно, чтобы забыть все печали и труды.

Лишь только укротилась нѣсколько тревога Западныхъ, Армяне, пользуясь возмущеніемъ янычаръ, возстали противъ православныхъ въ 1730 году. Большими деньгами склонили они на свою сторону великаго Визиря Али Пашу, родомъ изъ Арменіи, и онъ, представивъ Султану Махмуду I.

подложные фирманы, убъдилъ его выдать новый въ пользу Армянъ. Патріархъ Мелетій, преемникъ Хрисанеа, жившій тогда въ Іерусалимъ, поспышилъ въ Константинополь, гдѣ всѣ православные съ трепетомъ ожидали его прибытія, чтобы противудѣйствовать Армянамъ. Порта выслушала однако справедливыя представленія Грековъ и, послѣ тщательныхъ изслѣдованій, убъдившись въ правотѣ ихъ, созналась въ своей ошибкѣ и уничтожила указъ, данный ею Армянамъ; православнымъ же возвращены были древнія ихъ права, новымъ фирманомъ*.

Тогда возникли опять гоненія Западной Церкви. Недовольная отнятыми ею Св. мѣстами, она рѣшилась вытѣснить совершенно изъ Іерусалима православныхъ и, посредствомъ Министра Франціи, убъждала Порту согласиться на ея требованія, но не успѣла въ своемъ намѣреніи. Между тѣмъ Франки собрали множество своихъ ревнителей, изъ числа Арабовъ Палестинскихъ, и, въ день вербнаго воскресенія**, возбудили ихъ противъ Христіанъ православныхъ; вооруженные расхитили всѣ украшенія, которыми были на сей праздникъ убраны церкви Греческія. Патріархъ Св. града Парѣній и православные жители Царьграда обратились съ жалобами къ Султану Осману. Порта, которая всегда взидала съ неудовольствіемъ на то, что однажды принуждена была уступить требованіямъ Франковъ и отнять у своихъ подданныхъ древнія права ихъ, на обладаніе Св. мѣсть, благосклонно приняла прошеніе Па-

* 1734 г. ** 1756 г.

тріарха. Она велѣла изслѣдовать, съ большимъ вниманіемъ, всѣ судебные приговоры, по которымъ дѣйствовали враждующія стороны, и нашла, что фирманы, данные православнымъ, были гораздо древнѣе; правительство Турецкое, дѣйствуя по справедливости, новымъ хаттишерифомъ*, возвратило имъ прежнія права ихъ, не отнимая однако у Франковъ соучастія въ богослуженіи. Франки не могли снести равнодушно сего рѣшенія, и множество прошеній противъ православныхъ было ими подано, большею частію въ царствованіе Султана Мустафы, около 1768 года. Открывшаяся война съ Россіею дала поводъ Французамъ, какъ союзникамъ и главнымъ дѣйствующимъ при сей войнѣ, возобновить свои требованія на неограниченное обладаніе Св. мѣстами. Но Патріархъ Іерусалимскій Ефремъ, призванный въ Константинополь, умѣлъ съ такимъ благоразуміемъ представить Портѣ права свои, подкрѣпленные многими фирманами, что Султанъ, не взирая на дружбу съ Франціею, рѣшительно отказалъ союзникамъ.

Стоитъ только остановить вниманіе на бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ Іерусалимскимъ престоломъ, со времени завоеванія Селимова, чтобы подивиться, какими пожертвованіями, могли Патріархи сохранить православную Церковь, въ ея первобытной чистотѣ, и устоять противъ совмѣстничества Франковъ и Армянъ. Грустно подумать, что со всѣхъ сторонъ стекавшіяся подаянія благочести-

* 1757 годъ.

выхъ, большею частію употреблялись, для насыщения мѣстныхъ властей. Сколько разъ Патріархи предпринимали многотрудныя путешествія, чтобы собрать хотя малыя подаянія, коими могли бы противудѣйствовать щедрымъ даяніямъ Франціи, Австріи, Испаніи и Рима; ибо сіи державы ревностно поддерживали Францисканскихъ братьевъ, въ Иерусалимъ и его окрестностяхъ. Въ половинѣ сего столѣтія, по случаю умноженія долга монастырей Латинскихъ, отъ ихъ частыхъ тяжбъ и безпорядковъ внутреннихъ, одинъ Король Испанскій, по ходатайству Прокуратора Св. земли, Рибейра, послалъ въ Иерусалимъ до осмисотъ тысячъ рублей, и такимъ образомъ внезапно облегчилась братія Латинская отъ бремени тяжкаго долга*. Часто, въ продолженіе сей борьбы, Иерусалимскій престолъ впадалъ въ огромные долги, и тогда благоразумное управленіе Патріарховъ, согрѣваемыхъ любовію къ Церкви и ввѣренному стаду, опять поддерживало то, что клонилось къ паденію. Но по особенному промыслу Божию, о Церкви Иерусалимской, рядъ замѣчательныхъ Іерарховъ непрерывно управлялъ ею, и святительство ихъ было продолжительно: таковы были Германъ и Софроній, Теофанъ, Паисій, Нектарій, Досіеѳей и Хрисанеѳъ, поддержавшіе православіе на Востокъ.

Между тѣмъ, съ упадкомъ могущества Оттоманскаго, поколебалось и въ Палестинѣ владычество Порты; опять, какъ во времена Мамелуковъ, Сирія и Египетъ сдѣлались поприщемъ безначалія

* Volney T. II, ch. VI.

мѣстныхъ властителей, только именемъ признававшихъ надъ собою власть Султановъ. Въ началѣ осьмнадцатаго вѣка, одно богатое семейство въ Дамаскѣ, эль-Адмъ, въ теченіе двадцати лѣтъ управляло, въ качествѣ Пашей, всюю областію и Иерусалимомъ, и жители Сиріи наслаждались миромъ; но когда, по проискамъ одного изъ евнуховъ Султанскихъ, послѣдній изъ Пашей сихъ, Азадъ, принужденъ былъ бѣжать къ Бедуинамъ, начались междоусобія. Паша Газы, Гуссейнъ, дѣйствовавшій противъ Азада, временно получилъ въ свое управленіе и Св. градъ; поступивъ же на мѣсто своего соперника, скоро утратилъ оное, ибо не могъ защитить отъ Бедуиновъ каравана богомольцевъ, шедшихъ въ Мекку. Абдалла-Паша, бывший Пашею въ Багдадѣ и потомъ назначенный Портою въ Дамаскѣ, заключилъ миръ съ Азадомъ; но не болѣе двухъ лѣтъ продолжалось его кроткое правленіе, памятное Иерусалиму. Около 1740 года сталъ возвышаться въ Палестинѣ шейхъ Арабскій Дагеръ, который сперва укрѣпился въ Сафатъ, на берегахъ моря Галилейскаго, противъ Пашей Дамаскихъ, а потомъ отнялъ Акру изъ рукъ Паши Саидскаго и, укрѣпивъ ее стѣнами, распространилъ оттолъ владычество свое на всю Палестину. Сосѣдніе шейхи горъ покорились сильному Дагеру, и даже пустынные Бедуины уважали его, какъ по родственнымъ связямъ, такъ и по славу его имени, а жители Палестины отдохнули подъ его отеческимъ правленіемъ, отъ грабительства Бедуиновъ и мѣстныхъ властителей. Сильное племя Мутуалиевъ, у подошвы

горь Ливанскихъ, вступило съ нимъ въ союзъ и оградило его отъ Пашей Саида и Дамаска, которые принуждены были уважить въ немъ совмѣстника своего по управленію Сиріею; наконецъ сама Порта Оттоманская, хотя и съ крайнимъ неудовольствіемъ, признала, въ 1768 году Дагера шейхомъ Акры, Назарета, Тиверіады, Сафата и всей Галилеи, и Эмиромъ надъ всеми эмирами Арабскими; однако не оставляла его въ покоѣ и безпрестанно покушалась на жизнь шейха, чрезъ своихъ тайныхъ посланцевъ, или старалась возбудить семейные раздоры между честолюбивыми дѣтьми его, возставляя ихъ противъ отца. Она назначила Пашею Дамаскимъ хитраго Османа, а двухъ сыновей его Пашами Саида и Триполи, и подчинила ему Іерусалимъ и всю Палестину, чтобы общими силами противудѣйствовали шейху. Османъ началъ притѣснять Дагера, умножая денежныя повинности подвластныхъ ему земель, и вскорѣ вспыхнула между ними настоящая война.

Однажды шейхъ осаждая въ горномъ замкѣ, около Наблуза, двухъ возмутившихся сыновей своихъ, получилъ внезапное извѣстіе о тайномъ противъ него походѣ Османъ Паша. Въ ту же минуту послалъ онъ вѣстника въ замокъ сказать дѣтямъ, что мирится съ ними и, при ночномъ свиданіи, объяснилъ угрожающую всѣмъ опасность. Тогда старшій сынъ его Али вызвался одинъ обрушить всѣ замыслы Паша, и съ пятьюстами всадниковъ, выступивъ ночью изъ замка, напалъ при разсвѣтѣ на спящій станъ Турецкій; все ихъ полчище

обратилось въ бѣгство: богатая добыча досталась въ руки побѣдителей; — война сія, истощившая казну Османа, побудила его къ насильственнымъ мѣрамъ въ предѣлахъ Палестинскихъ, отъ которыхъ возникли возмущенія въ Рамль, Газъ и Яфъ, затушенные въ потокахъ крови. Вся Палестина роптала противъ жестокаго властителя, и воспользовалась сосѣдствомъ могущественнаго Али Бея, чтобы возстать противъ Паша. Сей воинственный вождь Мамелуковъ, пріобрѣтшій мало по малу владычество надъ всемъ Египтомъ, завоевалъ и Мекку, и совершенно отложился отъ подданства Порты. Кровопролитная война Турціи противъ Россіи и появленіе флота нашего въ Средиземномъ морѣ, возвысили его надежды. Онъ заключилъ дружественный союзъ съ шейхомъ Дагеромъ, который также не ожидалъ ничего, кромѣ гибели изъ Царьграда, и оба вооружились противъ Пашей Сирійскихъ.

Отрядъ Мамелуковъ занялъ Газу, Лидду и Рамлу. Османъ поспѣшилъ на помощь Яфъ; но явленіе Дагера заставило его удалиться, и все поморіе Палестины осталось въ рукахъ шейха. Вслѣдъ за тѣмъ многочисленное войско Египтянъ, подъ предводительствомъ зятя Али Бея, Магомета, вступило въ Сирію и, съ помощію Дагера, осадило Дамаскъ; уже городъ былъ взятъ и самый замокъ готовъ сдаться, когда хитрый Османъ Паша, силою денегъ, убѣдилъ невѣрнаго Мамелука потерять весь плодъ своей побѣды, немедленнымъ отступленіемъ. Освобожденный отъ страха Египетскаго, Османъ

хотѣлъ захватить шейха въ стѣнахъ самой Акры; но опять мужественные сыновья его защитили старца. Ночью напали они на полчища Турецкія, совершенно ихъ разсѣяли и, одержавъ кровопролитную побѣду надъ Друзами, овладѣли пашаликомъ Саидскимъ. Смутилась Порты; изнуренная войною противъ Россіи, она предложила шейху миръ на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ и смѣнила Пашей Дамаска, Триполи и Саида; но престарѣлый Дагеръ, превознесенный своими побѣдами, помышлялъ уже о покореніи всей Сиріи, и въ надеждѣ на силы Али Бея, отвергнувъ миръ. Бѣгство сею послѣдняго изъ возмущившагося Египта, обрушило его замыслы; однако старецъ не терялъ духа; гостепріимно встрѣтилъ онъ изгнанника въ Яффѣ, пригласилъ Русскую флотилію, запасавшуюся водою въ Каифѣ, содѣйствовать ему противъ Друзовъ и Турковъ, и одержалъ надъ ними совершенную побѣду у подошвы Ливана. Это было первое появленіе оружія Русскаго на берегахъ Сиріи; весьма необычайна была битва, въ которой толпа Бедуиновъ, Мамелуковъ и Варварійцевъ, сражалась, подъ прикрытіемъ нашихъ судовъ, съ цѣлымъ войскомъ Турецкимъ, подъ начальствомъ семи Пашей*. Дагеръ и Али-Бей, возвратясь въ Акру, принуждены были осаждать возмущившуюся противъ нихъ Яффу; восемь мѣсяцевъ длилась осада и наконецъ сдался городъ; нетерпѣніе Али-Бея, который не хотѣлъ ожидать помощи Русскихъ, чтобы возвратиться въ Египетъ, было причиною его

* 1772 г.

гибели. Онъ умерщвленъ былъ въ пустынь, высланными противъ него Мамелуками; но счастье еще благопріятствовало Дагеру въ Сиріи. Неудовольствія Друзовъ противъ жестокаго Джеззара, назначеннаго начальникомъ въ Бейрутъ, побудили ихъ заключить союзъ съ шейхомъ; еще однажды флотъ Русскій подступилъ, вмѣстѣ съ его войсками, къ Бейруту, и Джеззаръ принужденъ былъ сдаться. Османъ Паша, поставленный опять Пашею въ Сирію, снова обратился въ бѣгство, при одномъ имени воинственнаго старца и его сыновей, но эта побѣда была послѣднимъ торжествомъ девятисто-лѣтняго шейха.

Остальные годы его протекли не въ желанномъ спокойствіи; насильственные мѣры его главнаго казнохранителя, Ибрагима, возбудили общее неудовольствіе жителей. Самъ онъ, потерявъ опору Египта и флота Русскаго, рѣшился покориться Портѣ и уступить ей пашаликъ Саидскій, къ крайнему негодованію сыновей, которые сами жаждали власти и не могли ничего получить при жизни престарѣлаго отца. Всѣ трое его оставили и поселились въ Хевронъ, Наблузъ и у Бедуиновъ, а между тѣмъ Магометъ, Бей Мамелуковъ, заступившій мѣсто Али-Бея, двинулся съ войсками въ Сирію и овладѣлъ Газою, Яффою и Акрою. Дагеръ бѣжалъ въ горы Галилейскія; внезапная смерть Магомета возвратила ему Акру: тогда явился неожиданно Капитанъ-Паша, съ флотомъ Турецкимъ, и открылось все коварство порты, которая искала только уловить шейха, послѣ заключенія мира съ Россіею.

Покаместъ шли совѣщанія, о сдѣчѣ или отраженіи непріятелей, одинъ изъ бывшихъ его военачальниковъ запретилъ войскамъ сражаться противъ Капитанъ-Паши. Дагеръ хотѣлъ еще защищаться, но видя, что всѣми оставленъ, бѣжалъ изъ города и былъ убитъ подъ стѣнами, рукою своихъ. Такъ окончилось владычество его въ Палестинѣ, продолжавшееся около сорока лѣтъ*. Капитанъ-Паша назначилъ Пашею Акры и Саида, жестокаго Джеззара, прозваннаго палачемъ за свое звѣрство, отъ котораго страдала, въ теченіе многихъ лѣтъ, вся Сирія, ибо пашаликъ Дамасскій съ Иерусалимомъ были присоединены къ его владѣніямъ. Ему суждено было состязаться, подъ стѣнами Акры, съ исполиномъ Запада и одержать верхъ.

Въ предпоследній годъ осмнадцатаго столѣтія, Наполеонъ, разбивъ дружины Мамелуковъ, въ виду пирамидъ, и овладѣвъ всѣмъ Египтомъ, предпринялъ завоеваніе Сиріи. Утратою своего флота, соуженнаго Англичанами, отрѣзанный отъ Франціи, великій полководецъ, искалъ себѣ спасенія въ новыхъ подвигахъ, и каждый шагъ его въ пустынь ознаменовалъ былъ славою. Предъ нимъ бѣжали дикіе Бедуины и буйные Мамелуки; Эль-Аришъ, на рубежѣ пустыни, не устоялъ противъ быстрого напора его войскъ; Газа открыла ему врата свои и врата Сиріи; Яффа пала предъ нимъ, послѣ кровопролитнаго приступа, и тѣмъ распространила ужасъ его имени по всей Палестинѣ; пристань Каіафы доставила ему морское сообщеніе съ Егип-

* VII. T. I, ch. 4. 1776 г.

томъ и уже Иерусалимъ ожидалъ, какъ во дни крестовыхъ походовъ, избавителей Франковъ; но они были возбуждены инымъ духомъ, болѣе враждебнымъ, нежели покорнымъ Тому, чей священный гробъ освобождали нѣкогда ихъ предки. Устрашенные Турки начали укрѣплять стѣны Св. града; около вратъ Геосиманскихъ, еще показываютъ слѣды сихъ укрѣпленій. Но Акра, истомившая нѣкогда соединенныя силы Государей Франціи и Англіи, во время третьяго крестоваго похода, хотя и пала тогда предъ ихъ оружіемъ, сокрушила всѣ усилія Наполеона. Флотъ Англинскій подступилъ на помощь Джеззаръ Паши. Напрасно храбрые дружины Французскія, одушевляемыя примѣромъ своего вожда, отражали всѣ вылазки осажденныхъ и ихъ союзниковъ, и сами, съ отчаяннымъ мужествомъ, стремились на укрѣпленныя твердыни Акры. Въ теченіе двухмѣсячной осады, горные замки Сафата и Назарета и приморскій Тира покорились ихъ оружію; у подошвы священной горы Фаворской, славная побѣда, какой давно не изумлялся Востокъ, надъ соединенными полчищами Турковъ и Арабовъ, покрыла безсмертною славою военачальниковъ Клебера и Наполеона; будущій Король Неаполя, Мюратъ, достигъ береговъ Иорданскихъ; но Иерусалимъ не былъ священной цѣлюю завоевателей, а упорная Акра превозмогла всѣ приступы. Ихъ было пять, одинъ ужаснѣе другаго, послѣдній всѣхъ превзошелъ. Начальникъ Англійской эскадры, Сиръ Сидней-Смитъ подалъ руку помощи Джеззару, и Наполеонъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, принужденъ

былъ отступить. Громкимъ манифестомъ объявилъ онъ о томъ своимъ войнамъ, какъ бы возвѣщая имъ какой либо новый подвигъ, воспоминаніемъ одержанныхъ побѣдъ; началось трудное отступленіе въ Египеть, омраченное смертію многихъ чумныхъ, оставленныхъ въ стѣнахъ Яффы. Такъ пронеслась сія трехмѣсячная буря надъ смятенною Палестиною! Знаменитый полководецъ, одержавъ еще одну блистательную побѣду надъ арміею Турецкою, на берегу моря, близъ Абукира, тайно отплылъ въ Европу искать тамъ новыхъ подвиговъ, вѣнца императорскаго и всемірной державы, доколѣ древній Кремль не напомнилъ ему Акры. Въ послѣдствіи, узникомъ на пустынномъ островѣ Св. Елены, не разъ говаривалъ онъ товарищамъ своего заточенія: «если бы я взялъ Акру, я бы совершилъ переворотъ на Востокъ; часто малыя обстоятельства рождаютъ великія событія! — Я бы достигъ Константинополя и тогда бы измѣнилъ лице міра!» Но сей блистательный походъ завоевателя горько отозвался Христіанамъ Іерусалимскимъ; они истощили большія суммы денегъ на укрощеніе раздраженнаго варварства Арабовъ, и особенно Паши Сирійскаго, на выкупъ пленныхъ, въ Акрѣ и Яффѣ, и на обновленіе монастырей, разоренныхъ во время похода.

Посреди сихъ политическихъ бурь, возникли новыя требованія Армянъ. Они успѣли, силою денегъ, склонить на свою сторону Юсуфъ-Пашу, бывшаго начальникомъ арміи Турецкой противъ Французовъ, и домогались получить право священ-

нослуженія, наравнѣ съ православными, въ святой Геосиманіи и Виелеемѣ. Истощенный убытками, понесенными со всѣхъ сторонъ, престолъ Іерусалимскій находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и только съ чрезвычайными усиліями одолѣлъ притязанія Армянъ. Новымъ указомъ, изданнымъ въ 1805 году, все приняло прежній порядокъ. Лишь только успокоилось дѣло съ Армянами, вліяніе Франковъ стало снова угрожать православнымъ. По заключеніи мира Франціи съ Портою, они начали ходатайствовать, о исключительномъ позволеніи перестроить, часовню Св. гроба, нѣкоторыя части храма и святилище Геосиманское, и получили желаемое соизволеніе, измѣнивъ въ просьбѣ своей названія Св. мѣстъ. Но Патріархъ Анѳимъ, не взирая на собственную опасность, осмѣлился обнаружить передъ Портою истину, и тѣмъ заставилъ ее перемѣнить свое рѣшеніе.

Многіе ученые путешественники Западные посѣтили Св. мѣста въ теченіе XVIII столѣтія, и сдѣлали ихъ описаніе; но въ самыхъ послѣднихъ годахъ того вѣка и въ первыхъ нынѣшняго, два благочестивыхъ богомольца, одинъ Русскій, другой Французскій, оставили намъ болѣе отрадное впечатлѣніе своими путевыми записками; онъ тѣмъ примѣчательнѣе, что вскорѣ послѣ сгорѣло святилище Іерусалимское. Первый изъ нихъ Мелетій, іеромонахъ Саровской пустыни, пользуясь покровительствомъ, какое Турки оказывали всѣмъ богомольцамъ Русскимъ, въ силу мирныхъ договоровъ при

Кучукъ-Кайнарджи, странствовалъ въ 1793 году; онъ ограничился однимъ Иерусалимомъ, но за то отчетливо описываетъ каждый шагъ свой, прибѣгая къ мѣстнымъ рукописямъ и преданіямъ. Мелетій обратилъ особенное вниманіе на различныя исповѣданія, раздѣлившія между собою святилище, и на достояніе каждаго, стараясь извѣдать, съ какого времени оными владѣютъ. Изъ его описанія видно, что Франки, которые при Мамелукахъ и со времени завоеванія Турецкаго, до конца XVI. вѣка, принуждены были во всемъ уступать Грекамъ, превознеслись надъ ними послѣ Карловицкаго мира, поддерживаемые послами западныхъ державъ, и старались совершенно отнять у православныхъ обладаніе Св. мѣсть. Повторяя все, что рассказывалъ Патріархъ Досіеѣй, о тѣхъ хитростяхъ, какими Франки достигли обладанія Св. гроба, Мелетій говоритъ, что въ его время, отъ самой часовни и до царской арки, простерта была Латинская сѣнь, дабы тѣмъ ознаменовать, что и самое преддверіе Св. гроба въ ихъ власти; внутри онаго, въ полстѣны отъ самаго помоста, развѣшаны были также ихъ ткани, а на гробъ стояли серебряныя перила и западный образъ воскресенія Христова. Совершая ежедневно тайныя мши свои или литургіи, внутри Св. гроба, они позволяли однако Грекамъ имѣть тамъ свои лампады, даже въ большемъ противъ нихъ количествѣ. Описывая подробно размѣры и украшенія храма Иерусалимскаго, Мелетій свидѣтельствуетъ, что большая часть утвари и иконъ есть даръ нашихъ Царей и Патріарховъ, и что са-

мые Франки дивились красотѣ живописи собственно Русской.

Другой поклонникъ, приплывшій въ 1806 году, Шатобріанъ, краснорѣчивымъ словомъ своимъ, напомнилъ остывшему Западу, о бѣдствіяхъ Св. земли, нѣкогда освобожденной его полчищами. Послѣ столькихъ ученыхъ описаній, утѣшительно для сердца слышать наконецъ голосъ Христіанина и богомольца надъ Св. гробомъ. Онъ засталъ поморіе Сиіи уже подъ болѣе кроткимъ владычествомъ Паши Акрескаго Солимана, который заступилъ мѣсто звѣрскаго Джебара; но Иерусалимъ страдалъ, отъ притѣсненій жестокаго Паши Дамаскаго Абдаллы. Станъ его раскинутъ былъ подъ стѣнами Св. града, ибо онъ по обычаю совершалъ ежегодно путешествіе по своей области, чтобы собирать подати и грабить обители Христіанскія: самъ поклонникъ западный долженъ былъ, именемъ своимъ, защитить братіи монастыря Латинскаго отъ немощности требованій Паши. Послѣдній изъ богомольцевъ, видѣлъ онъ храмъ Св. гробв, въ его древнемъ величій; два года спустя, ужасное для всѣхъ Христіанъ бѣдствіе постигло Иерусалимъ: великолѣпное святилище сгорѣло со всеми сокровищами, какими украсило его благочестіе Христіанъ, всѣхъ исповѣданій, въ теченіе осьми вѣковъ; ибо послѣ разоренія его Халифомъ Египетскимъ Хакимомъ въ 1009 году, оно уже не подвергалось никакому опустошенію.

XLIV.

ПОЖАРЪ и ОБНОВЛЕНІЕ ХРАМА.

Патріархи Поликарпъ и Аонасій.

Греки обвиняютъ Армянь въ поджигательствѣ храма, потому что пожаръ сей начался на хорахъ въ ихъ придѣлѣ, когда праздновали они память Св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, и полагаютъ, что они отважились на такое преступленіе, для того, чтобы присвоить себѣ совершенно святилище, выстроивъ оное на свой счетъ. Армяне же слагаютъ всю вину на двухъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые были заключены для эпитиміи въ храмъ и подожгли его, изъ личной вражды къ своему духовному начальству. Но хотя и жестоко обвинять цѣлый народъ въ такомъ святотатствѣ, безъ ясныхъ доказательствъ, нельзя однако не замѣтить, что многое говоритъ противъ нихъ. Они пользовались тогда покровительствомъ Мустафы Паши

Байрактара, который низложилъ съ престола слабаго Султана Мустафу, любимца янычарь, и поставивъ на его мѣсто Махмуда, самъ возгосподствовалъ надъ имперіею въ санѣ великаго Визиря. Чрезъ посредство одного изъ своихъ согражданъ, бывшаго при немъ банкиромъ, Армяне домогались полного обладанія Св. мѣстами; но недавній правитель не смѣлъ прямо нарушить древнихъ фирмановъ, въ пользу православныхъ, и, какъ предполагаютъ Греки, внушилъ имъ то преступное средство, отъ котораго они отрекаются. Странно однако, что имѣя большой монастырь въ Св. градѣ, со всѣми удобствами помѣщенія, рѣшились заключить въ святилище людей подозрительнаго поведенія, и во всякомъ случаѣ ненадежныхъ, отъ какой бы причины ни загорѣлся храмъ. Одинъ изъ нихъ найденъ былъ въ послѣдствіи подъ развалинами, со слиткомъ растопившагося золота въ рукахъ.

Огонь показался сперва на престолѣ Армянской церкви; православные иноки, жившіе въ храмѣ, замѣтивъ пламя, хотѣли тотчасъ подать помощь, но Армяне заперли входъ на свои хоры, увѣряя, что сами въ состояніи потушить незначительный пожаръ. Когда пламя, распространяясь болѣе и болѣе, охватило всѣ ихъ келліи, они сами ударили въ било, чтобы просить помощи; но уже было поздно. Вся старшая братія и члены Синода Иерусалимскаго находились тогда въ близъ лежащей церкви Константина и Елены, гдѣ читали вечернее правило; услышавъ звонъ и увидѣвъ пламя, сквозь верхнія окна, они схватили какія только нашли со-

суды и стали лить воду, со стороны колокольни, въ верхнія окны храма и на большой свинцовый куполь; но такъ какъ святилище было заперто, не могли ничего сдѣлать на такомъ разстояніи. Покамѣсть собирали Турецкихъ стражей Св. вратъ, разсыянныхъ по всему городу, для ихъ открытія, протекло болѣе часа; уже пламя охватило куполы и все святилище обратилось въ одну пылающую печь, гдѣ невозможно было ничего спасти, такъ что, въ теченіе трехъ часовъ, отъ великолѣпнаго зданія осталось одно страшное пепелище. Всю ночь оно пылало и на разсвѣтъ погасло, потому что не было болѣе пищи для огня. Изъ всѣхъ драгоценностей спаслась одна только третья часть утвари и сосудовъ, которые находились въ ризницѣ на хорахъ; прочее же все погибло, и невозможно оцѣнить всей необъятной утраты.

Когда прекратился пожаръ, начальствующіе въ Св. градѣ и старшины Турецкіе, собравшись единодушно, разбили для себя четыре шатра предъ Св. вратами, и въ теченіе трехъ дней, до субботы 3 Октября, наблюдали, чтобы не случилась какая либо покража; между тѣмъ православные, равно какъ и Франки и Армяне, выносили груды камней и земли съ своихъ участковъ, для обозначенія собственности каждаго исповѣданія внутри храма, а Св. врата закладены были камнями и оставлена сквозь нихъ только малая дверь изъ досокъ. Отцы Иерусалимскіе, доведенные до отчаянія столь ужаснымъ событіемъ, успѣли отправить горькую

вѣсть о томъ Патріарху Анеиму; но Господь призрѣлъ его послѣднія минуты, и блаженный старецъ отошелъ, до полученія вѣсти, въ иную лучшую жизнь.

Общее уныніе овладѣло всеми православными въ Царьградѣ, когда услышали о пожарѣ Иерусалимскомъ. Но провидѣніе Божіе не оставило братій Св. града въ столь бѣдственную для нихъ годину; въ то самое время, когда горѣлъ храмъ Св. гроба, погибъ и жестокій Байрактаръ-Паша, въ пламени собственнаго дома, зазженнаго толпою возмущившихся Янычаръ. Братія Иерусалимская, при содѣйствіи Патріарха Цареградскаго, могла свободно соединиться на своемъ подворьи, для избранія себѣ Архипастыря, и единодушно былъ избранъ Поликарпъ, Митрополитъ Виолеемскій мужъ испытанной добродѣтели, много потрудившійся для пользы Св. гроба, какъ знаменуетъ самое его имя. Патріархъ Константинопольскій Каллиникъ, по жалостному воплю новаго Святителя Иерусалимскаго Поликарпа, возвалъ о помощи ко всемъ православнымъ Христіанамъ Востока; такъ описывалъ онъ бѣдственное происшествіе, въ окружной своей граматѣ:

«30. минувшаго Сентября, 1808 года, въ среду, въ девятомъ часу ночи, предъ разсвѣтомъ, внезапно и неожиданно случился величайшій пожаръ, внутри храма святаго живоноснаго гроба, и сгорѣло все сіе, достойное удивленія, царственное святилище, равно какъ и высокій, свинцомъ покрытый куполь, и малый бывшій надъ самою часовнею

Св. гроба; верхнія галлерей оглашенныхъ, бывшія около него, подъ большимъ куполомъ, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны Франковъ и Армянъ, обрушились совсѣмъ, поелику сгорѣли тѣ знаменитые мраморные столпы, на которые опирались сіи галлерей. Сгорѣли также и оба казнохранилища, малое и большое, и всѣ келліи и всѣ святыя иконы, и крестъ, воздвигнутый на святой Голгоѣ, Св. престолъ, и жертвенникъ, и Патріаршія каѳедры горняго мѣста, и Св. мощи; когда же растопились мраморныя колонны, на коихъ лежали своды, обрушились и самые своды надъ алтаремъ. Жертвою пламени сдѣлался соборный иконостасъ и всѣ придѣльные, со всѣми ихъ иконами, и двѣ каѳедры, Патріаршая и Архіерейская, посрединѣ собора; отъ чрезвычайнаго огня растаяли, какъ восковыя свѣчи, лампы и паникадилы и прочая церковная утварь; такъ исчезла вся великолѣпная ризница и дары столькихъ благочестивыхъ Государей, хранившіеся внутри храма; сгорѣли и Св. врата, и куполъ надъ соборомъ разсѣлся на двое; только подземная церковь, обрѣтенія креста, главныя связи, священная часовня гроба, и самая дверь ея не повредились; прочее же все, какъ мы уже сказали, сгорѣло и исчезло, и никакой пользы не могли принести всѣ подвиги преподобныхъ иноковъ, устремившихся на помощь. Они не имѣли времени, хотя сколько нибудь, угасить пламя, отъ чрезвычайной силы онаго и дыма; столь ужасенъ и внезапенъ былъ пожаръ сей, обратившій въ пустыню великолѣпное оное святы-

лище, которое уже нынѣ нельзя и узнать посреди его пепелища.

«Мы же, получивъ горестное извѣстіе о семъ несчастномъ событіи, чрезъ грамоты и людей, посланныхъ изъ Іерусалима, въ царствующій градъ, къ возлюбленному сослужителю и брату нашему блаженнѣйшему Поликарпу, Св. града Іерусалима и всея Палестины, пролили горькія слезы, вмѣстѣ съ соборомъ подвластныхъ намъ Архіереевъ, о новомъ бѣдствіи насъ постигшемъ. Но имѣя упованіе на всеблагій Промыслъ погребеннаго въ томъ всесвятомъ гробѣ и воскресшаго изъ него Господа Іисуса Христа, положили единодушно воззвать общимъ гласомъ, о помощи, для обновленія божественнаго храма, въ полной надеждѣ, что благостию Божіею, все горькое обратится въ сладкое, и что ревность благочестивыхъ Христіанъ не потерпѣть, дабы толикая святыня оставалась въ запустѣннѣи и родъ нашъ лишился бы столь душеспасительнаго поклоненія. Посему, собравъ въ Константинополь всѣхъ сущихъ съ нами братій нашихъ Архіереевъ, въ присутствіи блаженнѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго и ревностныхъ именитыхъ вельможъ нашего народа, мы изложили имъ, о необходимости скорого вспомошествованія, для возсозданія всесвятаго храма гроба Господня, и уже испросили, чрезъ посредство всѣми нами подписаннаго прошенія къ высокой Портѣ, царственный хаттишерифъ, на свободное обновленіе сгорѣвшаго святилища. Участвуя сами, съ душевною радостію, въ столь священномъ дѣлѣ, соб-

ственными средствами, уповаемъ, что и другіе послѣдуютъ ревностно сему благому примѣру.»

Главнымъ надзирателемъ работъ, при строеніи храма Иерусалимскаго, назначенъ былъ отъ правительства Абдурахманъ-бей, человекъ знатный и благонамѣренный, хорошо расположенный къ Христіанамъ; Патріархъ Поликарпъ послалъ въ Иерусалимъ и опытнаго зодчаго, Комнина, уроженца Митиленскаго, который пользовался вниманіемъ правительства за прежнія свои заслуги. Онъ взялъ съ собою необходимые на первый случай матеріалы и мастеровъ, и отплылъ изъ Константинополя, въ началъ Мая 1809 года; прочіе же матеріалы, какъ то мраморъ, олово, желѣзо, известь и лѣсъ, отправляемы были въ послѣдствіи постепенно изъ столицы, и даже лѣсъ заимствованъ былъ изъ Италіи. Но едва только показался въ Иерусалимъ исполнитель воли Султанской, для обновленія храма, какъ уже начались козни Франковъ и Армянъ, для похищенія у Грековъ права на исключительное возсозданіе святилища. Первые надѣялись на покровительство Западныхъ державъ; вторые на собственныя богатства и вліяніе при дворѣ сановниковъ Порты, и дѣйствовали общими силами противъ православныхъ.

Ненасытная алчность мѣстныхъ властей находила выгоднымъ для себя сопротивленіе иновѣрцевъ, и потому вымышляла различные предлоги для неисполненія Султанскаго фирмана; наконецъ, послѣ многихъ пожертвованій со стороны духовныхъ властей Иерусалимскихъ, позволили приступить къ дѣ-

лу, и 19. Іюля 1809 года обновлены одни Св. врата; но тутъ опять остановились работы. Иновѣрцы, возбудивъ Магометанскую чернь, требовали, чрезъ ея посредство, прекратить строеніе доколь не докажутъ они свои права предъ Портою. Назначенъ былъ двухмѣсячный срокъ для судопроизводства, во время коего Армяне Иерусалимскіе убѣдили своихъ единовѣрцевъ, въ Царьградъ, обвинить Грековъ, въ неправильномъ присвоеніи права на строеніе храма. Начался судъ; знатнѣйшіе сановники Порты, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ собирались у Шейхъ-Ислама, блюстителя правосудія, и сличивъ древніе султанскіе фирманы, данныя Грекамъ, съ граматами, какія представляли Армяне, вынуждены были, ясными доводами, признать справедливость на сторонѣ Грековъ и подтвердить, новымъ хаттишерифомъ Султана Махмуда, всѣ прежніе; но не смотря на правду свою, дорого стоила православнымъ сія продолжительная тяжба.

Между тѣмъ, когда миновался двухмѣсячный срокъ, отцы Иерусалимскіе, не получая новаго повелѣнія, многими дарами убѣдили мѣстныя власти дозволить имъ продолжать работы, съ тѣмъ однако, чтобы священная часовня гроба, большой куполь надъ нею и отдѣленія Франковъ и Армянъ, остались неприкосновенными до новаго фирмана. На такихъ условіяхъ продолжалось строеніе храма до Декабря мѣсяца. Тогда Армяне, получивъ извѣстіе изъ Царьграда, что уже изданъ новый фирманъ, разрушавшій всѣ ихъ надежды, возбудили опять народъ. 17. Декабря, яростная толпа воо-

руженныхъ Арабовъ напала на храмъ и на патриархію, ранила многихъ работниковъ, убила одного изъ нихъ, и сокрушивъ мраморъ и отчасти то, что было выстроено, съ дикими воплями требовала выдачи архитектора и писмоводителя патриаршаго, чтобы смертію ихъ прекратить работы. Отцы Іерусалимскіе успѣли спасти ихъ въ подземельяхъ; но буйная чернь свирѣпствовала цѣлый мѣсяцъ на улицахъ Св. града, распространяя ужасъ, грабежемъ и насиліями, на всѣхъ жителей. Не ранѣе 9. Января 1810 года прибылъ изъ Царьграда посланный, съ новымъ фирманомъ Султанскимъ, въ пользу православныхъ, и тогда только власти духовныя могли опять, силою денегъ, убѣдить правителей Турецкихъ усмирить мятежниковъ. Начальникъ области, собравъ до тысячи вооруженныхъ, разогналъ толпу грабителей, наказалъ главныхъ преступниковъ, и порядокъ возстановился.

Православные могли опять приступить къ работамъ, и съ тѣхъ поръ она уже продолжалась безпрепятственно до успѣшнаго ея окончанія 11. Сентября того же года. Наканунъ праздника воздвиженія честнаго креста, въ день, посвященный Церковію памяти перваго обновленія храма Іерусалимскаго, при равноапостольномъ Царѣ Константинѣ, соборъ Епископовъ Св. града имѣлъ утѣшеніе освятить и новое святилище, воздвигнутое изъ развалинъ, усердіемъ православныхъ, и подвигомъ сей поистиннѣ свыше всѣхъ похвалъ; ибо Патриархъ Іерусалимскій, при убогихъ средствахъ того времени, только съ необычайными усиліями могъ обновить

сіе царственное святилище. Три дня спустя послѣ его освященія, всѣ власти духовныя и свѣтскія Іерусалима, пришли освидѣтельствовать храмъ и нашли оный, хотя и не въ прежнемъ великолѣпнн, но по крайней мѣрѣ совершенно въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ до пожара.

Не смотря на чрезвычайную дороговизну матеріаловъ, для строенія и производства самыхъ работъ, издержки сіи составили только третью часть тѣхъ расходовъ, какіе должно было употребить на удовлетвореніе мѣстныхъ властей и для судопроизводства. Въ Константинополѣ издержано было по сему предмету девяносто тысячъ червонныхъ, а въ Іерусалимѣ, вмѣстѣ съ расходами по строенію, до двухъ сотъ шестидесяти пяти тысячъ червонцевъ; такимъ образомъ болѣе четырехъ милліоновъ рублей стоило престолу Іерусалимскому обновленіе храма, и оно повергло его въ тяжкіе долги, но сохранило однако православнымъ обладаніе древнею святынею, которую получили въ наслѣдіе отъ своихъ предковъ.

Армяне не остались спокойными зрителями торжества православныхъ. Въ томъ же году, еще во время строенія храма, начали они опять домогаться въ Царьградѣ участія въ его обновленіи, и тяжба сія продолжалась съ 7. Апрѣля 1810 до 25. Февраля 1811 года; но сужденія сановниковъ Порты благопріятствовали православнымъ, ибо нельзя было опровергнуть древнія права ихъ, засвидѣствованныя столькими фирманами. Они воспользовались однако обстоятельствами, для нихъ благо-

пріятными, въ концѣ того же года, когда Порта была раздражена противъ Грековъ, чтобы испросить себѣ новыя права, какихъ не имѣли прежде: получили участіе въ священнослуженіи, въ пещерахъ Геосиманской и Виолеемской и приобрѣли сѣверное крыло Виолеемскаго храма. Въ то же время, Патріархъ Поликарпъ огорченъ былъ и притязаніями Франковъ, которые одолѣвъ беззащитнаго, испросили себѣ у Порты исключительное обладаніе часовнею Св. гроба, и 27. Мая 1811 года, не только воспретили служеніе литургіи внутри Св. гроба православнымъ; но даже вынесли оттолъ все ихъ иконы и украшенія. Не ранѣе 1818 года, Святитель Іерусалимскій получилъ опять древнее право священнослуженія въ Св. гробѣ, и оно было подтверждено, со всеми прежними правами православныхъ, въ 1820 году, новымъ хаттишерифомъ Султанскимъ.

Непосредственно послѣ сей эпохи, востаніе Грековъ довершило страданія Іерусалимскаго престола: нельзя пересказать всего, что претерпѣло духовенство отъ мѣстныхъ властей, а Патріархъ Поликарпъ въ Константинополь, за искупленіе своей жизни. Съ 1821 по 1827 годъ всякая помощь православныхъ прекратилась, вмѣстѣ съ поклонниками, и Іерусалимскій престолъ принужденъ былъ занимать деньги, за неслыханные проценты, чтобы удовлетворять необходимымъ своимъ потребностямъ; это было причиною непомернаго увеличенія долговъ, которые возрасли до шести милліоновъ рублей.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, послѣ смерти блаженнаго Поликарпа, засталъ дѣла патріархія добродѣтельный старецъ Аванасій, избранный прямо изъ Архимандритовъ, на кафедру Іерусалимскую въ 1827 году, когда немногіе рѣшались на столь трудный подвигъ. Хотя предстояло ему испить чашу горести, однако съ помощію Божіею, мудрымъ распоряженіемъ, успѣлъ онъ постепенно разсѣять массу накопившихся долговъ и обезпечить собственность Св. гроба. Подъ его пастырскою сѣнію, Іерусалимскій престолъ и братія Св. града начали вкушать отраду, послѣ столькихъ смятеній внутреннихъ и вѣншихъ, и доселѣ продолжается мирное его святительство, ко благу ввѣренной ему отъ Господа паствы, на священной кафедрѣ Іакова брата Божія.

Конецъ второй части.

КАТАЛОГЪ ВСѢХЪ ПАТРИАРХОВЪ

ІЕРУСАЛИМА.

по Р. X.

- 1 Іаковъ, братъ Божій по плоти, первый
Іерархъ Іерусалимскій 33
- 2 Симеонъ, братъ Клеопы 70
- 3 Іустъ 110
- 4 Закхей, не старѣйшина мытарей, но дру-
гой ему соимянный.
- 5 Товія.
- 6 Веніаминъ.
- 7 Іоаннъ.
- 8 Матѣй.
- 9 Веніаминъ II, по Баронію, а по Никифору
Филиппъ.
- 10 Сенека.
- 11 Іустъ II.
- 12 Левій.
- 13 Ефремъ.
- 14 Іосифъ или Іессей.
- 15 Іуда.

Всѣ вышеозначенные Патриархи были, по
происхожденію, Іудеи.

16	Маркъ, первый изъ числа необрѣзанныхъ.	134
17	Кассіанъ.	
18	Публій.	
19	Максимъ.	
20	Іуліанъ, по Евсевію, а по другимъ историкамъ Юлій.	
21	Гайй.	
22	Симмахъ.	
23	Каій.	
24	Іуліанъ II.	
25	Капитонъ.	
26	Илія.	
27	Максимъ II.	
28	Антоній.	
29	Валентъ.	
30	Домитіанъ.	
31	Наркиссъ	197
32	Дій или Елій.	
33	Германъ.	
34	Гордій.	
35	Александръ	212
36	Марзаванъ.	
37	Именей.	
38	Замва или Замвда.	
39	Ермонъ	298
	До сего времени царствовали Еллинскіе Цари и Церковь Христова была отъ нихъ гонима: со времени же правленія Христіанскихъ Царей, начинается слѣдующій рядъ Патріарховъ :	
40	Макарій, присутствовавшій на первомъ вселенскомъ Соборѣ въ Никей	310

41	Максимъ III.	333
42	Св. Кириллъ, двукратно, послѣ нижеслѣдующихъ трехъ Патріарховъ, присутствовавшій на второмъ Вселенскомъ Соборѣ, въ Константинополѣ	351
43	Ерений или Ириней.	
44	Ираклій или Евтихій.	
45	Иларій.	
	Трехъ вышепомянутыхъ Патріарховъ : Ерения, Ираклія и Иларія, историки и Св. Церковь исключаютъ изъ каталога Іерусалимскихъ Патріарховъ, какъ отступниковъ, а также и Θεодосія, овладѣвшаго престоломъ при Патріархѣ Ювеналіѣ.	
46	Іоаннъ II.	386
47	Праилій	417
48	Ювеналій, присутствовавшій на соборахъ : Ефесскомъ и Халкидонскомъ	430
49	Θеодосій, монофизитъ, который Ювеналій свергнулъ съ престола.	
50	Анастасій	458
51	Геронтій, монофизитъ, который свергнулъ Анастасія съ престола; и сего также исключаютъ изъ каталога Іерусалимскихъ Патріарховъ.	
52	Мартирій	479
53	Саллустій	490
54	Илія II. Аравитянинъ, сверженный Царемъ Анастасіемъ	496
55	Іоаннъ III.	517
56	Петръ, въ царствованіе Іустиніана	526

57	Макарій II, сверженный.	
58	Евстохій	553
	По сверженіи Евстохія, возведенъ на престолъ сверженный Макарій	562
59	Іоаннъ IV.	
60	Амосъ.	
61	Исаакій или Исихія.	
62	Захарія. По плѣненіи Іерусалима и онъ, между плѣнными, отведенъ былъ въ Персію	610
63	Модестъ	628
64	Софроній По смерти его Іерусалимскій престолъ не имѣлъ Патріарха двадцать девять лѣтъ.	629
65	Георгій, по лѣтописи Евтихія.	
66	Ѳеодоръ, присутствовавшій на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ	664
67	Анастасій II, присутствовавшій на Константинопольскомъ Соборѣ, собранномъ въ Трулѣ	692
68	Іоаннъ V,	705
69	Георгій II, по Евтихію.	
70	Ѳеодоръ II, по шестомъ Соборѣ и до сегомаго, занимавшій престолъ Патріаршій	730
71	Илія III, присутствовавшій на седьмомъ Соборѣ	765
72	Ѳома	800
73	Василій, ученикъ Ѳомы	819
74	Іоаннъ VI,	839
75	Сергій, сынъ Мансура	842
76	Соломонъ	858
77	Ѳеодоръ III, или Ѳеодосій	862

78	Илія IV, братъ вышепомянутаго Сергія, жившій во времена Царя Василія Македонскаго	879
79	Сергій II, сынъ Тангіана	910
80	Левъ	915
81	Аѳанасій	931
82	Николай.	
83	Христуль, происхожденіемъ изъ города Аскалона.	
84	Іоаннъ VII, сожженный съ храмомъ Св. Гроба	968
85	Агаѳонъ или Агапій.	
86	Христуль II,	982
87	Ѳома II, врачъ и философъ	990
88	Іосифъ II, врачъ и философъ	1000
89	Ѳеофилъ	1003
90	Никифоръ	1022
91	Орестъ, жившій въ царствованіе Романа, когда возобновленъ былъ храмъ	1027
92	Мина	1044
93	Софроній II,	1045
94	Маркъ II,	1065
95	Симеонъ II, писавшій противъ опрѣснокъ	1080
96	Евѳимій, жившій во времена Алексія Комнина	1101
97	Агапій.	
98	Савва, жившій во времена Алексія Комнина.	
99	Евхерій.	
100	Іаковъ II.	
101	Арсеній	1145

по Р. X.

102	Іоаннъ VIII, жившій во времена Мануила Комнина.	1156
103	Никифоръ II, жившій при томъ же Царѣ .	1156
104	Досиоей, переведенный на престолъ Константинопольскій, при Исаакѣ Ангелѣ .	1188
105	Аѳанасій II,	1213
106	Леонтій	1229
107	Григорій, жившій во времена Михаила Палеолога	1250
108	Лазарь, жившій въ царствованіе Андроника; сверженный съ престола Герасимомъ, а при Іоаннѣ Кантакузинѣ, снова возведенный	1346
109	Герасимъ, незаконный, свергнувшій Лазаря съ престола, какъ упомянуто выше.	
110	Софроній III.	
111	Дороей.	
112	Феофилъ II, сынъ Дороея.	
113	Феофанъ	1430
114	Іоакимъ, жившій во время Флорентійскаго Собора	1443
115	Григорій II,	1458
116	Дороей II,	1491
117	Германъ II,	1534
118	Софроній IV,	1579
119	Феофанъ II,	1608
120	Папсій	1645
121	Нектарій	1660
122	Досиоей II, который написалъ исторію Іерусалимскихъ Патріарховъ	1669
123	Хрисанъ, племянникъ вышепомянутаго Досиоея	1707

по Р. X.

124	Мелетій	1731
125	Пареній	1737
126	Ефремъ II,	1766
127	Софроній V,	1771
128	Аврамій	1775
129	Прокопій	1787
130	Анѳимъ	1788
131	Поликарпъ	1808
132	Аѳанасій III, доньцѣ	1827

Примѣчаніе. — Годы нѣкоторыхъ Патріарховъ не выставлены, потому что не опредѣлены въ лѣтописяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Глава XXIII.	Первый крестовый поход . . . 1
— XXIV.	Завоеваніе Іерусалима Крестоносцами 18
— XXV.	Королевство Іерусалимское Франковъ 42
— XXVI.	Второй крестовый походъ . . . 79
— XXVII.	Упадокъ королевства 91
— XXVIII.	Взятіе Іерусалима Саладиномъ . 110
— XXIX.	Третій крестовый походъ . . . 127
— XXX.	Четвертый и пятый крестовые походы 151
— XXXI.	Шестой крестовый походъ . . . 164
— XXXII.	Сельмой крестовый походъ . . . 179
— XXXIII.	Осьмой походъ. Нашествіе орды Ховарезміевъ 193
— XXXIV.	Девятый крестовый походъ . . 205
— XXXV.	Нашествіе Монголовъ; десятый походъ 218

	Стран.
Глава XXXVI. Владычество Султановъ Мамелукскихъ	235
— XXXVII. Нашествіе Тамерлана, покореніе Іерусалима Селимомъ	249
— XXXVIII. Владычество Султановъ Оттоманскихъ	267
— XXXIX. Патриаршество Теофана	283
— XL. Патриаршество Паисія	299
— XLI. Патриаршество Нектарія	318
— XLII. Патриаршество Досифея	328
— XLIII. Осьмнадцатое столѣтіе	347
— XLIV. Пожаръ и обновленіе храма	366

1747	1748	1749	1750	1751	1752	1753	1754	1755	1756	1757	1758	1759	1760	1761	1762	1763	1764	1765	1766	1767	1768	1769	1770	1771	1772	1773	1774	1775	1776	1777	1778	1779	1780	1781	1782	1783	1784	1785	1786	1787	1788	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800
------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------